

Вологодский государственный
педагогический университет

ПУГАЧ

Иван Васильевич

**Устюжна Железопольская и уезд
в XVI - первой половине XVII в.:
территория, население, хозяйство.**

Специальность - 07. 00. 02 -
отечественная история

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научные руководители -
доктор исторических наук,
профессор П. А. Колесников;
кандидат исторических наук,
доцент Ю. С. Васильев

Вологда - 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Раздел I. Территория и население

Глава 1. Устюжно-Железопольский уезд

- § 1. Образование уезда (к постановке вопроса)
- § 2. Формирование территории
- § 3. Сельское расселение и население

Глава 2. Устюжна Железопольская

- § 1. Топография города
- § 2. Городское население

Раздел II. Социально-экономическое развитие

Глава 3. Феодалное землевладение

- § 1. Становление и структура
  - а) поместное землевладение
  - б) вотчинное землевладение

- § 2. Состав устюженского дворянства
- § 3. Посадское землевладение

Глава 4. Власть и город: социально-экономические отношения

- § 1. Уровень экономического развития
- § 2. Государственные заказы
- § 3. Податная политика
- § 4. Борьба с беломестцами и закладчиками

Заключение

Приложения:

Литература

Раздел I. Территория и население.

Глава 1. Устюжно-Железопольский уезд.

§ 1. Образование уезда (к постановке вопроса).

Объединение древнерусских земель в единое государство изменило, а со временем и унифицировало административно-территориальное устройство страны. Со второй половины XVI в. основной административно-территориальной единицей становится уезд.

О происхождении уезда в отечественной историографии существуют различные мнения. С. М. Соловьев под уездом понимал совокупность мест или земель - волостей, вокруг города, иногда села. «Земельные участки, принадлежавшие городу, назывались его волостями, а совокупность всех этих участков называлась уездом. Такое же название могла носить и совокупность мест или земель принадлежащих известному селу. В правительственном отношении уезд разделялся на волости, волости на станы, станы на околицы.»¹

Б. Н. Чичерин связывал происхождение уезда, прежде всего, со старыми судебными округами - «не одни поземельные владения определили уездное разделение», большей частью оно возникло «из прежних судебных отношений, вследствие чего уезд назывался иногда присудом»².

По мнению В. О. Ключевского, уезд это «административно-судебный округ, тянувший к известному административному центру», «округ, в пределах которого ездил администратор для получения корма», а позже, в XVI - XVII вв., - "административный округ города"³. Это мнение поддержал М. Н. Тихомиров, говоря, что термин «уезд» встречается с XII в. именно как податной округ, который князь объезжал для сбора дани⁴.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. Т. 4. С. 520, 521.

² Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 59.

³ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. VI. С. 99, 100.

⁴ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 27-28.

Я. Е. Водарский высказал мнение близкое к точке зрения С .М. Соловьева. Уезд - это административный округ, который объединяет населенные пункты, «тянущие» к известному центру, городу или селу ⁵.

Во многом, разные взгляды на происхождение уезда связаны с тем, что до настоящего времени история формирования уездов Русского государства XV - XVII вв. изучена крайне недостаточно. В целом не прослежен процесс становления поуездного деления страны, возникновения структурных единиц каждого уезда - станов и волостей ⁶. Во многом не решен вопрос о внутренних границах уездов и их частей ⁷.

Лучше изучены данные вопросы на уровне отдельных регионов. На материале писцовых и переписных книг первой половины XVII в. Ю .В. Готье показал структуру, становой и волостной состав уездов Русского государства в пределах «Замосковского края». При всей ценности работы Ю .В. Готье в ней даны лишь примерные представления о границах уездов, станов и волостей, не затрагивает вопрос об истории их формирования, хотя в отдельных случаях автор и указывает дату первого упоминания того или иного стана в источнике ⁸.

М. К. Любавский, изучая становление государственной территории великорусской народности, приводит многочисленные сведения о ранних упоминаниях в источниках волостей и населенных пунктов Северо-Восточной Руси XIV - XVI вв., но не рассматривает процесс складывания уездов и их административно-территориальных подразделений - станов и волостей ⁹.

Достаточно хорошо изучено районирование, уездное деление и волостной состав уездов Поморья XVI - XVII вв. в работах М. М. Богословского, Ю. С. Васильева, П. А. Колесникова ¹⁰.

---

⁵ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века. М., 1977. С. 144.

⁶ С. М. Каштанов считает, что она практически не изучена. См. Каштанов С. М. Формирование Ростовского уезда в XV - XVI вв. // История и культура Ростовской земли. 1995. Ярославль, 1996. С. 8-16. Только в работе Я. Е. Водарского дано административно-территориальное деление России конца XVII в., состав и схемы уездов с примерными границами станов и волостей. См. Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 233-263.

⁷ Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 138 - 141.

⁸ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. Изд. 2. С. 371-407.

⁹ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

¹⁰ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 9-47; Колесников П. А. Северная деревня в XV - первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 48 - 72; Васильев Ю. С.

История становления и развития Устюженского уезда в XV - XVII вв., формирование его территории, административно-территориальное устройство, также нашли отражение в литературе

Впервые, в начале XX века, к этому вопросу обратился Ю. В. Готье. Рассматривая административно-территориальное деление Замосковного края, автор пришел к выводу о том, что «Устюжна Жепезопольская ... составляла московское владение, тянувшее к городу Угличу и его уезду ... Отдаленность от Углича этой части уезда, ... и наличие особого центра, который мог сделаться главным городом уезда и были, вероятно, причиной обособления северных станов и волостей уезда ... Окончательное выделение этих станов в самостоятельную административную единицу последовало в 1685 г.»¹¹. В приложении к монографии «Замосковный край» - «Материалы по исторической географии Московской Руси», Ю. В. Готье дает краткий очерк истории Устюженского уезда, его административное деление и примерное географическое положение станов и волостей относительно речной системы и уездного центра¹².

Однако в работе встречаются и явные противоречия. Характеризуя положение уездов Замосковного края в 20-е годы XVII в., Ю. В. Готье пишет: «в третью группу ... входят некоторые центральные уезды ... и, наконец, небольшой уезд Устюжны Жепезопольской, затерявшийся близ границ Новгородского и Северного краев». Кроме этого, в ряде таблиц вводится графа «Устюженский уезд», в которых приведены итоги описания Устюженского края 1628-1630 гг. В другом месте читаем: «с тех пор (с начала XIV в. и до 1685 г.) с некоторыми может быть перерывами, Угличский уезд состоял из двух не связанных одна с другой частей, тянущих к Угличу и Устюжне»¹³.

Более подробно и детально рассмотрен процесс образования Устюженского уезда в работах П. А. Колесникова¹⁴. В специальной статье «Устюженский уезд в

Аграрные отношения в Поморье в XVI - XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 22 - 31; Он же. Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

¹¹ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 105, 106.

¹² Там же. С. 404, 405.

¹³ Там же. С. 130, 404.

¹⁴ Колесников П. А. Устюжна (очерки истории города и района). Архангельск, 1979. С. 11-13; Он же. Устюжно-Железопольский уезд в XVII в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. С. 183; Он же. Дворянство Устюженского уезда XVII - начала XX веков // Устюжна - II. Вологда, 1993. С. 44, 45 и др..

XVII в.» П. А. Колесников также как и Ю. В. Готье, пришел к выводу о том, что Устюжна и Устюженский край вплоть до 1685 г., хотя и формально, но входил в состав Угличского удела, а затем и уезда. Рассматривая процесс формирования уезда, П. А. Колесников выделяет ряд этапов:

I. XIII в. - 1563 г. - время, когда Устюжна и Устюженский край составляли часть Угличского удела.

II. 1563 г. - 1685 г. - фактическое обособление станов и волостей Устюжны Железопольской в границах Угличского уезда.

III. 1685 г. - 1780 г. - юридическое оформление и окончательное формирование территории Устюженского уезда.

В приложении к статье П. А. Колесников опубликовал список населенных пунктов Устюженского края на 1628-1630 гг.¹⁵.

Исследователи, занимающиеся проблемами социально-экономического развития Московской Руси, вопросами эволюции русского феодального города или развития металлургического производства в XVI - XVII вв., обращаясь к примеру Устюжны Железопольской, иногда, выражали свое мнение, хотя и без доказательств, о времени образования Устюженского уезда.

Приведем наиболее характерные и полярные высказывания. "Особое положение среди русских городов XVI столетия, - пишет М. Н. Тихомиров занимала Устюжна Железопольская - центр Устюженского уезда. Устюжна с уездом входила в состав удела, данного Иваном III его сыну Дмитрию Ивановичу"¹⁶. К середине XVI в. относит существование Устюжно-Железопольского уезда и Н. Е. Носов. Об этом идет речь в поуездном обзоре процесса отмены кормлений в Замосковном крае¹⁷. Е. И. Заозерская также говорит о том, что в XVI - начале XVII вв. крестьянская металлургия представлена, в основном, тремя уездами Устюженским, Белозерским, Угличским¹⁸. К. Н. Сербина в решении данной проблемы ссылается на мнение Ю. В. Готье о том, что «до 1685 г. Устюжно-Железопольский уезд вместе с

---

¹⁵ Колесников П. А. Устюжно-Железопольский уезд в XVII в. С. 182 - 186.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 210.

¹⁷ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 421, 423, 447.

¹⁸ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. С. 262.

Весьегонской округой входил в один Угличский уезд», но, тем не менее оперирует понятием "Устюженский уезд» на протяжении всего XVII в.¹⁹.

Таким образом, формирование Устюженского уезда в XV - XVII вв. хотя и отражено в литературе, но явно недостаточно. Кроме этого, в историографии существуют еще и различные, иногда взаимно исключающие, точки зрения по принципиально важным вопросам истории Устюженского уезда, прежде всего о времени его образования. Все это дает не только основание, но и обязывает нас вновь обратиться к этой проблеме. На основе анализа источников, имеющихся в нашем распоряжении, попытаемся сделать исторический обзор административно-территориального статуса Устюженского края вплоть до конца XVII в., акцентируя внимание на его взаимоотношения с Угличем.

По археологическим данным на территории Устюжны уже в XI-XII вв. существовало славянское поселение-крепость²⁰. Однако первые достоверные письменные сведения об Устюжне относятся только к XIV в.²¹. Их всего два. В 1340 г. новгородские «молодцы воеваша Устюжну и пожгоша ... отнимаша у лодейников полон и товар; потом же и Белозерскую волость воеваша»²². По данным этой же Новгородской первой летописи младшего извода, в 1393 г. новгородцы «взяша у князя великого ... Устижно и много волости поимаша»²³.

"Оугличе Поле и что к нему потягло", попали под власть Москвы в результате «купли» Ивана Калиты. Если Устюжна входила в этот период в состав Угличского княжества, то новгородцы в 1340 г. должны были «взять ее у князя великого», о чем новгородский летописец не говорит²⁴. Более того, в духовной Дмитрия Донского 1389 г. Устюжна как объект наследования не значится²⁵. Автоматически

---

¹⁹ Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI - первой половины XIX в. М., 1971 С. 3, 16, 21-23. Необходимо отметить, что Весь Егонская и ее округа, которые принадлежали Симонову монастырю, до конца первой четверти XVII в. относились к Бежецкому Верху.

²⁰ Никитин А. В. Городище в Устюжне // КСИА, Вып.110. М.,1967.

²¹ В Угличском летописце, составленном во второй половине XVIII в. Устюжна, под именем Юстюг Железный, упоминается в числе шести городов угличского князя Романа, правившего с 50-х годов XIII в. до 1285 г. См. Угличский летописец. Углич, 1911. С. 12. Этот достаточно поздний историко-литературный памятник лежит в основе датировки первого упоминания Устюжны в источниках. См. СИЭ. Т. 14. С.898. Колесников П. А. Устюжна (очерки истории города и района). Архангельск, 1979. С. 9.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. - Л., 1949. С. 351.

²³ Там же. С. 386.

²⁴ Углич не упоминается в этой летописи не только в данном конкретном случае, но и на протяжении всего XIV в.

²⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М - Л., 1950. № 16.

включать ее в состав «Оуглеча Поля и что к нему потягло», когда в завещании перечислены все крупные села и волости, на наш взгляд, представляется необоснованным.

В. А. Кучкин. автор обстоятельной монографии о формировании государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. считает, что Устюжна входила в состав Ярославского, затем Моложского княжества, а позднее, к концу XIV в., стала великокняжеской. Ее переход под власть московских князей произошел, вероятно, в 80-е годы XIV в., когда в руки Дмитрия Донского попала соседняя с Устюжною территория Белозерского княжества²⁶.

При столь скудных сведениях, говорить о принадлежности в XIV в. Устюжны к Угличу нет достаточных оснований. Возможно, это связано с отсутствием источниковой базы, так как данных о размерах и пределах Угличского княжества в XIV в. в распоряжении исследователей нет²⁷. Остается открытым и вопрос о том, когда и как попала Устюжна в сферу притяжения и влияния Москвы, но, видимо, это произошло независимо от Углича. На наш взгляд, Устюжна до конца XIV в. не имела не только административно-территориального, но и политического отношения ни к Москве, ни, тем более, к Угличу.

В ходе объединения русских земель вокруг Москвы и образования единого государства политические границы отдельных княжеств и «земель» значительно менялись. На этом активном и быстро изменяющемся фоне, церковно-административное деление Северо-Восточной Руси, а затем и Московской Руси было достаточно устойчивым и традиционным, сложившимся еще в период Древнерусского государства. Оно отражало изначальную территориальную целостность «земли» или княжества и совпадало с их политическими границами.

С точки зрения церковно-административного деления Устюжна и Углич принадлежали к разным епархиям Русской церкви. Устюженский край до начала XVIII в. включительно входил в состав Новгородской митрополии, а Устюжна Железопольская была «древним городом Новгородской епархии». Еще в середине XVII в. южная и юго-восточная граница Новгородской епархии шла по старой гра-

---

²⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984. С. 304.

нице Новгородской области, восточнее Устюженского края и может быть названа достаточно точно ²⁸. В церковно-административном отношении Устюжна Железнопольская и ее округа в XVI - XVII вв. относились к Городецкой, а затем Устюженской десятина Новгородской епархии ²⁹. Углич же на протяжении всей своей истории входил в состав только Ростово-Ярославской епархии.

Основным, если не сказать единственным, письменным источником по истории Устюжны XV - первой половины XVI вв. служат духовные и докончальные грамоты великих и удельных князей Северо-Восточной Руси.

Впервые, как часть владений московских князей мы видим Устюжну в начале XV в. По первому завещанию Василия I 1406 г., Устюжна и Тошня составили удел князя Константина. Хотя, вероятно, произошло это раньше. Князь Константин, последний, шестой сын Дмитрия Донского, родился за несколько дней до смерти великого московского князя. В завещании же Дмитрия Донского есть оговорка «если даст бог мне сына и княгиня моя поделит его, взяв по частям у большие его братья» ³⁰.

Углич в начале XV в. входил в состав владений боковой ветви московских князей - серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича. По докончанию великий князь Василий I дал ему в удел вместо Ржевы Углич и ряд городов, среди которых Устюжна не значится ³¹. В составе удела князя Константина Дмитриевича Устюжна находилась до 1433 г. Правда, в 1420 г. после ссоры с братом, великим князем Василием I, он лишился удела, уехал в Новгород, но вскоре братья примирились ³².

---

²⁷ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 283.

²⁸ Покровский И. Русские епархии в XVI - XIX вв. Казань, 1897. Т.1. С.66, 89-91.

²⁹ Там же. С. 91, 92. Об этом, в частности, говорит следующий характерный факт. В 1567 г. в старейшем устюженском храме - ружной церкви Воздвижение честного креста, не было священника. Но, у сына прежнего попа Григория - Васюка, 15 лет, была "грамота благословенная архиепископа Пимина Великого Новгорода и Пскова". В грамоте ему велено "к пению попа наимовати, докуды сам взмужает и в попы станет". См. Сотная 1567 г. С. 141, 142.

³⁰ ДДГ. № 12. С. 35. № 20. С. 57.

³¹ Там же. № 16. С.43.

³² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Т. 5. С. 124.

В уделе Константина Дмитриевича впервые и были объединены Устюжна и Углич. После смерти в 1428 г. старшего брата, князя Петра Дмитриевича Дмитровского, Константин Дмитриевич унаследовал часть его удела, в том числе и Углич³³.

С этого времени сила обычая и традиции наследования надолго связали Устюжну и Углич единой исторической судьбой. Устюженский край стал составной частью Угличского удела. Вместе, реже отдельно, они составляли уделы младших или боковых ветвей великих московских князей или были в кормлении княжеских и царских вдов.

В ходе феодальной войны второй четверти XV в. удел Константина Дмитриевича перешел сначала к Дмитрию Шемяке³⁴, а затем, по духовной 1462 г. Василий Темный передал его своему сыну Андрею, - «Оуглече со всеми волостми ... и с Устюжною...со всем с тем, как было за князем за Дмитрием за Шемякою»³⁵.

Угличский удел кн. Андрея Васильевича просуществовал до 1491 г. Отношения между Иваном III и его младшим братом были напряженными. В 1491 г. угличский князь Андрей Большой был обвинен в измене и арестован. Умер князь в заточении в 1493 г. Его сыновья Андрей и Дмитрий так же были арестованы и до конца своих дней провели в заточении и ссылке. Удел полностью перешел к великому князю³⁶.

Объединив политически и территориально практически всю Северо-Восточную Русь, Иван III тем не менее восстановил удельную систему. В декабре 1503 г. он наделил землями всех своих сыновней³⁷.

Был воссоздан и Угличский удел. Кроме Углича в его состав вошли Зубцов, Мезецк и половина Ржева. Его получил третий сын Ивана III - Дмитрий Иванович, по прозвищу Жилка. Устюжна в составе Угличского удела не названа³⁸. Но, видимо, она изначально вошла в его состав. Начиная с 1504 г. Дмитрий Иванович начинает выдавать грамоты на земли в своем уделе. Так, в 1506 г. он дает жалованную грамоту на владения Симонову монастырю «в моей вотчине в Углецком уезде на

---

³³ Там же. С. 150, 154.

³⁴ Там же. С. 154; ДДГКВУ. № X. С. 29.

³⁵ ДДГ. № 61. С. 195.

³⁶ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 163, 164.

³⁷ ДДГ. № 89. С. 353-364.

Устюжне» на ряд деревень по реке Мологе. В административно-территориальном отношении Устюженский край выступает как волость Угличского уезда - «а наместницы мои углецкие и волостели устюженские и кистемские и их тиуны тех их людей не судят ни в чем, опроче душегубства и розбоя с поличным»³⁹.

В 1521 г. в связи со смертью Дмитрия Ивановича Угличский удел прекратил свое существование. Фактический запрет на вступление в брак со стороны Василия III сделали выморочными не только Угличский удел Дмитрия Ивановича, но и уделы его братьев - Дмитровский и Калужский⁴⁰.

Как долго в состав Угличского удела Дмитрия Ивановича входила Устюжна не совсем ясно. Дело в том, что супруга Василия III Соломония до пострижения в 1525 г. имела полу удельные права на Устюжну. Во всяком случае в 1507 и 1516 г. «великие княжны тиун» собирал там налоги совместно с великокняжескими наместниками»⁴¹.

Ликвидация Угличского удела повлекла за собой территориальное обособление его частей⁴². В 1524 г. Устюжна в жалованной грамоте Симонову монастырю выступает, на наш взгляд, как самостоятельная и независимая от Углича административно-территориальная единица. Во-первых она исчезает из числа волостей Угличского уезда, упоминаются только «ясеницкие, кестемские и велетовские волостели и их тиуны». Во-вторых, деревни «на Устюжне», которые монастырь получил от угличского князя Дмитрия Ивановича в 1506 г., остались «в Углицком уезда в Велетове»⁴³.

Предоставляя полный финансовый иммунитет монастырю, Василий III упоминает и Устюжну, подтверждая ее административную независимость и самостоятельность от Углича - «а хто учнет на Устюжне мою пошлину брати горновое, и они в Велетове на монастырских крестьянех не емлют ничего и ни всылают к ним

---

³⁸ Там же. С. 360.

³⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506 - 1613 гг.). М., 1983. № 1. С. 7.

⁴⁰ Зимин А. А. Указ. соч. С. 186.

⁴¹ Зимин А. А. Указ. соч. С. 184; Вологодские губернские ведомости. 1851 г. № 28, 31. № 28, 31. С. 223, 351, 352.

⁴² По мнению В. О. Ключевского "удел в значении княжества подразделялся на уезды". См. Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М., 1989. С. 99.

⁴³ АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря. № 18. С. 25.

ни по что»⁴⁴. Грамота была подтверждена от имени Ивана IV в феврале 1534 г., а позже самим Иваном Грозным в мае 1551 г. и Федором Ивановичем в июне 1584 г.

Подтверждают наличие великокняжеского наместника в Устюжне во второй четверти XVI в. и данные описания города 1567 г. «По конец Дмитриевские улицы, двор бывал наместника, а подле того двор же бывал тиунской»⁴⁵.

Формально Угличский удел существовал в 1560-63 гг. и 1584-91 гг. В первом случае Иван Грозный выделил его своему брату Юрию Васильевичу, но реально всеми делами в уделе заправляли бояре царя⁴⁶. Последним угличским князем в 1584-1591 гг. был царевич Дмитрий, младший сын Ивана Грозного. После его загадочной смерти удельная система была окончательно ликвидирована.

Во второй половине XVI в. Устюжна Железопольская и Устюженский уезд также остаются в пределах прежней традиции потенциального удельного владения, но уже исключительно по женской линии московских государей и в форме кормлений или вотчинного владения.

В духовной грамоте 1572 г., Иван IV жалует вдову своего брата, Юрия Васильевича, «княжну Ульяну до ее живота ... городом Устюжною Железною посадом и с деревнями которые приписаны к посаду, и с ямскими откупы ... А после ее живота Устюжна Железная ... сыну моему Федору к Угличу»⁴⁷. Княжна Ульяна, в монашестве старица Александра, получила Устюжну в кормление, видимо, сразу же после смерти в 1563 г. мужа. По крайней мере, в 1567 г. она получала с Устюжны корм «по прежнему государеву указу, с сохи по 15 рублей на год»⁴⁸. Как долго владела старица Александра Устюжною неизвестно. По преданию, она вместе со свекровью, по распоряжению Ивана Грозного, была утоплена в Шексне⁴⁹.

Завещание предполагало еще один вариант наследования Устюжны. «А бог даст мне сына з женою моею Анною и аз его благословляю город Углеч, и Устюжная, Хопопей с волостями и сепы ... которые даны старице Александре»⁵⁰. Но брак

---

⁴⁴ Там же. С 25.

⁴⁵ Сотная 1567 г. С. 147.

⁴⁶ Зимин А.А. Указ. соч. С. 184.

⁴⁷ ДДГ. № 104. С. 441.

⁴⁸ Сотная 1567 г. С. 162; ААЭ. Т.1. № 279. С. 315.

⁴⁹ Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описания города Устюжны с уездом Новгородской губернии. М., 1897. С. 4.- 6; Карамзин Н. М. Указ. соч. Т.9. С. 26, 63, 84.

⁵⁰ ДДГ. № 14. С. 443.

Анны Колтовской с Иваном Грозным был непродолжительным. Вскоре, в сентябре 1572 г., она была насильственно пострижена в монастырь⁵¹.

Владельческие права на Устюжну, видимо, имела и вдова царевича Ивана Ивановича, старица Леонида (Е. И. Шереметьева). Об этом свидетельствует подлинная указная грамота от 20 августа 1583 г. таможенникам Устюжны Железопольской о разрешении Троице-Сергиеву монастырю беспошлинно покупать железо и прочие товары в городе⁵².

С середины XVI в. в источниках появляются первые сведения об Устюжно-Железопольском уезде. Когда произошло образование, какая территория изначально составила Устюженский уезд, каково первичное административно-территориальное деление уезда? Ни на один из этих, и многих других вопросов прямого и конкретного ответа источники не дают.

В 40-е - 50-е годы XVI в., когда в России происходит становление сословно-представительной монархии, системы центрального и местного управления, многие города, в том числе и Устюжна, получили правовые основания своей деятельности в форме уставных, губных, таможенных грамот. Как правило, правовое пространство этих актов - административно-территориальная единица, город или город с уездом.

Наиболее ранняя известная уставная грамота, возможно губная, была дана Устюжне Железопольской в 1539/40 г.⁵³. Первую таможенную грамоту Устюжна получила в 1542 или 1543 году. Правовые нормы этой грамоты, регулирующие таможенную, налоговую и торговую деятельность, фактически действовали на протяжении столетия. Это первый, известный нам источник, в котором идет речь об Устюжно-Железопольском уезде, правда в более позднем пересказе.

В 1599 году к Борису Годунову обратились таможенные целовальники Устюжны Железопольской с просьбой «переписать на свое государево» имя уставную таможенную грамоту Ивана Грозного, так как «та грамота ветха». 25 января 1599 г.

---

⁵¹ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 8.

⁵² Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 2. № 1131. С. 199 // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.

⁵³ Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3. № 1 - 212. С. 220 // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. Грамота известна в пересказе грамоты М. Ф. Романова от 5 августа 1623 г.

Борис Годунов «устюжан, посадских людей пожаловал, велел им дати таможную уставную новую грамоту такову ж, какова у них грамота была преж сего. А в прежней их в уставной грамоте написано: лета 7051-го ...». Далее следует текст первой грамоты. Подлинник таможенной грамоты Бориса Годунова был дословно подтвержден в 1608 г. Василием Шуйским, а в 1618 г. Михаилом Романовым⁵⁴.

В тексте грамоты неоднократно упоминается Устюженский уезд, жители его станом и волостей. «Привезет устюжанин или из Устюжского уезда отколе ни буди на Устюжну товар свой» или «а привезут рухлядь свою на своих санях или у них наймиты будут Устюжны Железопольской или Устюжского уезду». Причем уезд выступает как единый административный округ, внутри которого таможенные пошлины являются общими для посадского и сельского населения⁵⁵.

Описание Устюжны Железопольской 1567 г. также неоднократно упоминает станы, волости, населенные пункты Устюженского уезда, дает некоторое представление о его административном делении. Например, «да к ним же (городским монастырям и храмам) в Устюженском уезде в розных станех монастырских и церковных шесть деревень»⁵⁶. Город и уезд в этой сотной выступают как единый, прежде всего, административно-финансовый организм. «А делают ямской двор и тюрьму устюженцы, посадские люди и Устюженским уездом с сох» или «а дельвали те дворы посадские люди и с Устюженским уездом с сох»⁵⁷. В последнем примере речь идет о наместничьем и тиунском дворах, составляющих внушительный комплекс жилых и хозяйственных построек, не менее 10, которые в 1567 г. уже были «ветчаны добре и розвалились»⁵⁸. Последним наместником в Устюжне был Яков Иванов сын Кузьмин, который "съехал" в июле 1555 г.⁵⁹.

---

⁵⁴ Хрестоматия по истории СССР. XVI-XVII вв. М., 1962. С. 29-36.

⁵⁵ Там же. С. 30.

⁵⁶ Сотная 1567 г. С. 146.

⁵⁷ Там же. С. 147.

⁵⁸ Там же. С. 147.

⁵⁹ Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. Кн. III. СПб., 1861. Л.126; Носов Н. Е. Указ соч. С. 447; Зимин А. А. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 37 - 38. О значении Устюжны Железопольской в системе кормлений середины XVI в., ее экономическом положении, говорит размер кормленного оклада Я. И. Кузьмина - он записан в 12 ст. с окладом в 45 р., одним из самых высоких. В 50-е годы XVI в. подобного рода оклад в государстве был у четырех наместников, а выше только у одного. См. Носов Н. Е. Указ. соч. С. 447, 450, 489, 497, 517.

Эти данные позволяют нам говорить о том, что Устюженский уезд существовал, как минимум, за несколько десятилетий до описания и подтверждают данные таможенной грамоты 1542 г.

В конце XVI в., в 1596 г., царская окружная грамота в Устюжну Железопольскую о новом порядке сбора перевозной пошлыны предписывала «на Устюжне на посаде и в уезде, по станем и по волостям, и по торжкам ... по той росписи выбрать из посадских людей и с уезду с сох на те перевозки целовальников и перевозщиков с посадов бобылей и с уезду, сколько человек пригоже»⁶⁰.

Большое число документов, дающих представление о существовании Устюженского уезда, сохранилось от Смутного времени. В увещательной грамоте в Устюжну от 23 декабря 1608 г. Василий Шуйский просит оповестить все население уезда. «А с сей бы нашей грамоты списав списки, послати во весь Устюжской уезд, чтобы всем людям было ведомо» и обещает, что в случае поддержки "вас, устюжских помещиков и детей боярских, пожалуем мноюю денежною и поместною придачею и велим вас испоместить и наше жалование дать: а вас посадских и уездных людей пожалуем лготою на многие лета и торговать велим беспошлино"⁶¹.

В «Сказании о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» также неоднократно, прямо и косвенно, говорится об уезде. Так, когда в январе 1609 года город начал готовиться к обороне "голови же начаше посылати в Устюжской и в Углецкой уезд и в Бежецкой Верх по дворян детей боярских и всяких людей чинов"⁶².

Строительство острога, успешная оборона и необходимость дальнейшей защиты города вынудили посадское население позднее обратиться за помощью в центр. Руководство Второго ополчения изыскивало различные способы улучшения ситуации. Так, в апреле 1612 г. Дмитрий Пожарский просил белозерского воеводу о содействии «устюженским дворянам и детям боярским в сборе с белозерских сел, которые близко к Устюжне», денег на жалованье дворянам и детям боярским и всяким служилым людям, которые ныне на земской службе на Устюжне к устюжским

---

⁶⁰ ААЭ. Т.1. № 367. С. 454, 455.

⁶¹ ААЭ. Т.2. № 93. С. 189; Васильев Ю. С. Исторические реалии "Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую" // Устюжна - II. С. 179, 180; ССГД. Ч.2. № 167.

деньгам в прибавку и людцкой и конской корм, чтобы «ратные люди без денежного жалования не разошлись и Устюжны бы литовским людям не выдати»⁶³. Это вызвало возмущение белозерцев. В челобитной они пишут о том, что «они де устюженцы, не хотят с своего уезда ратным людям денежное жалованье давати и кормов, да указывают на чюжие уезды». Перечисляя свои финансовые и прочие тяготы, белозерцы убедили Дмитрия Пожарского в том, чтобы на Устюжне «тем ратным людем денежное жалованье и людцкой и конской корм вперед имати с Устюженского уезда»⁶⁴.

Чуть позже, в октябре 1612 года, устюженский воевода князь Андрей Васильевич Сицкий направил в Москву «устюжских посадских и уездных людей» челобитную о том, что ни приписанные к Устюжне для городского дела помещики Бежецкого Верха и Углицкого уезда, ни «Устюжсково уезду дворяне и дети боярские крестьянам своим в стрелецкие кормы и наем и во всякие городовые поделки ни во что тянуть ныне велят», а «ныне литовские люди воюют в Бежецком Верху и в Устюжском уезде» и просили чтобы «всем дворяны и детям боярским и их приказщикам и крестьяном и торговым и уездным всяким людем ... в городовые поделки и в стрелецкие кормы и во всякие подати тянуть велеть по прежнему»⁶⁵.

В конце марта 1614 г. к воеводе Федору Ивановичу Погожеву пришла грамота о том, чтобы «он с другими воеводами послал ратных людей на Углич и Устюжну на воровских казаков атамана Яковлева, чтобы ... поиск учинить и крестьян Устюжского уезда побивати не дати и себя уберечь». Такая же грамота была послана и в Устюжну воеводе Ивану Урусову⁶⁶.

В первой четверти XVII в. Устюжна Железопольская и Устюженский уезд сохраняли традицию потенциальных владений царских вдов и дочерей. Так, в 1601 г., Борис Годунов, своему будущему зятю, герцогу Гансу, в случае женитьбы на

---

⁶² Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую // Устюжна - II. С. 184; Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 11.

⁶³ Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611-1613 гг.(далее АПОЗС). М., 1911. № 71. С. 84, 85.

⁶⁴ Там же. № 72. С. 85, 87.

⁶⁵ Там же. № 123. С. 201, 203.

⁶⁶ Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 128.

своей дочери Ксенье, «дает государство великое Тверское со многими городами и землями», в том числе и Устюжну. Заметим, Углича в этом списке нет⁶⁷.

Приглашенный на Московское царство польский королевич Владислав в 1610 г. пожаловал последнюю супругу Ивана Грозного, Марию Нагую, в монашестве старицу Марфу, «Устюжною Железопольской да в Устюжском уезде Понизовской волостью»⁶⁸. Эти пожалования так и остались на бумаге.

В Устюженском уезде реально получила владения другая вдова Ивана Грозного - Анна Колтовская. В августе 1614 г. Михаил Федорович Романов «пожаловал ... царицу-старицу Дарью в Устюжском уезде Железопольского из своих дворцовых сел в вотчину село Микифорово с деревнями ... пашнями и с санными покосы и с лесы и со всеми угоды». В марте 1616 г. старица Дарья получила на свою вотчину в «Устюжском уезде» жалованную грамоту, дословно подтвержденную в июле 1621 г.⁶⁹.

Неоднократно встречается название «Устюжский уезд» и в царских грамотах на Устюжну Железопольскую. В городской книге № 1 по Устюгу за 1613 - 1623 гг. Устюженский уезд упоминается более 50 раз⁷⁰.

В 20-е годы XVII в. заканчивается первый этап официального существования Устюженского уезда. Е. И. Заозерская называет эту дату. В своей монографии она пишет о том, что "в 1620 г. Устюженский уезд «со всеми доходы» был отписан к Угличу", но, к сожалению, не указывает источник информации⁷¹.

На наш взгляд это произошло несколько позже, в середине 20-х годов XVII в. Дело в том, что прямое упоминание в источниках Устюженского уезда встречается и позже, до 1623 г. Одно из них - царская грамота от 22 октября 1623 г. устюженскому воеводе Н. О. Колычеву о том, что местные жители нарушают государственную монополию «на Устюжне ж де на посаде и в Устюжском уезде дворяне и

---

⁶⁷ РИБ. Т. XVI. Русские акты Копенгагского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. СПб., 1897. № 78, № 81. С. 336, 351.

⁶⁸ ААЭ. Т.2. № 166. С. 284.

⁶⁹ АИ. Т.3. № 41, № 67. С. 37, 61.

⁷⁰ РГАДА. Ф.137. Кн. 1. Л. 94об., 112, 145, 153, 197об., 201об., 248об., 391об., и др.

⁷¹ Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 263.

дети боярские и их люди, и крестьяне, и всякие люди вина курят и пиво варят и привозят к Устюжне»⁷².

Но, уже в июне 1626 г. Тихвинский Введенский монастырь получил в «вечный поминок» вотчину царицы-инокини Дарьи «в Углицком уезде под Устюжною Железопольскою сельцо Микифоровское» с деревнями и пустошами⁷³. Напомним, что за 12 лет до этого, в 1614 г., в 1616 и 1621 годах когда владение было за инокиней Дарьей, вотчина находилась в «Устюжском уезде Железопольском». В 1628 - 1630 гг. станы и волости «тянущие» к Устюжне, бывшая территория Устюженского уезда, описывались уже в составе Угличского уезда. Материалы этого описания сохранились в копии начала XVIII в.⁷⁴.

В составе Угличского уезда Устюженский край находился более полувека, с середины 20-х годов XVII в. до 1685 г. Однако, иногда, он по-прежнему именовался уездом. Прямое упоминание Устюженского уезда встречается в 1635 г. Это царская грамота воеводе Б. И. Тютчеву о запрещении местным жителям ловить капканами бобров и выдр и об объявлении этого запрета «на Устюжне, на посаде и во всем Устюженском уезде»⁷⁵. В переписных книгах 1646 г. станы и волости Устюжны Железопольской были «написаны именно Устюжским уездом»⁷⁶.

Формальное вхождение в состав Угличского уезда повлекло за собой резкое фактическое усиление податного и тяглового бремени. В течении всего XVII в. посадские люди добивались возвращения Устюжне отдельных деревень и волостей, ставших помещичьими, на том основании, что они «изстари» были за посадом, который ныне стал «безуездным»⁷⁷.

В своих челобитных посадские люди, когда речь шла о тягле, всегда, возвращались к этому мотиву. Так, в 1632 г. они писали: «А у Устюжны, государь, у посадишка уезду нет ни единыя волости»⁷⁸. В 1649 г., повторяя старые жалобы,

---

⁷² РИБ. Т. 35. № 326. С. 608.

⁷³ Там же. № 354. С. 686, 687.

⁷⁴ РГАДА. Ф.1209. К - 901. Л. 458.

⁷⁵ РИБ. Т. 35. № 443. С. 917.

⁷⁶ ПСЗ - I. Т. 2. № 1150.

⁷⁷ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 12; РГАДА. Ф.1171. № 358.

⁷⁸ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 63.

писали о том, что «Понизовская волость изстари была устюженской, а ныне за помещиком Лодыгиным» в Угличском уезде и просипи вернуть ее Устюжне ⁷⁹.

Следующий этап в истории Устюженского уезда начинается с 1685 г. В этот год был издан именной царский указ с боярским приговором. Примечательно его заглавие - «О возсоздании Устюжского уезда и об описании станов и волостей онаго в особых писцовых книгах». Указ небольшой по объему, поэтому приведем его полностью. « Великие государи указали и бояре приговорили: станы и волости, которые в писцовых книгах 137 году и в переписных книгах 186 году написаны Углицким уездом, что под Устюжною, написать в писцовых книгах Устюжским уездом и приписать к Устюжне Железопольской, для того в переписных книгах 154, и по указу 189 году, каков прислан из Стрелецкого приказа, те станы написаны именно Устюжским уездом; и о межеванье тех станов, м в тех станех помещиковых и вотчинниковых крестьян и земель послать грамоты к устюжскому писцу и учинити ему по наказу» ⁸⁰. Помимо указа сохранились, правда частично, и материалы описания восстановленного Устюженского уезда ⁸¹.

После воссоздания, Устюженский уезд с некоторыми административными и территориальными изменениями просуществовал до 1927 г. Подведем некоторые итоги. Говоря об истории образования и формирования Устюженского уезда, мы можем выделить ряд существенных этапов. Первый этап - конец XIV - начало XVI вв. На этом этапе Устюженский край попал под власть московских князей, а с начала XV в. становится частью Угличского удела.

Второй этап - не позднее начала 40-х годов XVI - начало 20-х годов XVII вв. Это - первый период юридического существования самостоятельного Устюженского уезда. В исторической литературе существует достаточно устоявшееся мнение о причинах и формах нового административно-территориального деления Московской Руси. Анализируя исходные формы, в рамках которых происходит формирование уездов, Ю. В. Готье выделяет 6 типов уездов. Устюженский уезд он относит к 5 типу, к которому «можно отнести уезды, образовавшиеся вследствие администра-

---

⁷⁹ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 12.

⁸⁰ ПСЗ - I. Т.2. № 1150.

⁸¹ Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685-1686 гг. (Публикация Пугач И. В.) // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С.169-189.;

тивных мероприятий московского правительства, уже в более позднее время. В Замосковном крае этот тип имеет так же одного представителя в уезде Устюжны Железопольской»⁸².

Действительно, в 1685 г. потребовалось правительственное распоряжение, но не на образование, а на «возсоздание» Устюженского уезда.

Не подвергая сомнению типологию Ю. В. Готье о происхождении уездов Московской Руси, представляется более уместным отнести Устюженский уезд, как впрочем и Угличский уезд, ко 2 типу, «возникший из удела, если так можно выразиться вторичной формации - из позднего удела боковых ветвей московского дома»⁸³.

Произошло это, на наш взгляд, в 1521 г. Распад Угличского удела и привел к появлению нового уезда - Устюжны Железопольской, самостоятельной административно-финансовой единицы во главе с наместниками. Дело в том, что в конце 1521 - начале 1522 гг., великий князь Василий Иванович одному из городских храмов, самой древней Крестовоздвиженской церкви, расположенной на Городище, выдал ружную и жалованную грамоты⁸⁴. В них, помимо податных и таможенных льгот, храм получал значительный административный и судебный иммунитет от светской и духовной власти - «а наместники наши устюжанские и их тиуны и десятиники митрополичьи и знаменшики и старосты поповские, попа Иосифа и тех его людей и крестьян не судят ни в чем, оприч душегубства и розбоя с поличным»⁸⁵.

Располагался Устюженский уезд на северо-западной окраине Замосковского края и был незначительным по территории, скорее всего в пределах Устюженской части Угличского удела начала XV в. В него входили Середецкий и Новый станы и Понизовская волость. В середине 20-х годов XVII в. Устюженский уезд «со всеми доходами» был «отписан» к Угличу.

Анализируя проблемы административного и территориального деления России в XVII в., Я. Е. Водарский пишет: «Поскольку уезд это административный ок-

---

⁸² Готье Ю. В. Указ. соч. С. 105.

⁸³ Там же. С. 104.

⁸⁴ Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 1. № 178, 183. С. 327 - 328 // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958.; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3. № 1 - 159. С. 215 // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.

руг, который объединяет населенные пункты «тянущие» к известному центру (городу или селу), то уезд не обязательно должен иметь целостную...территорию. он мог иметь единую территорию, если она сложилась исторически или была образована правительственным распоряжением, но территория могла быть и чересполосной и даже вкрапливаться в территории других, иногда отдаленных уездов»⁸⁶.

На временное упразднение Устюженского уезда в 20-е - 80-е годы XVII в., на наш взгляд, повлияли ряд факторов и обстоятельств. Во-первых, отсутствие в административной политике правительства четких принципов административного деления, предполагающего территориального единства уезда; во-вторых, раздельная система центрального управления при которой «Устюжская четь ведала вне Поморья только посады без уездов», в том числе и Устюжны Железопольской⁸⁷. Но, главным фактором, сыгравшим решающую роль в ликвидации уезда, стало значительное разорение и запустение Устюженского уезда в Смутное время. Так на правительственное распоряжение изготовить самопалы устюженский воевода в 1615 г. писал: «уезд весь запустел, железа не дмут и уголья не жгут»⁸⁸.

Наряду с термином «Устюжский уезд» в нескольких источниках встречается другой, имеющий иной административный статус, термин - «Ушстюшский (Устюжский) стан», входящий в состав Угличского уезда. Он известен по купчим Симонова монастыря на сельцо Овсянниково и деревню Чулково, расположенных в «Углецком уезде, в Ушстюшском стану, в Калининской волости» и относится к 1550/51 и 1585/86 гг.⁸⁹. В конце XVI в., в 1596/97 г. эти монастырские поселения находятся уже в «Калининском стану Углецкого уезда»⁹⁰. Калининский стан Угличского уезда «на Устюжне Железопольской» упоминается и в сотной 1597 г.⁹¹.

На наш взгляд, эти обстоятельства не опровергают выше изложенные взгляды на процесс становления и развития Устюженского уезда. Во-первых, неизвест-

---

⁸⁵ ААЭ. Т. 2. № 62. С. 139.

⁸⁶ Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 141.

⁸⁷ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. М., 1916. С. 9.

⁸⁸ Сперанский А. Н. Торговля Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 155.

⁸⁹ АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря. № 101, 102, 105. С. 112 - 114, 116 - 117; № 201, 202. С. 246 - 249. Купчие, за исключением № 202, были опубликованы в извлечениях С. А. Шумаковым. См. Шумаков С.А. Угличские акты (1400-1749 гг.) // ЧОИДР. 1899 г. Кн.1. М., 1899.. № XLI, LVII.

⁹⁰ Там же. № 208. С. 254.

⁹¹ Сотная 1597 г. С. 132.

но, что скрывается под понятием «Устюжский стан», какая территория кроме Калининской волости в него входит. Другие источники по этому вопросу неизвестны. Во-вторых, видимо, произошло смешение понятий. Под Устюжским станом имеется в виду территория будущего Калининского стана, примыкавшая непосредственно к Устюжне Железопольской, но, не вошедшая первоначально в состав Устюженского уезда.

Объяснение, на наш взгляд, надо искать в особенностях административно-территориального устройства страны XVI -начала XVII вв., а также, в сохранении и влиянии на него прежнего феодально-территориального устройства, существовавшего одновременно и параллельно с ним. Правительство и администрация даже в конце XVII в. не всегда имела точное представление о границах и территории станов и волостей ряда уездов, даже их административно-территориальном устройстве⁹².

Во второй половине XVI - начале XVII вв., в период экономического и политического кризиса, в условиях, когда уезд для правительства был прежде всего фискальным финансовым округом, изменения внутренней структуры уездов, особенно новообразованных, были неизбежны. Существенную роль в этом могло сыграть и кардинальное изменение структуры землевладения, прежде всего раздача черных и дворцовых земель. Иллюстрацией может служить пример Понизовской волости. Исконно устюженская, черная Понизовская волость, в ряде источников о земельных пожалованиях королевича Владислава 1610-1611 гг., после передачи в поместье, стала числится в составе Устюжского стана Угличского уезда⁹³.

Третий этап в истории Устюженского уезда - период с середины 20-х годов XVII в. до 1685 г. Историческая традиция, длительное время связывающая Устюжну и Углич, сыграла свою роль. Устюжна Железопольская, ставшая городом и уездным центром «не вследствие своего особого положения, как укрепленного и административного центра, а как промышленный пункт»⁹⁴, то есть в силу социально-экономических причин, в период экономического упадка края, свой статус уезд-

---

⁹² Водарский Я. Е. Указ. соч. С.140.

⁹³ Смутное время Московского государства Вып. 8. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610 - 1611 гг. М., 1911. С. 87-89.

⁹⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 212, 213.

ного города утратила. Территория уезда, сохраняя обособленность и самостоятельность, в административном отношении вошла в состав Угличского уезда.

Четвертый этап в развитии Устюженского уезда начинается с 1685 г. Он совпадает с третьим, по классификации П. А. Колесникова, этапов. В дальнейшем, как отмечалось, уезд не преперпел серьезных изменений. История его территориально-административного развития рассмотрена П. А. Колесниковым и Е. Г. Истоминой⁹⁵.

QQQ

§ 2. Формирование территории.

Устюжно-Железопольский уезд находился на северо-западной окраине За-московного края. Небольшой по территории он располагался в бассейне среднего течения реки Мологи и ее притоков, прежде всего Чагодоци, Кобожи и Ижины.

Прежде чем обратиться к конкретному рассмотрению процесса формирования территории и границ Устюженского уезда, его административного устройства, необходимо сделать некоторые предварительные замечания.

В XVI-XVII вв. границ уезда в нашем понимании не существовало. Говорить о них можно лишь условно. В целом внешние границы станов, волостей, самих уездов определялись совокупностью земельных владений, входящих в их состав и «тянущих» к административному центру. Сами границы земельных владений могли определяться точно, когда устанавливалась «межа» между прилегающими друг к другу владениями, либо, что было характерно для XVI в., неопределенно - «куда соха, топор и коса ходили».

Кроме неустойчивости и неопределенности границ в XVI - первой половине XVIII вв., исследователи отмечают наличие чересполосицы уездов, станов и волостей, принадлежность одних и тех же селений одновременно к разным уездам⁹⁶.

---

⁹⁵ См. Колесников П. А. Устюжно-Железопольский уезд в XVII в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982.; Истомина Е. Г. Границы, население городов Новгородской губернии. Л., 1972.

⁹⁶ См. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 9-38, Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М. 1962. С. 27-34; Водарский Я.Е. Территория и население Севского разряда во второй половине XVII - начале XVIII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. М., 1974. С.243-262, Он же. Карты первой половины XVIII века как источник для реконструкции уездных границ XVII века (на примере Чаронды). САС, Вып. VI. С.80-82; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 26-27.

В этих условиях, пожалуй, единственным критерием позволяющим объективно определить территорию уезда, его примерные границы служит географическое положение селений и пределы их хозяйственных угодий. Большое значение при определении реальных границ административных единиц имели и прородно-ландшафтные характеристики данной территории, прежде всего система рек и болот. Водоразделы и непригодные для сельскохозяйственного использования земли определяли естественные границы расселения, пространственную организацию сельской общины-волости, структуру и плотность поселений.

В исторической географии разработаны эффективные методы, позволяющие по материалам писцового делопроизводства картографировать территорию и примерные границы тех или иных административных единиц. По отдельным уездам, в зависимости от сохранности источников, это возможно фактически с конца XV в.⁹⁷

При решении главной задачи - определении территории и границ Устюженского уезда, на первом, начальном этапе его существования, возникают трудности, связанные с отсутствием материалов писцового делопроизводства по уезду за XVI - начало XVII вв. Однако и сохранившаяся источниковая база, при ее комплексном анализе позволяет в целом решить поставленную задачу.

Остановимся на этих источниках несколько подробнее. Первую группу составляют источники содержащие прямое упоминание административных единиц, населенных пунктов в составе Устюженского уезда. Наиболее важными из них являются сотные по Устюжне Железопольской 1567 и 1597 гг., жалованные грамоты на владения в Устюженском уезде, сохранившиеся материалы дозоров по Устюженскому уезду, и актовый материал, прежде всего царские грамоты на Устюжну Железопольскую⁹⁸. Они позволяют определить административно-территориальное

---

⁹⁷ Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. М., 1914; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. М.-Л., 1951; Витов М. В. Приемы составления карт поселений XVI-XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956; Он же. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М., 1962; Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XXVIII веках. М., 1974; Водарский Я.Е. Опыт составления исторических карт землевладения Серпуховского и Оболенского уездов по переписи 1678 г. // Славяне и Русь. М., 1968; Он же. Население России в конце XVII - начале XVIII в. М., 1978. С.42-46.

⁹⁸ Сотная 1567 г.; Сотная 1597 г.; Дозорная книга 1614-1615 гг. // АЮБ. Т.2. СПб., 1864. № 128. С. 41 - 45; РГАДА. Ф. 137. Кн. 1; и др.

деление, значительную часть территории, структуру поселений и примерные границы отдельных административных единиц.

Расширить базу данных о территории и поселениях Устюженского уезда XVI - начала XVII вв. позволяют более поздние источники. Описание Устюженского края 1628-1630 годов, проведенное через несколько лет после ликвидации Устюженского уезда дает возможность практически полностью восстановить границы, примерную территорию и состав поселений Устюженского уезда в начале 20-х годов XVII в.. Дело в том, что в ходе описания земель владельцы поместий и вотчин предоставляли, как правило, все имеющиеся документы на владение, в том числе и выписки из не дошедшего до нас описания Устюженского уезда 1596 - 1597 гг., проведенного кн. Д. Г. Бельским.

Важным источником является и комплекс документов о строительстве в 1632 году новой крепости в Устюжне, так называемое «острожное дело». Они позволяют выявить территорию приписанную к Устюжне для строительства в 1609-1614 гг. острога, а затем, частично, вошедшую в состав Устюженского уезда⁹⁹.

Наконец, третью группу составляют источники, позволяющие восстановить южную и юго-западную границу Устюженского уезда. Они, не имея прямого отношения к территории Устюженского уезда, позволяют не только объективно определить границы, но и рассмотреть процесс территориального развития уезда в первой четверти XVII в. Прежде всего это комплекс документов XV-XVII вв., относящийся к владениям Симонова монастыря селу Веси Егонской и ее округи¹⁰⁰, новгородские писцовые книги XVI в. по Бежецкой пятине, непосредственно примыкавшей к южным и западным границам Устюженского уезда¹⁰¹, и актов и писцовый материал по Угличу¹⁰².

Реконструкция территории Устюженского уезда шла путем локализации поселений по писцовой книге 1628-1630 гг. и переписной книге 1713 г. на картах Ус-

---

⁹⁹ РГАДА. Ф.1209. К-901; Ф.141. Д.73.

¹⁰⁰ Шумаков С.А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. I. М., 1899; АФЗХ. Т.4. Акты Симонова монастыря (1506-1613 гг.) М., 1983.

¹⁰¹ НПК. Т.6. СПб., 1910.

¹⁰² Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887; Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. (ТЯГУАК). Вып. I - М., 1890, Вып. II - М., 1892; Временник Демидовского юридического лицея (ВДЮЛ). Вып.41-46, 48-50. Ярославль, 1886-1890; Шумаков С.А. Угличские акты (1400-1749 гг.) // ЧОИДР. 1899 г. Кн.1. М., 1899. С.1-236.

туженского уезда второй половины XIX- начала XX вв. Кроме этого, для более точной локализации территории станов и волостей, отдельных населенных пунктов, использовались материалы I ревизии и генерального межевания, другие материалы писцового делопроизводства, актовый материал XVI - XVII вв. При отсутствии оригинальных карт начала и середины XVIII в. и списков селений этого же времени ¹⁰³, большое значение приобретают «Материалы по статистике Новгородской губернии» по Устюженскому уезду второй половины XIX в. ¹⁰⁴. Они содержат ценные сведения о географическом положении населенных пунктов. Помимо местоположения селения на природно-хозяйственных объектах - река, озеро или дорога, в них указано расстояние как до административного центра - уездного, волостного и приходского, так и до ближайшей пристани и почтовой станции. При том, что основная устойчивая структура сельских поселений Устюженского края, особенно по правому берегу Мологи, где располагалась большая часть деревень, сложилась еще в середине XVI в. и сохранилась до XX в., "Материалы ..." позволяют определить положение абсолютного большинства сел и деревень Устюженского уезда на конец первой четверти XVII в.

Значительное влияние на процесс формирования территории Устюженского уезда оказали политические события XV - XVI вв., связанные с объединением древнерусских земель в единое государство и преодоление традиций феодально-административного, прежде всего удельного, устройства вотчины великих московских князей.

Мы уже говорили о важности взаимоотношений для исторической судьбы Устюженского края Москвы и Великого Новгорода. По наблюдениям В. Н. Бернадского, до 70-х годов XV в. изменений в составе новгородских волостей не происходит. Все они договорными грамотами с Тверью и Москвой закреплены за Новгородом ¹⁰⁵. Эти волости располагались по юго-восточной границе Новгородской земли, а Бежичи и Егна примыкали непосредственно к Понизовской волости Устюжны Железопольской. Однако, несмотря на договоры, московские князья начинают

---

¹⁰³ Кабузан В. Н. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720-1770 гг. // Историческая география России XVIII в. Ч. II. Источники и их характеристика. М., 1981. С. 75, 94, 104.

¹⁰⁴ Материалы по статистике Новгородской губернии. Новгород, 1885. Т. 6. Устюженский уезд.

вторгаться в пределы новгородских владений уже в начале XV в. Одним из элементов такого вторжения были «сместные» владения. В совместном владении Великого Новгорода и Москвы находились ряд новгородских волостей, в том числе и Бежичи - Бежецкий Верх. Проникновение московских князей в эту волость, управлявшуюся их наместниками совместно с новгородскими посадниками происходило исподволь, по старинному образцу, путем всякого рода «промыслов». Так, Василий I в 1423 г. завещал своей жене Софье «промысел» - волость Кистьму (Кесьму) в Бежецком Верхе ¹⁰⁶.

Скорее всего, и другая новгородская волость Егна, стала «промыслом» великих московских князей, а позже вошла в состав Угличского удела. Находясь в непосредственной близости и не имея общей границы с Угличем, она, в административном отношении стала «тянуть» к Устюжне. С XVI в. название этой волости в источниках уже не встречается. На ее территории располагались Велетовская и Калининская волости (станы), входившие на протяжении XVI - XVII вв. в состав Устюженского либо Угличского уездов.

После присоединения Новгорода к Москве в Новгородской земле произошли существенные перемены в области административных границ, структуры и состава землевладельцев. Для нас особый интерес представляет история Бежецкой пятины. На протяжении всего XVI в. ее восточная граница существенно не менялась и проходила в непосредственной близости от Устюжны Железопольской ¹⁰⁷. По преимуществу, именно за счет Бежецкой пятины шло расширение в первой четверти XVII в. территории Устюженского уезда. Новгородские писцовые книги XVI в. по Бежецкой пятине дают возможность восстановить эту границу. Описание 1536 - 1545 гг. Тверской половины позволяет довольно точно определить южную границу Устюженского уезда вплоть до устья реки Кирвы.

Территория Устюженского уезда складывалась на протяжении XV - XVIII веков. Ядром этой территории стали земли Понизовской волости, расположенные по рекам Мологе, Чагодоше и Шалоче. Они, на наш взгляд, составили в 1406 году устюженскую часть удела князя Константина Дмитриевича. В целом, эта террито-

---

¹⁰⁵ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М., 19 . С. 16,17,282.

¹⁰⁶ Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1986. С.15.

рия совпадала с границами северной части удела моложского князя Михаила Давыдовича ¹⁰⁸.

Первые сведения об административном устройстве Устюжно-Железопольского уезда даны в сотной по Устюжне Железопольской 1567 г. В ней упоминаются Понизовская волость и два стана - Сердецкий и Новый ¹⁰⁹.

В XVI - XVII вв., в названии частей, составляющих уезд, наблюдается преобладание тех или иных названий, видимо, в зависимости от типа по которому шло формирование уезда. Наиболее частыми из них были погосты, волости и станы. Подробным образом эта закономерность показал на примере Поморья М. М. Богословским ¹¹⁰.

В Устюженском уезде преобладающим типом были станы и волости. Встречается название и погост, но не как административная единица, а как поселение. В XVII в., как пишет М. Богословский, уже нельзя указать "никаких различий между округами, обозначаемыми тем, другим или третьим термином, ни по размерам, ни по географическому положению, ни по административному устройству, так что различные термины, - просто синонимы, предпочитаемые по разным местностям". Все они "представляют из себя группы поселков, связанные церковным, хозяйственным и административным единством и совершенно одинаковы по своему значению" ¹¹¹.

Однако, за этими названиями стояли те или иные исторические традиции и процессы. Волость возникала и организовывалась самостоятельно в ходе колонизации и естественного хозяйственного освоения определенной территории, как правило участка вдоль реки. Позже, государство регистрировало ее в своих актах и приспособляло для своих целей уже как готовую сложившуюся административную единицу.

Так, Понизовская волость располагалась «по низу» от Устюжны, по обеим берегам реки Мологи, более чем на 50 верст вниз по течению. Ее западной границей была деревня Соловцово, а восточной - деревни Липенка, Мартыновское и Ли-

---

¹⁰⁷ АИСЗР. Т. 2. С. 184.

¹⁰⁸ Кучкин В. А. Указ. соч. С.286. Рис.10.

¹⁰⁹ Сотная 1567 г. С. 141,142,144,176,177 и др.

¹¹⁰ Богословский М.М. Указ. соч. Гл. II - III. С. 9 - 47.

пенский, ранее государев, ез. В сотной 1567 г. упоминается 17 населенных пунктов Понизовской волости - 13 деревень и 4 починка ¹¹². Сравнивая их список с более поздними источниками, в частности с дозорной книгой 1615 г. или писцовой книгой 1628 - 1630 гг. можно говорить о том, что он достаточно полно отражает состав и структуру поселений Понизовской волости середины XVI в. Волость изначально была частью территории Устюженского края, а затем и уезда. Вплоть до начала XVII в. она была «черной» посадской волостью Устюжны Железопольской. Не позже 1615 г. Понизовская волость была разделена на две части. Большая часть была отдана во владение думному дьяку Петру Третьякову и стала называться Понизовской волосткой, а остальная вошла в состав Нового стана. Правда надо сказать, что волость к этому времени изрядно запустела. Из 17 жилых деревень и починков второй половины XVI в. осталось только 7, из них 6 вошли во владения П. Третьякова ¹¹³. С конца 20-х годов XVII г. и до середины XVIII в. Понизовская волость входила в состав Хрипелевской волости, но в писцовых книгах и материалах первых ревизий всегда выделялась особо ¹¹⁴. В целом Понизовская волость была наиболее устойчивым административно-территориальным образованием Устюженского уезда с ясными границами.

Этого нельзя сказать о других административных образованиях Устюженского уезда - станах. По мнению М. М. Богословского, слово "стан", по крайней мере на Севере, обозначало первоначально место остановки правительственного агента, объезжающего округ, где для него местное население обязано было строить и содержать двор или резиденцию. В связи с этим "станом" называли так же место, служившее пунктом совершения разных официальных актов и сбора населения или его представителей для выслушивания правительственных распоряжений, центр, где заседал суд, и где волостное собрание совершало раскладку податей ¹¹⁵.

---

¹¹¹ Там же. С. 29.

¹¹² Это черные деревни Борнякова Лежина, Ванско, Верхняя Кротынь, Григорково Селище, Громошибля Глуховская, Лентьево, Липницы, Лычно, Мартыновское, Нижняя Кротынь, Оснополье, Плоское, Соловцово и починки Братышков, Гривы Шуклина, Лукьянов Глуховской и Частыха. См. Сотная 1567 г. С. 177.

¹¹³ Дозорная книга 1614-1615 гг. // АЮБ. Т.2. СПб., 1864. № 128. С. 41 - 45;

¹¹⁴ Например, описание 1628-1630 гг. РГАДА. Ф.1209. К-901. Л.438об.-458. Колесников П.А. Устюжно-Железопольский уезд в XVII в. С. 184.

¹¹⁵ Богословский М. Указ. соч. С. 30, 31.

В поморских уездах станы представляли из себя, по классификации М. М. Богословского, простые областные единицы, правда, со сложной территориальной структурой. Это наблюдение характерно и для Устюженского уезда. Все устюженские станы отличаются распыленностью территории и неустойчивыми очертаниями границ. На наш взгляд их появление и территориальное оформление, а территория уезда в течении XVI - XVIII вв. постоянно увеличивалась, явилась результатом сложных социально-экономических и политических процессов. Сам стан как форма административного устройства являлся средством для правительства создать новую систему управления. Такими, видимо, выступают Новый и Середецкий станы Устюженского уезда. Любопытно само название станом. За ними нет исторического прошлого. Одно (Середецкий) обозначает местоположение между двумя известными местностями или административными единицами, другое (Новый) - недвусмысленное название вновь образованного административного округа. На наш взгляд, станы были образованы вскоре после ликвидации в 1521 г. Угличского удела, одновременно с образованием и юридическим оформлением Устюженского уезда. Скорее всего созданы эти станы были на территории юго-восточных окраин новгородских волостей и погостов и черных земель Устюженского края, переданных в поместное и вотчинное владение.

Что они представляли из себя в территориальном отношении во второй половине XVI в. сказать трудно. От 1567 г. известна принадлежность 8 населенных пунктов к Середецкому стану и 1 к Новому стану¹¹⁶. Все они находились во владении устюженских городских монастырей и храмов. Кроме этого известны названия еще 4 бывших черных деревень, которые "по государеву указу в роздачу ж розданы" Это - Зарученье, Калентьево, Ногатино и Понарино. В состав какого стана они входили неизвестно, но все принадлежали Василию Сивкову Востинскому¹¹⁷.

Учитывая, что границы Бежецкой пятины на протяжении всего XVI в. существенно не менялись, попробуем определить территорию и примерные границы Нового и Середецкого (Новосередецкого) станом в начале XVII в. по ссылкам на

---

¹¹⁶ В составе Середецкого стана упоминаются деревни Ветренниково, Игуменцово, Минкино, Обухово, Чесавино и Юньково, а в составе Нового стана - деревня Хотыль. См. Сотная 1567 г. С. 139, 141, 142, 144.

¹¹⁷ Сотная 1567 г. С. 172.

выписи из описания Устюженского уезда 1597 г. Дмитрия Бельского и данным писцовой книги 1628-1630 гг.

Новосередецкий стан, значительный по территории, располагался к юго-востоку от Устюжны. Его административным центром было село Соболево. В 1597 г. оно принадлежало Ивану Щетневу¹¹⁸. Кроме этого в Новосередецкий стан входила северо-восточная территория по реке Шалче - деревни Шалоцкая Вершина, Понизовье и др. В стане в 1630 г. числилось 28 жилых селений и 98 пустошей, 29 из которых в конце XVI в. были жилыми населенными пунктами. Насколько границы Новосередецкого стана соответствовали территории Сереецкого стана второй половины XVI в., сказать трудно, источники не дают возможности их сопоставить.

Аналогичная картина и с Новым станом. Его примерные территориальные и административные границы мы можем определить только на конец 20-х годов XVII в. Основная территория Нового стана состояла из двух частей, находившихся на противоположных концах уезда. Первая, западная часть, располагалась по левому берегу реки Мологи, между ее притоками Кирвой и Кобожей. Здесь располагались основные владения крупной вотчины А. Н. Годунова. Именно она составляла территорию стана в XVI - начале XVII вв. В середине XVI в. здесь проходила юго-западная граница Нового стана Устюженского уезда и начинался Новгородский уезд.¹¹⁹ Вторая часть, восточная, составляла компактные владения Модинского монастыря и Шалоцкой пустыни и располагалась за Понизовской волостью, ниже по течению реки Мологи. Эта территория была приписана к Новому стану в результате раздела Понизовской волости, не позже 1615 г. В состав Нового стана вошли земли по реке Мологе, ниже деревни Ванска. Кроме этого, в административном отношении к Новому стану относились незначительные территории составляющие мелкие поместные и вотчинные владения находящиеся в нижнем течении рек Ворожи, Ижины, Кати и на реке Зване¹²⁰. В 1630 г. в стане было 32 жилых и 7 запустевших за треть XVII в. населенных пункта.

---

¹¹⁸ Сотня 1597 г. С. 157.

¹¹⁹ Сотня 1567 г. В 60-е годы XVI в. здесь заканчивались пределы сенокосных угодий устюженцев - «да противу их же монастырских покосов, что у них отписано на усть речки Кирвы под Ноугородским рубежом» или «на реке на Кобоже по обе стороны с посаду ж и из деревень наездом же кашивали безоброчно».

¹²⁰ К - 901 // Устюжна III. С. 294-308.

Самой крупной административной единицей как по территории, так и по населению была Хрипелевская волость. Прямых указаний на ее принадлежность к Устюженскому уезду в XVI в. нет. Есть только косвенные упоминания об этом в сотной 1567 г.¹²¹. Нет упоминаний о ее принадлежности и к Бежецкой пятине, примыкавшей непосредственно к Устюженскому уезду. В писцовой книге по Тверской половине 1536-1545 гг. не встречается ни само село Хрипелево, ни другие селения этой волости. Граница новгородских погостов волостей Слезкино и Охоны проходит южнее деревень сел Хрипелево и Микифорово¹²². Определенно отнести Хрипелевскую волость к Устюженскому уезду в XVI в. мешает то, что она до начала XVII в. входила в состав великокняжеских оброчных или дворцовых земель и могла управляться только дворцовым ведомством. Первые, подтвержденные источниками данные о принадлежности Хрипелевской волости к Устюженскому уезду относятся только к началу XVII в. Царской грамотой от 1614 г. предписывалось включить ее в состав Устюженского уезда со всеми тяглыми обязанностями¹²³.

В первой четверти XVII в. происходит и значительное увеличение территории Устюжно-Железопольского уезда. Связано это было с необходимостью увеличения числа тяглого населения в уезде для выполнения государственных повинностей, в первую очередь «городового дела». С этой целью, к Устюжне Железопольской был приписан ряд волостей и земельных владений из Белозерского, Городецкого и Угличского уездов, Бежецкой пятины¹²⁴.

Некоторые из них, как Белетовская (Велетовская) волость Угличского уезда вошла в состав Устюженского уезда¹²⁵. Другие, как Сухацкая или Судская волости Белозерского уезда - только на период строительства острога. Погосты Бежецкой пятины вошедшие в состав Устюженского уезда в 1609-1614 гг. были приписаны к Хрипелевской волости в качестве приселков. Это - Долоцкий, Железная Дубровка, Люботово, Мезга, Орел и Тухани.

Говоря об территориальном устройстве поморских уездов, М. М. Богословский выделяет три уровня административного статуса станов и волостей. "Во-

---

¹²¹ Там же. С. 172.

¹²² НПК. Т. 6. С. 524 - 564.

¹²³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 108об., 153, 195об.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 141. Д. 73. Л. 27, 28, 49.

первых это административный центр, где местные власти выполняют свои правительственные функции; во-вторых, это простая областная единица, группа селений, объединенная общей администрацией, такая же как волость и погост; наконец, это - сложная единица, стан высшего порядка, объединяющий ряд волостей. Иногда, сосредоточение волостей в более сложную группу так же называлось волостью" ¹²⁶.

Такого рода сложным административно-территориальным образованием в Устюженском уезде была Хрипелевская волость. Первоначально, она представляла из себя типичную волость - село Хрипелево с деревнями, вытянувшиеся вдоль реки Ижины. Позже, в ее состав вошла Никифоровщина - село Никифорово (Микифорово) с деревнями. В конце XVI - первой четверти XVII вв. к Хрипелевской волости приписали все территории соседних уездов отошедшие к Устюженскому уезду. В прошлом это были окраинные восточные погосты Бежецкой пятины - Долоцк, Железная Дубровка (Дубровский), Мезга, Орел и Перя и, видимо, дворцовые волости - Люботово и Тухани. После присоединения к Хрипелевской волости, эти погосты и волости утратили свою самостоятельность как территориально-административные округа, а погосты, как поселения, свои функции административных центров и сохранили, в лучшем случае, функции приходского духовного центра, а некоторые вовсе запустели. В описании 1628-30 гг. все они названы приселками. Термин "приселок" писцы употребляли как название определенного территориального округа, так и его бывшего административного центра - погоста либо села ¹²⁷.

Один из приселков - "на Пере" делился в свою очередь на части, которые так же назывались приселками. В описании, наряду с общим названием - "в приселке на Пере" ¹²⁸, упоминается по крайней мере два из них. Один - "приселок Липовик на Пере" в административном отношении относился к Хрипелевской волости ¹²⁹,

---

¹²⁵ Там же. Л. 28.

¹²⁶ Богословский М. Указ. соч. С. 39-40.

¹²⁷ Например, "в приселке Туханех пустошь Обакумиха" (л. 320, 375 и др.) и "приселок Тухани на суходоле, а в нем церковь ... да в селе ж церковного причету ..." (л. 408об.-409). Или, " да в приселке в Долоцке, пустошь, что была деревня ..." (К - 901. Л. 297, 298об., 302об. и др.) и "приселок Долоский, а в нем церковь ... и всякое церковное строение тутошних приходных людей. Причетников: во дворе ... да к тому ж погосту деревня ..." (л. 355-355об.). Аналогично употребляется термин "приселок" и относительно округов Железная Дубровка (л. 361об., 366об. и др.) и Люботово (л. 282об.) и их бывших административных центров - погоста Дубровка Железная. (л. 315-135об.) и села Люботово (л. 302об.).

¹²⁸ Там же. Л. 298, 320об. и др.

¹²⁹ Там же. Л. 410-410об. По смыслу текста описания, территория приселка Липовик совпадает с территорией прихода, а сами термины употребляются как синонимы.

другой - "приселок Возный на Пере" находился в Новом стане. Здесь же находились несколько селений еще одного приселка - Долоцкого. И приселок Возный на Пере, и часть приселка Долоцкого входили в состав вотчины А. Н. Годунова ¹³⁰.

В составе "тое ж Хрипелевские волости в обводных землях" в это время описывалась и Понизовская волость, которая утратила свой самостоятельный административный статус после того, как большая ее часть в начале XVII в. была отдана в поместье владение ¹³¹.

Всего в Хрипелевской волости в 1630 г. было 103 населенных пункта. К этому времени, с середины XVI в., на всей территории Хрипелевской волости, включая приселки, запустело 143 селения, за вторую половину XVI в. их число сократилось на 69, а за первую четверть XVII в. - на 74.

В первой четверти XVII в. в состав Устюженского уезда вошли два новых стана - Калининский и Велетовский.

Калининский стан, небольшой по территории, располагался на левом берегу реки Званы, в ее среднем течении. В 1630 г. в нем было всего 12 населенных пунктов, хотя за вторую половину XVI - первую четверть XVII в. число запустевших поселений составило 76 пустошей. В течении всего XVI в. Калининский стан (волость) «тянул» к Устюжне Железопольской и находился в период существования Угличского удела в ее административном подчинении.

Велетовский стан (волость) располагался по реке Мологе, особенно ее левому берегу. Его территория, начинаясь ниже Понизовской волости, простиралась до границ владений Симонова монастыря - села Веси Егонской, входившей уже в состав Городецкого уезда Бежецкого Верха. В Велетовском стане находились владения Симонова монастыря - более 64 % населенных пунктов. Видимо, это стало основной причиной повлекшей территориальное расширение Велетовского стана. В середине 20-х годов XVII в., в ходе административных преобразований, часть Городецкого уезда, - вотчина Симонова монастыря, вошла в состав Велетовского стана, а село Весь Егонская стала его административным центром. По данным писцовой книги 1628-1630 гг., после укрупнения стана, в нем стало 58 населенных пунк-

---

¹³⁰ К - 901 // Устюжна III. С. 301.

та. Территория Велетовского стана в наибольшей степени запустела к концу 20-х годов XVII в. По данным на 1630 г. в ней числилось 170 пустошей. За вторую половину XVI в. запустели 105 поселений, а за первую четверть XVII в. - 65.

Таким образом во второй половине 20-х годов XVII в. когда Устюженский уезд был "отписан к Угличу" его территория состояла из Хрипелевской волости с приселками и 4 станов - Новосередецкого, Нового, Калининского и Велетовского. Понизовская волость, территориально сократившаяся почти в два раза, описывалась в составе Хрипелевской волости.

В 1630-х годов существенных территориальных и административных изменений в составе "станов и волостей тянущих к Устюжне Железопольской", а следовательно и территории всего Устюженского края в XVII в. не происходит. В 1685 г. все станы и волости в полном составе были вновь выделены в "Устюжский уезд Железопольский"¹³².

QQQ

§ 3. Сельское расселение и население.

Расселение как форма пространственного освоения природной среды отражает уровень социально-экономического развития как конкретного региона, так и общества в целом. Возникновение и утверждение поселений в средневековой Руси происходило не обособлено, а в ходе формирования региональных систем расселения. Такая система представляла из себя единство относительно самостоятельных поселений соединенных между собой связями различной силы и интенсивности. Со временем подобные системы приобретали более или менее четкую структуру. В условиях централизации государства они, в зависимости от охвата территории, превращались в административно-территориальные единицы - погосты, волости, станы или уезды.

Формирование системы расселения в Устюженском крае началось со времени колонизации ильменскими словенами бассейна реки Мологи. В X - XIII вв., в связи с улучшением климатических условий и понижением уровня водоемов, идет хозяйственное освоение края, происходит становление основной структуры посе-

---

¹³¹ К - 901. Л. 438об., 444, 458. В конце XVI в. Понизовская волость делилась на трети. См. Сотная 1597 г. С. 156.

лений. Они располагаются по берегам рек, где имеются обширные поймы и хорошо дренированные террасы ¹³³.

Долгое время, видимо до конца XV в., плотность расселения в регионе была незначительна и представлена, в основном, приречным типом поселений. Сказывалось местоположение - окраина Новгородской земли и Московского княжества, где слабо действовали силы экономического и административного притяжения.

Кардинальным образом изменилась ситуация в XVI в. На этот век, точнее на его первую половину приходится окончание длительного процесса массового создания новых поселений и формирования основной структуры региональных систем расселения центра и северо-запада страны. Экономический подъем первой половины XVI в. стал основой для завершения этого процесса.

В последующем, возникновение новых поселений перестало быть ведущим процессом в хозяйственном освоении территории. По мнению А. Я. Дегтярева, в это время сложился новый комплекс социально-экономических факторов, оказывающих влияние на развитие системы расселения. Сосуществование большого количества поселений вело к тому, что выбор места для нового починка становился все более сложным. Большинство удобных для поселения земель уже было занято и хозяйственные ареалы деревень часто соприкасались друг с другом. Вклиниться между ними новому поселению становилось все более затруднительным. Плотность расселения большинства регионов государства, за исключением Поморья и окраин, достигла пределов их хозяйственных возможностей и обострила борьбу за землю ¹³⁴.

Развитие сельского расселения Устюженского края в первой половине XVI в. имело тенденции господствующие во многих районах страны, в том числе и на северо-западе Руси, и характеризовалось бурным процессом создания новых поселений. Материалы писцового делопроизводства, дающие необходимые статистические данные по Устюженскому краю за XVI в., не сохранились. Рассматривая про-

---

¹³² ПСЗ - I. Т. 2. № 1150

¹³³ Башенькин А.Н. Древности земли Устюженской. С. 26, 27 // Устюжна - I. Он же. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекнинском междуречье в конце I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. С. 29 // Проблемы истории Северо-Западной Руси. СПб. 1995.

¹³⁴ Дегтярев А.Я. Указ. соч. С.49-51.

цесс становления системы расселения в крае, обратимся к примеру соседних территорий, прежде всего Бежецкой пятины, непосредственно примыкавшей к Устюжне Железопольской, а в XVII в. частично вошедшей в состав Устюженского уезда.

По наблюдениям А. Г. Абрамовича, в первой половине XVI в. в Бежецкой пятине происходят значительные изменения. Прирост населения, сельскохозяйственное освоение новых земель идет в абсолютном большинстве за счет новых деревень и починков. Значительно усложняется структура и плотность расселения. Особой интенсивностью отличались данные процессы в юго-восточной части Тверской половины, в том числе и в одной из ее составных частей - волости Слезкино, отдаленной северо-восточной окраине. В XVII в. погосты этой волости вошли в состав Устюженского уезда. Г. В. Абрамович отмечает, что в первой половине XVI в. активно заселяется восточная часть Бежецкой пятины. Число населенных пунктов на этой территории в первые 45 лет XVI в. увеличилось на 81%, а дворов - на 79%. И если север восточной части Бежецкой пятины, где располагалась волость Слезкино, заселялся не так интенсивно как юг, то в последующие 6 лет (1545 - 1551) "из 253 вновь появившихся за 6 лет обож, - считает Г. В. Абрамович, - 142 обжи, или 56%, пришлось на 4 погоста в волости Слезкино, расположенной на правом берегу реки Мологи, в самом восточном углу пятины, образуемом изгибом Мологи; на границе с городом Устюжною ...". Характерно, что в предшествующие 45 лет волость Слезкино дала лишь небольшой прирост при одновременном сокращении количества обож, а теперь число дворов выросло на 90%, а обож - на 110% ¹³⁵.

Надо полагать, это был результат внутреннего хозяйственного освоения пятины, "починковая колонизация", характерная в целом для первой половины XVI в ¹³⁶. 89,2% новых поселений составляли именно починки ¹³⁷.

Причины такого хода сельского расселения по мнению А. Г. Абрамовича следующие. Во-первых, произошла смена центров экономического притяжения. После присоединения Новгорода к Москве земли, бывшие далекой окраиной, ока-

---

¹³⁵ Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т.2. Л., 1974. С.188 - 189.

¹³⁶ Веселовский С.Б. Село и деревня ... С. .

¹³⁷ Аграрная история ... Т.2. С.185.

зались наиболее близко расположенными к новой столице. Это стимулировало их заселение. В сферу этого притяжения попал и Устюженский край ¹³⁸.

Большое значение в перераспределении рабочей силы в Бежецкой пятине имела разница в размерах владельческих повинностей. Активный прирост населения и массовое возникновение новых поселений в этот период наблюдался в районах с более низкими средними размерами оброков. В погостах, где размер повинностей был в 2 раза ниже средних, прирост населения составил от 88 до 136%. Этот фактор регулировал движение населения не только между погостами, но и между отдельными поместьями ¹³⁹.

Миграция населения в Устюженский край была вызвана как запустением юга пятины "от дороги, от проезжих людей и от ратных", так и льготами, которые предоставлялись в волости Слезкино. После голода и мора 50-х годов XVI в., правительство разрешило призывать сюда на пустые деревни и пустоши крестьян, предоставляя им льготы на сроки от 6 до 10 лет с освобождением от уплаты великокняжеской дани, ямских и приметных денег, выполнения городского дела, посошной службы и т. д. ¹⁴⁰.

Вскользь упоминается и третья причина, хотя достаточного внимания ей не уделяется. Это - близость Устюжны Железопольской. Полагаем, что именно эта причина является определяющей. Необходимость стимуляции развития металлургии и привели к тому, что именно в этом районе правительство ввело столь значительные льготы ¹⁴¹.

Таким образом можно говорить о том, что в первой половине, особенно в середине XVI в., идет значительная миграция населения и завершается процесс становления системы сельского расселения в Устюженском крае. В 60-е годы число населенных пунктов достигло максимума. По самым примерным подсчетам их количество, в границах территории уезда XVII в., превысило 750..

Хозяйственный подъем первой половины XVI в. сменился кризисом. Запустение 70-80 годов XVI в. разрушило сложившуюся систему расселения. В 1582 -

---

¹³⁸ Там же. С.188.

¹³⁹ Там же. С.186. Таб.153.

¹⁴⁰ Там же. С.189.

¹⁴¹ Там же.

1585 годах Тверская половина Бежецкой пятины запустела по сравнению с 1500 годом на 75,9%, а с серединой XVI в. - на 83,4%¹⁴². Число поселений уменьшилось более чем в 10 раз, а населения осталось около 1/6 - 16% дворов и 17% "людей". Перераспределение населения пошло по пути роста дворности сохранившихся поселений. Убыль населения по погостам была различна. 17 погостов запустели полностью. В меньшей степени разорение коснулось северо-востока. В Спасском погосте, в Слезкино, население сократилось на 61%¹⁴³.

Помимо общих причин на размерах запустения в Бежецкой пятине сказался опричный погром - многие погосты оказались на пути М. Скуратова во время похода на Новгород 1570 г. Примерно 2/5 населения было потеряно пятиной во время голода и мора и поветрия 1570/71 г. Рост государственных повинностей усилил миграционные процессы. Наблюдается как перераспределение населения внутри пятины - укрупнение поселений, так и бегство крестьян¹⁴⁴.

90-е годы XVI в. характеризуются началом процесса экономического возрождения, наблюдается рост численности населения и восстановления ряда поселений. Эти тенденции имели свои местные особенности. Так, в Бежецкой пятине рост населения шел не во всех погостах и, в основном, за счет дворов бобылей и холопов. Их число выросло соответственно в 4 и более чем в 2 раза. В целом, прирост населения за 1584 - 1600 гг. составил около 20 %¹⁴⁵.

Точных данных о числе восстановленных селений в Устюженском уезде в этот период нет. Некоторое представление об этом дают размеры запустения первой трети XVII в. С 1598 г. по 1630 г. на территории Хрипелевской волости, Новосередецкого и Нового станов запустело 27 починков, отмеченных описанием 1597 г.

Все эти причины определили размеры разорения Устюженского края на рубеже XVI - XVII вв. По нашим подсчетам число запустевших поселений за последнюю треть XVI в., в пределах территории уезда начала 20-х годов XVII в., составило более 320 населенных пунктов. Это менее половины поселений существовавших

---

¹⁴² Аграрная история. Т.2. С.291, Таблица 227.

¹⁴³ Там же. С.191.

¹⁴⁴ Дегтярев А.Я. Указ. соч. С.65.

¹⁴⁵ Аграрная история. Т.2. С.193 - 194.

в 60-е годы XVI в., и существенно ниже, чем в соседних новгородских пятинах. Во многом, на степень запустения и его размеры большое влияние, на наш взгляд, оказала структура земельной собственности в крае - господство дворцового и чернососного землевладения. Разорение в дворцовой Хрипелевской волости или Новом стане (в его состав в 20-е годы XVII в. вошла черная Понизовская волость) значительно ниже чем Новосередецкого стана, где преобладало поместное землевладение. Свое влияние оказал и характер хозяйственной деятельности сельского населения, его активная роль в металлургическом производстве.

В большей степени, чем сельская округа, запустела Устюжна Железопольская. По сравнению с 1567 г., посад в 1597 г. по числу дворов запустел почти на 70%, а по численности населения примерно в три раза ¹⁴⁶.

В начале XVII в. произошли события, которые окончательно подорвали экономику страны, особенно центра и северо-запада. Голод и мор 1601-1603 гг., а затем Смута, прервали позитивные тенденции восстановления прежней системы расселения, намечившиеся в конце XVI в. Степень нового разорения превысила размеры запустения 70-х - 80-х годов XVI в. Устюженский уезд непосредственно на себе испытал тяготы гражданской войны и польской интервенции. Вот как описывает эти события Ю. В. Готье: "Под Устюжною Железопольскою, так же как и в Бежецком Верху, местность была сильно разорена еще в 1608 - 1609 годах. В Понизовской волости Устюженского уезда по дозору, проведенному в 1615 году воеводой Урусовым, пашня существовала лишь в 4 деревнях из 12, да и то, в самых незначительных размерах. ... В Бежецком и Устюженском уездах враждебные правительству отряды засели, по-видимому, особенно прочно, быть может, потому, что к Москве их долгое время не пускали правительственные ополчения сосредоточенные в 1614 - 1615 годах около Ярославля и Кашина" ¹⁴⁷. В качестве примера Ю. В. Готье приводит ряд записей из расходной книги Краснохолмского монастыря за январь 1609 года о выдаче денежных сумм "воеводе пану Миколаю Косаковскому да рохмистру Ивану для оберегания как шли под Устюжну", "пану Павлу ... как ехал под Устюжну", "воеводе пану Миколаю Косаковскому ... да пану Ивану Баклановскому

---

¹⁴⁶ Колесников П.А. Указ. соч. С.146.

¹⁴⁷ Готье Ю.В. Указ. соч. С.113, 114.

... для оберегания Никольской вотчины, как шли из-под Устюжны под Городецко"¹⁴⁸. Польские войска находились в уезде, по крайней мере, до 1612 года. Писцовая книга 1628-1630 годов датирует гибель крестьян "от литовской войны" периодом 1609 -1612 годов. Но и после 1612 года на территории уезда находились отряды поддерживающие поляков. Об этом говорит грамота, которая пришла к воеводам Углича и Устюжны весной 1614 года о поимке "воровских казаков атамана Яковлева", а также расходная книга уже упоминаемого нами Краснохолмского монастыря. В ней отмечен такой факт: "приезжали монастырь грабить казаки-донцы как шли из под Устюжны с первово дела Якова с товарищи ... и взяли из казны 70 рублей"¹⁴⁹.

Особенно сильно пострадала в этот период южная часть Устюженского уезда. Превратились в пустоши прежде всего малодворные деревни, починки и селища. В большинстве случаев причина запустения, если она указана, одна - "побили литовские люди", "запустело от литовской войны". Характерен в этом отношении пример Симонова монастыря. Из 59 пустошей, числившихся за монастырем в Велетовском стане, 11 ранее были деревнями, 24 - починками. В отношении 17 пустошей писцы указывают "пустые места дворовые". В 11 случаях указывается и причина превращения в пустошь: 10 - "от литовской войны 118 году", "побили литовские люди 120 году"; 3 - "в зяблые годы"; 1 - "от меженины". Из них 8 ранее были деревнями, 3 - починками, а 6 пустошей (14 "мест дворовых"), так и не став официально починками или деревнями, снова запустели. Возникновение населенных пунктов такого типа отмечено в начале XVII века в Новосередецком, Велетовском станах и Хрипелевской волости. Из 520 пустошей 197, или 37,9% в конце XVI века являлись жилыми населенными пунктами, остальные 62,1% -запустели, видимо, в годы хозяйственного кризиса. Запустевшие поселения отмечаются во всех станах и волостях. Подавляющее большинство полностью запустевших селений приходится на поместья и на вотчину Симонова монастыря. В светской вотчине их немного - всего 6 из 197. См. Таблицу 2.

В третьем десятилетии XVII в. происходит восстановление ряда старых и строительство новых населенных пунктов. Таких отмечено 20: 4 сельца, 11 дере-

---

¹⁴⁸ Там же. С.114

¹⁴⁹ Там же. С.114.

вень, 2 починка восстановлены из пустошей; 3 починка построены вновь. Кроме этого ряд селений сменил свой статус: 1 деревня стала сельцом, а 3 починка - деревнями. Как видим, этот процесс не мог перекрыть размеров запустения. Наличие всего 3 новых починков говорит о том, что фактически в конце первой трети XVII в. восстановление прежней системы расселения не началось. Более того, за период с 1597 по 1630 гг. на территории края запустели 58 починков и селищ. Процесс с конца XVI в. пошел по иному направлению - увеличению дворности сохранившихся поселений.

Экономические и политические потрясения начала XVII века вызвали значительное запустение в Устюженском крае. Исчезли многие поселения, существенно сократилось население. В ответ на распоряжение правительства изготовить в Устюжне самопалы устюженских воевода в 1615 году писал: "Уезд весь запустел, железа не дмут и уголье не жгут"¹⁵⁰.

При всей условности, динамику сокращений числа поселений за вторую половину XVI - первую треть XVII вв. дают материалы описания Устюженского края 1628 -1630 гг. Они дифференцируют пустоши на две категории - жилые на время предшествующего описания 1596-1597 гг. и запустевшие к этому времени поселения.

В середине XVI в. сложилась устойчивая структура поселений, которая была зафиксирована описанием второй половины 60-х годов XVI в. В конце 90-х годов прошло новое описание. Учитывая, что запустевшие поселения заносились во все последующие описания, мы можем определить примерное число населенных пунктов на период этих описаний, т.е. на 1567, 1597 и 1630 годы.

Таблица 1.

Динамика снижения числа поселений в Устюженском крае в сер. XVI - I трети XVII вв.

Стан, волость	Количество поселений				
	1567 г.	1597 г.	%	1630 г.	%
Велетовский	228	123	53,9	58	25,4
Калининский	88	34	38,6	12	13,6
Новосередецкий	126	57	45,2	28	22,2
Новый	65	39	60,0	32	49,2

¹⁵⁰ Сербина К.Н. Указ соч. С.20.

Хрипелевская	146	177	72,0	103	41,9
Всего	753	430	57,1	233	30,9

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901.

Таким образом, за 60 с небольшим лет число поселений сократилось более чем на 2/3 и составило около 31%. В целом, описание 1628-1630 гг. позволяет увидеть итоги развития, точнее динамику как разорения и запустения структуры и системы расселения, так и экономического и людского потенциала Устюженского уезда последней трети XVI - первой четверти XVII в.

В это время Устюженский край в административном отношении делился на Хрипелевскую волость и 4 стана - Новосередецкий, Калининский, Новый и Велетовский, в которых насчитывалось 233 населенных пункта. Неравномерность распределения населенных пунктов между административными единицами объясняется не только различиями в размерах их территорий. Важное значение имели природно-хозяйственный ландшафт, характер заселения Устюженского края, структура землевладения и степень разорения отдельных административных единиц. Хрипелевская волость выгодно отличалась по всем этим параметрам от станов. Здесь была менее разветвленная речная система и, что особенно важно, мало болот и относительно высокая плотность расселения. Многие селения волости стоят "на суходоле", в северной части края такое явление достаточно редкое. Более благоприятным было и то обстоятельство, что вплоть до окончания Смуты, волость была дворцовой, иногда кормленной.

Иерархическая структура поселений Устюженского края и отдельных его административных единиц в конце первой трети XVII в. представлена в таблице .

Таблица 2.

**Административно-иерархическая структура поселений
Устюженского края в I трети XVII в.**

Стан, волость	Тип поселения						Всего
	село	погост	приселок	сельцо	деревня	починок	
Велетовский	1	2	-	4	50	1	58
%	1,7	3,4	-	6,9	86,3	1,7	100
Калининский	-	-	-	1	11	-	12
%	-	-	-	8,3	91,7	-	100
Новосередецкий	1	-	-	13	14	-	28
%	3,6	-	-	46,4	50,0	-	100
Новый	-	2	-	3	25	2	32

%	-	6,2	-	9,4	78,2	6,2	100
Хрипелевская	3	2	5	4	87	2	103
%	2,9	1,9	4,9	3,9	84,5	1,9	100
Всего	5	6	5	25	187	5	233
%	2,1	2,7	2,1	10,7	80,3	2,1	100

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901.

Преобладающим типом селений в крае, как и в целом по стране, являлась деревня - 81,5%. В целом, процентное соотношение различных типов селений Устюженского края близко к аналогичным показателям в Угличском уезде. Правда, в Устюженском уезде более сложной была структура сельских поселений высшего порядка, особенно в Хрипелевской волости, что являлось следствием особенностей формирования территории уезда. Она представлена селами, погостами и приселками¹⁵¹.

Таблица 3.

**Иерархия поселений Угличского и Устюжно-Железопольского уездов
в 20-е годы XVII в. %**

Уезд	Сел	Селец	Деревень	Починков
Угличский	6,6	10,0	81,0	2,4
Устюженский	6,9*	10,7	80,3	2,1

Источники: РГАДА. Ф.1209. К-901; ВДЮЛ. Кн.46. С.615-619.

* - включены села, погосты и приселки.

Достаточно необычно на общем фоне выглядит иерархия поселений в Новосередецком стане. Половина сохранившихся населенных пунктов - села и сельца. На наш взгляд, это результат развития поместного землевладения. Становление поместья внесло новый элемент в развитие системы поселений. В середине XVI в. на северо-западе Руси идет активный процесс возникновения селец. Деревни в которых располагались владельческие дворы - усадища, обрастая людскими дворами, церковью, быстро становились хозяйственными и религиозно-административными центрами феодальных владений и приобретали новый статус¹⁵².

¹⁵¹ В административном отношении они распределялись следующим образом: в Велетовском стане - село Весь Егонская, погосты Воскресенский и Раменье; в Нососередецком стане - село Соболево; в Новом стане - погосты Перетерг и Перя; в Хрипелевской волости - села Борисоглебское, Никифорово и Хрипелево, погосты Долоский и Чирец, приселки - Железная Дубровка, Липовик, Люботово, Мезга и Тухани. В первой четверти XVII в., после вхождения в состав Устюженского уезда некоторые погосты, например Воскресенский, утратили свою административную функцию.

¹⁵² Дегтярев А.Я. Указ. соч. С.45.

В среднем, в конце 1620-х г., на одно селение по территории края приходилось 4,4 двора, что выше, чем в северо-западном Поморье - 3,9 двора¹⁵³, и Угличском уезде - 4,2 двора¹⁵⁴. По отдельным станам и волостям этот показатель колеблется от 3,2 до 5,3 двора.

Писцовая книга дает возможность установить численность населения Устюженского края в конце 20-х годов XVII века. Всего в этот период насчитывалось 1026 "живущих дворов", из них 895 дворов зависимого населения (1609 "людей"). См. таблицу 1. Учитывая население дворов помещиков, вотчинников, церковного притча и приказчиков с дворовыми людьми (131 двор, в них 20 "дворовых людей"), мы можем вычислить примерную численность сельского населения. Оно составляло примерно 7 тысяч человек, среди которых зависимого населения было около 6,5 тысяч человек¹⁵⁵.

Таблица 4.

Людность поселений Устюженского края в 1628 - 1630 гг.

Стан, волость	Дворов	Людей	В сред. людей на один двор
Велетовский	288	344	1,2
Калининский	53	79	1,5
Новосередецкий	65	120	1,8
Новый	153	217	1,4
Хрипелевская	336	849	2,5
Всего	895	1609	1,8

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901.

Неравномерное распределение населения по территории и населенным пунктам объясняется прежде всего характером заселения и последствиями "Смутного времени". Более высокое среднее число "людей" на один двор в Хрипелевской волости связано с тем, что в условиях значительного разорения территории с наибольшей плотностью расселения часть зависимого населения вынуждена была переходить на жительство во дворы более зажиточных крестьян. Это характерно для светских вотчин, где часто встречаются крестьянские дворы, в которых совместно проживают крестьяне и бобыли. Иногда прямо указывается, что бобыли "приста-

¹⁵³ Колесников П.А. Северная деревня ... С.111. Таб.11.

¹⁵⁴ ВДЮЛ. Кн. 46. С. 615-619.

¹⁵⁵ АИСЗР. Т.1. С.20.

ли", "на пристанье" и т.д. Здесь же находилась значительная часть дворов, в которых проживали "люди" не состоящие в прямом родстве.

Основной категорией зависимого населения являлись крестьяне - 41,7% дворов, 51,7% "людей". Следующей по численности группой были бобыли - 36,2% дворов, 38,6% людей. Особую группу составляли "беспашенные бобыли" - 5,5% дворов, 4,8% "людей", которые отмечены в вотчинах Нового и Велетовского станов. Видимо, они составляли ту часть населения вотчин, которая была связана с обработкой господской запашки, добычей и плавкой железной руды, производством древесного угля. Незначительную часть составляли "Людские дворы" - 2,3% дворов, 2,3% "людей". В эту категорию, при статистической обработке данных писцовой книги отнесены "человечьи дворы", а также дворовое население непосредственно обслуживающее вотчинников и помещиков (холопы, "деловые люди") 1,2% "людей". Таким образом, в конце 20-х годов XVII века в Устюженском крае было 233 населенных пункта и 197 пустошей, запустевшие за период с 1597 ("описания 104 - 105 годов князя Бельского с товарищи") по 1630 годы. И мы можем определить как общее число поселений в конце XVI века - предположительно 430, так и общие размеры запустения - 45,8%.

Сохранившиеся поселения также в большинстве случаев запустели. В этом отношении, как по числу полностью, так и по размерам частично запустевших жилых селений, Хрипелевская волость и Велетовский стан значительно превосходят другие административные единицы. 90,1% пустых дворов и 92,7% пустых мест дворовых приходится на эту волость и стан. Значительное запустение крестьянских дворов мы наблюдаем в поместьях - 44,3%; бобыльских дворов в духовных вотчинах - 56,7% (из них 79,3% приходится на вотчину Симонова монастыря). Особняком стоит Новый стан, в котором всего 2 пустых двора беспашенных бобылей. Объясняется это, на наш взгляд, двумя причинами: во-первых господством вотчинного владения - 147 дворов из 153, где степень эксплуатации была ниже, чем в поместье; во-вторых, территория этого стана, находившегося в северной части края, вообще, видимо, не подвергалась нападению "литовских людей". Иначе невозможно объяснить тот факт, что в поместьях и духовных вотчинах стана вообще нет пус-

тых дворов, а в вотчине Алексея Годунова на 115 дворов приходится лишь 2 пустых двор, да и те принадлежат беспашенным бобылям.

Таблица 5.

**Запустение поселений Устюженского края
в 1597 - 1630 гг..**

Тип владения	Жилые		Пустые	
	1597 г.	1630 г.	1630 г.	% к 1597 г.
Поместье	240	116	124	51,7
Светская вотчина	59	53	6	10,2
Духовная вотчина	121	64	57	47,1
Порозжие земли	10	-	10	-
Всего	430	233	197	45,8

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901.

Частично мы можем проследить причины запустения и судьбы крестьян, которые покинули свои прежние места жительства. В таблице 6 зафиксированы все случаи запустения дворов и мест дворовых, причина которых указана в писцовой книге 1628 - 1630 годов.

Таблица 6.

**Миграция населения Устюженского края
в первой трети XVII века.**

Стан, волость	Всего		«Збежали»		«Сошли безвестно»		Другие причины	
	дворов	мест двор.	дворов	мест двор.	дворов	мест двор.	дворов	мест двор.
Велетовский	123	60	5	6	105	2	1	23
Калининский	9	2	1	-	1	-	5	-
Новосередецкий	7	62	3	1	2	2	-	-
Новый	2	1	-	-	-	-	-	-
Хрипелевская	78	264	5	1	28	33	24	53
Всего	219	389	14	8	136	37	30	76

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901.

14 дворов и 8 мест дворовых из 219 пустых дворов и 389 пустых мест дворовых числятся за беглыми крестьянами и бобылями, что составляет соответственно 6,4% и 2,1%. Даже если исключить поразительный в этом отношении пример вотчины Симонова монастыря - крестьяне и бобыли всех 98 запустевших дворов числятся как "сошедшие безвестно", то и тогда число дворов и мест дворовых крестьян и бобылей, которые "сошли", более чем в 3 раза превышает число "збежавших". "Уложение 1597 года значительно расширило крепостническую практику ...- отме-

чает Р. Г. Скрынников, - ... любой переход крестьян рассматривался отныне как бегство. Беглый подлежал возврату со всей семьей и имуществом" ¹⁵⁶. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: как могли крестьяне в конце 20-х годов XVII века без всяких затруднений и юридических последствий покинуть своих владельцев?

По мнению авторов "Аграрной истории северо-запада России" "законодательство конца XVI - начала XVII веков, каким бы важным оно ни было для последующих судеб крестьян, не произвело моментального переворота в их положении ... ни в конце XVI, ни в начале XVII веков, законы отменявшие переходы, фактически не выполнялись. Для того, чтобы крестьянская крепость стала явью, нужно было организовать систему сыска, что удалось сделать лишь в XVII веке. ... Крепостническая регламентация труда и хозяйства крестьян, их общественного быта и семейной жизни в тех формах, в каких она выступает в инструкциях и других документах второй половины XVII века и особенно XVIII века, еще не была оформлена в конце XVI века" ¹⁵⁷.

Полная реализация законодательства по окончательному закреплению зависимого населения могла быть проведена только в условиях оформления или подтверждения владельческих прав на крестьян, что дало валовое описание 20-х годов XVII века, проведенное по всей стране и организации мощной системы сыска беглых крестьян. До этого все "законы направленные на прекращение переходов, в конце XVI - начале XVII веков, оставались неэффективными. Они не могли задержать все растущую волну переходов" ¹⁵⁸.

В этих условиях, уход крестьян был, по-видимому, частным делом их землевладельца и решался двусторонним соглашением. Только в случае конфликта крестьянин попадал в категорию "беглых". Подтверждением этого служит состав фонда "Устюженской приказной избы за 1614 - 1702 годы". За первую половину XVII века в нем зафиксированы только 6 актов о производстве розыска беглых крестьян. Наиболее ранняя грамота датируется 1623 годом ¹⁵⁹.

---

¹⁵⁶ Скрынников Р.Г. Россия накануне "смутного времени". М., 1985. С.180-180.

¹⁵⁷ Аграрная история. Т.3. С.198.

¹⁵⁸ Там же. С.198.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф.1147. Д.34.

В ряде случаев есть возможность проследить судьбу крестьян, покинувших своих землевладельцев. Часть из них уходили в города - Москву, Великий Новгород, Вологду, Кострому, Устюжну. За 1618 - 1628 годы в эти города ушли крестьяне из 7 дворов и 8 "дворовых мест". Уходили крестьяне и к новым землевладельцам. "Люди" из 3 дворов и 2 "мест дворовых" ушли в другие вотчины, а из 1 двора и 11 "мест дворовых" - в поместья.

В условиях массового разорения, когда была подорвана сырьевая база металлургического производства, нарушено сложившееся разделение труда между городом и деревней, разорваны устойчивые торговые связи с другими регионами государства, в города уходили прежде всего крестьяне, которые занимались ремеслом и имели высокий уровень профессионального мастерства или торговлей и сбытом ремесленной продукции. Подрыв металлургической базы в крае привел не только к миграции сельского населения, но и переселению части посадского населения в близлежащие деревни ¹⁶⁰. Размеры этих переходов были, по-видимому, значительно выше, чем отмечено описанием 1628 -1630 годов.

Сравнительный анализ абсолютных и относительных показателей размеров запустения Устюженского края к концу первой трети XVII века на фоне соседних уездов дает основание говорить о более высокой степени его разорения. Число поселений, запустевших с середины XVI в. до 30-х годов XVII в., составляло около 70%, что не превышало аналогичные показатели в Угличском уезде - более 85% ¹⁶¹. Однако по степени запустевших дворов Устюженский край значительно превосходит Бежецкий, Угличский и, особенно, Вологодский уезды, в полтора и более раза.

Таблица 7.

Запустение ряда уездов в I трети XVII века.

Уезд	Жилые дворы	Пустые дворы и места дворовые	% запустения
Бежецкий	397	113	28,5
Вологодский	27501	4601	16,7
Угличский	2642	644	24,4
Устюжно-			

¹⁶⁰ Сербина К.Н. Указ. соч. С.12, 13.

¹⁶¹ ВДЮЛ. Кн. 46. С.615-619.

Железопольский	1026	435	42,4
----------------	------	-----	------

Источник: РГАДА. Ф. 1209. К - 901; ВДЮЛ. Кн. 46. С.615 - 619; Готье Ю.В. Указ. соч. С. 132; Колесников П.А. Северная деревня ... . С.78.

Занятия устюженского крестьянства в XVI - XVII веках не ограничивались сельскохозяйственным производством. По мнению К. Н. Сербиной, уже в конце XVI века городская кузнечная промышленность Устюжны Железопольской прочно базировалась на сырье (крицы и уголь), получаемом от деревенских домников и угольщиков ¹⁶².

На наш взгляд, эта зависимость отчетливо проявляется с середины XVI века. Поэтому, исходные параметры, прежде всего демографическая ситуация, для восстановления экономического потенциала Устюженского края - сельского хозяйства и, что более важно, металлургического комплекса, имели более глубокое и важное значение, чем в других, с господствующим сельскохозяйственным производством, уездах страны.

К сожалению, отсутствие массового статистического материала середины и второй половины XVII в. не позволяет проследить динамику развития поселений и движение населения в Устюженском крае на протяжении всего XVII в. Объем имеющихся источников позволяет определить только главные направления этого развития.

Конкретные результаты динамики развития ряда поселений вотчины Воскресенского и Модинского монастыря и 10 селений Хрипелевской волости представлены в таблицах 8 и 9.

В 4 пригородных деревнях за период с 1626 по 1678 гг. ситуация выглядит следующим образом. При общем росте населенности монастырских деревень идут заметные процессы его внутреннего перераспределения. Меняется соотношение между крестьянскими и бобьльскими дворами в пользу последних. Значительно возрастает численный состав, прежде всего, крестьянского двора.

Таблица 8.

Развитие поселений Устюженского края в XVII в.

Населенный	Дворов	Всего
------------	--------	-------

¹⁶² Сербина К.Н. Указ. соч. С.78.

пункт / год	крест.	людей	бобыл.	людей	дворов	людей
дер. Огибь						
1626 г.	4	4	-	-	4	4
1646 г.	2	5	-	-	2	5
1678 г.	2	7	4	8	6	15
дер. Порослое						
1626 г.	3	3	-	-	3	3
1646 г.	5	15	1	3	6	18
1678 г.	3	19	4	8	7	27
дер. Хотыль						
1626 г.	-	-	4	4	4	4
1646 г.	5	14	-	-	5	14
1678 г.	5	21	6	15	11	36
Всего						
1626 г.	7	7	4	4	11	11
1646 г.	12	33	1	9	13	37
1678 г.	10	47	14	28	24	76

Источник: ГАВО. Ф.1009. Оп.1. Д.48. Л.35-37об., 76-79об.

У нас есть возможность проследить как шло развитие ряда поселений Хрипелевской волости за этот период, расположенных на поместных и вотчинных землях. Основные направления развития населения в сфере светского землевладения те же - увеличение размеров селений, рост населенности двора. Кроме этого проявляются и другие закономерности. Совершенствуется структура расселения и усложняется иерархия поселений. Часть из них переходит в иной статус. 3 деревни из 10 населенных пунктов переросли свои функциональные характеристики и перешли в более высокий разряд - селец.

В ряде поселений значительно увеличилось число дворовых людей, что свидетельствует о расширении владельческого хозяйства помещиков и вотчинников. В эту категорию входят как "старинные" и "приданные" крепостные, так и переселенные крестьяне, так называемые "полонные люди". При увеличении населенности двора практически отсутствуют пустых дворов и места дворовые.

Таблица 9.

**Развитие населенных пунктов
Хрипелевской волости в XVII в. (1630 - 1685 гг.)**

Населенный	Год	Дворов / людей	Пус-
------------	-----	----------------	------

пункт		владельч.		крестьян.		бобыльс.		всего		тых*
сл. Дементьевское -//-	1630	1	-	1	1	-	-	2	1	-
	1685	1	11	2	11	-	-	3	22	-
дер. Зайцово сл. -//-	1630	2	-	4	13	-	-	6	13	2
	1685	1	-	2	6	1	4	4	10	-
дер. Исаково -//- **	1630	2	-	3	3	-	-	5	3	-
	1685	1	12	3	8	2	9	6	29	-
сл. Квашнино -//-	1630	4	-	8	19	1	3	13	22	17
	1685	3	7	8	28	4	13	15	48	-
сл. Кузмо- демьянское **	1630	-	-	10	27	1	1	11	28	1
	1685	-	-	5	26	11	37	16	63	1
дер. Мишутино сл. -//-	1630	-	-	-	-	2	2	2	2	4
	1685	2	13	-	-	-	-	2	13	-
сл. Самойловское -//-	1630	2	3	3	10	3	7	8	20	2
	1685	3	17	2	5	2	3	7	25	-
дер. Степачево сл. -//-	1630	2	-	3	4	2	3	7	7	8
	1685	1	1	3	7	-	-	4	8	5
дер. Терентьево -//-	1630	-	-	4	11	-	-	4	11	5
	1685	-	-	14	62	1	2	15	64	3
с. Хрипелево -//-	1630	2	-	5	6	4	7	11	13	16
	1685	3	3	8	31	2	3	13	37	-

Источники: РГАДА. Ф.1209. К-90.; Писцовая книга 1685 г.

Примечания:

* пустые дворы и места дворовые,

** деревня Исаково, сельцо Кузмодемьянское в 1685 г. описаны в Новосередецком стану, на 5/6 отписаны "на великих государей".

В целом, развитие структуры, численность и состав основных категорий зависимого населения Устюженского края в период с 1630 по 1678 гг. представлено ниже.

За пол столетия число дворов в сельских поселениях края выросло примерно в 2,5 раза - с 1026 до 2576¹⁶³. Более чем в 2 раза выросла людность двора крепостного крестьянина, хотя оно было несколько ниже, чем в целом по стране. По данным переписи 1678 г. средняя численность двора составляла 3,68¹⁶⁴, а в Устюженском крае - 3,47.

Таблица 10.

**Динамика структура зависимого населения
Устюженского края в 1630 - 1678 гг.**

Категория	Год	Дворов	Людей	В среднем
-----------	-----	--------	-------	-----------

¹⁶³ Переписи населения России. С.106-107.

¹⁶⁴ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII ... С.48.

двора				на 1 двор
владельческие	1630	82	15	0,2
	1678	124	376	3,0
задворных людей	1630	24	37	1,5
	1678	26	104	4,0
крестьянские	1630	428	842	2,0
	1678	1226	5269	4,3
бобыльские	1630	379	637	1,7
	1678	1136	2978	2,6
беспашенных бобылей	1630	64	93	1,4
	1678	3	8	2,7
Всего	1630	977	1624	1,7
	1678	2515	8735	3,5

Источники: РГАДА, Ф.1209, К-901; Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 - 1858). М., 1972. Вып. I. С. 106 - 107.

Произошло заметное изменение в структуре зависимого населения. В 1630 г. преобладали бобыльские дворы - 49,5%. К последней четверти XVII в. большую часть составили крестьянские дворы - 51,3%. Увеличился разрыв между численностью крестьян и бобылей. Если в 1630 г. их соотношение составляло 53,2% и 45,4%, то в 1678 г. уже 60,4% против 34,1%. В целом доля бобылей сократилась и стала приближаться к общегосударственным показателям, хотя и оставалась выше. Практически исчезла из сословной структуры зависимого населения и такая категория как беспашенные бобыли. Сокращение доли бобылей произошло во многом за счет значительного роста дворовых и задворных людей. За 50 лет численность этой категории населения выросла с 3,2% до 5,5%.

Эти данные не могут быть признаны абсолютными. В условиях подворного налогообложения соблазн скрыть часть дворов и снизить податное бремя был весьма велик и вероятен. Уже в первую подворную перепись наблюдаются подобные попытки. В грамоте от 30 октября 1647 г., посланной в Устюжну Железопольскую говорилось о том, что "всяких чинов ... люди в поместьях и в вотчинах своих у переписи крестьянские и бобыльские дворы в скасках писали не всех сполна, а для утайки ... из дву и из трех дворов людей в один двор переводили, и дворы в один двор сгораживали, и ворота у тех дворов одни делали, и крестьянские и бобыль-

ские дворы людскими и жилые пустыми дворами писали, и деревни и починки обводили" ¹⁶⁵.

Я. Е. Водарский, рассматривая полноту регистрации населения в конце XVII в. пришел к выводу о том, что перепись 1678 г. охватила не менее 75% населения, подлежащего регистрации ¹⁶⁶.

---

¹⁶⁵ ААЭ. Т.IV. С. 34.

¹⁶⁶ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII в. ... С.53.

QQQ

Глава 2. Устюжна Железопольская.

§ 1. Топография города.

Устюжна как городское поселение возникла не позднее XI века. Наиболее древней ее территорией является городище. Оно находится на западной окраине современного города, на мысе, образованном слиянием рек Мологи и Ижины.

По археологическим данным это было небольшое древнерусское укрепленное поселение ¹⁶⁶. Крепость, близкая по форме к четырехугольнику и обращенная открытой стороной к Мологе, состояла из земляного вала высотой до 10 метров, по гребню, которого шли деревянные укрепления. С наружной стороны вал окружал ров глубиной до 2 метров и шириной более 5 метров. Вход на городище находился со стороны р. Ижины.

Раскопки городища, проведенные в 1963 г. А. В. Никитиным, выявили домонгольский культурный слой мощностью до 0,4 метра с типичным для древнерусских городов материалом. Вещевой материал хронологически и этнически однороден и свидетельствует о том, что поселение - крепость было основано славянским населением и существовало в XI-XII вв. ¹⁶⁶. Не позднее XIII в. город вышел за пределы городища на правый берег реки Ижины. С этого времени основной центральной частью города становится территория по правому берегу реки Мологи, между устьями рек Ижины и Ворожи. Городище с этого времени не было заселено и использовалось, видимо, как убежище на случай опасности. В культурном слое имеются следы кратковременного вторичного его использования в начале XVII в. ¹⁶⁶.

До конца XV в. Устюжна оставалась небольшим городским поселением на северо-западной окраине Московского княжества, практически на границе с Новго-

---

родской землей. Даже в начале XVI в. в грамотах великих московских и удельных князей она значится как центр волости, «тянущая» к городу Угличу¹⁶⁶.

Существенные перемены в жизни города и края происходят в середине XVI в. Присоединение Новгорода к Москве и образование единого государства коренным образом изменило политико-географическое положение Устюжны. Устюженский край оказался в центральной части государства, которая связывала между собой в единое целое крупные экономические регионы - старинные московские земли, северо-западные новгородские земли и Поморье. Хозяйственный подъем первой половины XVI в. и объективные природно-географические факторы, прежде всего крупные запасы болотной железной руды и разветвленная транспортная речная система, превратили Устюжну в крупный феодальный город-посад и один из крупнейших промышленных центров Русского государства XVI в.

К сожалению, рассмотреть динамику процесса экономического становления посада Устюжны Железопольской не позволяющая сохранившаяся источниковая база. Материалы первой половины XVI в. столь единичны и скудны, что не дают возможности определить даже основные исходные параметры уровня социально-экономического развития города начала века. Только источники второй половины XVI в., прежде всего сотные с писцовых описаний, позволяют определить основные пространственные, административные, производственные, религиозные и иные элементы топографии города и их развитие в последующий период.

Прежде всего подробно остановимся на топографическом описании города середины XVI в. Два обстоятельства заставляют рассмотреть этот вопрос более детально. Во-первых, наиболее раннее и подробное из сохранившихся описаний Устюжны Железопольской относится к этому времени, именно к 1567 году. Оно позволяет определить «исходный», точнее отсчетный, уровень в развитии города. Во-вторых, что более существенно, основные количественные и качественные показатели развития города середины XVI в., такие как площадь городской территории, численность населения, его социально-производственная структура и т.д., как показывает сравнительный анализ развития городской инфраструктуры, не были превзойдены ни в XVII в., ни даже в первой половине XVIII в.

Для реконструкции пространственного облика русского средневекового города ключевыми и, что особенно важно, достоверными элементами его внешнего облика были крепость и система храмов и монастырей, господствовавшие в пространственной композиции и служившие наиболее важными топографическими ориентирами.

Структурным ядром классического русского города XVI-XVII вв. была крепость. Кремль или острог были главной доминантой городского ландшафта. Здесь формировались управленческий, культовый и торговый центры, концентрировались административные учреждения и монументальные строения - соборы, церкви и т. д. В течение многих веков он служил центром притяжения всей остальной застройки города. К этому ядру, к крепости и торгу, стягивалась вся уличная сеть поселения.

Топографический облик Устюжны Железопольской как городского поселения сформировался к середине XVI в. и имел значительные отличия от типичного русского средневекового города. Если говорить о системе планировки посада, то ее по всем параметрам можно отнести к системе нецентрического линейного типа¹⁶⁶. Главной особенностью, определяющей внешний облик города, было отсутствие до начала XVII в. основного planoобразующего элемента - крепости. В этих условиях важнейшим фактором пространственной организации Устюжны Железопольской явилась река Молога и ее притоки - Ижина и Ворожа. Они объединяли город в единое целое и были главными компонентами организации городского пространства. Вокруг них, в зависимости от особенностей ландшафта, выстраивалась система градообразующих доминант, основные объемно-пространственные элементы города - монастыри, храмы, торговые площади.

Элементы застройки, вступая в тесное взаимодействие с природным ландшафтом и составляя с ним единое целое, определяли особенности и придавали своеобразие топографическому облику города. Рельеф берега, ручьи, овраги задавали основные параметры жилой зоны городского ландшафта, определяли систему улиц и их трассировку. Посад и слободы, вытягиваясь вдоль береговой линии, вклинивались в окружающие город поля, сливаясь с окрестными лесами.

В середине XVI в. Устюжна Железопольская занимала всю нынешнюю территорию по обоим берегам Мологи. Более того, часть городских дворов располагалась в районе Городища и вверх от него, по Мологе и Ижине. Реки Молога, Ижина и Ворожа делили город естественным образом на несколько частей: Заижинская сторона, Центральная (правобережная) и Заречная (левобережная) части. (См. Рис. 2.)

Единственными объектами города, у которых относительно точно можно определить топографическое положение для второй половины XVI в. являются монастырские и городские храмы и примыкающие к ним городские площади. Исследования показывают, что практически все храмы известные с середины XVI в. существовали до 30-х годов XX в. Это позволяет определить расположение первых деревянных храмов по более поздним известным деревянным или каменным церквям. По древнерусской традиции, неоднократно перестраиваясь, иногда меняя свое название, они не меняли свое местоположение, практически стояли на одном и том же месте. Так, церковь Козьмы и Домиана стала Воздвиженской, церковь Петр и Павла - Сретенской, церковь Николы Чудотворца - Преображенской. В XVI в. в перечисленных церквях были одноименные приделы или теплые храмы. На месте запустевшего храма Рождества Христова в 1667 году была сооружена церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери. Единственный храм который запустел, а затем, к началу XVII в., прекратил свое существование - церковь Воздвижение Честнаго Креста, за Ижиной, на Городище ¹⁶⁶.

Наиболее древней, как мы уже говорили, частью города было Городище - территория по левому берегу Ижины от ее устья вверх по Мологе. Здесь, «за рекою за Ижиною под Городищем и около Городища» и «промеж реки Мологи и речки Ижины» стояли 25 черных тяглых дворов - 17 пашенных и 8 не пашенных. На Городище находился и один из древнейших храмов Устюжны - «церковь ружная Воздвижение Честнаго Креста, клетки с папертью» По преданию храм был воздвигнут по приказу Ивана IV. Здесь же в 4 дворах проживали священник и причетники, а в 7 кельях при храме нищие. На церковной земле стоял 1 оброчный церковный двор.

Таким образом в 1567 г. в Заижинской части всего было 30 дворов, «а людей в них» - 31 человек, т.е. все население, включая нищих, составляло более 150 человек¹⁶⁶. Каких либо элементов организации жилой застройки Заижинской стороны - улиц, переулков, концов не наблюдается. Видимо, она была свободной, усадебной.

Основной, центральной частью города была территория по правому берегу Мологи, вниз от устья Ижины. Река Ворожа, небольшая по ширине, делил эту территорию на две части. Она не представляла серьезного естественного препятствия для развития городской инфраструктуры. В нескольких местах ее берега соединяли мосты и плотины, а позже, в первой четверти XVII в., и стены острога. Река Ворожа не была тем объектом, который делил город на отдельные районы. и для писцов, описывающих посад в XVI - XVII вв. Эти обстоятельства позволяют при сравнительном анализе таких явлений как демографические процессы и развитие городской территории, социальной дифференциации или профессионально-территориальной структуры городского населения считать указанную территорию единым целым.

По площади и по количеству населения это была самая крупная часть города. Ее пределы ограничивались территорией приходов городских храмов, стоящих "на всполье", т. е. на границе посада и "поля" (не имеющее застройки открытое место, пашня или пожня)¹⁶⁶. На западе граница проходила по правому берегу Ижины к церкви Василия Кесарийского, на юге - далеко за Благовещенский приход, за мельницами на реке Вороже, на востоке - у церкви Рождества Христова (ныне Казанская церковь) и далее к Мологе.

Административным центром города была площадь на левом берегу Ворожи, рядом с Ильинским монастырем. Здесь находились земской двор, «а на дворе изба на взмостве 4 сажень судных старост и целовальников губных» да «изба на взмостве ж 3 сажень судная ж устюженских посацких земских выборных целовальников ... а около двора заметом, а ворота тчаные». Рядом находилась «тюрьма разбойная с подошвою, а около тюрьмы тын» и таможенная изба «на взмостве 3 сажень меж углов».

На берегу реки Ворожи, на южной окраине города, стоял ямской двор: «2 избы да 2 сенника на подклетьях, а около двора тын дубовой, а ворота тщанные, а живут в нем дворники ямские».

В конце Дмитриевской улицы, видимо, недалеко от Ижины, стояли запустевшие дворы наместника и его тиуна, «ветчаны добре». Ранее это было обширное административно-хозяйственное подворье - «на них хором бывали плоские избы на взмостех, и niskие, и сенники, и погребы, и ледники с напогребицами, и житницы, и поварни, и мылны, и конюшни, и около дворов заметы, и ворота»¹⁶⁶. Во время описания ветхой была и «варница ямчужная, а хором - изба да анбар, да поварня, на реке ж на Вороже»¹⁶⁶.

В центре, у реки Ворожи, стояли два монастыря и 12 дворов клира. Богородице - Рождественский монастырь располагался на правом берегу, почти в устье реки Ворожи. Когда основан неизвестно, видимо, в конце XV или начале XVI вв. Впервые в источниках монастырь упоминается в послании новгородского архиепископа Феодосия «на Устюжну Железную» в 1545 г.¹⁶⁶. По преданию, один из храмов монастыря - теплая церковь с трапезою Ивана Милостивого, была построена из царской казна при Иване III. А. А. Рыбаков, на основании анализа технико-технологических и стилистических данных икон Собора, пришел к выводу о том, что храм основан сыном Ивана III, князем Дмитрием Ивановичем Жилкою в период 1514 - 1521 гг.¹⁶⁶. В 1537 г., когда посад Устюжны Железопольской описывал С. Бутурлин, монастырь уже владел крупной слободой в 52 двора¹⁶⁶.

В 1567 г. монастырь состоял из соборного храма Рождества Пречистые Богородицы «древяна, на взмосте с папертьми» с двумя приделами и теплой церкви с трапезою Ивана Милостивого «древяна ж клетки». При соборном храме была колокольня с 2 колоколами и часы с боем, приведенные к большому колоколу. За часами наблюдал часовой мастер Некраско, проживающий при монастыре. Вокруг монастыря располагались 2 игуменские кельи, 16 братских «старцев-черноризцев» и 10 келий в которых жили 22 «старицы-черноризицы»¹⁶⁶. Юго-восточнее от Богородице - Рождественского монастыря располагалась его слобода с 77 дворами¹⁶⁶.

Монастырь был особый и все еще смешанный, т. е. одновременно мужской и женский, что давно противоречило решению Собора 1503 г. о воспрещении совместного проживания иноков и инокинь в одном монастыре.

По челобитью игумена с братиею и посадских людей о том, что им со "старицами и черноризицами в одном монастыре быти презорно", от имени Ивана IV последовало распоряжение. В нем предписывалось: во-первых - вместо «особного» устроить мужской общежительный монастырь; во-вторых - на основе одного из городских приходов устроить новый женский монастырь. Реорганизация монастыря должна была начаться в 1566 г. С «лета 7075 году ... игумену Ферапонту з братиею ... упроя благословение у архиепископа старец- черноризец всех из того Рожества Пречистые вывести и монастырь им девич устроить на посаде ж у церквей Вознесения Христова да святых чудотворцев Козьмы и Домиана. Кельи их переставить, а которые кельи ветчаны и в тех место поставить им новые кельи и около монастыря ограду заметом оградити и ворота святые учинити»¹⁶⁶.

Кроме этого на игумена возлагалась обязанность фактически содержать женский монастырь «изо всяких доходов с монастырской слободки и з деревень и с пашен и со всяких угодей и мирским и приходным и всяким приношением», чтобы «старицам ... мочно было быти нескудно и от скудости бы нарочно не разошлись и тот бы девич монастырь вперед не запустел»¹⁶⁶. Решение всех спорных хозяйственных вопросов возлагалось на приказчиков старицы Александры. Других данных об этом женском монастыре в источниках нет. Скорее всего он исчез через 2 года, когда в 1569 г. город опустошил страшный мор.

Второй, Ильинский монастырь, располагался недалеко от Богородице-Рождественского монастыря, на противоположном берегу реки Ворожи, в центре города, на площади. По источникам известен с 1545 г., когда игуменом в нем был Иннокентий¹⁶⁶. В 1567 г. это был небольшой, пустеющий мужской монастырь. В нем было 2 церкви - пророка Ильи «древяна вверх с папертми» и теплая церковь во имя Воскресения Христова. Из братии в монастыре оставался только один игумен Мартирей и трапезник, «а старцы де и разошлись». Богослужение совершали 2 «попа -

---

бельца». Монастырь был «особный», ружный и получал 10 рублей в год из Приказа Угличского дворца ¹⁶⁶.

Большинство городских храмов Устюжны Железопольской составляли приходские церкви. В 1567 г. в городе было 3 ружных и 16 приходских храмов, которые составляли 11 городских приходов. Большая часть приходов - 7 из 11, имела 2 храма, один из которых был теплый. Один приход - Воздвиженский, находился за рекою Ижиною, два прихода - Успенский (церкви Успенье и Введение) и Покровский (церковь Покрова), располагались за рекой Мологой. Остальные приходы находились в Центральной части города.

Являясь центром прихода, они стояли, как правило, в гуще жилой застройки посада или слободы и были важными доминантами в пространственной композиции улиц и площадей отдельных районов города. Возвышаясь над жилой застройкой храмы, служили пространственным ориентиром, связывавшим слободскую застройку с другими ведущими элементами города.

В центральной части города находились 15 из 19 городских храмов, составлявших 8 городских приходов. Среди посадских дворов располагались 25 дворов церковного клира: 9 дворов священников, 16 дворов причетников и 1 двор церковного сторожа. На церковной земле храма Дмитрия Солунского стояли 4 белых двора горожан. При 4 храмах расположенных на окраинах города (Благовещенском, Троицком, Василия Кесарийского и Рождества Христова) в 39 кельях проживали нищие, а в церкви Василия Кесарийского кроме них в 2 кельях жили пономарь и проскурница.

Большую роль в структуре города играли локальные территориальные образования - торги и торговые площади. Они, как правило, имели неправильную, геометрически трудно определимую форму. Вся их территория была плотно заставлена рядами, лавками и т. д. Главной доминантой торговой площади была церковь, расположенная в центре или по краю. В 1567 г. таких площадей было три. Главная находилась у моста через реку Ворожу, рядом с Ильинским монастырем, две другие - у перевоза, около церкви Петра и Павла и у церкви Козьмы и Доминана. На них располагались лавки торговых и посадских людей - всего 124 лавки ¹⁶⁶.

Наиболее подвижным, постоянно меняющимся элементом пространственной структуры древнерусского города были улицы и переулки. В своем большинстве, они представляли скорее дорогу, «по сторонам которой (часто с одной стороны) с различным отступом от проезжей части располагались высокие заборы, хозяйственные постройки и реже сами жилые здания размещавшиеся по разному, чаще в глубине городских усадеб»¹⁶⁶. При достаточной устойчивости трассировки, внешний облик улиц менялся постоянно. Основными причинами изменений в жилой застройке улиц были частые пожары, смена владельцев дворов, рост семьи и т.д.

По значению в планировочной структуре русского средневекового города улицы делят на главные и второстепенные, а по характеру трассировки - условно на ломаные, плавно изогнутые и относительно прямые¹⁶⁶.

Крупными и целостными уличными ансамблями были так называемые большие мостовые улицы. Они определяли структуру уличной сети города и составляли разветвленную сеть проезжих улиц, ведущих от окраины города к его центру.. Их трассировка, как правило, условно прямая или плавно изогнутая.

Второстепенные небольшие улицы и переулки, в первую очередь, были связками между важными отдельными объектами, а не самостоятельным явлением в топографической структуре города. Они внутренне объединяли слободу, район города в единое целое или соединяли их между собой. Трассы улиц-связок всегда были ломаные, составленные из отдельных небольших отрезков. Геометрическая прямизна таких улиц была совершенно не обязательна - требовалась лишь ясность трассы, ведущей к цели.

В Центральной части города в середине XVI в. существовала более менее выраженная уличная либо рядовая планировка. Писцы выделяют 3 площади, 7 улиц, 6 переулков и около 20 других объектов в составе которых описывались городские дворы. Некоторые улицы, например, Петровская, Никольская, Дмитриевская или переулки - Козмодемьянский, получили свое название от соответствующих храмов. Они начинались или проходили в непосредственной близости от них, но определить их точную трассировку, направление и длину не представляется возможным. Местоположение части посадских дворов указано относительно рек

или храмов. Иногда достаточно конкретно, например, «у Мологи на берегу от устья речки Ворожи на низ», а чаще неопределенно - «от реки Мологи в переулке» или «у Ворожи на берегу» или «от церкви Живоначальные Троицы», «от церкви Святого Николая Чудотворца по одной стороне».

Центральная часть города была наиболее многолюдна. По нашим подсчетам в этой части находились 517 черных посадских дворов: 459 непашенных, 37 пашенных, 21 двор бывшей оброчной рыболовной слободы, приписанной к посаду с 1567 года и 46 дворов вдов и нищих. Всего 563 посадских двора, в них 627 «людей».

Кроме тяглых посадских, церковных и слободских дворов в Устюжне в 1567 году существовали и оброчные дворы и мельницы. В 1567 году их было 12. Частью 5 оброчных дворов были мельницы. 3 из них стояли на реке Ижине, одна за другой от устья вверх по течению, 2 - на реке Вороже. Мельницы принадлежали горожанам. Исключение составляла верхняя мельница на Вороже, половиной которой владели храмы Дмитрия Селунского и Петра и Павла. Верхние мельницы выходили за пределы посада и были частью оброчных дворов значительного размера. Так, «двор у речки Ворожи по конец посаду» братьев Киприяновых состоял из самого подворья, будущей мельницы - участка «по реке по Вороже по обе стороны по 150 сажень, а в гору от берегов по 20 сажень» и огорода с пашней в 6 десятин. Совместный двор с мельницей и пашней на реке Ижине Ивана Загородского, Есипа Иванова и Порошки Голубина с братьями был еще больше. Только мельничные угодья занимали территорию «по обе стороны речки Ижины по 200 сажень, а в гору по обе стороны по 50 сажень»¹⁶⁶. Таким образом во всей правобережной центральной части города всего было 686 дворов, в них 760 «людей», что составляло около 3 тысяч 700 человек.

Позже других был заселена территория по левому берегу Мологи. Заречная сторона делилась на две четверти - Успенскую и Покровскую, совпадающие, видимо, с территорией одноименных приходов. Писцы не отмечают здесь улиц или других элементов городской планировки. Черные посадские дворы стояли вдоль реки по берегу, видимо в два ряда. Здесь находились 154 тяглых непашенных двора. «За

рекою за Мологою по берегу сверху» стояли 90 дворов, а «снизу вверх по Мологе берегом» 64 двора. Кроме них, здесь же были 13 тяглых пашенных дворов, 4 двора бывшей оброчной рыболовной слободы и 7 дворов «вдовиц убогих». Всего в Заречной части города в 1567 году было 178 посадских тяглых дворов, а в них 200 «людей».

В этой части города находилось 3 приходских храма и 9 дворов клира. В Успенской четверти - церковь Успенье Пречистые Богородицы и теплая церковь Введение Пречистые Богородицы, «обе деревянные клетцы с папертьми», 1 двор священник и 4 двора причетников. При храме в 5 кельях жили нищие, а на церковной земле стоял на оброке 1 двор.

Покровская четверть располагалась ниже по течению реки Мологи. Ее центром была церковь Покрова Пречистые Богородицы. В 9 кельях при храме жили нищие. Рядом с ней стояли 1 двор священника и 3 двора причетников.

Заречная сторона в середине XVI в. была достаточно многолюдна. Здесь находилось 188 дворов, 217 «людей», что составляло более 1 тысячи человек.

Таким образом, Устюжна Железопольская в 60-е годы XVI в. была крупным городским центром Русского государства. В ней насчитывалось 912 дворов и 1012 «людей». Из них абсолютное большинство - 766 дворов, 84,0%, принадлежало черным посадским людям. 14,6% или 133 дворов составляли дворы церковные клира и беломестцев. 12 дворов или 1,4% были на государевом оброке. Все городское население, учитывая нищих, составляло более 5 тысяч человек.

В конце XVI в. топографический облик города изменился. Прежде всего значительно сократилась жилая городская территория, особенно в Зайжинской и Заречной части (См. Рис. 2.). Зайжинская часть запустела практически полностью. По данным сотной 1597 г. здесь числился всего 1 жилой «двор молотчей» и 90 пустых дворовых мест да «пустой без пенья» Воздвиженский храм.

Значительно сократилось население и в Заречной части. Из 188 дворов здесь осталось только 33 жилых двора. Из них: 30 посадских дворов (в Покровской четверти - 16, в Успенской - 14) и 3 двора приходского клира.

Абсолютное большинство городского населения проживало в Центральной (правобережной) части города. Здесь находились 247 дворов из 281, что составляло 87,9%. В этой же части города стояли 85,6 % всех посадских дворов - 185 из 216. Кроме них, здесь же располагались 39 дворов изрядно запустевшей монастырской слободы бывшего Богородице - Рождественского монастыря, а так же 23 двора священников и причетников.

Сам монастырь в конце XVI в. прекратил свое существование. В 1597 г. на его месте - соборный храм Рождества Пречистые Богородицы с тремя приделами и теплая церковь Ивана Милостивого. Сохранились правда и некоторые черты прежней монастырской жизни - при храме находились 25 келий стариц-черноризниц и 1 келья старца.

Некоторое представление о сокращении территории города дает и топонимика приходских храмов и их приходов, городских районов и улиц. Так, храмы Благовещенский и Василия Кесарийского находились уже «на всполье», т.е. на самой окраине города, так же как Никольский и Дмитриевский приходы, а церкви Рождественская и Воздвиженская вообще стояли пустые «без пенья».

Исчезли некоторые многолюдные улицы - Дмитриевская и Рождественская и две площади - Петровская и Кузмодемьянская. Не упоминаются оброчные дворы, как и перевоз через реку Мологу. Но, появились в описании 1597 г. новые посадские окраинные районы - «концы» - Козмодемьянский, Васильевский, ранее оживленные районы центральной части Устюжны Железопольской.

Центром города оставалась старая торговая площадь рядом с Ильинским монастырем, получившая название «в Зарядье». Здесь, как и 30 лет назад, располагались все административные учреждения - «изба губная, возле ее тюрьма в тыну ... изба таможенная да изба земская, где судятся посацкие люди»¹⁶⁶. Появились к этому времени в городе и новые заведения - кабаки. Их было 2 - «двор кабацкий, а на нем хором изба да другая изба да погреб с напогребицею да поварня» и недалеко от него «двор кабацкий ж с поварней»¹⁶⁶.

В конце XVI в. в Центральной части города уже наблюдается четкая уличная планировка. Все дома горожан имеют свой конкретный «адрес» - улица, переулок

или «конец». Всего в описании 1597 г. указано 10 улиц, 4 переулка и 5 «концов». Наиболее населенными были Пречистинская, Никольская и Красильникова улицы. На них, соответственно, стояло 53, 33 и 20 посацких дворов.

Запустение значительной части городской территории вызвало незначительное перераспределение пустых мест дворовых и лавочных, что и зафиксировали писцы. Это дает нам возможность определить размеры участков на которых стояли некоторые посадские дворы и лавки. Так, на Рождественской улице, на правой стороне, «дан огород Федке Степанову, что было дворовое место Истома Красново, в длину 6 сажен, а поперег 5 сажен»¹⁶⁶. В целом размеры участков запустевших дворов, отданные посадским людям под дворы и огороды, разные по размерам - от 20 на 5 сажен до 4 на 3 сажени.

Незначительно за 30 лет сократилось в городе число лавок. В конце XVI в. на посаде в «рознях рядех» насчитывалась 101 лавка и 7 амбаров. Кроме них, посадским людям под 6 лавок и 4 амбара были даны «места лавочные пустые порозжие», в длину 2 или 3 сажени.

Менее всего запустение коснулось городских храмов и монастырей. Все они, за исключением Воздвиженской церкви в Заижинской части, оставались действующими и стояли на прежних местах. Только храм Рождества Христова, как и 30 лет назад, стоял «без пенья», теперь уже далеко за восточными пределами жилой городской территории.

Всего в конце XVI в. Устюжне Железопольской было 20 городских храмов - 18 действующих и 2 «без пенья»; Ильинский мужской монастырь с 2 храмами, 26 дворов приходских священников и причетников и 55 келий при монастыре и церквях. В территориальном отношении действующие храмы дворы клира и жилые кельи распределялись следующим образом. В Центральной части находились Ильинский монастырь, 14 храмов, 23 двора и 51 келья. В Заречной части - 4 храма и только 3 двора и 4 кельи.

В 90-е годы XVI в., видимо, город начинает медленно возрождаться. К 1597 г. была возведена новая колокольня в храме Дмитрия Селунского, а в Заречной части, в Покровском приходе, построена новая теплая церковь Рождества Христова.

Через 30 лет, укрепил свои позиции Ильинский монастырь. К 1597 г. он стал общежительным. Правда, в нем было не игуменство как прежде, а строительство. Строителем был Даниил, под ведением которого находилось 9 человек братии, живших в 5 кельях. В монастыре появились два новых придела - Рождества Иоанна Предтечи и Василия Блаженного и колокольня. Недалеко от города, он обзавелся земельными владениями ¹⁶⁶.

Таким образом, в конце XVI в. город по числу дворов запустел более чем в 3 раза, а городская территория сократилась почти наполовину. Запустение коснулось прежде всего городских окраин и районов за реками Ижиной и Мологой. Однако, не смотря на все изменения, а они, в основном, свелись к уменьшению количественных показателей, Устюжна Железопольская в конце XVI в. оставалась, по преимуществу, чисто торгово-промышленным городом - посадом.

Значительные события изменившие внешний облик города, его топографические и социальные характеристики произошли уже в следующем столетии и были связаны прежде всего со строительством крепости в первой трети XVII в.

Долгое время, если не считать заброшенное городище, «на Устюжне острогу и никакия крепости не имели» ¹⁶⁶. Укрепления в городе появляются только в 1609 году. Их строительство было вызвано активизацией военных действий в регионе после того, как в ноябре 1608 года в городах Верхнего Поволжья, а затем и Поморья, началось восстание против Лжедмитрия II. Важную роль в этой борьбе сыграла и Устюжна Железопольская. «Сказание о нашествии поляков ...» достаточно подробно описывает основные военные события этой борьбы, особенно зимы 1608 - 1609 годов, когда и был построен в городе первый острог.

Хронология этих событий в изложении автора «Сказания ...» выглядит следующим образом. 6 декабря 1608 года Устюжна поддержала восставшее Белоозеро и законного государя Василия Ивановича Шуйского. Приехавшим посланникам «от литвы и поляков ис Тушино от вора ... в кормех отказали и править не далися», а арестовали и отправили на Белоозеро. После этого в городе было сформировано ополчение, выбраны «головы» из местных дворян, а 8 декабря из Москвы прибыл воевода Андрей Петрович Ртищев ¹⁶⁶.

Непосредственно работы по строительству острога начались не ранее 5 января 1609 года, после поражения сводного устюженско-белозерского отряда под командованием А. Ртищева, у села Любегощи. Устюженцы «начаша делати острог около Устюжны посаду рвы копати и надолбы ставити и пушки и пищали ковати тако ж де и ядра и дроб и подметные каракули и копия и всякие хитрости еже на потребу острогу строить, не усыпающе день и ночь»¹⁶⁶.

Деревянный острог был возведен в очень короткое время, фактически менее чем за 1 месяц. Уже 3 февраля 1609 года устюженцы успешно выдержали в новой крепости 2 «приступа» крупного сводного отряда тушинцев под командованием полковника Микулая Косаковского. Сначала штурму подвергся участок юго-западной части острога между башнями Дмитриевской и Благовещенской. Нападавшие «ударивша по острогу и по людем ис пушек ис пищалей и ис тмочисленных луков и спустиша стрелы во острог бесчисленно, яко дождь»¹⁶⁶. Попытки взять острог 4, а затем и 9 февраля «со многими войсками и со всякими стенобитными хитростями ... со многих стран» закончились так же неудачей. При этом, потери защищавших крепость были небольшие. За 3 - 4 февраля «градских жителей убили 5 человек, да изранили 8 человек»¹⁶⁶. Эти факты говорят о том, что Устюжна Железопольская имела в это время хорошо укрепленную крепость. Что же она из себя представляла?

В фонде 141 (Приказные дел старых лет) РГАДА сохранился комплекс документов «Государевы грамоты об острожном деле города Устюжны Железопольской» о строительстве крепости в 1609 - 1632 гг.¹⁶⁶. «Острожное дело дает возможность сделать подробное топографическое описание крепости - местоположение и размеры острога и других укреплений, их внешний вид, некоторые вопросы технологии строительства и т. д., ее развитие на протяжении 1 трети XVII в. Сохранилось подробное описание - «чертеж и смета Устюжскому старому острогу каков был»¹⁶⁶.

Крепость располагалась на правом берегу реки Мологи и охватывала большую часть городской территории по обеим берегам реки Ворожи (См. Рис. 3). По форме она напоминала равностороннюю трапецию выходившую основанием на ре-

---

ку Мологу. Длина этой северной стены равнялась 459 сажням (около 922 м) и состояла из 2 воротных и 4 глухих башен с пряслами между ними. Восточная стена, протяженностью 278 сажней (около 595 м), имела 3 глухих и 1 воротную башню. У южной стены, длиной 304,5 сажени (около 650 м) были 2 глухих и 1 воротная башня. Западная стена, протяженностью 217 сажен (около 465 м) так же имела 2 глухих и 1 воротную башню. Стены соединялись между собой 4 угловыми «наугольными» башнями. Таким образом, всего в крепости было 20 башен: 5 воротных, 4 угловых 11 глухих, а общая длина стен острога равнялась 1258,5 сажням, что составляло около 2,7 км.

Башни были квадратные по форме, но разные по размерам. Глухие башни были «рубленные о четырех углах в лапу» с длиной одной стороны «полтрети сажени», т.е. 2,5 сажени или чуть более 5 м. Форма угловых и воротных башен неизвестна. Они могли быть так же «рубленные о четырех углах в лапу» или, как в Угличе в 20-е годы XVII в., «рубленные в лапу о шести углах»¹⁶⁶. Длина стороны угловой башни была «полчетверты сажени» - 3,5 сажени (более 7,5 м), а проезжих воротных башен - «полпяты сажени», 4,5 сажени (около 10 м). Высота башен не указана, но исходя из высоты стены и традиций русского оборонного зодчества XVI - XVII вв., она была не менее 4 - 5 сажен¹⁶⁶.

Острог или сами стены, был «косой вверх», высотой 2 сажени (4,32 м). Вокруг крепости были сооружены дополнительные укрепления. Выкопан ров «в глубину 2 сажени (более 4 м), а поперег 5 сажен (около 11 м), ... а копан от реки от Мологи и проведен к Мологе ж реке»¹⁶⁶. Во рву «от полевые стороны» был установлен «стоячей тын». Между рвом и стеной крепости стоял «забранный в столбы вверх по сажене забор ... и к тому забору и острогу осыпь привалена»¹⁶⁶. Вся крепость, башни и стены, были выстроены на земляной насыпи или «осыпи». Как правило, она насыпалась во время копки рва.

Традиция прочно связывает строительство крепости с обороной Устюжны в феврале 1609 г. То, что острог был построен в короткое время зимой 1609 г. не вызывает сомнений. Но, насколько он соответствовал описанию острога, который

стоял в Устюжне Железопольской в 20-е годы XVII в. и чей «чертеж» мы рассматривали?

При сопоставлении материалов «Острожного дела», данных «Сказания ...», других источников первой трети XVII в. возникает ряд вопросов, которые не позволяют согласиться с традиционной точкой зрения.

Во-первых, по чьей инициативе началось строительство первого острога и что он собой представлял. Дело в том, что в «Острожном деле» имеется выписка, из которой следует, что в 7117 году (сентябрь 1608 - август 1609 гг.) по указу царя Василия Шуйского «воевода Ондрей Петрович Ртищев да Елизарей Фомич Карсаков с товарищи приговорили ставить на Устюжне острог». Этот «приговор» был согласован с посадским миром. От посадских людей для руководства строительством были избраны «выборные целовальники Федор Шепляк и Федор Шубин»¹⁶⁶. Воевода А. П. Ртищев прибыл в Устюжну из Москвы 8 декабря 1608 года¹⁶⁶. Привезти с собою грамоту о строительстве острога он не мог. Только 23 декабря 1608 года в Устюжну от имени царя В.Шуйского был отправлена увещательная грамота с призывом о поддержке и совместной борьбе «за веру христианскую и за государство Российское». Об укреплении города в грамоте не говорится ни слова. Речь идет только о направлении военного отряда устюженцев в Ярославль или Москву¹⁶⁶. Неизвестен во время обороны Устюжны в феврале 1609 года и Е. Ф. Карсаков¹⁶⁶. Острог же начали строить, как мы уже говорили, не ранее 5 февраля 1609 г.

Во-вторых, вызывает сомнение сама возможность строительства описанного острога в столь короткое время. Сопоставление размеров острога, объемов земляных и строительных работ - заготовка леса, копка рва и возведение насыпи, строительство деревянных укреплений, говорят о том, что они не могли быть проведены всего за 1 месяц, тем более в зимнее время, даже в условиях угрозы нападения. По подсчетам П. А. Раппопорта, одного из крупнейших специалистов в области военного дела средневековой Руси, на строительство острога Юрьева Польского в течение одного сезона (200 рабочих дней), при длине вала в 1000 м, требовалось около 300 человек¹⁶⁶. Для Устюжны, чей острог был почти в 3 раза больше, на строительство крепости в течение сезона необходимо было бы около 900 человек, а в те-

---

чение одного месяца - в 7 раз больше, т.е. более 6 тысяч человек, что, при любых условиях, нереально.

В-третьих, размеры острога, который штурмовали поляки, был меньше, чем описан в «Острожном деле». Об этом, в частности, говорит следующий факт. После неудачного «приступа» тушинцы «зли пожегше около острогу храмы Святого Великомученика Христова Димитрея и преподобного отца нашего Симона Столпника, а около храмов живущие храмины устюженских посадских людей жилища»¹⁶⁶. Но, «храм великомученика Дмитрея и всех святых» в «чертеже старого острога» находится уже на территории крепости¹⁶⁶. В данном случае речь идет о храме Дмитрия Солунского и его теплой церкви Симеона Столпника.

На наш взгляд, в январе - феврале 1609 года в Устюжне был возведен временный острог, исходя из реальных возможностей, а затем, в течение нескольких лет, шло планомерное строительство крепости, получившей в последующем название «старый острог». Об этом говорят и источники. Возможно, что и указ В. И. Шуйского о строительстве крепости относится ко времени более позднему, чем оборона город, так как после его изложения в «Острожном деле» следует роспись более 50 землевладельцев, чьи крестьяне принимали участие в строительстве крепости¹⁶⁶. Помимо росписи известен ряд грамот и челобитных говорящих о «приписке» к Устюжне и к Устюжно-Железопольскому уезду волостей и владений Белозерского Новгородского и Угличского уездов, которые «стоят около Устюжны Железопольской по 50 верст»¹⁶⁶. Хронологически эти сведения укладываются в период 1609 - 1614 годов, когда, на наш взгляд, и шло строительство острога.

Острог охватил значительную часть города. На его территории находились: соборный храм Рождества Пречистые Богородицы, 2 монастыря - Воскресенский и Благовещенский, храмы - Николы Чудотворца, Петра и Павла, Дмитрия Солунского, «роскат, где государева зеленая казна и пушки», съезжая изба и 344 «посацких и всяких двора»¹⁶⁶.

В царствование Михаила Федоровича монастырский уклад Богородице Рождественского собора был окончательно уничтожен, а храм превращен в приходскую соборную церковь. Ни келий ни старцев при храме в описании 1626 г. уже нет.

Появились только 2 новых предела ¹⁶⁶. После пожара 1677 г., когда деревянный храм сгорел, на его месте в 1685 г. начали строить новый каменный собор, сохранившийся до наших дней ¹⁶⁶.

К 1626 г. Ильинский монастырь изменил свое название, стал «Воскресенским в Зарядье, на площади». Кроме названия в нем произошли некоторые прибавления. Церкви и приделы те же, но появились "колокольня, рубленная на амбаре" с 5 колоколами, келья хлебная и келья казенная и 8 келий в которых жили священник и 13 иноков» ¹⁶⁶. В дальнейшем, он оставался небольшим мужским монастырем. По переписным книгам 1678 г. за ним числилось 24 двора и около 50 десятин пашни ¹⁶⁶. Как мужской, монастырь просуществовал до второй половины XVIII в., упразднен в 1764 г.

В сотной 1626 г. упоминается еще один монастырь - «за рекою за Ворожей монастырь общей Благовещенской, строен Успенья Пречистой Богородицы Шалоцкой пустыни Московские патриархии» ¹⁶⁶. Возник монастырь в 1614 г. на месте разрушенного во время осады 1609 г. приходского Благовещенского храма ¹⁶⁶. После разорения в 1612 г. поляками и казаками Шалоцкой пустыни игумен Вассиан испросил воеводу Устюжны Железопольской выделить место в городе, куда можно было бы перевести монастырь. По данной воеводы И. Урусова 1614 г. под обитель Пречистые Богородицы Успения Шалоцкого монастыря дали «на Устюжне Железопольской место, где игумену Васьяну с братьею поставить храм Благовещенье Святей Богородицы и монастырь, кельи и ограда поставить из устюжских посадских людей огородных мест». К новому монастырю приписали землю, «что была изстари церковная пашня Благовещения Святей Богородицы приходские церкви» и передали ее имущество ¹⁶⁶.

К 1626 г. монастырь был небольшой. Он состоял из теплой церкви Благовещенья с трапезою и приделом. На трапезе находилась колокольня на «столбех» с 4 колоколами, а под трапезою - хлебня. Рядом располагались 4 братских кельи в которых жили священник и 4 монаха. Настоятеля или строителя в монастыре в это время не было ¹⁶⁶.

Важным показателем пространственного облика города была плотность застройки жилой зоны. В конце первой четверти XVII в. жилая территория города находилась, по преимуществу, в пределах крепостных стен острога. В 1626 г. здесь располагались 334 жилых двора горожан, что составляло более 85% от общего их числа. Вне стен крепости стояли только 63 двора. В Успенской слободке и в Быковом конце Заречной части города располагался 51 двор, а в кузнечной Козмодемьянской слободке - 12 дворов. (См. Рис. 2.)

Характер застройки был типичный для средневекового русского города - индивидуальная усадьба с огородом и садом. Сплошная сомкнутая уличная или рядовая застройка имела место, главным образом, в укрепленной части города. За ее пределами застройка была свободной, а ее плотность ниже, с большими или меньшими разрывами между дворами.

Структура жилого двора, как крупного так и небольшого, была устойчивой и традиционной. Весь комплекс жилых и хозяйственных построек был сосредоточен в передней части участка, который выходил на улицу. Обязательной составной частью каждого двора был огород, который примыкал непосредственно к хозяйственному двору и размещался на «задних землях». Иногда, он располагался через дорогу, напротив двора. У ряда горожан, в непосредственной близости от дворов, были дополнительные огородные места ¹⁶⁶.

В сотной 1626 г. указаны размеры жилых дворов и дворовых мест. Это позволяет сделать некоторые наблюдения об их площади, характере и плотности застройки города и т. д. Дворы горожан в целом были достаточно большие по площади, хотя и имели значительную дифференциацию. 39,6% от общего числа городских дворов не превышали 100 кв. сажен, 29,1% - 200 кв. сажен, 13,3% - 300 кв. сажен. Остальные 18,0% дворов имели площадь более 300 кв. сажен. Таким образом, около трети всех дворов - 31,3%, были значительные по своим размерам и превосходили 200 кв. сажен ¹⁶⁶.

В таблице 11 представлена структура жилых дворов горожан по площади и их территориальное распределение в конце первой четверти XVII в. Во многом размеры дворов зависели от их местоположения. Так, в пределах острога площадь

двора колеблется от 16,5 до 782 кв. сажен, но большая часть - 69,4%, не превышала 200 кв. сажен. Вне крепостных стен эти показатели значительно выше. В Заречной части города доля дворов не превышающих 200 кв. сажен составляла 17,6%, а в Кузмодемьянской слободке - 25,0%. В среднем площадь дворового места здесь составляла 300 - 400 кв. саженей и более. Так, в Успенской слободке из 30 посадских дворов длину более 50 сажен имели 27 дворов, а менее 10 сажен - только 1 двор. 13 дворов по ширине были более 10 сажен, и только 4 двора - менее 5 сажен. Аналогичная картина наблюдается в Быковом конце Заречной части и Кузмодемьянской кузнечной слободке. Заметным единственным различием является конфигурация дворовых участков. Здесь они несколько короче по длине, но шире. Эта разница, на наш взгляд, объясняется характером застройки. В Успенской слободке она рядовая, вытянутая вдоль берега реки Мологи, а в Быковом конце и Кузмодемьянской слободке - свободная, усадебная.

В исторической и историко-градостроительной литературе размеры дворовых мест связывают, как правило, с сословным, социально-имущественным и профессиональным статусом дворовладельца ¹⁶⁶. Ярко выраженных закономерностей зависимости размеров двора от сословного, социально-имущественного статуса горожанина, характера его профессиональной деятельности в Устюжне Железопольской в конце первой четверти XVII в. не наблюдается. Об этом убедительно говорят данные таблиц 11 - 13, в которых представлены итоги статистической обработки описания 1626 г. ¹⁶⁶.

Таблица 11.

Структура дворовых участков Устюжны Железопольской в 1626 г.
(территориальное распределение по площади, %)

Площадь двора кв. сажен	Район			
	В пределах острога	Заречный	Кузмодемьянская слобода	В целом по городу
до 25	3,8	-	-	3,1
-//- 50	12,7	3,9	-	11,0
-//- 75	16,2	2,0	-	13,6
-//- 100	14,1	-	8,3	11,9
-//- 200	32,6	11,7	16,7	29,1
-//- 300	12,7	15,7	16,7	13,3
-//- 400	4,5	9,8	33,3	6,2
-//- 500	0,7	21,5	16,7	4,2

-//- 600	1,4	3,9	-	1,7
-//- 700	1,0	2,0	8,3	1,4
-//- 800	0,3	15,7	-	2,5
-//- 900	-	2,0	-	0,3
-//- 1000	-	2,0	-	0,3
св. 1000	-	9,8	-	1,4

Источник: Сотная 1626 г. Л. 29 об. - 130.

Анализ внутренней структуры и распределение дворов различных категорий городского населения, позволяет говорить об отсутствии устойчивой зависимости их размера от сословной принадлежности дворовладельца. Так, 42,8% дворов дворян были менее 100 кв. сажен, что примерно в 1,5 раза превышает аналогичный показатель для посадских дворов. Размеры дворов дворянства, заметное сокращение их количества, говорит о том, что Устюжна Железопольская представляла для них интерес прежде всего как крепость, а не как объект феодальное владение ¹⁶⁶.

Таблица 12.

**Структура дворовых участков Устюжны Железопольской в 1626 г.
(сословное распределение, %)**

Площадь двора кв. саж.	Категория двора			В среднем
	посадские	дворянские	клира	
до 100	29,3	42,8	39,2	39,4
-//- 200	29,9	28,6	21,7	29,3
-//- 300	12,9	19,0	13,0	13,3
св. 300	27,9	9,6	26,1	18,0

Источник: Сотная 1626 г. Л. 29 об. - 130.

Социально-имущественное положение, характер профессиональной деятельности посадского населения не оказывали существенного значения на размеры двора и огорода. Большая часть крупных дворовых мест принадлежало «молотчим людям».

Таблица 13.

**Структура дворовых участков Устюжны Железопольской в 1626 г.
(социально-имущественное распределение
дворов посадских людей, %)**

Площадь двора	Категория двора
---------------	-----------------

кв. саж.	«лутчие»	«средние»	«молотчие»	«худые»
-//- 100	2,4	-	46,4	51,2
-//- 200	3,1	4,2	55,2	37,5
-//- 300	7,1	7,1	64,4	21,4
св. 300	4,6	12,3	73,9	9,2

Источник: Сотная 1626 г. Л. 29 об. - 130.

Правда, у некоторых «пашенных людей» были значительные, в 350 и более кв. сажень, дополнительные огороды. Они находились, как правило, рядом с двором или на противоположной стороне улицы. Так, двор Сенки Кривоборского с детьми составлял более 500 кв. сажень (59 на 8,5 сажень), «да огород через двор» - 354 кв. сажени (59 на 6 сажень) ¹⁶⁶. К 1626 г. площадь жилой территории города, по сравнению с серединой XVI в., сократилась не менее чем в 3 раза. Но это, видимо, не оказало существенного влияния на значительное увеличение размеров дворовых мест. Структура пустых дворовых мест по размерам примерно такая же как и жилых. В Кузюдемьянской кузнечной слободе, при среднем размере двора в 300 - 400 кв. сажень, половина пустых дворовых мест более 300 кв. сажень.

Общую картину распределения дворовых участков и их размеры среди горожан определяли, на наш взгляд, господство посадского населения в сословной структуре городского населения, наличие свободного пространства в пределах городской черты, традиции и уклад жизни. Во многом, сохранению значительных средних размеров дворов способствовала и податная политика - его площадь не оказывали существенного значения на размеры подворного налога. В большей степени влияло местоположение двора.

Таблица 14.

**Плотность застройки жилой зоны
Устюжны Железопольской в 1626 г.**

Ширина дворового участка	В пределах острога		В целом по городу	
	дворов	%	дворов	%
до 5 сажень	41	14,1	48	13,6
до 10 сажень	177	61,1	206	58,2
св. 10 сажень	72	24,8	100	28,2

Источник: Сотная 1626 г. Л. 29 об. - 130.

Сокращение территории города оказало прежде всего влияние на плотность застройки жилой зоны. Она была невысокой и достаточно свободной, даже в пре-

---

делах острога.. Только 13,6% дворовых участков, ширина которых не превышала 5 сажен, составляли плотную без разрывов застройку посада. Остальные 86,4% дворовых участков имевшие ширину более 5 сажен, формировали уличную или рядовую застройку со значительными или большими разрывами¹⁶⁶. За пределами крепостных стен она была свободной, слободской.

Ранее жилая, запустевшая территория посада не была заброшена. Сразу же за крепостными стенами, от Дмитриевских и Благовещенских ворот, начинались хозяйственные угодья горожан - огороды и пашни¹⁶⁶.

К началу 30-х годов XVII в. крепость в значительной степени обветшала и разрушилась. Как писал устюженский воевода в 1631 году «острог и башни и ворота и через речку Ворожу тарасы и во рву стоячей тын все згнило и ров позасыпан во многих местех, осыпь по коей острог стоял тверда и травую обросла»¹⁶⁶.

Вопрос о строительстве нового острога был доложен государю дьяками Устюжской четверти и положительно решен 16 июля 1631 года. Не касаясь иных вопросов, остановимся на его топографическом описании¹⁶⁶.

Острог был значительно меньше прежнего и располагался только на правом берегу реки Ворожи (См. Рис. 4). Общая длина стен острога составляла 581 сажень (около 1,3 км). В крепости было 18 башен: 2 воротные, 5 угловых, 11 глухих башен. Пречистинская воротная башня выходила на проезжую Московскую дорогу, а Водяные ворота - на мост через реку Ворожу.

Восточная стена острога длиной 218 сажен (около 471 м), от Козмодемьянской башни за Пречистинские ворота до юго-восточной угловой башни была срублена на месте старых укреплений. Кроме воротной и 2 угловых башен, здесь располагались 5 глухих башен. Некоторые из них носили старые названия, но поставлены были уже на новом месте. Общая длина восточной стены и расстояние между одноименными башнями «старого» и «нового» острога не совпадают. Исключение составляли Пречистинские ворота, выходившие на Московскую дорогу. Остальные участки ставились на новом месте. При этом, стены крепости и башни ставились, не смотря на "дворы дворян, детей боярских и посацких и всяких людей". Южная стена длиной 103 сажени (около 222 м) выходила на берег реки Ворожи. Здесь

стояли 2 глухих башни. Наиболее протяженной была западная стена - 225 сажени (около 486 м) Она шла по правому берегу реки Ворожи повторяя ее изгиб и распадалась на два участка в 165 сажени (около 356 м) с Водяными воротами и 3 глухими башнями и в 60 сажени (около 130 м) с 1 глухой башней. Между этими двумя участками стояла «наугольная» башня. Самой короткой была северная сторона. Ее длина составляла всего 35 сажени (около 76 м), на ней отсутствовали башни, кроме угловых.

Кроме «чертежа» в «Острожном деле» представлена подробная «смета лесу» необходимого для строительства новой крепости¹⁶⁶. Это позволяет высказать некоторые предположения о внешнем виде и размерах отдельных элементов укреплений. Расчет леса необходимого на строительство воротных и наугольных башен говорит о том, что они были одинаковы по форме и размерам. Всего для сооружения одной воротной или угловой башни требовалось 350 бревен: на сруб - 250 бревен длиной 4 сажени (более 8 м); на спуски - 50 бревен длиной 5 сажени; «в мосты» - 50 бревен длиной 2 сажени. Кроме этого, на кровлю требовалось 300 драниц длиной 3 сажени и 70 «прибойных гвоздей». На глухие башни расход лес был несколько меньше. На 1 башню требовалось 310 бревен: на сруб - 220 бревен длиной 3 сажени; на спуски - 60 бревен длиной 4 сажени; на «мосты» - 30 бревен длиной 3 сажени без локтя. На кровлю одной глухой башни требовалось 250 драниц длиной 1,5 сажени и более 30 «прибойных гвоздей». Весь лес на срубы и спуски башен должен был быть по толщине 7 и 6 вершков «в отрубе», а на мосты - 5 вершков.

Судя по размерам бревен, башни в сечении были квадратные. Теоретически можно вычислить и высоту сруба башен. Для воротных и угловых башен она, по нашим расчетам, составляла более 5 сажени т.е. около 11 метров, а для глухих башен - 4,5 сажени, около 10 метров¹⁶⁶. Между башнями ставилась стена, так называемый «стоячей острог». Т.е. бревна ставились вертикально, плотно подгоняясь, друг к другу «в сажень по 12 бревен, вымать паз гораздно, дир на остроге не будет». Длина всех стен острога, исключая общую длину башен, составляла 520 сажени. На ее строительство «острогу поставить лесу надобеть 6240 бревен, 4 сажени, в отрубе 7 и 6 вершков». Таким образом, высота стен острога, учитывая, что бревна углубля-

---

лись в грунт, была около 8 метров¹⁶⁶. Кроме этого требовалось 3640 бревен на «тарасы», 520 бревен на «мосты» и 720 бревен на «катки». Лес нужен был разной длины от 4 до 2 саженьей.

По устройству, если не сравнивать количественные показатели, старый и новый острог Устюжны Железопольской, мало чем отличались друг от друга. Конструкция и технология строительства, особенно новой крепости, соответствовали уровню фортификационного искусства того времени и имели свои особенности.

Крепость представляла из себя однорядную стену столбовой конструкции с башнями. В нижней части стена была дополнена системой укреплений получившей название «тарасов» - линии деревянных срубов забитых землей или песком. Подобные системы укреплений применялись в тех случаях, когда большое военное значение крепости требовало создания особенно сильных укреплений, способных выдержать артиллерийский штурм. Подобные конструкции известны, по письменным источникам, с XVI в.¹⁶⁶.

Тарасы - 260 деревянных прямоугольных срубов размером 2 на 1 сажень и высотой 7 венцов, расположенных по периметру вала. На них была поставлена крепостная стена. Пространство между тарасами, а это было 2 сажени, и стены с бойницами, составляли систему обороны «нижнего боя». Здесь располагались пушки и стрельцы. Кроме нижнего пояса обороны, по внутренней стене сооружали мосты, с которых вели оборону верхних участков стены. Здесь же находились и боевые своеобразные устройства - катки. Это были специально укрепленные бревна, которые в любое время могли быть легко сброшены вниз, на нападавших. Кроме этого на верхних мостах сооружались специальные площадки, на которых лежали камни.

Особое значение при обороне играли башни. Они стояли с напольной стороны стены, имели, в зависимости от высоты, 2-3 боевые площадки. Это позволяло вести фланкирующий огонь из огнестрельного оружия, т.е. обстрел направленный вдоль стен. Располагались они неравномерно, прежде всего, там, где естественные преграды местности имели незначительную мощность.

Кроме непосредственно самой крепости вокруг была сооружена мощная наружная линия укреплений. Оборонительная система сооружений внешнего пояса

состояла из рва, длиною 630 сажен (около 1,4 км), с одной стороны которого был поставлен «тын». На это требовалось 6300 бревен - «в одну сажень по 10 бревен ... ставя лес на пазя» длиной в 1,5 сажени¹⁶⁶. Около рва были установлены заграждения из «чеснока», своего рода ежи, «в 3 колоды, всякая колода по 3 сажени» и надолбы. Всего на строительство острога и «всякие крепости» требовалось 28790 бревен, 4850 драниц, 300 досок «сажонных в башни и на лесницы в ступени» и 620 прибойных гвоздей¹⁶⁶.

Недостатка в строительном материале, видимо, не было. Воевода писал с Устюжны: «А лесу, государь, на острожное дело в поместьях дворян и детей боярских сказывают много, от Устюжны в 15 верстах, и в 20, и больше, а в отрубе будет 6 вершков, а вести тот лес сухим путем»¹⁶⁶.

Судя по описанию - высоте стен, плотности башен, комплексу дополнительных укреплений, новый острог был более мощной крепостью, чем старый. Правда, территория крепости уменьшилась более чем в 3 раза. Она стала даже меньше той части старой крепости, которая до этого располагалась на правом берегу реки Ворожи. На территории острога оставался только соборный храм Рождества Пречистые Богородицы с теплой церковью и 13 кельями и 105 «посацких и всяких людей» дворов¹⁶⁶.

На строительство крепости потребовалось больше года. В конце лета 1633 года воевода докладывал государю о том, что «город на Устюжне зделан и башни и ворота поделаны совсем и покрыты ... ров, где мочно быть выкопан ... и тын стоячей на иглах поставлен ... и надолбы около всего города поставлены. А в городе, государь, всего 140 дворов средних и худых и с новоприбылыми дворишками»¹⁶⁶.

Не смотря на значительное сокращение территории, новая крепость Устюжны Железопольской оставалась одной из крупнейших в стране. Об этом говорит сравнительный анализ размеров деревянных острогов городов Замосковского края.

Дальнейшая судьба крепости в Устюжне Железопольской нам неизвестна. Очевидно, что некоторое время, до второй половины XVII в., она сохраняла свое военное значение, а затем, постепенно, обветшала и разрушилась. Впрочем, такая же участь постигла большую часть деревянных укреплений русских городов. Яркое

представление об их состоянии дает «Роспись городов ведомых из Розряда» за 1676 год. В большинстве Замосковных и Украинных городов, к этому времени деревянные укрепления или вообще исчезли или сохранились, но требовали капитального ремонта, поскольку «стены и башни развалилися или згнили»¹⁶⁶. Аналогичная ситуация была, видимо, и в Устюжне. Если в конце XVII в. территория, где стоял острог еще называется «городом»¹⁶⁶, то в начале XVIII в., по материалам описания Устюжны Железопольской 1713 г., не видно даже следов укреплений¹⁶⁶.

Таблица 15.

Размеры крепостей городов Замосковского края в середине XVII в.

Город	Длина стен (сажен)	Кол-во башен
Устюжна		
старая крепость	1258,5	20
новая крепость	581	18
Суздаль	655	12
Кострома	540	13
Углич	528,5	9
Галич	469	15
Бежецкий Верх	455	15
Волок Ламский	405	11
Кашин	378	15
Вязьма	145	3

Источник: ДАИ. Т.IX. М., 1875. № 106. С.216-230.

Таким образом, внешний облик города в течении XVI - первой половины XVII вв. претерпел значительные изменения. Помимо сокращения его территории, перераспределения населения и запустения Заижинской части в конце XVI в. он оставался чисто промышленно-торговым поселением - посадом, с характерной социальной и профессиональной структурой населения. Строительство крепости, значительный рост территории Устюженского уезда, развитие структуры феодального землевладения, превратили его в типичный уездный административно-феодальный центр. Эта эволюция, по сути своей, была чужда природе, на которой вырос посад. Она в значительной степени подорвала объективные экономические законы развития города «нового типа», ввела в действие элемент государственного принуждения, сделав их в первой половине XVII в. преобладающим фактором развития.

QQQ

§ 2. Городское население.

В середине XVI в. Устюжна Железопольская была крупным городским поселением. По итогам описания 1567 г. в ней насчитывалось 912 жилых дворов, в которых проживало 1012 «людей», 2 монастыря, 19 городских храмов. Достаточно широко были представлены учреждения центральной власти и местного самоуправления - губная изба и тюрьма, земская и таможенная избы, ямской двор; и торгово-промышленная инфраструктура - лавки и торговые ряды, ремесленные мастерские и кузницы и т.д.

До начала XVII в. сословная структура городского населения состояла, в основном, из трех категорий - посадских людей, духовенства и их зависимого населения. На 1567 г. их распределение было следующим: абсолютное большинство - 766 дворов (84,0%), "людей в них" 864 (85,4%), были за черным посадским людом; 50 дворов или 5,5% принадлежали клиру; за Рождественским монастырем и городскими храмами числилось 84 или 9,2% дворов зависимого населения; 12 дворов или 1,3% были на государевом оброке.

Основной, определяющей социально-экономический облик города, категорией городского населения были посадские люди. В 1567 г. их доля составляла 84,0% от общего числа дворов - 766 из 912 или 85,4% всего городского населения. Рост численности этой категории населения приходится, в основном, на 40 - 60-е годы XVI в. Об этом свидетельствует увеличение числа городских приходских храмов и самих приходов, значительное расширение жилой зоны городской территории. Так, в начале 40-х годов XVI в. в городе появились три новых прихода - Козмодемьянский, Петропавловский и Покровский. Настоятели одноименных храмов в 1545 г. считались "выставочными попами", т.е. отделившимися от прежних приходов¹⁶⁶. Чуть позже, в 50-е - начале 60-х годов были образованы еще 2 новых прихода - Благовещенский и Рождественский.

Хотя у значительной части посадского населения не указан характер их деятельности, можно говорить о том, что абсолютное большинство из них занимались

ремеслом и торговлей. Даже среди тяглых пашенных дворов, составлявших 8,7% от общего числа посадских дворов, 8 дворовладельцев были ремесленники.

При разном имущественном положении, общий уровень социального статуса посадского населения Устюжны Железопольской был достаточно высок. 713 из 766 посадских дворов - 93,1%, если точнее, 810 из 864 "людей" - 93,8%, были способны нести полное государственное тягло¹⁶⁶. По своему социально-имущественному положению и тяглой способности они распределялись следующим образом: лучшие - 50 дворов - 6,5%; средние - 250 дворов - 32,7%; молотчие - 213 дворов - 27,8%; худые - 200 дворов - 26,1%.

Таким образом, около 40% посадских дворов принадлежали к числу лучших и средних, что говорит в целом, о высоком экономическом потенциале и эффективности ремесленного производства и обмена Устюжны Железопольской.

53 или 6,9% дворов принадлежали бобылям и нищим. Это были "дворишка не тяглые, а живут в них людишка убогие и нищие, и вдовицы убогие ж, а питаютца по миру, а иные наймом". Все они платили оброк - "2 алтына з дворишка на год или чем кого посадские люди обложат по их промыслишком и животишком"¹⁶⁶.

В целом, в 60-е годы XVI в. посадское население представляло из себя господствующую и экономически устойчивую сословную группу, которая определяла социально-экономический облик города.

Существенную часть городского населения составляло духовенство и иные служители церкви, зависимое население монастырей и храмов и т.н. "церковные люди", прежде всего нищие, проживающие в кельях при храмах.

Дворы духовенства и церковного притча располагались, как правило, на монастырской или церковной земле рядом с храмом, но. Иногда, и "меж посадских дворов". Клир городских монастырей, ружных и приходских храмов был значительный, хотя не все церкви были укомплектованы полным штатом, а одна - церковь Рождества Христова, вообще стояла "без пения".

Всего в Устюжне Железопольской в 1567 г. было 50 дворов священнослужителей и причетников. Из них: 15 дворов священников, 7 дворов дьяконов, 3 двора дьячков, 12 дворов пономарей и 11 дворов проскурниц. К этой группе дворов отне-

---

сен двор трапезника Рождественского монастыря и двор старца-черноризца церкви Дмитрия Солунского.

Абсолютное большинство зависимого населения приходилось на слободу Рождественского монастыря. Возникла слобода, видимо, в начале XVI в.¹⁶⁶. В 1537 г., когда посад описывал С. Бутурлин, в ней насчитывалось 52 двора¹⁶⁶. Это были «дворы не тяглые и к посаду в тягло и в сошное письмо не приписаны», которые «с тяглыми посадскими людьми ни в какие подати не тянут». Позже, монастырь получил на них "государеву цареву и великого князя жалованную грамоту" Ивана IV¹⁶⁶.

Располагалась слобода недалеко от монастыря, видимо, обособлено. На трех улицах «в Шилове, Рыжкове и на Пречистинской» стояли соответственно 29, 12 и 11 дворов. По преимуществу в них проживали «люди молотчие, нищие и вдовицы», которые «питаютца по миру и о монастыре, а иные из них питаютца и своими промыслы, а делают дела монастырские и подати дают в монастырь ... чем кого в котором году игумен з братею обложат»¹⁶⁶.

За четверть века монастырская слобода значительно выросла, почти в половину. Григорий Белкин, описывая посад Устюжны Железопольской в 1564 г., все новые дворы, поставленные на монастырской земле, записал в «тяглые и в сошное письмо и за намесничьи доходы откуп на них положен был». Таких дворов оказалось 25: на Шилове улице - 21, на Пречистинской - 4¹⁶⁶.

После передачи посада в кормление старице Александре, Рождественский монастырь получил грамоту по которой доходы с дворов, «что стали после Семенова Бутурлина на монастырской же земле» с сентября 1565 г. шли в монастырь «на духовное ж и на монастырское строене ... на ладан и на милостыню»¹⁶⁶.

К 1567 г. слобода Рождественского монастыря численно не выросла и состояла из 77 дворов, в которых проживало 77 «людей». У ряда дворовладельцев указано социально-имущественное и профессиональное положение: в 5 дворах проживали вдовы, в 2 - сапожники, в 1 - замочник. К ним следует отнести и дворы сторожа и часовника, записанные в состав церковного притча. Но у большинства -

---

69 слободских дворовладельцев, род деятельности, как и у значительной, части посадских людей, не определен. 1 двор в слободе на момент описания был пуст.

Второй, Ильинский монастырь был небольшой по размерам, зависимого населения на протяжении всего XVI в. в городе не имел.

Незначительное количество зависимых дворов числилось за некоторыми, прежде всего «ружными», устюженскими храмами. На земле церкви Дмитрия Селунского стояли 4 двора, 1 двор числился за церковью Успенья, 1 двор был на оброке за Воздвиженским храмом¹⁶⁶.

Помимо дворов церковного притча и слободчиков, при большей части храмов в кельях проживали нищие, которые "питаютца у церкви божие". Всего при 7 храмах было 62 кельи, от 2 до 15 в каждом. Сколько в них проживало нищих сказать трудно. Исходя из того, что в Рождественском монастыре в 10 кельях жили 22 старицы, надо полагать, что их было не менее 100 - 120 человек. Иногда в кельях проживали и церковнослужители. Так, в кельях церкви Василия Кесарийского кроме нищих жили пономарь и просвирница.

Таким образом, в середине XVI в. Устюжна Железопольская была достаточно крупным городским поселением. Являясь административным центром небольшого уезда: и не обладая статусом «города», она по своим размерам не уступала многим городам Московской Руси. Если использовать общепринятую методику подсчета численности населения¹⁶⁶, то в 1567 г. все городское население Устюжны Железопольской составляло более 5 тысяч человек.

Во многом, 60-е годы XVI в. для Устюжны Железопольской могут считаться расцветом и вершиной ее социально-экономического развития. В последующей истории, ни в XVII - XVIII вв., ни даже в начале XX в. численность населения, площадь городской территории не превзошли уровень середины XVI в.¹⁶⁶.

К концу XVI в. численный состав и структура городского населения значительно изменились. Число жилых дворов за 30 лет сократилось с 912 до 281, т.е. более чем в 3,2 раза, а население - почти в 2,3 раза¹⁶⁶. Запустение охватило все слои горожан. Степень его распространения среди посадского населения и населения монастырской слободы была практически одинаковой, но несколько выше, чем

у духовенства. Во многом, это было следствием общероссийских социально-экономических и политических причин, вызвавших хозяйственный кризис 70 - 80-х годов XVI в. Однако, на столь значительные размеры опустошения города оказали влияние и местные факторы - прежде всего моровое поветрие 1569 г.¹⁶⁶ и сильный пожар "после Ильина письма Плещеева"¹⁶⁶. Запустили целые районы и улицы города: Рождественская улица - 90 пустых дворовых мест; Васильевский конец - 90 пустых дворовых мест; Калнецкий переулок - 40 пустых дворовых мест; и т.д. Всего писцы насчитали 390 пустых дворов и мест дворовых.

Значительное количественное сокращение городского населения не привело к существенному изменению его сословной структуры.

Таблица 16.

**Сословная структура городского населения
Устюжны Железопольской во 2 половине XVI - 1 трети XVII вв.**

Категория населения	1567 г.		1597 г.		1626 г.	
	дворов	людей	дворов	людей	дворов	людей
Посадские люди	766	864	216	376	278	389
%	84,0	85,4	76,9	85,3	70,0	76,6
Духовенство	50	50	26	26	23	23
%	5,5	4,9	9,3	5,9	5,8	4,5
Слободские люди	84	86	39	39	43	43
%	9,2	8,5	13,9	8,8	10,8	8,5
Дворянство	-	-	-	-	21	21
%	-	-	-	-	5,3	4,1
Всего	912	1012	281	441	397	508

Источники. Сотная 1567 г., Сотная 1597 г., Сотная 1626 г.

Основной категорией городского населения оставались посадские люди. За ними числились 76,9% дворов и 85,3% людей. И если доля черных дворов в сословной структуре сократилась за 30 лет на 7,1%, то доля "людей" - всего на 0,1%. Произошло внутреннее перераспределение сохранившегося посадского населения. Людность двора выросла за 30 лет более чем в 1,5 раза, с 1,12 до 1,77. Из 216 посадских дворов в 82 дворах, что составляло 38,0%, проживала 1 семья, в 106 (49,1%) - 2 семьи, в 24 (11,1%) - 3 семьи, а в 4 (1,9%) - 4 семьи.

На первый взгляд, сословная структура городского населения за это время если и изменилась, то незначительно. Однако помимо количественного сокращения

произошли существенные изменения социального и имущественного облика городского населения, особенно посадских людей.

Практически исчезли дворы зажиточных посадских людей - их доля снизилась более чем в 12 раз, с 39,2% до 3,2%. Лутчие дворы вообще отсутствуют, а средних только 7. Более чем в 2 раза с 27,8% до 60,2% выросла доля молотчих дворов и примерно в 6 раз с 6,9% до 36,6% - дворов бобылей и нищих.

Почти на половину уменьшилось количество дворов клира - с 50 до 26. Более чем в 2 раза сократилось число слободских дворов - с 84 до 39. Их доля в общей структуре городского населения выросла соответственно с 5,5% до 9,3% и с 9,2% до 13,9%. Однако, запустение посада не привело к существенному переходу посадского населения в слободу бывшего Рождественского монастыря. Относительный рост числа дворов в ней составил 4,7%, а "людей" - только 0,2%.

Устюжна Железопольская, не имевшая в XVI в. в масштабах государства ни политического, ни военно-стратегического, ни даже существенного административного значения, не представляла интереса как центр феодального властвования и для господствующего сословия. Дворы, принадлежащие дворянству или служилым людям по прибору в источниках XVI в. не упоминаются¹⁶⁶.

Резкое изменение сословной структуры городского населения происходит в Смутное время. Массовая раздача черных и дворцовых земель в уезде, расширение его территории за счет владений помещиков соседних уездов и, наконец, строительство острога принципиально изменили ситуацию. Концентрация в городе в течение многих лет "служилых по отечеству" и "по прибору" для обороны привела к тому, что многие дворяне и дети боярские которые были на "земской службе на Устюжне" поставили дворы в "городе", т.е. крепости. Кроме того, "и люди их и крестьяне от польских и от литовских и от немецких людей з женами и з детми и со всеми животы живут на Устюжне" в осаде¹⁶⁶.

Состав городских дворовладельцев, особенно проживающих в пределах острога, в эти годы значительно изменился. Некоторые дворяне и дети боярские привозили государевы грамоты из Пушкарского приказа "о дворовых местех ... места займа под осадные дворы велики", больше чем им полагалось¹⁶⁶. Но, как прави-

---

ло, "дворяне и дети боярские и всякие съезжие уездные люди покупали на Устюжне в остроге для осадного времени у посацких людей дворы и посацкую землю ... а иные на тяглой посацкой земле на огородах для отсаду ж ставили дворы" ¹⁶⁶.

Напротив, посадские люди, у которых дворы стояли за пределами острога, не стремились перебраться в крепость. Воевода неоднократно призывал их к себе и советовал им бить челом государю о грамотах "по чему им места в городе давать под осадные дворы". Большая часть посадских людей отказывалась ставить в городе "особно дворы, так де у нас станут ставить стрельцов и нас де стрельцами истеснят". Чаще они "вкупались в дворы человека по 3 и по 4". И только некоторые посадские люди, которые "получше ... ставили себе осадные дворы на огородных местех у своих родимцов и у друзи, своим произволом" ¹⁶⁶.

По дозору Филиппа Маслова и подьячего Матвея Лужина, проведенного в 1619 г., в Устюжне в остроге было 77 жилых дворов и 2 места дворовых "дворянских и детей боярских, что покупали у вустюженцов посацких людей тяглые дворы, а иные ставили на тяглой земле". Кроме этого на Устюжне в остроге ж стояли 90 дворов "стрелецких и уездных всяких крестьян, а покупали те дворы стрельцы и уездные всякие люди тяглые, посацких же людей" ¹⁶⁶. Следовательно, за 10 лет, с 1609 по 1619 гг., на территории города, только в пределах острога, 167 дворов и 2 места дворовых перешли к дворянам, стрельцам или крестьянам. Все они ранее принадлежали посадским людям или были поставлены на посадской земле.

После прекращения военных действий в крае и окончания Смуты, «дворяне и дети боярские и всякие уездные люди, которые на Устюжне для осадного времени дворы покупали и которые сами ставили, с Устюжны розъехались по себе» но, в течение ряда лет, сохраняли свои дворы в городе - «теми свои дворы владеют» ¹⁶⁶.

При значительном росте во втором десятилетии XVII в. дворов служилых людей и крестьян, существенно сократилось число и доля дворов других категорий горожан. В наибольшей степени запустение коснулось посадского населения. В 1619 г. «на Устюжне в остроге и на посаде было тяглых посацких 16 дворов, а людей в них 31 человек да бобыльских 27 дворов, а людей в них 45 человек" ¹⁶⁶. Т.е.

во всей Устюжне Железопольской, а не только в остроге, было только 43 посадских двора. По отношению к концу XVI в. абсолютные размеры запустения числа посадских дворов составили более 500% (с 216 до 43), а к середине XVI в. - более 1700% (с 766 до 43).

Таким образом, к началу 20-х годов XVII в. сословная структура города претерпела существенные изменения. Основными категориями городского населения стали служилые люди по отечеству и по прибору, крестьяне. По самым примерным подсчетам их доля составляла около 60% от общего числа всех жилых дворов горожан и значительно, примерно в 4 раза, превышала число посадских дворов ¹⁶⁶.

Только к концу первой четверти XVII в. сословная структура городского населения Устюжны Железопольской стала приобретать привычные очертания. Экономический потенциал Устюженского края, прежде всего как центра металлургического производства, довольно быстро дал свои результаты и изменил ситуацию. Правда, в значительной степени этому способствовала царская грамота от 5 августа 1623 г. По государеву указу все дворы не принадлежащие посацким людям, но стоящие на посадской земле, переводились в число тяглых, а запустевшие дворы отдавались как тяглые посацким же людям ¹⁶⁶.

К началу второй четверти XVII в. население Устюжны Железопольской не только количественно выросло, но и стало качественно иным. В 1626 г. в городе насчитывалось 397 дворов, Большую часть из них составляли посадские дворы - 278 или 70,0%. Второй по численности была группа слободских дворов Рождественского храма - 43 (10,8%) ¹⁶⁶. За дворянами к этому времени осталось только 23 жилых двора (5,8%) ¹⁶⁶. Столько же дворов принадлежали священнослужителям и причетникам.

За несколько лет в значительной мере изменился социально-имущественный состав посадского населения. 178 из 278 посадских дворов по итогам описания 1626 г. были записаны в состав полнотяглых дворов, что составило 64,0%. За год до описания их доля была 39,2%. Правда, большая часть из них - 84,8%, принадлежала к категории молотчих дворов..

В дальнейшем, на протяжении XVII в. в сословной и социально-имущественной структуре городского населения Устюжны Железопольской принципиальных изменений не происходит, она сохраняет достаточно устойчивые черты.

В середине XVII в. в городе проживали или имели дворы представители, видимо, всех основных сословных групп - духовенство, дворянство, служилые по прибору, крестьяне и, конечно, посадские люди. Выявить их число, соотношение и структуру не представляется возможным, так как мы располагаем данными только об общем количестве тяглого населения за 1646 г.

Темпы роста городского населения за вторую четверть XVII в. были, видимо, незначительны и имели место в основном среди посадского населения. Так, число дворов посадского населения выросло за 20 лет всего на 43, с 278 до 321, что составляет чуть более 15 %. Это при том, что в городе в 1626 г. было 152 пустых дворовых и огородных места. В городе среди посадских по переписной книге 1646 г. числятся 174 средних и молотчих двора, "людей в них" 583 человека и 120 бобыльских дворов, "людей в них" 210 человек. Кроме этого в других дворах жили 6 молотчих людей и 30 бобылей. Сохранилась и бывшая монастырская слободка, но уже записанная в посадское тягло. В ней было 27 дворов - 14 жилецких тяглых, (44 человека), и 13 бобыльских, 24 человека. Сведения о других сословных группах отсутствуют ¹⁶⁶.

Некоторую ясность относительно главных тенденций развития сословной структуры городского населения вносят данные переписи 1676 г. Всего в Устюжне было 349 дворов в которых числилось 1191 "людей". Из них принадлежало: посадским людям - 279 дворов (85,1%), 1043 "людей" (87,6%); клиру - 25 дворов (7,2%), 57 "людей" (4,8%); нищим и вдовам - 13 дворов (3,7%), 44 "людей" (3,7%); крестьянам - 9 дворов (2,6%), 35 "людей" (2,9%); иным - 5 дворов (1,4%), 12 "людей" (1,0%) ¹⁶⁶.

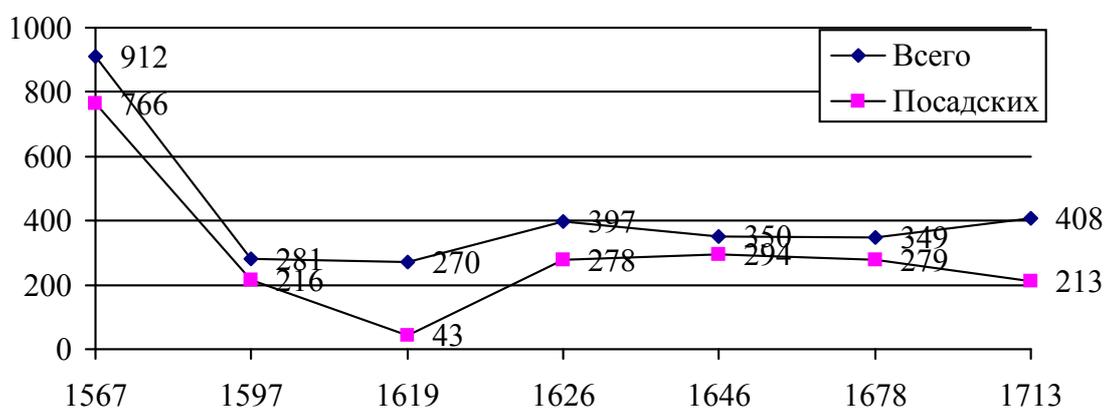
Таким образом, динамика развития сословной структуры городского населения Устюжны Железопольской на протяжении более 100 лет, с середины XVI в., дает возможность говорить о ее достаточной стабильности и устойчивости. Все

социальные, политические и природные потрясения не сломали социально-экономический облик Устюжны Железопольской как торгово-промышленного города-посады, в котором ведущая роль принадлежала посадским людям.

Динамика изменения доли посадского населения в сословной структуре городского населения Устюжны Железопольской середины XVI - начала XVIII вв. представлены на графике 1. При всей возможной неполноте данных доля посадских людей в структуре городского населения остается практически неизменной, в пределах 84-87%. Единственный период, когда произошло нарушение данного соотношения - Смутное время. Концентрация служилого сословия и превращение Устюжны в военную крепость изменили на полтора десятилетия не только социальный облик города, но и его экономическую сущность.

График 1.

**Посадское население в сословной структуре
Устюжны Железопольской середины XVI - начала XVIII вв.**

К 1619 г. в городе осталось только 16 тяглых посадских дворов и практически прекратилась производственная деятельность местной металлургической промышленности. В 1615 г., когда правительство сделало заказ на изготовление самопалов, воевода писал: "от того де самопального дела кузнецы разбрелися розно ... только де и осталось на Устюжне три человека" ¹⁶⁶.

В целом, развитие системы регионального расселения в Устюженском крае в середине XVI - первой половине XVII вв. шло в русле тех тенденции и под влиянием тех же социально-экономических и политических обстоятельств, что и в центральных и северо-западных районах страны. Наиболее важными объективными факторами, влиявшим на сельское расселение были развитие структуры феодального землевладения, эволюция внутренней структуры помещного и вотчинного хозяйства, податная и социальная политика государства. Они задали направление развития - укрупнение поселений при одновременном сокращении их числа, роста людности двора, изменения социальной структуры зависимого населения и т.д., обусловили особенности становления и развития системы расселения в крае.

QQQ

Раздел II. Социально-экономическое развитие.

Глава 3. Феодальное землевладение.

§ 1. Становление и структура.

а) вотчинное землевладение.

Светская вотчина. О становлении и развитии светской вотчины в Устюженском уезде в XVI в. известно немного. Источники дают лишь фрагментарные сведения. Так, в сотной 1567 г. названы ряд местных феодалов, в том числе отмечены вотчина И. Арбузова и "Урусоевская" (Урусова) вотчина¹⁶⁷. В конце XVI в., в непосредственной близости от Устюжны Железопольской имел вотчину И. Я. Щетнев, в которую входила дер. Соболевское¹⁶⁸. В начале XVII в. она перешла к другим феодалам. Часть ее, как приданное, получил А. Сизов и передал затем своему

Причины данного явления носят не экономический, а прежде всего политический и социальный характер. Прекращение "Смуты" достаточно быстро нормализовало социальную структуру города до обычных параметров. Ее устойчивость является еще одним фактором подтверждающим своеобразие социально-экономического облика Устюжны Железопольской, особенно в XVI в., как "города нового типа, который получит развитие в XVII и особенно в XVIII в."¹⁶⁶.

¹⁶⁷ Сотная 1567 г. С.171 - 174.

¹⁶⁸ Сотная 1597 г. С. 157 - 158.

сыну Константину¹⁶⁹. Другую, большую часть вотчины, И. Я. Шетнев в 1610 г. продал Я. Дубровскому¹⁷⁰.

В целом, светское вотчинное землевладение в Устюженском крае в XVI в. было развито крайне слабо. По данным описания 1628-30 гг. на всей территории будущего Устюженского уезда в начале XVII в. насчитывалось всего 5 «старых» вотчин. Из них к родовым можно отнести только 2 вотчины - братьев И. П. и Б. П. Ушаковых и окольник М. В. Годунова¹⁷¹. Остальные были либо купленные, как у Я. Дубровского, либо полученные в приданное, как вотчина А. Сизова, или меновные, как у Г. В. Самойлова. Последнюю Григорий Вялин сын Самойлова Упятева выменял у конюшенного боярина Бориса Федоровича Годунова, накануне его вступления на престол, в 1597 г. В свою очередь Б. Ф. Годунов купил ее у Офонасия и Степана Батюшковых¹⁷².

Владения Микиты Васильевича Годунова и его наследников были самой крупной вотчиной в Устюженском крае на протяжении XVI - первой половины XVII вв. В середине 80-х годов XVI в., в первые годы царствования Федора Ивановича, все представители рода Годуновых были пожалованы крупными земельными владениями. М. В. Годунов получил Перскую и Долоцкую волости-погосты. Перская волость располагалась по левому берегу реки Мологи между ее притоками Кирвой и Кобожей. Долоцкая волость находилась рядом, на левом берегу реки Кобожи. В административном отношении до начала XVII в. они входила в состав Бежецкой пятины Новгородского уезда¹⁷³. Во время строительства острога в Устюж-

---

¹⁶⁹ Писцовая книга ... 1628 - 1630 гг. (далее К - 901) // Устюжна - II. С. 169 - 170. «За Костентином Алексеевым сыном Сизова отца его приданая вотчина, что дал в приданье отцу ево Иван Шеньев» в 1628 г. здесь было 2 пустоши - Кошкино и Лисицыно, 34 чет. заросшей лесом пашни и 10 копен сенокосов.

¹⁷⁰ Во время строительства острога, в 1609 г. доля с вотчины И. Я. Шетнева была определена из расчета 25 четей жилой пашни. РГАДА. Ф. 141. 1632 г. Д. 73. Л. 42. Яким Дубровский купил ее в 1610 г., «у Ивана Яковлева сына Шетнева 118-м году, село Соболевское на речке на Острожне» и 2 пустоши - Веретягино и Кузенино. В 1628 г. в селе Соболевском было 10 жилых дворов, из них 4 крестьянских. См. К - 901 // Устюжна - II. С. 155 - 156.

¹⁷¹ К - 901 // Устюжна - II. С. 154-155; Устюжна - III. С. 297-304.

¹⁷² Устюжна - II. С. 156. Меновая запись была оформлена не только на Г. В. Самойлова, но и на его малолетнего сына Ивана. Вотчина была небольшой, всего 15 десятин пашни и 10 копен сенокосов.

¹⁷³ В 90-е годы XVI в. М. В. Годунов просил новгородского митрополита прислать в его Долоцкую вотчину, в Бежецкую пятину священника. См. Исторические сведения о Синозерской пустыне Устюженского уезда Новгородской губернии, и ея основателе преподобномученике Евфросине Новгородском чудотворце. Новгород, 1912. С. 4; Хруствлев М. Ю. Преподобный Евфросин Синозерский и основанная им Благовещенская Синозерская пустынь // Устюжна - I. С. 33.

не владения Годунова приписали к Устюженскому уезду, а позже волости вошли, как приселки, в состав Хрипелевской волости ¹⁷⁴.

В конце первой четверти XVII в., не ранее 1620 г., вотчина перешла к сыну М. В. Годунова - Алексею ¹⁷⁵. К 1630 г. за стольником А. М. Годуновым в вотчине было 2 погоста, 2 сельца, 14 деревень и 3 починка. В них находились 24 крестьянских, 32 бобыльских и 51 двор непашенных бобылей, в которых проживали 158 человек. Общие размеры пашенных угодий составляли 587,5 чет. в одном поле и 509 копен сенокосов. Административным центром вотчины было крупное сельцо Федоровское. В нем находился двор вотчинника, в котором жил приказчик и 18 крестьянских и бобыльских дворов.

Вотчина довольно успешно пережила Смутное время, и быстро восстановила свой хозяйственный потенциал. Об этом говорит наличие в составе поселений 3 починков и незначительная степень запустения. В вотчине отмечено только 2 пустых двора, что составляет менее 2%, а доля пашни паханной составляла около 38% от общей площади. В конце первой трети XVII в. это был самый высокий показатель по Устюженскому краю среди всех феодальных владений ¹⁷⁶.

В первой четверти XVII в. в Устюженском уезде появилась вотчина, данная в кормление царице-старице Дарье. Инокня Дарья, в миру Анна Колтовская, одна из жен Ивана Грозного, к этому времени уже более 4 десятилетий была монахиней, последнее время насельницей Тихвинского девичья монастыря ¹⁷⁷. Вотчина была ей пожалована до "ее живота", т.е. кончины, и без права распоряжения, «а роду своего и племени и по душе не дать».

---

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 141. 1632 г. Д. 73. Л. 39, 40. В 1609 г. для строительства острога, в числе других владений, были приписаны "село Федоровское з деревнями и Долоцкая волость 75 вытей".

¹⁷⁵ В сентябре 1618 г. окольный Н. В. Годунов был одним из воевод, руководивших обороной Московского Кремля, а июле 1620 г. встречал, а затем и присутствовал на приеме английского посла. См. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. V. Т. IX. С. 103, 131, 132.

¹⁷⁶ К - 901 // Устюжна - III. С. 297-304.

¹⁷⁷ Царица старица Дарья стала монахиней Тихвинского Введенского девичья монастыря не позже 1604 г. Об этом говорит царская грамота от 22 июля 1604 г. - «писала нам (Борису Годунову) ... царица старица Дарья Алексеевна, что мы ее пожаловали, велели ей быти по ее обещанию в Ноугородском уезде у Введения Пречистые Богородицы в девичьем монастыре на Тифине, и общину устроити. В это время в монастыре было 45 стариц. В челобитной старица Дарья просила дать ей вотчину, так как "вперед им прокормиться нечем, вотчинки к монастырю нет". Вотчину дали, но небольшую, в Тихвинском погосте. АИ. № 49. С. 60. В монастыре старица находилась, видимо, не постоянно. Так, в 1610/11 г. она уезжала из монастыря. См. ААЭ. Т. 3. № 257. С. 395.

26 августа 1614 г., Михаил Федорович «пожаловал ... царицу старицу Дарью в Устюжском уезде Железопольском из своих дворцовых сел в вотчину село Микифорово» с 21 деревней и 19 пустошами «с пашнями и с санными покосы и с лесы, и со всеми угодья». (См. карту .) По отдельным книгам Якима Дубровского 1614 г. хозяйственные угодья вотчины состояли из 360 чет. пашни разных категорий, 436 копен сенокосов, 48 десятин дровяного и поверстного лесу "в разных местах в длину на 3 версты, а поперег на 2 версты с четью"¹⁷⁸. В марте 1616 г. старица Дарья получила жалованную грамоту на свою вотчину с полным податным и судебным иммунитетом, подтвержденную в 1621 г.¹⁷⁹. Как светская вотчина это владение просуществовало чуть более 10 лет. После смерти старицы Дарьи, оно перешло Тихвинскому монастырю.

Окончательное становление структуры светского вотчинного землевладения в Устюженском уезде связана с пожалованиями первой четверти XVII в. за различного рода "сидения"¹⁸⁰. За "московское осадное сиденье при царе Василье" получили вотчины жилец И. А. Отрепьев (1614/15 г.), стольник П. И. Лодыгин (1616/17 г. и 1617/18 г.), стремянный конюх М. С. Ренев (1623/24 г.), "царицына чину" боярский сын Н. В. Блудов (1630 г.)¹⁸¹.

Вотчинами, что были даны «при государе и царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея России за московское осадное сиденье королевича приходу» по-

---

¹⁷⁸ АИ. Т. III. № 41. С. 37-38. Деревни компактно располагались вокруг села Микифорово - Романцово, Волосово, Слободище, Дьяково, Лисицыно, Ястребцово, Острихино, Котлаево, Лукьянцово, Визгалово, Алексеево, Ременниково, Еремейцово, Жахнево, Образцово, Муравьево, Доманово, Осиновик, Таршеево и Вороново. Большая часть пустошей запустела, видимо, в Смутное время. Из 19 пустошей 13 в конце XVI в. были деревнями и 1 - починком.

¹⁷⁹ Там же. № 67. С. 61. В 80-е годы XVI - начале XVII вв. старица Дарья, видимо, пребывала в Белозерском Воскресенском девичьем монастыре. Федор Иванович пожаловал ей и монастырю «в вотчину в Белозерском уезде ... из черных волостей сельцо Никольское с пустошами». Как писала в челобитной в марте 1616 г. старица Дарья, после ее перехода в Тихвинский монастырь, это пожалование «та де вотчина сельцо Никольское с деревнями у нее взято и отдано старцу Дионисию Голицыну, а ей ... дано в вотчину в Устюжском уезде Железопольского сельцо Никифоровское с деревнями». В 1626 г. старица Дарья умерла, а вотчина, как это ни удивительно, переходит в Тихвинский девичий монастырь, где она была инокиней последние годы своей жизни.

¹⁸⁰ Данные жалованные вотчины были разновидностью выслуженных вотчин. Они давались за два осадных сиденья в Москве 1610 и 1618 гг. В первом случае - за службу во время похода на Москву польского гетмана Жолкевича; во втором случае - приход под Москву королевича Владислава.

¹⁸¹ К-90 // Устюжна - II. С. 156-157, 170; Устюжна - III. С. 304-306, 329-331.

жаловали И. В. Наумова (1618/19 г.), З. Б. Ханыкова (1621/22 г.), того же боярско-го сына Н. В. Блудова (1621/22 г.) и П. Муравьева¹⁸².

В октябре 1626 г. Д. В. Лодыгин получил жалованную вотчину "за немецкую службу против московских осадных сиделцов королевича приходу", за его "службу и за раденье, что он во 125 (1616/17) году послан в вольные немцы в Любок да в Анбург против московских осадных сиделцов королевича приходу"¹⁸³.

В целом, за 15 лет, с 1614 по 1630 гг., в Устюженском крае было осуществлено или подтверждено 10 пожалований выслуженными вотчинами 8 дворян¹⁸⁴. Стольник П. И. Лодыгин и боярский сын Н. В. Блудов были пожалованы дважды. Первый - "за 2 осады московского сиденья" в Калининском и Новом станах, второй - "за осадное сиденье при царе Василье" и «за осаду королевича приходу» в Велетовском стане. Всего к новым вотчинникам перешло 992 чет. пашенных и 2191 копен сенокосных угодий. На 1630 г. в них было 111 дворов зависимого населения и проживало 369 людей, что составляло соответственно 47,0% и 65,1% от общего числа зависимого населения светской вотчины¹⁸⁵.

Наиболее крупными из выслуженных вотчин были пожалования Д. В. Лодыгину и И. В. Наумову. В них соответственно насчитывалось 51 и 20 дворов зависимого населения в которых проживало 216 и 74 "людей".

Общая структура светской вотчины, состав вотчинников и размеры их владений в конце I трети XVII в. представлена в таблицах 21 и 22.

Таблица 21.

**Структура светской вотчины
Устюженского края в конце I трети XVII в.**

Вотчинники	Крестьяне		Пашенные угодья			Сенокосы
	дворов	людей	всего	паханной	%	
Н. В. Блудов	6	10	187	20	10,7	162
А. Н. Годунов	107	158	587	220	37,5	509
И. Я. Дубровский	4	9	111	18	16,2	65
Д. В. Лодыгин	51	216	225	81	36,0	852

¹⁸² К - 90 // Устюжна III. С. 331; Л. 408об.- 416, 416 - 420, 420 - 421. П. Муравьев заложил свою жалованную вотчину Т. С. Огибалову, а тот в 1630 г. В. Б. Матюкову.

¹⁸³ АПД. Т.2. Вып. 1. № 14. С. 38; К - 901. Л. 443об. - 458.

¹⁸⁴ Значительная часть жалованных грамот за события 1610 г. была выдана после В. И. Шуйского вождями первого ополчения - Ляпуновым Трубецким и Заруцким. Эти грамоты выдавались под условием их утверждения новым царем.

¹⁸⁵ Абсолютно большая часть зависимого населения т. н. "старых" вотчин приходилась на одну - А. Н. Годунова. В ней было сосредоточено 85,6% дворов и 79,4% людей.

П. И. Лодыгин	13	23	136	16	11,8	138
В. Б. Матюков	2	2	32	7	21,9	54
И. В. Наумов	20	74	154	49	33,8	650
И. А. Отрепьев	4	9	120	22	18,3	130
М. С. Ренев	10	21	100	15	15,0	75
И.Г.и Г.В. Самойловы	1	2	10	1	10,0	10
К. А. Сизов	-	-	36	-	-	25
И.П. и Б.П. Ушаковы	13	30	76	15	32,9	90
З. Б. Ханьков	5	14	47	10	21,3	130
Итого:	236	568	1812	474	26,2	2890

Источник: К - 901 // Устюжна - II. С. 154 - 157, 169 - 170; Устюжна - III. С. 297 - 304, 329 - 331; Л. 408об.-422, 443об.- 458.

Всего в Устюженском крае в конце I трети XVII в. насчитывалось 13 вотчин, из которых 3 были "старые", а 10 - жалованные выслуженные вотчины. Все "старые" вотчины располагались в Новосередецком стане. Значительные вотчинные владения находились в Новом стане и Хрипелевской волости.

По своим размерам вотчины были разные. Сравнительная статистическая характеристика вотчинного хозяйства представлена в таблице 22. На общем фоне, среди всех вотчин, выделяются крупные владения А. М. Годунова и Д. В. Лодыгина. В них было сосредоточено 65,9% дворов, 67,0% людей и 63,5% обрабатываемой пашни, хотя доля общей пашни составляла только 44,8%. Жалованные вотчины давались, как правило, из мобилизованного для этих целей поместного земельного фонда, либо часть поместья переводилось в разряд вотчины. Пожалования такого рода в значительной степени меняли облик оставшегося поместного владения. Со временем оно заустевало, так как большая часть зависимого населения переводилась самим хозяином в вотчинный жеребей.

Таблица 22.

**Внутренняя структура светской вотчины
Устюженского края в конце I трети XVII в.**

Вотчина	Зав. население		С / хозяйственные угодья			
	дворов	людей	пашня			сенокосы
			всего	паханная	наездом	
А. Н. Годунова	107	158	587	220	-	509
в ср. на 1 двор		1,5	5,5	2,1	-	4,8
в ср. на 1 чел.			3,7	1,4	-	3,2
Д. В. Лодыгина	51	216	225	81	-	852
в ср. на 1 двор		4,2	4,4	1,6	-	16,7

в ср. на 1 чел.			1,0	0,4	-	3,9
Всего	236	568	1812	474	5	2890
в ср. на 1 двор		2,4	7,7	2,0	-	12,2
в ср. на 1 чел.			3,2	0,8	-	5,1

Источник: К - 901 // Устюжна - III. С. 297-304; Л. 443об.- 458.

Так, Д. В. Лодыгин получил в вотчину около трех четвертей хозяйственных угодий своего прежнего поместья - 225 чет. пашни и 852 копны сенокосов из 315 чет. всей пашни и 1022 копен сенокосов. Через 4 года, к 1630 г. в его вотчинной части было сосредоточено около 90% крестьянских дворов и более 92% людей¹⁸⁶. Однако, качественные показатели развития вотчинного хозяйства Д. В. Лодыгина ниже не только аналогичных показателей во владениях А. М. Годунова, но и в целом, по краю. Объясняется это, на наш взгляд, начальным этапом становления вотчины, реальным результатом которого стало только увеличение людности двора. Этот показатель составляет 4,2 человека на 1 двор, что существенно выше чем в среднем по краю - 2,5 человека и, особенно, у А. М. Годунова - 1,5 человека на 1 двор.

Таким образом, становление и развитие светской вотчины в Устюженском крае приходится на конец XVI - первую треть XVII вв. Оно связано со значительными пожалованиями черных, дворцовых и поместных земель, Большую часть из них составляли выслуженные вотчины.

Монастырская вотчина. В Устюженском крае 4 монастыря имели вотчинные владения. Они были различны по размерам и уровню хозяйственного развития и принадлежали Московскому Симонову монастырю, Тихвинскому девичью монастырю, местным Модинскому монастырю и Шалоцкой Гурьевой пустыни.

Общая структура монастырских владений в конце I трети XVII в. и их административно-территориальное распределение представлены в таблицах 23 и 25.

Таблица 23.

**Монастырское землевладение
в Устюженском крае в I трети XVII в.**

Монастырь	Зависимое население		С / х угодья		
	дворов	людей	пашня	пашня пах.	сенокосы
Симонов	243	247	1574	305	1258
%	72,1	67,9	69,9	66,2	47,4
Тихвинский	49	60	492	106	431

¹⁸⁶ К - 901. Л. 442об.- 443об., 457-458.

%	14,5	16,5	21,8	23,0	16,2
Модинский	34	38	143	44	795
%	10,1	10,4	6,3	9,5	30,0
Шалочкая пус.	11	19	44	6	170
%	3,3	5,2	2,0	1,3	6,4
Итого	337	364	2253	461	2654
%	100	100	100	100	100

Источники: К - 901. Л. 153 - 164., 118об. - 121об., 235-272об., 422 - 438об.

Крупнейшим духовным вотчинником в Устюженском крае был Московский Симонов монастырь. Его владения располагались в Велетовском и Калининском станах. Они формировались постепенно, в течении XV - XVII вв., путем концентрации земельных владений через пожалования, вклады и куплю земель¹⁸⁷.

В целом, процесс становления и развития земельной собственности Симонова монастыря достаточно подробно рассмотрен в работах Л. Е. Ивиной¹⁸⁸.

Первые земельные владения Симонов монастырь на Мологе получил в 40-е годы XV в. Это было село Весь Егонская и 20 деревень, расположенные вверх по течению реки Мологи. Крупный вклад сделала Олена (Елена) Михайлова жена Федоровича¹⁸⁹. В 1462 г., Иван III подтвердил жалованной грамотой вклад и иммунитет данных монастырских владений¹⁹⁰.

Другое крупное пожалование монастырь получил в начале XVI в. 4 апреля 1506 г. угличский князь Дмитрий Иванович дал строителю Симонова монастыря Михаилу 17 деревень со всеми угодьями. Они располагались по обеим берегам ре-

¹⁸⁷ Большая часть моложских владений вотчины Симонова монастыря, в том числе и ее административный центр - село Весь Егонская, до 20-х годов XVII в. входили в состав Городецкого уезда Бежецкого Верха.

¹⁸⁸ Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV - первой половины XVI в. Л., 1979. С. 58 - 59, 128, 140 - 144, 161 - 162, 168 - 172, 187 - 189; Ее же. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985. В этой работе, владения Симонова монастыря по реке Мологе, в Велетовском и Калининском станах, территория по реке Мологе с г. Устюжною и с с. Весью Егонской, устюженские и моложские станы, жившие своей обособленной жизнью, подробно не рассматриваются. См. Ивина Л. И. Указ. соч. Гл. 2. С. 95. Все известные акты по землевладению Симонова монастыря в районе реки Мологи (до начала XVII в.) опубликованы, частично, С. А. Шумаковым в начале XX в. и полностью Л. И. Ивиной. См. Шумаков С. А. Угличские акты. (1400 - 1749 гг.) М., 1899. № LVII, XLI; Его же. Обзор грамот ... Вып.1. Ч.1. С.23 - 25, 35.; Ивина Л. И. Копийная книга актов Симонова монастыря XVII века // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. X. С. 235 - 254; АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря (1506 - 1613 гг.). М., 1983. № 1, 18, 101, 102, 105, 121, 201, 202.

¹⁸⁹ По мнению И. А. Голубцова и Л. И. Ивиной это была жена М. Ф. Сабурова, позднее, в 60-е годы XV в., одного из влиятельных старцев Симонова монастыря. АСЭИ. Т. 2. № 345, 361; Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV - первой половины XVI в. Л., 1979. С. 58 - 59.

¹⁹⁰ АЮБ. № 31.IX. С.98; № 31.XIV. С. 103-105.

ки Мологи, вниз по течению, от черной Понизовской волости Устюжны Железопольской¹⁹¹.

Этим и исчерпываются сведения о монастырской вотчине в пределах Устюженского края на начало XVI в. Других данных о земельных приращениях монастыря путем вкладов или покупки не сохранилось¹⁹².

В 20-е годы XVI в. Симонов монастырь укрепляет свое влияние в крае. Он получает жалованную грамоту от Василия III на свои бежецкие и угличские владения. Кроме этого монастырским властям удалось увеличить свои владения, как правило, за счет мелких родовых вотчин местных землевладельцев Нелединских, Рыкуновых, Сущевых¹⁹³.

С конца XVI в. практически прекращается рост земельной собственности крупных монастырей. Симонов монастырь в эти годы приобрел незначительные земельные владения за счет мелких вкладов и купли¹⁹⁴.

В 60-е годы XVI в. монастырские власти выдержали значительную борьбу с князьями Прозоровскими за право Веси Егонской стать монополистом ярмарочной торговли в регионе. Благодаря поддержке Ивана IV, они добились исключительного права как на торговлю, так и на сбор таможенных пошлин на всем протяжении реки Мологи между городами Устюжной Железопольской и Мологой¹⁹⁵. Кроме этого, значительный участок рыбных ловель по реке Мологе, выше села Веси Егонской, находившийся ранее за посадом, перешел к монастырю¹⁹⁶.

---

¹⁹¹ АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря. № 1. С. 7. Монастырю были пожалованы «в Углицком уезде на Устюжне» деревни Перемуть, Стрелица, Слюдка, Лекма, Микулино, а за рекою Мологою деревни Волчина Большая, Волчина ж Меньшая, Грязливец, Бор, Горка, Середняя, Большой Двор, Мышкино, Чудь, Болдырево, Егница, Глиснево. В последующем, в 1524 г. они составили большую часть Велетовской волости. См. Там же. № 18. С. 25.

¹⁹² Видимо, как и во второй половине XV в., их не было. Не получил монастырь земли и по духовной угличского князя Дмитрия Ивановича, хотя по его завещанию были розданы более 50 селений, большинство местным угличским монастырям. См. ДДГ. № 99. Ивина Л. И. Указ. соч. С. 129.

¹⁹³ Шумаков С. А. Угличские акты. № XXIII, LIII, LIV, LV; Ивина Л. И. Указ. соч. С. 141 - 144.

¹⁹⁴ Размеры и темпы приобретения Симоновым монастырем новых земель в Устюженском крае были незначительны. Фактически они были сосредоточены в районе среднего течения реки Званы, где располагалось несколько деревень вокруг сельца Овсянниково. В 1551 г. монастырь купил половину сельца Овсянниково и половину деревни Чулково. Борьба монастыря за полное владение ими растянулась на всю вторую половину XVI в. и завершилась только в начале XVII в. См. : АФЗХ. Т.4. № 101, 102, 105, 201, 202; Шумаков С. А. Угличские акты. № LVII, XLI; Он же. Обзор грамот. Вып.1. Ч.1. С.23 - 25, 35. Более того, в середине XVI в. у монастыря к дворцовым селам были отписаны 11 починок. См. Ивина Л. И. Указ. соч. С. 168.

¹⁹⁵ ААЭ. Т. I. № 262, 263, 269. См. С. .

¹⁹⁶ АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря. № 121. С.132-134.

Таким образом, основные земельные владения в Устюженском крае Симонов монастырь получил до середины XVI в. путем крупных княжеских пожалований и вкладов. В конце 20-х годов XVII в. он имел в Устюженском крае более 2,3 тысяч десятин пашенных и около 130 десятин сенокосных угодий. В состав его владений входили 34 поселения: 1 село, 1 погост, 31 деревня, 1 починок и 60 пустошей¹⁹⁷.

Территориально вотчина располагалась по обеим берегам реки Мологи и ее притока - реки Званы, в Велетовском и Калининском станах. Соотношение зависимого населения и земельных угодий в них выглядело следующим образом:

Таблица 24.

**Вотчина Симонова монастыря в Устюженском крае
в конце первой трети XVII в.**

	Велетовский стан	Калининский стан	Всего
дворов	229	14	243
%	94,2	5,8	100
людей	230	17	247
%	93,1	6,9	100
пашня	1374	200	1574
%	87,3	12,7	100
пашня паханная	285	20	305
%	93,4	6,6	100
сенокосы	1138	120	1258
%	90,5	9,5	100

Источник: К - 901 // Устюжна - II. С. 171-172; Устюжна - III. С. 331-344.

Абсолютно большая часть, более 90% владений приходилось на Велетовский стан. В Калининском стане находилась всего 1 жилая деревня - Овсянниково и 6 пустошей. Правда, Овсянниково было большим селением для деревни. В нем находилось 6 крестьянских и 8 бобыльских дворов.¹⁹⁸

Наиболее крупным поселением вотчины было село Весь Егонская. В 1630 г. в нем находились 2 храма, монастырский и коровой двор, 10 крестьянских дворов и 14 дворов непашенных бобылей. По сравнению с приправочными дозорными книгами 125 (1616/17) г. Б. Маклакова село значительно запустело - 15 дворов стояли

¹⁹⁷ К - 901 // Устюжна - II. С. 171,172; Устюжна - III. С. 331-344.

¹⁹⁸ К - 901 // Устюжна II. С. 171. Деревня Овсянниково во второй половине XVI в. была сельцом, а одна из пустошей - Чулково, деревней. См.: АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря. № 101, 102, 105, 201, 202; Шумаков С. А. Угличские акты. № LVII, XLI;

пустые, бобыли сошли безвестно. В селе находился крупный торг, «а торгуют в один день - воскресенье»¹⁹⁹.

Значительную вотчину в Устюженском уезде имел Тихвинский девичий монастырь. История ее происхождения достаточно необычна для XVII в. В 1626 г. умерла инокиня Дарья, насельница этого монастыря. Монастырские власти, видимо, заранее получили ее согласие передать в монастырь свои владения. Игуменья Агафья и старицы Леванида и Александра²⁰⁰ вскоре били государю челом и положили «изусную память» письменно оформленную духовником старицы Дарьи, черным попом Феогностом. В ней излагалась последняя воля усопшей - «свою вотчину село Микифоровское с деревнями ... отходя сего света, отказала дати в свое обещание в монастырь».

29 июня 1626 г. великие государи Михаил Федорович и Филарет пожаловали Тихвинский Введение Пречистые Богородицы девичий монастырь и «велели дати ... по царице инокине Дарье в вечной поминок вотчину ... село Микифоровское» с деревнями и угодьями. Грамота была жалованной, освобождала монастырь и крестьян от большей части податей и повинностей, предоставляла ряд таможенных льгот и административный и судебный иммунитет²⁰¹.

Административным центром монастырской вотчины было село Микифорово. Оно оставалось и духовным приходским центром сельской округи. В 1628 г. в нем находились 2 храма, 5 дворов церковного притча, 3 двора церковных бобылей, 1 двор приказщиков, 1 монастырский и 1 коровой двory (в них жили 4 человека) и 3 крестьянских двора.

16 деревень и их хозяйственные угодья располагались компактно вокруг села Микифорово. Всего за монастырем было 49 дворов зависимого населения, в которых проживало 60 "людей" (27 дворов крестьянских - 28 людей, 22 двора бобыльских - 32 человека). Новое описание зафиксировало изменения в структуре сельскохозяйственных угодий. С 360 до 492 четвертей в поле выросла общая площадь

---

¹⁹⁹ К - 901 // Устюжна - III. С. 331 - 332.

²⁰⁰ Старицы Александра и Леванида - дочери князя Григория Гагарина, племянницы старицы Дарьи (царицы Анны Колтовской).

²⁰¹ Жалованная грамота опубликована два раза - РИБ. Т. 35. № 354 и АИ. Т. 3. № 142. В грамоте деревни перечислены в том же порядке, что и при пожаловании старице Дарье. См. АИ. Т. 3. № 41. С. 37-38; РИБ. Т.35. № 354. С.686-687;

пашни. Из них обрабатываемая пашня составляла менее четверти - пашня паханная 106 и наездом 15 четвертей в поле, перелог 171 четверть, лесом поросло 200 четвертей. Незначительно, с 436 до 431 копны, сократились сенокосные угодья²⁰². Однако, в сравнении с 1614 г., вотчина изрядно запустела. Исчезли 5 деревень - Слободище, Острихино, Топляево, Висгалово и Одинцово. В жилых селениях числились пустыми 13 дворов и 25 мест дворовых²⁰³.

Кроме иногородних, в Устюженском уезде находились вотчины двух небольших местных монастырей - Николо-Модинского и Гурьевской Шалоцкой пустыни. Николаевский Модинский монастырь стоял на правом высоком берегу реки Мологи в устье речки Модинки. Когда он возник и кто был первым основателем обители, точно неизвестно²⁰⁴. Первоначально монастырские владения располагались вблизи монастыря и занимали территорию в излучине естественного изгиба русла реки Мологи. На наш взгляд, получил он их в начальный период своего существования. За XVI - первую половину XVII вв. они практически не увеличились²⁰⁵.

В начале 70-х годов XVI в., после крупного пожара в Устюжне, монастырь поставил в городе слободу в 26 дворов. Позже, в начале 90-х годов XVI в., по челобитью посадских людей, ее ликвидировали. 22 двора монастырской слободки, "оприч белых 4 дворов, которые даны под монастырь", были приписаны к посаду. За это посадский мир платил "с тех 22 дворов вперед игуменом или строителем в монастырь по 10 рублей на год ис таможенных денег ... ежегод безпереводно"²⁰⁶.

В Смутное время Модинский монастырь, соседняя Шалоцкая пустынь и их деревни были разрушены - "тех монастырей старцы и бобылишка от литовский людей высечены и деревни пожгли, стали пусты". Разорение было, видимо, полным.

---

²⁰² К - 901. Л. 422-438об.

²⁰³ См. АИ. Т. 3. № 41. С. 37-38; РИБ. Т.35. № 354. С.686-687; К-901. Л. 433 - 434, 436 - 437.

²⁰⁴ По мнению И. Ф. Токмакова монастырь возник в XV в. Сохранился ряд народных преданий об основании Модинского монастыря. Наиболее раннее из них связывает возникновение обители с именем родоначальника династии знаменитых купцов и промышленников Строгановых. Предания были записаны и сохранились в монастырском архиве за XVII в. Их содержание изложено в краеведческой литературе. См. ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 411. Л. 2; Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 87-89; Хрусталева М. Ю. Николо-Модинский монастырь: страницы истории // Устюжна - III. Вологда, 1995. С. 166-169.

²⁰⁵ В конце XVI в., из порозжих земель Велетовской волости, монастырь получил запустевший погост Воскресенский. См. К - 901 // Устюжна - III. С. 344.

²⁰⁶ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 21об.; Сотная 1597 г. С. 141-142.

По результатам дозора монастырские владения "в сошное письмо не положены для их убожества"²⁰⁷.

После этого, на некоторое время, монастырь переместился в Устюжну Железопольскую, объединившись с Воскресенским (Ильинским) монастырем. В 1613 г. владения Модинского монастыря, Шалощкой пустыни и соборного Рождественского храма были подвергнуты дозору. Оказалось, что формально вотчина запустела более, чем в 2,5 раза. Если размер сошного письма в конце XVI в. по результатам описания Дм. Бельского был определен в 65 четей, по дозору 1613 г. только в 24 чети. Но и это, видимо, было тяжелым налоговым бременем. Игумен Модинского монастыря просил, чтобы всякие подати "платить с посадом вместе, а в уезд к сохам не приписывать ... и доходов никаких с уездными сохами не имать", так как с 1609 по 1613 гг. они платили "всякие подати и острог ставили и пушки ковали с устюженцы с посадскими людьми вместе"²⁰⁸.

К этому времени монастырь обзавелся в Устюжне дополнительной недвижимостью. По купчей и по вкладной грамотам посадского человека Василия Степанова сына Тормасова монастырь владел в городе мельницей с двором и огородом на реке Вороже²⁰⁹.

Несмотря на небольшие размеры, монастырь всегда получал от государства на свои владения жалованные грамоты и постоянно пользовался льготами. Сохранилась копия жалованной тарханной грамоты, полученная Модинским монастырем в октябре 1607 года от В. И. Шуйского²¹⁰. В ее основе лежат две грамоты, полученные монастырем от Ивана VI в 1578 г.²¹¹ и его сына Федора Ивановича 1585 г.²¹². В ней перечислялись льготы, которыми пользовались монастырь и его зависимое население. Кроме того, жалованная грамота освобождала монастырь от экономического и административного подчинения новгородскому владыке²¹³.

---

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 100об.

²⁰⁸ Там же. Л. 101, 101об.

²⁰⁹ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 37об. - 39.

²¹⁰ Там же. Л. 20 - 21об.

²¹¹ «Дана грамота 7086 году, апреля в 29 день». Там же, Л. 21об.

²¹² Грамота датирована январем 1585 г. «лета 7093 году, генваря в 15 день», но является подтверждением более ранней грамоты, которую монастырь получил не позднее 1581 г. В тексте есть ссылка на грамоту «царевича князя Ивана Ивановича» сына Ивана Грозного. Там же. Л. 21об.

²¹³ «В их монастыре ... попы и дьяконы архиепископу новгородскому дани, иных ни которых пошлин не дают и десятинники и заезщики к ним не въезжают ни по что». Там же. Л. 21.

В 1620-е годы наблюдается процесс унификации монастырского иммунитета, пересмотр «тарханов», коснувшийся и мелких монастырей²¹⁴. В 1620 г. монастырь получил «жалованную грамоту за приписью дьяка Семена Головина», а через 3 года, в июне 1623 г. ему дали новую жалованную грамоту. Причина была в том, что под управление настоятеля Модинского монастыря, игумена Елизария. был вновь отдан монастырь «Воскресенья Христова, что на Устюжне на посаде». Требовалось, видимо, и за ним закрепить административный, податной и судебный иммунитет и льготы, которыми обладал Модинский монастырь.

Жалованные грамоты Модинскому монастырю, данные при Михаиле Федоровиче в 1620 и 1623 гг., более конкретно очерчивали пределы феодального иммунитета монастыря. Сохраняя практически в неизменном виде административные и судебные права монастыря как вотчинника, правительство в значительной степени ограничило его административно-финансовую независимость от государства и посадских властей. Теперь на него распространялись наиболее тяжелые и обременительные налоги и повинности - ямские деньги, стрелецкие хлебные запасы, городское и острожное дело, которые они тянули с податным населением города и уезда «по писцовым книгам и по дозорным з живущаго с сошными людьми вместе»²¹⁵.

К концу 20-х годов XVII в. владения монастыря располагались в двух станах Устюженского края - Новом и Велетовском²¹⁶.

В самом монастыре было 3 деревянных храма - шатровый Николы Чудотворца, теплый клецкий Богоявления Иисуса Христа и клецкий Благовещения Пречистые Богородицы, который стоял на Святых воротах. Рядом с главным храмом стояла колокольня, а территория была обнесена оградой. Рядом с монастырем, на ручью, находилась мельница с немецким колесом и два двора - конюшенный и коровий. Выше монастыря, в луке, располагалась монастырская пашня, в разных мес-

---

²¹⁴ Черкасова М. С. К изучению финансового статуса русских монастырей в XVI - XVII веках (по актовому материалу) // Кириллов: Краеведческий альманах. Выпуск III. Вологда, 1998. С. 65 - 88.

²¹⁵ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

²¹⁶ До описания 1628 - 30 гг. монастырские владения межевали «по государеве грамоте Василей Свербеев да Ляпун Батюшков». ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 1об. Затем владения были описаны С. А. Давыдовым. В монастыре хранилась подлинная выписка с описания 1628-30 гг. за его печатью.

тах 27 чет. худой земли. Здесь же, на реке Мологе находились сенокосные угодья - 370 копен²¹⁷.

В Новом стане располагались старые монастырские владения - деревни Кортиха, Плотичья Озерина, Красная Дубровка, Липенка и 2 пустоши. Селения были средних размеров, в них насчитывалось 14 крестьянских и 17 бобыльских дворов, крестьянской пашни 13 чет., перелогу 15 чет., пашни лесом поросшей 24 чет. и 305 копен сенокосов²¹⁸.

В Велетовском стане монастырь получил земли в конце XVI в. По выписи писцов князя Д. Бельского 1596 г. ему из порозжих земель дан погост Воскресенский «на темьян и на ладан». В 1630 г. на погосте была церковь, монастырский двор и 3 двора монастырских детенышей. Хозяйственные угодья состояли из 4 чет. пашни паханой, 2 чет. перелога, 4 чет. пашни лесом поросшей и 70 копен сенокосов. К погосту тянули 5 пустошей. На них в общей сложности было 54 чет. пашни поросшей лесом и 50 копен сенокосов²¹⁹.

В Велетовском стане монастырь получил земли в конце XVI в. По выписи писцов князя Д. Бельского 1596 г. ему из порозжих земель дан погост Воскресенский «на темьян и на ладан». В 1630 г. на погосте была церковь, монастырский двор и 3 двора монастырских детенышей. Хозяйственные угодья состояли из 4 чет. пашни паханой, 2 чет. перелога, 4 чет. пашни лесом поросшей и 70 копен сенокосов. К погосту тянули 5 пустошей. На них в общей сложности было 54 чет. пашни поросшей лесом и 50 копен сенокосов²²⁰.

Таким образом, всего за Модинским монастырем был погост, 4 деревни и 7 пустошей, 142 чет. пашенных угодий, из них 44 чет. пашни, 795 копен сенокосов.

Мужской монастырь Успения Пречистые Богородицы Гурьевы Шалоцкой пустыни находился на левом берегу реки Мологи при впадении в нее речки Шалчи, недалеко от Модинского монастыря. О нем мало что известно. Основана пус-

---

²¹⁷ К - 901 // Устюжна - III. С. 306.

²¹⁸ Там же. С. 306-308.

²¹⁹ Там же. С. 344-345.

²²⁰ Там же. С. 344-345.

тынь была, видимо, в конце XVI в.²²¹. Первое упоминание о ней в источниках относится к 1603 г. и связано с именем первого настоятеля - игумена Гурия²²².

Как и Модинский монастырь, Шалочкая пустынь была разгромлена в Смутное время и запустела. В 1609-1611 гг. «на Шалче в монастыре литовские люди старцов посекали и монастырской живот пограбили и по нынешний по 123 (декабрь 1614) год через тот монастырь ходят литовские люди». Настоятель монастыря в челобитной царю писал, что ему «игумену Вастьяну с братьею на Шалче в монастыре жить не мочно», и просил выделить место в Устюжне. 11 декабря 1614 г. устюженский воевода И. С. Урусов по государеву указу отвел на посаде место, где «ему Вастьяну с братьею поставить храм Благовещанье святой Богородицы и монастырь, кельи и ограды поставить, из устюжских посадцких людей огородных мест, по речке по Вороже». Кроме пустого места под новый монастырь игумену передавались уцелевшее церковное имущество и земли разоренного Благовещенского храма²²³.

К 1630 г. сам монастырь и его хозяйство было, в основном, восстановлены. По данным писцовой книги 1628-30 гг. в пустыни находилось два клецких храма - Успения Пречистые Богородицы и теплый Рождества Иисуса Христа и колоколья. Из хозяйственных построек упоминаются конюшенный и коровий дворы. Рядом с монастырем находилась пашня - 30 чет., из которой 15 чет. была распахана, и сенокосы - 105 копен²²⁴.

Монастырь владел 2 деревнями - Гудина и Зимник, 4 пустошами. В деревнях стояли 5 крестьянских (8 человек) и 6 бобыльских дворов (11 человек). Пашни разных видов числилось 102 чет., сенокосов - 65 копен. Любопытна структура крестьянской пашни - из 30 чет., 27 крестьяне пахали наездом. Хозяйственные угодья крестьян примыкали непосредственно к Белозерскому рубежу. В 1618 и 1623 гг. по государевым грамотам монастырь получил пустошь Подсосенье и Истоминскую

---

²²¹ В 1596 г. посадский человек Филька Григорьев сын Мякишев сделал в монастырь вклад - пожню Мякишиху, на реке на Мологе. См. К - 901 // Устюжна - III. С. 305.

²²² И. Ф. Токмаков. Указ. соч. С. 99, 100.

²²³ ААЭ. Т. 3. № 52. С. 94. Как долго просуществовал Благовещенский монастырь неизвестно. Во время описания Устюжны Железопольской в 1626 г. он существовал: имел 1 храм, колокольню, трапезную, хлебню и несколько братских келий. Монахов было всего 4 человека и 1 священник. См. Сотная 1626 г. Л. 25-27.

²²⁴ К - 901 // Устюжна - III. С. 304.

пашню, а с 1596 по 1622 гг. в виде 7 вкладов - 10 пожен . Общую площадь монастырского леса-болота писцы определили 12 на 12 верст²²⁵.

В административном отношении, большая часть монастырского землевладения - около 2/3 зависимого населения и пашни, было сосредоточено в Велетовском стане. Значительная часть сенокосов, при незначительных размерах пашни, находилась в Новом стане - 31,8%. Обращает на себя внимание и то, что в исконно устюженских землях - Новосередецком стане, монастырское землевладение полностью отсутствовало.

Таблица 25.

Монастырское землевладение Устюженского края на 1630 г.

Стан, волость	Зависимое население		С / х угодья		
	дворов	людей	пашня	пашня пах.	сенокосы
Велетовский	232	236	1438	289	1258
%	68,8	64,8	63,8	62,7	47,4
Калининский	14	17	200	20	120
%	4,2	4,7	8,9	4,3	4,5
Новосередецкий	-	-	-	-	-
%	-	-	-	-	-
Новый	42	51	123	46	845
%	12,5	14,0	5,5	10,0	31,8
Хрипелевская	49	60	492	106	431
%	14,5	16,5	21,8	23,0	16,3
Всего	337	364	2253	461	2654
%	100	100	100	100	100

Источники: К - 901. Л. 153 - 164., 118об. - 121об., 235-272об., 422 - 438об.

В целом, рост монастырской земельной собственности в крае, в основном, завершился к концу первой трети XVII в. Как правило, наиболее активно этот процесс шел на начальном этапе становления монастыря как хозяйственного центра. Важнейшей формой становления духовной вотчины в Устюженском крае на протяжении всего исследуемого времени, были пожалования со стороны государства

б) поместное землевладение.

До середины XVI в. господствующей формой землевладения в Устюженском уезде было черносозное. Первая массовая раздача черных земель в уезде произошла в середине 60-х годов XVI в. В ходе "перебора" уездного дворянства, земли феодалов, которые не попали в опричный корпус, были конфискованы, а они переведе-

²²⁵ Там же. С. 305-306.

ны на новые места. Ряду феодалов приходилось устраиваться самим, - т.е. отыскивать по знакомству, родству или собственной инициативе соответствующее количество черной, дворцовой или бывшей владельческой земли, а затем начинать хлопоты по получению ее от правительства. Часть таких дворян была испомещена и в Устюженском уезде, который со всех сторон окружали опричные земли.²²⁶

Так, к 1567 г. "по государеву наказу розданы в роздачу безоброчно розным помещиком и вотчинником к их новым поместьям и вотчинам в угодыя» посадские оброчные сенокосы, а иные и за вотчинные пашни, по государеву указу против старых их поместий и вотчин, которые в розных городах взяты у них на государя в опришнину к дворцовым селам"²²⁷.

К помещикам и вотчинникам перешли не только посадские сенокосы, но и деревни, «что были черные, которые, по государеву указу, в роздачу ж розданы». Известны названия некоторых из них - Зарученье, Понарино, Калентьево, Нагатино²²⁸. В сотной 1567 г. названы и некоторые феодалы: - Василий Досадин и его сын Русин, Михаил Перский, Лука Востенский, Василий Сивков и другие²²⁹. Скорее всего это были помещики. В первой половине XVII в. фамилии помещиков Досадиных, Востинских, особенно Перских наиболее распространены среди помещиков Устюженского края, и прежде всего, в Новосередецком стане.

Во второй половине XVI в., особенно в 60-е годы, была роздана, на наш взгляд, большая часть черных земель Нового и Середецкого станов Устюженского уезда. Возможно, и организация самих станов стала следствием массовых пожалований.

В последней четверти XVI в. раздача земель в уезде шла достаточно медленно. Наиболее раннее, известное нам и подтвержденное поземельным актом, поместное пожалование относится к последней четверти XVI в. По ввозным грамо-

---

²²⁶ По мнению П. А. Садикова, перебор уездного дворянства в ходе опричнины, начавшийся в 1565 г., продолжался до самой смерти Ивана Грозного. Земли вокруг Устюженского Железопольского уезда - Пошехонье, Белоозеро, владения Симонова монастыря, Бежецкая пятина и др. были взяты в 1565 - 1571 гг. в опришнину, а большая часть феодалов выселена. Так, дворяне и дети боярские Бежецкой и Обонежской пятин, вошедшие в опришнину в 1571 г., были переселены в приграничные местности, в том числе, на наш взгляд, и в Устюженский уезд. См. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950. С. 111 - 130, 190; Веселовский Б. С. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV - XVI вв. М. - Л., 1936. С. 135, 138; Он же. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 172, 173, 178, 180, 181, 184 и др.

²²⁷ Сотная 1567 г. С. 171 - 172.

²²⁸ Там же. С. 172.

там 94-го и 95-го годов /1585-1587 гг./ Ждан Бирилев получил в поместье сельцо Алешково и несколько пустошей²³⁰.

Черной "государевой" к началу XVII в. оставалась только Понизовская волость. В 60-е годы XVI в. в ее состав входили 17 населенных пунктов. Они располагались от Устюжны на десятки верст вниз по реке Мологе. Это были деревни Берняково, Плосково, Соловцово, Верхняя Кротынь, Нижняя Кротынь, Оснополье, Григорково Селище, Лычно, Левонтьево /Лентьево/, Ивановская /Ванско/, Попчиха, Грива /Шуклино/, Липницы, Мартыново и починки Братышков, Лукьянов Глуховской, Частых²³¹. См. Рис.5.

К концу XVI в. часть поселений Понизовской волости запустела. По выписи из писцовых книг Дм. Бельского 104-го (1595/96 гг.) года в ее составе было 13 живущих деревень с 53 крестьянскими и 6 бобыльскими дворами. Пашни всех категорий числилось 227 четвертей в одном поле. В пустоши превратились деревня Липицы /Липницы/ и Плосково, починки Братушков и Чесник (Частых)²³².

Наступление на черные земли Понизовской волости началось в Смутное время. При В. И. Шуйском она впервые была отдана в поместье Петру Кузминскому²³³. После приглашения боярами на московский престол сына польского короля Сигизмунда - Владислава, многие феодалы стали обращаться к нему с просьбой о земельных пожалованиях. В числе таких челобитчиков была и царица-старлица Марфа - Мария Федоровна Нагая, последняя жена Ивана Грозного. Как писал Сигизмунд III московским боярам, она жаловалась на то, что "князь В. Шуйский, бу-

---

²²⁹ Там же. С. 174.

²³⁰ Это было одно из наиболее «старых поместий» в Устюженском крае. Через 45 лет, в 1630 г., поместье находилось за ним же «за Жданом Култашевым сыном Бирилева, да за сыном его за Гришкою, а Гришка ныне верстан и государеву службу служит». Сын боярский Ждан Култашев Бирилев был заметной фигурой среди устюженского дворянства на рубеже XVI - XVII вв.. В Смутное время он принимал активное участие в борьбе с поляками и тушинцами. В декабре 1608 г. возглавляя отряд устюженских ратных людей, разгромивший тушинский отряд в Устьрецьком стане (на юго-западной границе с Устюженским уездом), участвовал в обороне Устюжны Железопольской от поляков и казаков в 1609 г. См. Писцовая книга ... 1628 - 1630 гг. // Устюжна - I. С. 88. Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую // Устюжна - II. С. 188. Васильев Ю. С. Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую» // Устюжна - II. С. 176. Не менее известным был и другой представитель этого рода - Путила Бирилев, видимо, брат Ждана Бирилева. Долгое время его избирали губным головой устюженские дворяне.

²³¹ Сотная 1567 г. С. 177. Наряду с оброчными и худыми посадскими дворами, крестьяне Понизовской волости ежегодно должны были поставлять рыжики в Москву, в Большой Дворец, собирая их в "боровых лесех в посацких и в помесных и в вотчинных во всем Устюженском уезде". Большая часть перечисленных селений сохранилась до настоящего времени.

²³² Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610 - 1611 гг. М., 1911. С. 89.

²³³ Там же. С. 88.

дучи на великом господарстве Московском, ограбил ее, отнял то, чем пожаловал ее великий князь Иван Васильевич, и велел кормить с дворца скудною пищею; которые люди живут у нее, тем жалованья денежного и хлебного не дают, она ныне во всем обнищала и одолжала»²³⁴.

По традиции и, видимо, по совету московских бояр, королевич Владислав пожаловал царицу-вдову старицу Марфу "Устюжною Железною да в Устюжском уезде Понизовною волостью в вотчину до ее живота, со всеми угодыя и доходы, которые платили крестьяне в казну". В вотчину она получила не только волость, но и, судя по тексту жалованной грамоты, город - "старице-царице Устюжною посадом и посацкими людьми и крестьяны владеть ... и судить и расправы меж ими чинить и денежные доходы и столовые и всякие запасы велеть с них збирать на себя ... чем она пожалует велит их пообложить"²³⁵. Но вдова, если и владела Устюжною и Понизовскою волостью, то недолго.

После ее смерти о пожаловании волости в поместье Владиславу "били челом" братья Г. С. и И. С. Щербачевы и окольный князь Федор Мещерский. Сначала, по гетманскому листу от 11 августа 1611 г. волость была отдана Щербачевым, а после их измены, в октябре 1611 г., князю Федору Мещерскому²³⁶.

Каких-либо конкретных сведений о населении, структуре хозяйственных угодий этого поместья нет, известны только самые общие данные о территории и

---

²³⁴ После смерти Ивана IV, М. Ф. Нагая вместе с сыном фактически была сослана в Углич, где царевич Дмитрий получил удел. В конце 80-х годов XVI в. царицу ограничили в правах, а находящееся во владении ее малолетнего сына Угличское удельное княжество подчинили московской приказной администрации, направив туда дьяка Михаила Битяговского. В 1591 г., когда после смерти царевича Дмитрия Угличский удел был ликвидирован, вдовствующую царицу насильно постригли в монастырь и отправили "в место пусто" на Белоозеро // Соловьев С.М. Кн. VI. Т.9. С.593; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 46, 84.

²³⁵ ААЭ. Т.2. №166. С. 284.

²³⁶ В источниках о пожалованиях Понизовской волости в 1610-1611 гг. содержатся некоторые противоречия. Во-первых, Понизовская волость в них отнесена к разным административным единицам. В жалованной грамоте королевича Владислава старице Марфе - к "Устюжскому" (Устюженскому) уезду, в челобитных братьев Щербачевых и Ф. Мещерского - к Угличскому уезду. Во-вторых, возникает ряд вопросов об очередности пожалований или достоверности датировки грамот и челобитных о пожаловании Понизовской волости. Так, братья Щербачевы просят пожаловать поместье, которое было за П. Кузминским, и получают по "указу", т.е. распоряжению Владислава, гетманский лист на волость от 11 августа 7118-го (1610) года. Мария Федоровна Нагая получила волость по жалованной грамоте от октября 1610 г. Ф. Мещерский просит Понизовскую волость с деревнями, "что была отдана царице-инокине Марфе Федоровне, а царицы-инокини Марфы не стало", но получает волость в октябре 120-го (1611г.) года "за службу и за осадное сидение в поместье", видимо, после Щербачевых - "а Щербачеву и вперед отказать, потому что збежал". Учитывая, что Мария Федоровна получила жалованную грамоту на Устюжну и Понизовскую волость за год до этого, в октябре 1610 г., видимо, датировка пожалования Щербачевых дана в издании ошибочно, август не 1610 г., а 1611 г. Очередность пожалований Понизовской волости, на наш взгляд, была следующей: П. Кузминский -

количестве поселений. Единственное, о чем можно говорить - дальнейшее запустение и разорение волости, что, впрочем, было характерно в целом для центра и северо-запада страны. Оно не обошло и эти места, тем более, что здесь была одна из наиболее оживленных дорог, по которой ходили "литовские люди и черкасы в Белозерские и Вологодские места"²³⁷.

После избрания на царствование М. Ф. Романова Понизовская волость переходит в поместье к думному дьяку Петру Третьякову. Прежний владелец, окольный князь Ф. Мещерский становится руководителем приказа Большого прихода и, видимо, получает другое поместье²³⁸. По дозору 123-го (1614/15) года устюженского воеводы И. С. Урусова поместье П. Третьякова состояло из погоста, 7 деревень и 9 пустошей. За несколько лет запустели деревни Берняково, Нижняя Кроптынь, Попчиха, Грива /Шуклино/ и Мартыново.

В дозорной книге не указано население и нет, как правило, конкретных данных по отдельным видам пашни. Всего в поместье было 232 четверти пашни в одном поле и 950 копен сена, т.е. около 450 десятин сельскохозяйственных угодий, не считая лесов. В поместье полностью отсутствовала барская запашка, что вполне понятно - думный дьяк проживал в Москве. Незначительной была доля крестьянской "пашни паханой", она показана только в 4 деревнях и составляла всего 1,5% от общей площади пашенных угодий. Зато «отхожая пашня» занимала около трети - 33,2%²³⁹.

В 130-м (1621/22 гг.) году поместье, "что преж сего было за думным дьяком за П. Третьяковым в Понизовской волости" было отдано Дмитрию Васильевичу Лодыгину. Внешне, качественных изменений к этому времени не произошло. Поместье включало в себя погост, 7 деревень и 9 пустошей. Через 5 лет, в 1626 г. «за немецкую службу» большая часть поместья была отдана Д. В. Лодыгину в вотчину. В дальнейшем поместье и вотчина переходят к сыну Д. В. Лодыгина - Тимофею

М. Ф. Нагая - Г.С. и И.С. Щербачевы - Ф. Мещерский. См. ААЭ. Т.2. №166. С. 284; Земельные пожалования ... С. 88.

²³⁷ Через эти места проходила дорога с Веси Егонской в Белозерье и на Вологду. С 1609 по 1617 гг. «литовские люди, черкасы и казаки» постоянно появлялись в этих краях - «войною ходят беспрестанно». См. ААЭ. Т.3. №52. С. 94. №92. С. 126.

²³⁸ Соловьев С.М. Кн. VI. Т.9. С.40.

²³⁹ АЮБ. Т.2. № 128. С. 41-45. Дозор проводился по инициативе самого П. Третьякова - "по государеву указу ... и по наказу за приписью государева думного дьяка Петра Третьякова".

Дмитриевичу Лодыгину, а затем, по государевым грамотам 151-го /1642/43 гг./ и 157-го /1648/49 гг./, к зятю Т. Д. Лодыгина - стольнику Матвею Степановичу Пушкину²⁴⁰.

В непосредственной близости от Устюжны Железопольской, к югу от Нового и Середецкого станов располагались волости - Хрипелевская и Велетовская²⁴¹. На протяжении XVI - начала XVII вв. Хрипелевская волость была дворцовой, либо временно передавалась в кормление. Так, в середине 80-х годов XVI в. село Хрипелево с деревнями были за Микитою Путиловым, затем за Борисом Годуновым. В 1607 г. оно перешло к боярину Михаилу Федоровичу Нагому²⁴². Позже село Хрипелево с приселками и деревнями передали в кормление сибирскому царевичу Араслану Алеевичу и отписали обратно в состав дворцовых земель в 1613 г.²⁴³. В первые годы правления М. Ф. Романова волость пошла в «роздачу за новгородцы за дворяны и за детьми боярскими разных пятин в поместья»²⁴⁴. Чуть ранее, с 1610 г. началась массовая раздача земель в поместья соседней дворцовой Велетовской волости.

Массовое испомещение дворян в Хрипелевской и Велетовской волостях в первой четверти XVII в. окончательно изменило структуру феодального землевладения в уезде и превратило поместное землевладение в господствующую форму.

В ходе описания 1628-30 гг. устюженские помещики представили документы, подтверждающие их права на земельные владения. Они позволяют увидеть процесс становления поместного землевладения и его темпы в крае, посмотреть как шло его дальнейшее развитие за счет внутреннего перераспределения земель.

Таблица 17.

	Число поземельных актов
--	-------------------------

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 141, 1669 г., Д. 214. Л. 241.

²⁴¹ До начала правления Михаила Федоровича волости официально не входили в состав Устюженского уезда, но, наряду с посадскими и уездными людьми, привлекались к государственному тяглу и повинностям, особенно "городовому делу".

²⁴² В дни вступления на престол Федора Ивановича (31 мая 1584 г.) Борис Годунов получил чин конюшего, т.е. фактического главы Боярской думы. Одновременно Годуновы получают и крупные земельные пожалования: Борис - Вагу и Хрипелевскую волость, Дмитрий - Чаронду, Никита - Долоскую волость (в начале XVII в. вошла в состав Устюженского уезда). Смирнов П. П. Посадские люди ... Т. 1. С. 240, 241; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 22.

²⁴³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 108; Ф. 141. 1632 г. Д. 73. Л. 28, 29. Кроме села Хрипелево, за сибирским царевичем были соседние крупные села Микифорово и Тухани. В 1628 г. они входили в состав Хрипелевской волости.

²⁴⁴ К - 901. Л. 272 об.

Поземельный акт	Всего	в том числе	
		Велетов-ский стан	Хрипелевская волость
Выписи с описания Д. Г. Бельского 1597 г.	11	3	-
Ввозные и государевы грамоты 1585-1630 гг.	64	14	22
Выписи из описания Ф. Беречинского и Н. Чашникова 1614-1618 гг.	-	-	17
Выписи губного старосты П. Бирилева 1617-1626 гг.	19	1	11
Выписи с приправочных книг Б. Моклакова и Т. Степанова 1616-1617 гг.	10	3	5
Выписи воевод Устюжны Железопольской 1617-1628 гг.	11	3	3
Отдельные выписи 1614-1623 гг.	6	-	3

Источник: РГАДА. Ф. 1209. К - 901.

В Хрипелевской волости наделение дворян поместьями началось в 1614 г. В этот год волость была описана Федором Беречинским и подьячим Микитой Чашниковым. После описания началась массовая раздача дворцовых земель волости. Все без исключения отдельные выписи из этого описания, представленные 17 помещиками, не упоминают прежних владельцев. Наиболее ранний поземельный акт - отдельная выпись 123-го года Микиты Белавина на владения П. Ю. Деяновского, которое в писцовой книге значится как "старое его поместье"²⁴⁵.

«Старыми» поместьями писцы считали те, которые не сменили своих прежних владельцев между валовыми описаниями. В Устюженском крае перед описанием 1628-30 гг. таким было описание конца XVI в. «князя Дмитрия Бельского с товарищи 104-го и 105-го году». Такого рода «старых» поместий были немного - всего 4. Кроме поместья Ж. Бирилева, в Новосередецком же стане находилось поместье С. И. Самойлова, а в Хрипелевской волости - П. Ю. Деяновского и Б. З. Елагина²⁴⁶. Последний получил его в 124-м (1615/16) году.

Одновременно со становлением поместного землевладения идет активное его развитие за счет внутреннего перераспределения фонда поместных земель.

²⁴⁵ Там же. Л. 401 об.

²⁴⁶ Там же. Л.39об-49, 335об-337, 401-403

Особенно интенсивно происходит этот процесс в конце первой четверти XVII в. За 15 - 20 лет, к 1630 г., даже в бывших дворцовых землях, сменился корпус помещиков. Из 36 ввозных грамот на поместья только 2 не упоминают прежних владельцев. Они относятся к Хрипелевской волости и были даны в 126-м (1617/ 18) и 128-м (1619/20) годах.. В Велетовском стане такого рода грамоты вообще отсутствуют. Неизвестны они после 1620 г. и по другим территориям уезда.

Процесс становления и дальнейшего развития поместного землевладения протекал, даже в пределах одной административной единицы, как правило, параллельно. Показательным в этом отношении является Хрипелевская волость. За 15 лет, прошедших со времени начала раздачи дворцовых земель в волости, только 16 из 50 (32,0%) поместных владений, не претерпели территориальных изменений и перешли к новым помещикам от прежних владельцев без изменений. Из них половина - 8 поместий от родственников, 3 остались за вдовами, а 2 поместья - результат раздела между детьми крупного, около 600 десятин пашни, поместья Степана Чепчегова..

Остальные поместья на время описания уже состояли, т.е. были сформированы, по крайней мере, из 2 и более указанных источников. Так, поместье М. В. Ефимьева состояло из 4 частей, принадлежавших ранее Б. А. и Т. З. Ефимьевым, Г. Зыбину и В. и З. Сабуровым. Кроме этого, в 1629/30 г. М. В. Ефимьев выменял часть поместья П. Деяновского в приселке Мезга ²⁴⁷. Поместье Н. В. Линева состояло из владений, принадлежавших ранее Б. А. Ефимьеву, князю Б. Мещерскому, вдове А. Болтовой. Часть поместья он получил из порозжих земель ²⁴⁸.

К концу первой трети XVII в. в Устюженском крае фактически заканчивается пространственное разрастание поместного землевладения. На 1630 г. фонд порозжих земель был практически исчерпан. Его доля, от общего фонда земельных владений светских феодалов, составляла около 5 % пашни и 4,3 % сенокосов. В ряде станов эта категория земель вообще отсутствует. В Хрипелевской волости в порозжих землях числились остатки 4 поместий и 10 пустошей, что по размерам об-

---

²⁴⁷ Там же. Л.365об.-369об.

²⁴⁸ Там же. Л.360об.-365об.

щей пашни, составляло всего около 2,3 среднестатистического поместья Хрипелевской волости и 1,2 - в целом по Устюженскому краю.

Всего в конце первой трети XVII в. в Устюженском крае было 102 поместья. 59 поместий или 57,8 % располагались в пределах одного стана или волости, 43 (42,2 %) поместных владений находились в 2 или 3 административных округах. Наибольшее число разбросанных по разным станам поместий приходится на Новосередецкий, Калининский и Велетовский, соответственно 17, 11 и 9 владения. В Новом стане таких поместий было 4, а в Хрипелевской волости всего 2 из 50, что составляло только 4% от общего числа.

На первый взгляд, поместья в Хрипелевской волости располагались компактно. Но, находясь в пределах одной волости, они, часто, были в большей степени территориально разбросаны, чем в станах. Дело в том, что территория Хрипелевской волости на протяжении первой четверти XVII в. постоянно росла. Она состояла из собственной территории вокруг двух крупных сел - Хрипелево и Микифорова, ряда приселков и погостов, приписанных к Хрипелевской волости и разбросанных по окраинам Устюженского уезда - Долоцк, Железная Дубровка, Мезга, Орел, Тухани и другие (См. Карту 1).

Многие поместья, по нашим подсчетам, более 40%, находясь в пределах Хрипелевской волости, были разбросаны по этим приселкам и погостам. Так, поместье стольника Р. Я. Лодыгина было распылено по приселкам Мезга, Перя, Тухани²⁴⁹. Владения Д. П. Долгорукого - в Долоцке, Железной Дубровке и Туханех²⁵⁰, а С. Б. Ханькова - в Долоцке, Мезге и Пере²⁵¹.

Кроме этого, более половины поместий Хрипелевской волости имели в своем составе "жеребьи" населенных пунктов и пустошей, что еще больше увеличивало степень их территориального дробления. Большинство поселений, особенно центральной части волости, имело несколько владельцев. Волостной центр - село

---

²⁴⁹ Там же. Л.316-321об.

²⁵⁰ Там же. Л.310-315.

²⁵¹ Там же. Л.296об.-300об.

Хрипелево, был разделен между 3 феодалами, близлежащие деревни Квашнино и Степачево - между 4 и 3 помещиками и т.д.²⁵²..

Если принять во внимание совладения, то измельченность поместий будет еще выше. В конце первой трети XVII в. в совместном владении двух и более феодалов, как правило родственников, находилось около 10% поместий.

В описании 1628 -30 гг. указаны владения 4 дворян, расположенные за пределами Устюженского края, а именно в Городском, Кадском и Рожаловском станах Угличского уезда и в Кестьме. Иных данных о наличии у устюженских помещиков владений в других уездах страны нет²⁵³.

Большая часть местного городского дворянства таковых и не имела.. Исключение составляли поместные пожалования в Устюженском крае ряда московских дворян "царского чину". По нашим данным, это были М. И. Толстой и Б. П. Ушаков.

Михайло Иванов сын Толстой получил поместье в Хрипелевской волости по ввозной грамоте в 1615/16 г., которым до этого владел один из его родственников - Прокофий Толстой. В 1630 г. за М. И. Толстым было сельцо и 2/3 деревни, 2 крестьянских и 4 бобыльских двора, в которых проживало 13 людей. 3 двора и 3 места дворовых числились пустыми. Стоял запустевшим и помещиков двор, имением управлял приказщик. Сам М. И. Толстой проживал, видимо, в Дмитровском уезде, где у него была довольно большая вотчина²⁵⁴.

Жилец Богдан Петров сын Ушаков вместе со своим родным братом Иваном владели в Новосередецком стане "старой" вотчиной, доставшейся им после отца. На Богданову половину вотчины в 1630 г. приходилось половина сельца и полови-

---

²⁵² Там же. Л.273,278об., 290. Исключение из этой достаточно ярко выраженной тенденции территориальной распыленности поместных владений составляли только 11 мелких поместий Хрипелевской волости.

²⁵³ Эти ссылки не случайны. Дело в том, что официально все 4 стана и Хрипелевская волость Устюженского края входили в это время в состав Угличского уезда. В соответствии с формуляром составления писцовых описаний, такого рода указания для одного уезда были обязательны. В писцовой книге Угличского уезда 1628-30 гг. даны аналогичные ссылки. Например, "за Иваном Шестого сыном Квасовым ... да за ним же в поместье под Устюжною Железопольскою в Новосередецком стану 10 ч. да в Новом стану 27 ч. бес третника" или "за Федором Меньшим да за Иваном Васильевыми детьми Перского в поместье ... да за ними ж на Устюжне в Новосередецком стану ...". См. Угличские писцовые книги. Угличский уезд в XVII в. № 38. С. 314 и № 45. С. 608 - 609. На титульном листе карандашом надпись "Писцовые книги Угличского уезда XVII века с предисловием и примечаниями М. А. Липинского. Из кн. 41 - 46. Ярославль, 1886 - 88. Временник Демидовского юридического лицея".

на деревни с 2 людскими дворами, 5 крестьянскими дворами (12 людей) и 1 бобыльским двором. В деревне Исаково находился и вотчинный двор Б. П. Ушакова. Основные владения Ушаковых были сосредоточены в центральных и западных уездах страны ²⁵⁵.

К данной категории можно отнести и некоторых новгородских дворян, помещенных в Устюженском уезде и сохранивших свои владения в новгородских землях. Об этом свидетельствует одна из записей в описании поместья О. В. Румянцева. Он был помещен в Хрипелевскую волость из Деревской пятины Новгородского уезда не позднее 1626 г. и получил небольшое поместье в 4 крестьянских двора и около 50 десятин пашенных угодий. До этого, оно принадлежало С. Путилову, у которого было поместье и в Новгородском уезде. Одного из своих бобылей он, «прежний помещик Степан Путилов вывез в новгородское свое поместье в 130-м (1621/22) году» ²⁵⁶.

Однако, такого рода пожалования новгородским дворянам, на наш взгляд, были единичны, немногочисленны и, скорее всего, непродолжительны. Как правило, они заустевали и переходили в разряд владений местного мелкопоместного дворянства. К концу первой трети XVII в. эта тенденция прослеживается даже в Хрипелевской волости, где массовое испомещение новгородских дворян произошло за полтора десятка лет до этого. Об этом говорит и тот факт, что более чем в 70% поместий были жилые помещичьи дворы и барская запашка, а в Хрипелевской волости этот показатель еще выше - более 75% ²⁵⁷.

---

²⁵⁴ К - 901. Л. 394об.- 396об. Кроме Устюжны, в конце первой трети XVII в. поместные владения М. И. Толстого находились в Воротынске, а вотчинные - во Ржеве, Торжке и Дмитрове. См. Сташевский Е. Д. Земле-владение московского дворянства в I половине XVII в. М., 1911. С. 202.

²⁵⁵ К - 901 // Устюжна - II. С. 154 - 155. Сташевский Е. Д. Указ. соч. С. 210. Вотчинные и поместные владения Б. П. Ушакова были разбросаны в Бежецком Верху, Владимире, Зубцове и Угличе. Родовые корни Ушаковых находились, видимо, в соседней Бежецкой пятины, граница которой в XVI в. подходила вблизи Устюжны Железопольской. Брат Богдана - Иван, записан в писцовой книге 1628-30 гг. как бежечанин. Вотчина, которую братья Ушаковы получили после отца, известна с конца XVI в., по материалам описания Д. Бельского. См. Колесников П. А. Дворянство Устюженского уезда XVII - начала XX веков // Устюжна - II. С. 49-50.

²⁵⁶ К - 901. Л. 339. Новгородские дворяне были испомещены в Хрипелевской волости. Здесь, из 50 поместий им в конце первой трети XVII в. принадлежало 32 поместья. Кроме новгородцев, по одному поместью имели дворяне из Бежецкого Верха, Вязьмы и один «иноземец». Ряд поместий в Устюженском уезде в 20-е годы XVII в. получили представители московского дворянства. Это стольники П.И. и Р.Я. Лодыгины, стряпчий А. С. Чепчegov и другие, всего 5 поместий.

²⁵⁷ Реально этот показатель был еще выше. Ряд помещиков одновременно имел и вотчины, где и находились их господские дворы, Например, И. О. Отрепьев у которого в Калининском и Новосередецком станах находились 2 части довольно крупного, более чем 400 десятин общей пашни, поместье. В Новосередецком стане

Статистические данные о размерах поместных владений устюженских дворян, особенностях их административно-территориального распределения в конце первой трети XVII в., представлены в таблицах 18 и 19.

Таблица 18.

Административно-территориальная структура поместного землевладения в Устюженском крае в конце I трети XVII в.

Территория / количество владений	Зав. население		С / хозяйственные угодья			
	дво-ров	лю-дей	пашня			сено-косы
			всего	паханная	наездом	
В целом по краю: всего 102 поместья в ср. на 1 поместье	322 3,2	677 6,6	11745 115,1	586 5,7	143 1,4	4316 140,4
В 4 станах: всего 52 поместья в ср. на 1 поместье	116 2,2	198 3,8	8736 168,0	225 4,3	105 2,0	11148 214,3
Хрипелевская волость: всего 52 поместья в ср. на 1 поместье	206 4,1	479 9,6	3009 60,2	361 7,2	38 0,8	3168 63,4

Источник: РГАДА. Ф. 1209. К - 901.

В целом, средний оклад устюженских помещиков равнялся 345 четв., что было значительно ниже не только владений московских дворян, оклад которых в конце первой трети XVII в. составлял в среднем 494 четв.²⁵⁸, но и местных помещиков соседних уездов. Средний поместный оклад в эти годы в Шелонской пятине составлял 452 четв., а в Обонежской - 390 четв.²⁵⁹.

За этой среднестатистической картиной скрывается значительный разброс, как в размерах самих поместных владений, так и, что более существенно, в особенностях их административно-территориального расположения. Поместья дворян, находящиеся в Хрипелевской волости, значительно уступали по своим размерам владениям помещиков остальной территории Устюженского края. Так, средний размер поместного владения во всех 4 станах составлял более 600 четв. пашни и

у него была и вотчина в 120 десятин земли. Здесь в сельце Невское (Новинка) он и проживал. Еще интереснее была ситуация у М. С. Ренева. Его сельцо Кашеево было поделено, половина находилась в поместье, а другая половина в вотчине, где и стоял его вотчинный двор. См. К - 901 // Устюжна - I. С. 90 - 91; Устюжна - II. С. 156 - 157, 159; Устюжна - III. С. 315, 329.

²⁵⁸ Сташевский Е, Д, Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 20.

²⁵⁹ АИСЗР. Т. 4. С. 67, 68. Уменьшение размера поместного оклада в Обонежской пятине в 30-е годы XVII в. авторы объясняют наличием большого числа поверстаных новиков, что было характерно и для Устюженского края.

21,4 десятины сенокосов, а в Хрипелевской волости около 180 четв. пашни и 6,3 десятины сенокосов.

Если, в среднем по краю, поместья до 300 четв. составляли 62,7%, то в станах такого рода владений было 38,5%, а в Хрипелевской волости примерно в 2,3 раза больше - 88,0%. На ее долю помещиков Хрипелевской волости приходилась и большая часть самых мелких поместий. В Хрипелевской волости поместья до 150 четв. пашни имели 62,0% помещиков, а по 4 станам этот показатель в среднем ниже в 3,5 раза и составлял 17,3%..

Таблица 19.

**Поместные оклады
устюженских дворян в конце I трети XVII в.**

Размер поместного оклада *	Число владельцев поместий					
	всего	%	из них в			
			среднем по 4 станам	%	Хрипелевской волости	%
до 50 чет.	40	39,2	9	17,3	31**	62,0
до 100 чет.	24	23,5	11	21,2	13	26,0
до 150 чет.	11	10,8	9	17,3	2	4,0
до 200 чет.	7	6,9	6	11,5	1	2,0
до 250 чет.	8	7,8	6	11,5	2	4,0
до 300 чет.	4	3,9	3	5,8	1	2,0
до 350 чет.	2	2,0	2	3,9	-	-
св. 350 чет.	6	5,9	6	11,5	-	-
Итого:	102	100	52	100	50	100

Источник: РГАДА. Ф. 1209. К - 901.

* - в одном поле, худой земли.

** - из них 10 владений имели менее 20 чет., 11 - менее 30 чет.

В целом, средние размеры поместий по общей площади хозяйственных угодий Хрипелевской волости были более чем в 3 раза меньше, чем по остальной территории.

Абсолютно противоположная картина наблюдается при анализе структуры поместных владений по числу зависимого населения. Средний размер поместья в Устюженском крае в конце 20-х годов XVII в. с учетом владельческих дворов составлял 4,2 двора. Если говорить только о дворах зависимого населения, то 3,2 двора на одно поместье. В среднем, населенность поместного зависимого двора составляла 2,1 человека. С учетом этого, на каждое поместье в среднем приходилось

примерно 12 душ мужского пола, что соответствовало аналогичным показателям в центральных уездах страны ²⁶⁰.

В целом по краю структура поместья по количеству дворов и зависимого населения представлена в табл. 20.

Таблица 20.

**Структура поместных владений
в Устюженском крае в конце I трети XVII в.
(по числу зависимого населения)**

Дворов во владении	Число владений	%	Людей во владении	Число владений	%
0	28	27,5	0	28	27,5
1	14	13,7	1	6	5,9
2	15	14,7	2	5	4,9
3	8	7,8	3	10	9,8
4	10	9,8	4	6	5,9
5	4	3,9	5	3	2,0
6	8	7,8	6	5	4,9
7	4	3,9	7	7	6,9
8	3	2,9	8	4	3,9
9	1	1,0	9	3	2,9
10	2	2,0	10	3	2,9
11-15	4	3,9	11-15	8	7,8
16-20	1	1,0	16-20	9	8,8
-	-	-	21-25	4	3,9
			-	-	-
			св. 50	1	1,0
Всего 321	102	100	678	102	100

Источник: РГАДА. Ф. 1209. К - 901.

В поместном землевладении преобладали мельчайшие имения в 1 - 5 дворов. Вместе с незаселенными владениями они составляли более 3 / 4 от общего числа поместий. 27,5% помещиков вообще не имели зависимого населения, а 28,4% владели только 1 - 2 дворами. Доля тех, у кого было от 6 до 10 дворов составляла 17,6%, а свыше 10 дворов - всего 4,9%.

Группа крупных землевладельцев крайне невелика: 5 помещиков имели владения превышающие 10 дворов зависимого населения.. Это были стольник Р. Я. Лодыгин (11 дв.), С. Я. Арцыбашев (12 дв.), П. В. Бирилев (12 дв.), К. А. Сизов (13

²⁶⁰ АИСЗР. Т. 4. С. 82. По данным Е. Д. Сташевского, на каждое поместье московского дворянства начала 1630-х гг. приходилось 24 человека.

дв.) и А. С. и И. С. Чепчеговы (19 дв.)²⁶¹. У всех крупных поместий есть общие черты, которые, на наш взгляд, объективно предопределяли возможность сохранения феодального хозяйства в экстремальных условиях первой четверти XVII в. Все владения располагались в пределах одной административной единицы, в основном компактно. Помещики получили их по наследству от отца или владели ими в течение нескольких десятков лет. И что особенно важно, никто из них, за исключением К. А. Сизова, не имел вотчин²⁶².

Обеспеченность рабочими руками помещичьего хозяйства в Устюженском крае в конце первой трети XVII в. была выше, чем в соседних новгородских пятинах. Средний размер поместья в Белозерской половине Бежецкой пятины в конце 20-х г. с учетом владельческих дворов составлял только 2,9 двора, а крестьянских дворов в среднем на поместье приходилось менее одного²⁶³. В Обонежской пятине у 39% помещиков не было крестьян, а в 30% владений - от 1 до 5. В среднем на одно поместье здесь приходилось 2,4 человека зависимого населения²⁶⁴.

Размер поместных владений по числу зависимого населения также имел ярко выраженную территориальную окраску, но абсолютно противоположную. Если в среднем на одно поместье в крае приходилось 3,2 двора и 6,6 людей зависимого населения, то в Хрипелевской волости эти показатели были значительно выше и составляли в среднем 4,1 двора и 9,6 людей на одно поместье, против 2,2 дворов и 3,8 людей для остальной территории края²⁶⁵. В станах располагалось и абсолютное

---

²⁶¹ К - 901 // Устюжна - I. С. 102 - 103; Устюжна - II. С. 166 - 167; Устюжна - III. С. 313 - 314; Л. 316 - 321об., 380 - 388.

²⁶² Вотчина, которой владел К. А. Сизов, была небольшой - 36 чет. пашни, полностью запустевшей, располагалась на значительном расстоянии от поместья, в другом стане, что делало перевод крестьян в нее нецелесообразным.

²⁶³ АИСЗР. Т.4 С. 72-73. Это данные по Белозерской половине, Тверская половина в конце 1620-х гг. была еще полностью пуста. Бежецкая пятина находилась в сходных, даже более тяжелых условиях, чем Устюженский уезд. Она так же была основательно "воевана" в Смутное время, а в первой четверти XVII в. правительство произвело здесь массовые поместные и вотчинные раздачи. В конце 1620-х гг. в Бежецкой пятине (Белозерская половина) крестьянских дворов было меньше чем помещичьих 210 против 220, а бобыльских - 300. См. Табл. 43. Только к середине XVII века средний размер поместья в Бежецкой пятине достиг 4 - 5 дворов, хотя 30% поместных владений еще не имели дворов зависимого населения. См. АИСЗР. Т. 4. С.79. 2/3 новгородских помещиков в сер. XVII в. относились к слою мельчайших феодалов, в собственности которых находилось от 1 до 5 дворов (в среднем 2,5 двора) и 4 - 5 крестьян. Для московского дворянства начала 1630-х гг. -24 человека (Сташевский Е. Д.) Средний размер новгородского поместья 6,1 двора и 30 человек обоего пола зависимого населения. АИСЗР. Т.4. С.82.

²⁶⁴ АИСЗР. Т. 4. С. 69.

²⁶⁵ Напомним, что по размерам земельных владений, большая часть мелких поместий приходилась на Хрипелевскую волость. Здесь 62% помещиков имели поместье не превышающее 150 четвертей пашни. По 4 станам этот показатель был в среднем ниже в 3,5 раза и составлял 17,3%.

большинство мелких поместий, особенно тех, где не было зависимого населения - 25 из 28. Большая часть из них приходилась на Велетовский и Новосередецкий станы.

Соответственно и уровень развития поместного хозяйства в Хрипелевской волости был значительно выше. Так, на одно поместье здесь приходилось более 21 четверти "пашни паханной", а в станах только 12,9 четверти. Столь заметная разница объясняется на наш взгляд различной степенью влияния социально-экономических и политических факторов. Хрипелевская волость, бывшая до середины первой четверти XVII в. дворцовой, в меньшей мере испытала на себе влияние хозяйственного кризиса, Смутного времени, чем остальная территория, со сложившейся структурой поместного владения, но разоренного в значительной степени в конце XVI - начале XVII вв.

Однако, в конце первой трети XVII в. наблюдается положительная тенденция - восстановление разрушенного поместного хозяйства. И чем выше степень разорения, тем значительнее темпы. Так, доля пашни "наездом" приходющаяся на одно поместье в Хрипелевской волости составляет 2,4 четверти, а по остальной территории в 2,5 раза выше - 6 четвертей.

Таким образом, процесс становления поместного землевладения в Устюженском уезде растянулся с середины XVI в. до 30-х годов XVII в.

Сложившаяся к концу первой трети XVII в. структура поместных владений в Устюженском крае была достаточно сложной. Как правило, это было мелкое землевладение со значительным дроблением и чересполосицей. Распыленная структура поместных владений, особенно в Хрипелевской волости, закладывалась изначально, при испомещении и значительно усиливалась в ходе дальнейшего развития поместья.

Крайняя измельченность поместных владений имела и ярко выраженную территориальную окраску. Абсолютное большинство мелких поместий (по числу зависимого населения), приходится на территории со сложившейся устойчивой структурой поместного владения, которая, в значительной степени, была разорена в "смутные" годы.

С конца первой четверти XVII в. дальнейшее развитие поместного землевладения идет за счет внутреннего перераспределения фонда поместных земель. Особенно активно шел этот процесс на бывших дворцовых землях. За 15 - 20 лет, к 1630 г., в Хрипелевской волости изменился не только персональный состав помещиков, но и конкретные размеры их владений. За это время, менее трети - 32%, поместий не претерпели территориальных изменений и перешли к новым помещикам от прежних владельцев без изменений.

В 20-е годы XVII в. начинается процесс перерастания части поместных владений в жалованные выслуженные вотчины и наблюдается тенденция становления владений смешанного типа - "поместье-вотчина".

Уровень развития.

Таким образом, в 1620-е годы завершилось становление устойчивой системы феодального землевладения в Устюженском крае. Его общая структура в конце первой трети XVII в. представлена в табл. 26 - 28. Данные таблиц характеризуют как формальное количественное соотношение различных форм феодальной собственности на землю, так и реальное состояние и уровень развития поместного и вотчинного феодального хозяйства.

По формальным показателям - общей земельной площади, господствующей формой землевладения в этот период было поместье. 74,3% всей пашни находилось в поместном владении, а вотчинное землевладение составляло только 25,7%. Из них на долю светской вотчины приходилось 11,5%, а на долю духовной вотчины - 14,2%. Примерно такое же распределение и сенокосов - соответственно 72,1% и 27,9% (14,6% в светской и 13,3% в духовной вотчинах) общей площади.

Таблица 26.

Структура феодального землевладения Устюженского края в I трети XVII в.

Категория владения	Зав. население			С / хозяйственные угодья			
	поселений	дворов	людей	пашни			сенокосов
				всего	паханной*	наездом	
Поместье %	116 49,8	322 35,9	688 42,1	11745 74,3	822 46,3	143 57,7	14316 73,1
Св. вотчина %	53 22,7	225 26,4	553 35,3	1812 11,5	484 27,2	5 2,0	2890 14,6
Дух. вотчина	64	348	383	2253	471	100	2645

%	27,5	37,7	22,6	14,2	26,5	40,3	13,3
Всего	233	895	1624	15810	1777	248	19851
%	100	100	100	100	100	100	100

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901..

* - в числе "пашни паханной" учтена как крестьянская, так и владельческая.

В целом, эти цифры не дают объективной картины соотношения и внутренней структуры и состояния поместья и вотчины в третьем десятилетии XVII в. Они отражают, прежде всего, прошлое состояние, особенно поместного хозяйства, и рисуют объективные потенциальные возможности их дальнейшего развития.

Реальное состояние и соотношение поместья и вотчины дают иные показатели - доля различных видов "пашни паханой", количество и структура зависимого населения. Если общая доля поместного землевладения составляла около 3/4 всех земельных владений в крае, то доля обрабатываемой пашни менее половины, только 47,6 %. На светскую вотчину приходилось 24,2 %, духовную - 28,2 %.

Таблица 27.

**Структура основных сельскохозяйственных угодий
феодалных владений Устюженского края в конце I трети XVII в.**

Категория пашни	Категория владений					
	поместье %		свет. вотчина %		дух. вотчина %	
Всего	11745	100	1812	100	2253	100
в т. ч. пашня паханная	965	8,2	489	27,0	571	24,1
из них: владельческая	236	2,0	37	2,0	46	2,0
крестьянская	586	5,0	447	24,7	425	17,7
наездом	143	1,2	5	0,3	100	4,4

Источник: РГАДА. Ф.1209. К.-901.

Еще более внушительная диспропорция выявляется при сопоставлении доли "пашни паханой" во внутренней структуре различных видов землевладения. Так, в поместье эта доля составляла всего 8,2%, в светской вотчине - 27,0%, в духовной вотчине - 24,3%.

Таким образом, степень запустения поместного массива на конец третьего десятилетия XVII в. составляла 91,8%, что значительно, более чем в 3 раза, превышало размеры запустения вотчинного землевладения²⁶⁶. Верно показывая общий уровень развития поместного и вотчинного хозяйства в экстремальных условиях первой четверти XVII в., эти показатели, во многом, отражали результат податной

политики государства, а не действительную степень запустения. Дело в том, что статистика писцовых описаний не могла учесть все явления развивающиеся в этой сфере - уклонение от государственных платежей путем прямого сокрытия части пашни либо придания ей не тяглого статуса. Реальная хозяйственная ситуация была, видимо, иной, несколько лучше²⁶⁷.

Таблица 28.

**Внутренняя структура
феодалных владений Устюженского края в конце I трети XVII в.**

Тип владения	Зав. население		С / хозяйственные угодья			
	дворов	людей	пашня			сено- косы
			всего	паханная	наездом	
Поместье	322	677	11745	586	143	14316
в ср. на 1 двор		2,1	36,5	1,8	0,4	44,5
в ср. на 1 чел.			17,3	0,9	0,2	21,1
Светская вотчина	236	568	1812	474	5	2890
в ср. на 1 двор		2,4	7,7	2,0	-	12,2
в ср. на 1 чел.			3,2	0,8	-	5,1
Духовная вотчина	337	364	2253	461	100	2654
в ср. на 1 двор		1,1	6,7	1,4	0,3	7,9
в ср. на 1 чел.			6,2	1,3	0,3	7,3

Источник: РГАДА. Ф.1209. К.-901.

Важной характеристикой внутренней структуры феодалных владений было соотношение различных категорий пашни и зависимого населения. В целом, наиболее устойчивым оказалась монастырское землевладение. В монастырской вотчине на одного человека приходилось обрабатываемой пашни в 2 раза больше, чем в светской вотчине, и в 1,5 раза больше, чем в поместье.

Темпы восстановления и развития феодалных владений были различны. В частности, об этом свидетельствует размер и доля пашни "наездом" в общей структуре обрабатываемых земель. В поместье она составляла около четверти - 24 % от размеров крестьянской запашки. Примерно такой же уровень пашни "наездом" был и в монастырской вотчине. В светской вотчине наезжая пашня практически отсутствовала. Преобладающим здесь была тенденция увеличения численности зависи-

²⁶⁶ В Белозерской половине Бежецкой пятины в 1627 г. степень запустения поместного массива достигала 99,5 %, а фонд порозжих земель составлял более половины - 57,8 %. См. АИСЗР. Т.4. С. 73.

²⁶⁷ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 76. Авторы приводят любопытные данные по соседней Бежецкой пятине. В 1626/27 гг. на 500 дворов зависимого населения здесь приходилось только 28 четвертей обрабатываемой пашни.

мого населения, а не расширение площади обрабатываемой пашни. В светской вотчине было и более низкое соотношение крестьянской и владельческой запашки. Оно составляло соответственно 92,8% и 7,2%. В духовной вотчине эти показатели равнялись 90,9% и 9,1%, а в поместье - 71,3% и 28,7%.

Общий размер поместного земельного оклада или вотчинного владения, при том, что большая часть земель была запустевшей, мало что значил. В XVII в. величина пожалования или поместного оклада реально не отражала уровень благосостояния феодального хозяйства. Действительным его выражением была численность дворов, а еще точнее численность зависимых людей в поместье или вотчине. Наиболее объективным показателем размеров и удельного веса различных форм феодального землевладения, размеров отдельных владений в этот период становится число и состав зависимого населения.

Соотношение поместья и вотчины их внутренняя структура на основе зависимого населения представлена в табл. 29 и 30.

Удельный вес в реальной структуре феодального хозяйства вотчинного землевладения, составлявшего 25,7 % пашенных угодий, был значительно выше. Большая часть зависимого населения - 64,0 % дворов и 57,6 % людей, была сосредоточена в вотчине

Существенное влияние на распределение зависимого населения между светской и духовной вотчиной оказали темпы развития жалованной вотчины. По числу поселений и, особенно, по числу дворов преимущество было за монастырской вотчиной. В светской вотчине располагалось 22,7% поселений, а в монастырской - 27,5 %.. Дворов в монастырской вотчине насчитывалось в полтора раза больше, чем в светской вотчине - 38,9 % против 25,1 %. Соотношение же общего числа зависимого населения - "людей" было в пользу светской вотчины, 34,0 % против 23,6 %. Этот результат был следствием бурного роста численности зависимого населения жалованных вотчин за счет поместных владений. Наиболее активно шел этот процесс во владениях Д. В. Лодыгина. В его вотчине на 51 двор приходилось 216 людей, что составляло 4,2 человека на один двор. В другой крупной вотчине А. Н. Годунова, полученной в конце XVI в., этот показатель был в 2,8 раза ниже и составлял только 1,5 человека - 158 людей на 107 дворов.

Особенностью внутренней структуры феодального землевладения в Устюженском крае конца первой трети XVII в. было преобладание бобылей в вотчинном хозяйстве. В светской вотчине их доля составляла 51,5 % дворов и 46,1 % населения, а в монастырской вотчине она была еще выше - 55,7 % дворов и 57,4 % зависимого населения. Значительную их часть, особенно в крупных вотчинах, составляли беспашенные бобыли - 18,2 % дворов и 10,8 % людей в светской вотчине и 6,3 % дворов и 8,1 % людей в монастырской вотчине.

Таблица 29.

**Структура феодальных владений
Устюженского края в конце I трети XVII в.
(по числу зависимого населения)**

Категория зав. населения	Категория владения						Всего %	
	поместье		свет. вотчина		дух. вотчина			
Крестьяне:								
дворов	176	54,7	98	43,6	154	44,3	428	47,8
людей	400	58,1	297	50,5	163	42,6	842	51,9
Бобыли:								
дворов	132	41,0	75	33,3	172	49,4	379	42,3
людей	253	36,8	195	35,3	189	49,3	637	39,2
Беспаш. бобыли:								
дворов	1	0,3	41	18,2	22	6,3	64	7,2
людей	2	0,3	60	10,8	31	8,1	93	5,7
Холопы:								
дворов	13	4,0	11	4,9	-	-	24	2,7
людей	33	4,8	19	3,4	-	-	52	3,2
Итого:								
дворов	322	100	225	100	348	100	895	100
людей	688	100	553	100	383	100	1624	100

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901.

В поместьях находилось около половины - 49,8% от общего числа поселений, около 36 % дворов и 42,4 % всего зависимого населения. Внутренняя структура зависимого населения поместных владений была следующей: большую часть составляли крестьяне - 54,7% дворов и 58,1% "людей"; значительную долю бобыли - 41,3% дворов и 37,1% "людей". Холопов в помещичьем хозяйстве было немного - 4% дворов и 4,8% "людей". Часть холопов не имела отдельных дворов и проживала в помещичьих дворах. Таких было 30,3 %.

Таблица 30.

Внутренняя структура феодальных владений

**Устюженского края в конце I трети XVII в.
(по числу зависимого населения %).**

Категория владения	Категория населения		
	крестьяне	бобыли	холопы
Поместье	58,1	37,1	4,8
Свет. вотчина	50,5	46,1	3,4
Дух. вотчина	42,6	57,4	-

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901.

Средний размер поместья в Устюженском крае в конце 20-х годов XVII в. с учетом владельческих дворов составлял 4,2 двора, из них 3,5 дворов зависимого населения. При средней населенности зависимого двора в 2,1 человека, на одно поместье приходилось в среднем около 7 человек тяглого населения.

К концу I трети XVII в. в Устюженском крае фактически заканчивается пространственное разрастание феодального землевладения. К 1620 г. были розданы почти все дворцовые и черные земли. Фонд порозжих земель на 1630 г. был так же практически выбран полностью. Его доля составляла около 5,0 % пашни и 4,3 % сенокосов от общих размеров владений светских феодалов.

Таблица 31.

**Структура землевладения смешанного типа
«вотчина - поместье» в конце I трети XVII в.**

Землевладельцы:	Крестьяне				С / хозяйственные угодья			
	дворы	%	люди	%	паш- ня	%	сено- косы	%
1.Н.В.Блудов В	6	100	10	100	187	97,9	162	100
	-	-	-	-	4	2,1	-	-
2.Д.В.Лодыгин В	51	89,5	216	92,3	225	71,4	852	83,4
	6	10,5	18	7,7	90	28,6	170	16,6
3.П.И.Лодыгин В	13	100	23	100	136	46,7	138	57,7
	-	-	-	-	155	53,3	101	42,3
4.И.В.Наумов В	20	74,1	74	80,4	145	65,3	650	74,7
	7	25,9	18	19,6	77	34,7	220	25,3
5.И.А.Отрепьев В	4	80,0	9	69,2	120	22,8	130	14,7
	1	20,0	4	30,8	407	77,2	755	85,3
6.М.С.Ренев В	10	100	21	100	100	25,1	75	17,6
	-	-	-	-	298	74,9	352	82,4
7.Г.В.Самойлов В	1	100	2	100	5	4,2	5	5,9
	-	-	-	-	115	95,8	80	94,1
8.И.Г.Самойлов В	1	50,0	2	66,7	5	2,6	5	2,1
	1	50,0	1	33,3	184	97,4	230	97,9
9.К.А.Сизов В	-	-	-	-	36	17,1	25	5,6
	13	100	21	100	174	82,9	423	94,4

10.3.Б.Ханыков В	5	83,3	14	82,4	47	64,4	130	87,2
П	1	16,7	3	17,6	26	35,6	19	12,8

Источник: РГАДА. Ф.1209. К - 901.

Недостаток свободных земель для вотчинных пожалований привел к тому, что правительство начало переводить часть владений помещиков в разряд вотчин, формируя таким образом смешанный тип владения "вотчина- поместье". 10 светских вотчинников из 13, сохраняли за собой и поместья. Общая структура владений смешанного типа представлена в табл. 31. У большинства дворян, 6 из 10, общие размеры земельных владений поместья превышали, иногда значительно, размеры их вотчины.

Не смотря на это, во всех случаях, кроме одного, количество зависимого населения в вотчинах превышало их число в поместье. Особенно показателен в этом отношении пример М. С. Ренева. В его вотчине находилось около четверти, по сравнению с поместьем, пашни, но было сосредоточено все зависимое население. Здесь, отчетливо наблюдается тенденция перевода крестьян из поместной в вотчинную часть своего владения, видимо, для упрочения собственного положения как феодала.

QQQ

§ 2. Состав устюженского дворянства.

Корпус светских феодалов Устюженского уезда начал складываться со второй четверти XVI в. Именно в это время, после ликвидации Угличского удела, был образован Устюженский уезд и произведены первые пожалования черных земель в крае. В числе первых помещиков можно назвать представителей рода Востенских, Досадиных, Перских, Сивковых²⁶⁸.

Во многом состав устюженского дворянства сформировался под влиянием активной, прежде всего земельной, политики правительств Ивана IV (особенно в годы опричнины) и М. Ф. Романова. В это время происходят значительные измене-

²⁶⁸ Сотная 1567 г. С. 174.

ния как в структуре феодального землевладения, так и в составе землевладельцев Устюженского уезда.

К концу 20-х годов XVII в. состав устюженского дворянства был следующий.

Таблица 32.

**Фамильный состав светских землевладельцев Устюженского края
в конце 20-х годов XVII в.**

Фамилия	Предста- вителей	Тип владения	За ними		
			пашни	дворов	людей
1. Арцыбашевы	1	поместье	705	12	17
2. Бараковы	1	- // -	48	1	1
3. Барановы	2	- // -	60	2	6
4. Батюшковы	3	- // -	1218	9	13
5. Бирилевы	4	- // -	1590	15	23
6. Блудовы	1	- // -	12	-	-
		вотчина	561	6	10
7. Букмистры	1	поместье	432	-	-
8. Востинские	1	- // -	336	-	-
9. Годуновы	1	- // -	-	-	-
		вотчина	1761	105	158
10. Горихвостовы	1	поместье	90	8	14
11. Деяновские	1	- // -	648	4	10
12. Долгорукие	1	- // -	186	3	5
13. Досадины	3	- // -	1107	8	12
14. Дубровские	1	- // -	-	-	-
		вотчина	333	4	9
15. Елагины	1	поместье	60	1	2
16. Еремеевы	1	- // -	84	6	12
17. Ефимьевы	1	- // -	417	10	20
18. Замыцкие	2	- // -	162	2	4
19. Карсаковы	1	- // -	45	1	2
20. Квасовы	1	- // -	165	1	1
21. Колюбакины	1	- // -	486	6	15
22. Култашевы.	1	- // -	117	1	2
23. Линева	1	- // -	147	7	7
24. Лодыгины	3	- // -	1071	23	52
		вотчина	1083	64	239
25. Ломакины	3	поместье	636	-	-
26. Лупандины	1	- // -	33	-	-
27. Масленицыны	1	- // -	75	2	4
28. Матюковы	1	- // -	-	-	-
		вотчина	96	2	2
29. Мещерские	1	поместье	33	5	9
30. Моклаковы	1	- // -	294	5	6
31. Мордвиновы	2	- // -	126	4	8
32. Мусины	3	- // -	456	10	23
33. Мусины-Пушкины	1	- // -	69	2	3

34. Мышецкие	1	- // -	249	8	16
35. Наумовы	1	- // -	231	7	18
		вотчина	435	20	74
36. Негановские	2	поместье	738	-	-
37. Неплюевы	2	- // -	306	5	19
38. Новицкие	2	- // -	495	4	4
39. Новокщеновы	1	- // -	183	10	16
40. Оболнянниковы	2	- // -	111	2	6
41. Обутковы	1	- // -	114	4	7
42. Отрепьевы	2	- // -	1434	1	4
		вотчина	360	4	9
43. Панковские	1	поместье	441	-	-
44. Перепегины	1	- // -	90	4	7
45. Перские	11	- // -	9264	26	41
46. Приклонские	1	- // -	285	5	10
47. Ратковы	2	- // -	384	9	17
48. Ребровы	1	- // -	27	-	-
49. Реневы	1	- // -	894	-	-
		вотчина	300	10	21
50. Румянцевы	1	поместье	81	4	9
51. Рыкуновы	1	- // -	348	1	3
52. Савины	2	- // -	186	3	6
53. Самойловы	3	- // -	1212	1	1
		вотчина	30	1	2
54. Сизовы	1	поместье	522	13	21
		вотчина	108	-	-
55. Снисаревы	1	поместье	63	-	-
56. Соломеины	1	- // -	732	4	17
57. Старковы	1	- // -	63	3	3
58. Терпигоревы	1	- // -	105	3	4
59. Толстые	1	- // -	360	6	13
60. Третьяковы	1	- // -	147	-	-
61. Трусовы	1	- // -	1152	7	24
62. Уваровы	1	- // -	108	2	8
63. Улыбашевы	1	- // -	666	-	-
64. Ушаковы	3	- // -	51	4	7
		вотчина	228	14	31
65. Ханьковы	3	поместье	549	11	20
		вотчина	141	5	14
66. Чепчеговы	3	поместье	1485	25	78
67. Шукертовы	1	- // -	897	4	6

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901. Л. 1- 462об.

Всего в конце 20-х годов XVII в. в Устюженском крае насчитывалось 111 светских феодалов, представлявших 67 дворянских фамилий.

Из титулованной знати в числе устюженских помещиков были представители 2 княжеских родов. Князь Григорий Матвеевич Мещерский имел незначительное поместье - 15 десятин пашни и 30 копен сенокосов, расположенное в Хрипелевской волости и принадлежавшее ранее его брату Семену²⁶⁹. В начале XVII в. в Устюженском уезде поместья были и у других представителей этого рода. В частности, в 1611 - 1613 г. за Федором Мещерским была Понизовская волость на праве поместного владения²⁷⁰. Богдан Матвеевич Мещерский в начале 20-х годов владел поместьем в приселках Мезга и Долоцкое, перешедшее затем, частично, к Н. В. Линеvu²⁷¹.

В Хрипелевской волости находилось поместье княгини Ненилы Мышецкой и ее 2-летнего сына Богдана. Она получила его по ввозной грамоте 1625/26 г. после смерти мужа, князя Григория Мышецкого²⁷². Род смоленских князей Мышецких никогда не занимал видного положения в московском обществе. По мнению П. Н. Петрова, этот род был захудалым, малоизвестным и разбросан по отдаленным местам, в том числе и на северо-западе государства²⁷³.

Среди устюженских помещиков можно видеть и представителей московского дворянства - стольников Р. Я и П. И. Лодыгиных, стряпчего А. С. Чепчегова, стремянного конюха М. С. Ренева, жильцов Ф. А. Новокщенова и И. А. Отрепьева и "царского чину боярских детей" Н. В. Блудова и В. Б. Снисарева. Поместья М. С. Ренева и Н. В. Блудова находились в Велетовском стане, остальные владения московских дворян располагались в Хрипелевской волости.

Многие из представителей 67 феодальных семейств, владевшие землями в конце 20-х годов XVII в. в Устюженском крае, имели родовые корни в новгородских пятинах и известны, по крайней мере, с середины XVI в. Так, только в описании Бежецкой пятины за 1545 г. встречаются представители рода Бирилевых, Лодыгиных, Ушаковых и др., всего 11 фамилий²⁷⁴, а за 1564 г. - представители 9 ро-

---

²⁶⁹ К - 901. Л. 348 - 349 об.

²⁷⁰ Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610 - 1611 гг. М., 1911. С. 88 - 89.

²⁷¹ К - 901. Л. 361 об. - 364.

²⁷² Там же. Л. 305 - 308 об.

²⁷³ Петров П. Н. История родов русского дворянства. М., 1991. Кн.1. С. 286.

²⁷⁴ Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915. Приложение X. С. 67-86.

дов ²⁷⁵. В 1582-1584 гг., в целом по Новгородским пятинам, их число увеличивается до 25 ²⁷⁶.

Динамика разрастания родов новгородских дворян по северо-западу России в XVII в. усиливается. По данным описания Новгородского уезда 1626-1627 гг. зафиксированы фамилии представителей 26 дворянских родов, испомещенных и в Устюженском крае. Среди них такие крупные (10 и более представителей) как - Барановы, Елагины, Еремеевы, Култашевы, Лодыгины, Неплюевы, Трусовы ²⁷⁷. В последней четверти XVII в. количество дворянских родов испомещенных как в Новгородском, так и Устюженском уездах, возрастает до 30 ²⁷⁸.

Во многом состав устюженского дворянства первой половины XVII в. сформировался и развивался за счет представителей родовых кланов именно новгородских феодалов. Их массовое испомещение на территорию Устюженского уезда произошло в первые годы царствования Михаила Федоровича Романова. Практически половина фамильного состава устюженских помещиков, 33 из 67 - представители родов новгородских дворян.

Помимо новгородских дворян, в Устюженском уезде были испомещены представителям дворянских родов Бежецкого Верха, Нового Торжка, Вязьмы.

Из 38 новых феодальных семейств, появившихся в крае в первой четверти XVII в., абсолютное большинство - 35, получили поместья в Хрипелевской волости. Всего в ней было испомещено только из новгородских пятин 52 помещика.

Подробная, полная картина родовых корней устюженских дворян и их размещения по станам и волостям края представлена ниже.

Таблица 33.

Родовые корни устюженских дворян первой трети XVII в.

Город, пятина	Стан, волость			Всего
	Велетовский	Новосередецкий	Хрипелевская	
Бежецкая	-	1	9	10
Воцкая	-	-	7	7

²⁷⁵ Там же. Приложение XI. С. 87-96.

²⁷⁶ Там же. Приложение XIV. С.110-226.

²⁷⁷ Обзорение Писцовых книг по Нову-городу и Пскову. М., 1841. С. 57 - 71. Многие из представителей этих родов - Барановы, Бирилевы, Востинские, Дубровские, Елагины, Карсаковы, Лупандины, Мусины, Неплюевы, Третьяковы, Ушаковы, были в XVI - начале XVII вв. в Новгородском уезде губными старостами, казачьими и стрелецкими головами и сотниками. См. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М., 1957. С. 349 - 367.

²⁷⁸ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. Таб. 54. С. 116 - 120.

Деревская	-	-	9	9
Обонежская	-	-	7	7
Бежецкий Верх	-	-	1	1
Вязьма	-	-	1	1
Новый Торжок	1	-	-	1
«Иноземцы»	1	-	1	2
Итого	2	1	35	38

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901. Л. 1- 462об.

За исключением 1 поместья П. В. Мусина, доставшееся ему после отца, помещики из этой категории владели поместьями в Устюженском крае в первом поколении. Ипомещение происходило из дворцовых земель, поместных владений, принадлежавших ранее представителям других дворянских родов, либо из порозжих земель.

Часть помещиков Устюженского уезда к 20-м годам XVII в. уже имели значительные родовые корни и могут быть отнесены к местному уездному дворянству. Это прежде всего помещики Новосередецкого и Нового станов - Батюшковых, Бирилевых, Досадиных, Самойловых. Наиболее крупным из них был род Перских - 11 помещиков, что составляло 10,0% от общего числа землевладельцев края. К крупным можно отнести родовые семейства Батюшковых, Бирилевых, Досадиных и Самойловых.

Общая структура численности феодальных семейств Устюженского края в 20-е годы XVII в. представлена в таблице 34. В целом по краю размер дворянского рода был небольшим, в среднем он составлял около 1,7 человека. На наш взгляд, этот показатель определили два обстоятельства.

Таблица 34.

**Феодальные семейства Устюженского края
в конце 20-х годов XVII в.**

Владельцев одной фамилии	Случаев	Владельцев	%
1	45	45	40,5
2	10	20	18,0
3	9	27	24,5
4	2	8	7,2
11	1	11	10,0
Всего	67	111	100

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901. Л. 1- 462об.

Во-первых, незадолго до описания 1628-30 гг. произошли существенные изменения в структуре феодального землевладения. В первое десятилетие царствования М. Ф. Романова были розданы в поместья дворцовая Хрипелевская, а несколько раньше, черная Понизовская волости. После этого значительно выросла доля поместного землевладения и по общим показателям оно стало господствующей формой.

Во-вторых, в Хрипелевской волости, где было сосредоточено около половины всех поместных владений Устюженского края, состав помещиков на 70% состоял из представителей новгородского дворянства в первом поколении, а процесс становления устойчивого поместного владения, передающегося по наследству, только начинался. Во многом это и определило общие показатели. 18,5% родов составляли мельчайшие, а 40% фамилий были представлены всего лишь одним человеком.

Наиболее неустойчивой была структура феодальных семейств в Хрипелевской волости. Здесь этот процент составлял соответственно 15,4 % и 61,5 %. В некоторой степени эти показатели могли быть и выше, в силу того, но в начале XVII в. в состав волости была включена часть территории Бежецкой пятины со сложившимся поместным землевладением.

Процесс укрепления и дальнейшего разрастания поместно-вотчинных родов, пришедших в первой четверти XVII в. из новгородских пятин, продолжался в течение всего XVII в. По весьма ограниченным данным писцовой книги 1685 г. в Хрипелевской волости утвердились и численно выросли роды Карсаковых, Култашевых, Мусиных-Пушкиных, Ханыковых; сохранились - Барановых, Линевых, Лодыгиных, Мордвиновых, Мышецких, Неплюевых, Савиных и др. В волости появились представители и новых для Устюженского края дворянских родов - Нелидовы и князя Шаховские²⁷⁹.

Отсутствие полных данных о составе землевладельцев в крае за XVI в. и середину XVII в. не позволяют рассмотреть динамику развития структуры и состава светских феодалов. Но, тем не менее, тенденции характерные в целом для Северо-

Запада России XVII в., а именно - разрастание, укрепление и устойчивость старых фамильных кланов и снижение удельного веса кланов малочисленных феодальных семейств наблюдаются и в Устюженском крае ²⁸⁰.

Об устойчивости развития клановых феодальных семейств Устюженского края в первой половине XVII в. свидетельствуют некоторые тенденции.

Во первых, в первой четверти XVII в. в Устюженском уезде возрастает и становится преобладающей практика наследования поместий по прямым и боковым линиям внутри родового клана. Эта тенденция проявляется довольно определенно и устойчиво по всей территории края, особенно там, где поместье, как форма служилого феодального землевладения, имело длительное время бытования и исчислялось не одним поколением помещиков.

В целом по Устюженскому краю в конце первой трети XVII в. более чем в половине случаев - 55,5%, поместье переходит к новому владельцу фактически по наследству, от отца, либо родственников.

Таблица 35.

**Типология поместного владения
устюженского дворянства в I трети XVII в. (%)**

Тип поместья	По 4 станам	Хрипелевская вол.	В среднем
по наследству (родству)	70,8	32,7	55,5
от др. помещиков	20,7	49,1	32,2
из "порозжих земель"	6,1	3,6	5,1
"старое"	2,4	5,5	3,6
"меновное"	-	9,1	3,6

Источник: РГАДА. Ф.1209. К-901. Л. 1- 462об.

Мы уже говорили о том, что уровень развития феодального землевладения, его динамика и тенденции, а следовательно, и процесс становления корпуса светских феодалов, были окрашены территориальными особенностями.

В станах, где сложилась устойчивая структура служилого поместного землевладения, этот показатель равен примерно 71 %, по разным станам - от 60% до 77,8%. Здесь становление поместного землевладения пришлось на XVI в. и наиболее распространенным был переход поместья от отца или близкого родственника - дяди, брата, что говорит о сформировавшемся родовом устюженском дворянстве и

²⁷⁹ Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685-1686 гг. Публикация Пугач И. В // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 169 - 189.; РГАДА. Ф. 1209. К - 902. Л. 37об. - 106об.

²⁸⁰ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 124 - 128.

его корпоративности. Процент дворян испомещенных на землях, принадлежавших ранее представителям иных феодальных родов, особенно в крупных станах - Велетовском и Новосередецком, значительно ниже и составляет от 14,8 % до 21,6 %, а в среднем 20,7 %.

В Хрипелевской волости, где становление поместий в 20-е годы XVII в. только начинается, устойчивая структура окончательно не сложилась и идет активный процесс перераспределения поместных земель, картина иная. Доля владений полученных по наследству составляет около трети - 32,7%, что значительно меньше, чем из фонда поместных земель мобилизованных государством. Здесь, испомещение в первом поколении, неизбежно влечет изменения в составе землевладельцев. Из числа устюженских помещиков исчезают Лупандины, Ребровы, Снисаревы и ряд других мелкопоместных дворян. Об этом свидетельствует и доля "меновных" поместий - 9,1%.

Во-вторых, наблюдается разрастание дворянских родовых корпораций за пределы отдельных станов и волостей края. Представители одной фамилии и даже одни и те же владельцы имеют земли в ряде станов и волостей. Чем многочисленнее клан, тем более сложной выглядит структура земельных владений и их территориальное распределение.

Показательным в этом отношении служит пример помещиков Перских. Этот род имел, видимо, местное происхождение и известен в Устюженском уезде с середины XVI в.²⁸¹. Правда, один из Перских, но уже в конце XVI в., отмечен и в Деревской пятине²⁸². В 20-е годы XVII в. в крае насчитывалось 11 потомков этого рода, представляющих 5 ветвей рода Перских. Их поместные владения были разбросаны по всем 4 станам Устюженского уезда. Причем, большинство из них, 8 из 11, имели владения распыленные в 2 или 3 станах.

Таблица 36.

**Административно-территориальная структура
поместных владений клана Перских
в Устюженском крае в конце I трети XVII в.**

Представитель рода	Стан			
	Велетов-	Калинин-	Новосере-	Новый

²⁸¹ Сотная 1567 г. С. 174.

²⁸² Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915. Приложение XIV.

Перских	ский	ский	децкий	
1.Алексей Андреевич	+	+	--	--
2.Борис Григорьевич	--	--	+	--
3.Иван Васильевич *	+	--	+	--
4.Иван Третьяков	--	+	+	--
5.Микита Сунгуров	--	+	+	--
6.Митрофан Третьяков	--	+	+	--
7.Самсон Третьяков	--	+	+	--
8.Федор Большой Вас.	--	+	+	+
9.Федор Меншой Вас*	+	+	+	--
10.Яков Васильевич	--	+	--	+
11.Вдова Дарья, жена Андрея Перского	--	+	--	--

* - Кроме этого, часть совместного поместного владения Ивана и Федора Меньшого Перских располагалась в Кестме.

В течении XVII в. клан Перских, оставаясь крупнейшим устюженским дворянским родом, численно значительно вырос. Только в пределах небольшой части Хрипелевской волости, описанной в 1685 г., известны 12 представителей рода Перских²⁸³. В конце 20-х годов XVII в. в данной волости их вообще не было.

В-третьих, уже в первой четверти XVII в. наблюдается тенденция развития смешанного типа владений "поместье-вотчина", что без сомнения, укрепляло позиции феодального семейства в крае. В конце 20-х годов XVII в. уже 10 представителей 8 дворянских родов имели данный тип владений. Из них, у половины владения были разбросаны по разным административным единицам края.

Немаловажным обстоятельством, на наш взгляд, является и то, что в первой половине XVII в. идет активная борьба феодалов за землю и сокращается фонд порозжих земель в крае. Порозжие земли в крае к этому времени занимают незначительную, менее 3,5 %, долю общего фонда пашенных земель, а в ряде станов вообще отсутствуют.

Таким образом, процесс становления дворянских поместно-вотчинных кланов в Устюженском крае растянулся практически на целое столетие, с середины XVI в. до 30-х годов XVII в. В значительной мере эволюция дворянских родов была предопределена особенностями развития феодального землевладения в крае. Достаточно длительный процесс становления структуры землевладельцев определил и размеры феодальных семейств в Устюженском крае. Если в соседней Бежецкой пя-

тине ее средний размер в середине XVII в. приближался к 3 человекам ²⁸⁴, то в Устюженском крае в начале 30-х годов он составлял только 1,7 человека, а около 60 % фамилий представлены 1 - 2 землевладельцами. Со второй трети XVII в., по мере развития поместных и вотчинных владений, происходит укрепление, численное и территориальное разрастание как старинных местных феодальных семейств, так и многих малочисленных до этого семейств новгородских дворян.

QQQ

§ 3. Посадское землевладение.

Хозяйственные угодья посада складывались постепенно, в ходе освоения и внутренней колонизации бассейна реки Мологи и ее притоков. Их территориальное формирование завершилось в середине XVI в. К этому времени хозяйственные угодья посада - пашня, сенокосы, леса, рыбные ловли вышли далеко за пределы городской черты. Посадские земли были вытянуты вдоль реки Мологи и ее притоков более чем на 100 верст. Они начинались от устья реки Кирвы и тянулись до владений Симонова монастыря - деревень села Веси Егонской. См. Рис. 5.

Развитие феодального землевладения в Устюженском уезде шло за счет чернососного землевладения, в том числе и посадского. Для служилого дворянства Устюженский уезд в XVI в. был малопривлекательным местом получения феодальных владений. Раздача черных земель шла достаточно медленно. Это позволяло посаду сохранить за собой большую часть своих хозяйственных угодий. Хотя, в официальных документах (сотных и грамотах) постоянно подчеркивалось, что посаду отдается земля (пашня, сенокосы, лес) на оброк "до государева указа", и только потому, что "в поместья и в вотчины и на оброк и на льготу не взял их никто" ²⁸⁵.

Первые потери хозяйственных угодий города приходятся на середину XVI в. В это время посадскому миру пришлось выдержать борьбу с могущественным противником - Московским Симоновым монастырем. За посадскими людьми, по реке

---

²⁸³ Писцовая книга ... 1685 - 86 гг. С. 1 - 37об.

²⁸⁴ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 121.

²⁸⁵ Сотная 1567 г. С. 168.

Мологе, были закреплены обширные оброчные рыболовные угодья. Они начинались выше посада и тянулись вниз по течению до устья реки Рени и состояли из двух участков. Верхний участок, протяженностью более 50 верст, охватывал участок реки Мологи в пределах черной Понизовской волости. Он начинался у Устюжны и тянулся до Липенского езу²⁸⁶. Нижний участок рыбных ловель, около 15 верст, вклинивался во владения Симонова монастыря и заканчивался практически у границ села Веси Егонской, административного центра монастырской вотчины на Мологе.

За ним начинались оброчные рыбные ловли монастыря - Изубреевский ез, участок реки Мологи от устья реки Рени до устья реки Ламы. Монастырские власти, ссылаясь на значительность посадских рыболовных владений и на то, что нижний участок, от Липенского езу до устья Рени, проходил по владениям Симонова монастыря, просили отдать им на оброк этот участок реки Мологи. В декабре 1558 г. просьба монастырь была удовлетворена. Он получил грамоту "на рыбные ловли в реке в Мологе от верхнего Липенского езу до реки до Рени и до нижнего езу в Ызубреево, усть реки Ламы" и право ловить здесь "рыбу всеми ловлями по вся годы». Значительное, почти в 2 раза, увеличение монастырских рыболовных угодий не повлекли за собой увеличение размера оброка. Он остался прежний - "4 руб. на год, да пошлин 5 копеек". Симонов монастырь владел этим участком до начала XVII в. Данное пожалование без изменений подтвердили последующие московские государи - Федор Иванович в 1584 г. и Борис Годунов в 1599 г.²⁸⁷.

Часть посадских земель в середине XVI в. перешла к городским монастырям и ружным храмам. В 60-е годы XVI в. за ними числилось 208,5 десятин паханой и 93 десятины запустевшей пашни (по отношению к посадской пашне около 45 %) ²⁸⁸ и 930 копен сенокосов Большая часть этих земель находилась в непосредственной близости от города, в зоне посадского землевладения. Монастырские и церковные

---

²⁸⁶ Липенский ез изначально был "государев царя и великого князя". В 1557 г. его отдали на оброк всем устюженским посадским людям. Сами рыболовные угодья по реке Мологе в середине XVI в. находились на оброке за устюженской рыбной слободкой - Рыболовлей. Только в 1567 г., когда 26 дворов слободки приписали к посаду в тягло, рыбные ловли отдали на оброк "всем посадским людям по их челобитью". См.: Сотная 1567 г. С. 175 - 176.

²⁸⁷ АФЗХ. Т.4. № 121. С.132-134.

²⁸⁸ Сотная 1567 г. С.146; Колесников П. А. Указ. соч. С.151. Таб. 6.

пашни «луги и пожни» располагались "меж посадцких пашен" и "промеж посадцких и оброчных покосов", создавая сложную мозаику поземельных отношений²⁸⁹.

Процесс дальнейшего сокращения хозяйственных угодий посада усиливается в 60-е годы XVI в. Посадские земли в силу своего статуса черных государевых земель находились во временном обладании посадской общины - "до указу" и, в лучшем случае, на оброке. При необходимости они могли быть розданы государем феодалам, что и происходило. Так, все посадские земли - пашни, сенокосы, лес, расположенные по реке Мологе и ее притокам выше пригородных черных деревень Соловцово и Берняково, в это время перешли к дворянам. В 1566/67 г. "по государеву наказу" они были пожалованы "безоброчно розным помещикам и вотчинникам к их новым поместьям и вотчинам в угодыя ... а иные и за вотчинные пашни ... против старых их поместий и вотчин, которые в розных городах у них на государя в опиришнину к дворцовым селам взяты, были»²⁹⁰.

В ходе описания 1567 г. оставшиеся земельные владения посада были юридически оформлены и закреплены за посадским миром. Правда за ним государство оставило только те, удаленные от города земли, которые не были розданы в поместья и вотчины или не взяты на оброк и льготу. На Рис. представлено территориальное расположение основных хозяйственных угодий посада.

Пашня посадских людей располагались вокруг города, в непосредственной близости от жилой зоны. Основная ее часть находилась на правом берегу реки Мологи. По данным сотной 1567 г. общая площадь пашни составляла 375 десятин (250 четей в одном поле). Уровень плодородия почвы был низким. 60% (150 четей) пашни записаны в категории «худой» земли, а 40% (100 четей) - «добре худой» земли.

---

²⁸⁹ Со временем все больше посадских земель, особенно сенокосов, переходило под контроль церкви. Если на первом этапе основным источником роста духовного землевладения были пожалования со стороны государства, то в дальнейшем таким источником стали частные вклады и поземельные сделки - продажа и заклад горожанами своей пашни и, особенно, сенокосов. Наиболее ярко эта тенденция видна на примере Рождественского монастыря. В 1567 г. за ним числилось 29 четвертей пашни в одном поле и 40 копен сенокосов, а через столетие, в 1678 г. - 33,5 четвертей пашни и 342 копы сенокосов. См.: Сотная 1567 г. С. 139; Переписная книга 1713 г. С. 211.

²⁹⁰ Сотная 1567 г. С. 171, 172. Временное владение посадом оброчными землями подчеркивается и через 60 лет, в сотной 1626 г. - "Да всем посадским людям даны на оброк до указу старые их боровые леса, которые им преж сего дал на оброк писец Илья Плещеев. А ныне им те леса даны на оброк же для того, что их на оброк и на льготу никто не взял". См. Сотная 1626 г. Л. 202.

Посадское землевладение устюженцев середины XVI в. можно охарактеризовать как коллективное и мелкое чересполосное. Более половины, 54,6 % всей пашни находились в совместном владении нескольких горожан, от 2 до 5. Около 2/3, 63,6% земельных владений, состояли из 2 и более отдельных участков и были разбросаны "в розни местех". В среднем на один посадский двор приходилось чуть более 0,5 десятины пашни ²⁹¹.

В 60-е годы XVI в. наблюдается и процесс естественного сокращения пашенных угодий. Часть оброчных пашен, особенно тех, где земля была «добре худа» были заброшены и переведены в разряд пастбищ - "приданы ко всему посаду на выпуски для лошадей и животины". Старинные выпуски располагались в двух местах: на западной окраине города за рекою Ижиною и за посадскими пашнями и за рекой Мологой, от деревни Соловцово, вниз по течению. Они тянулись до помещенных, вотчинных и оброчных покосов и лесов. К ним из оброку были приданы пашни посадских людей - более 110 четвертей худой земли. В состав посадских выгонов были включены и оброчные хозяйственные угодья запустевшей черной посадской деревни Смелцово. В середине 60-х годов XVI в. 3 двора посадских людей - Власко Кривошеина, Пятунки Мишина и Порошки Васильева по их челобитью были перенесены на посад. Деревня вскоре запустела, а более 55 десятин ее хозяйственных угодий, из них 60 четвертей пашни, вошли в разряд посадских выпусков ²⁹².

Наиболее обширными и разбросанными по площади были сенокосные угодья. Долгое время значительную часть сенокосных угодий, особенно выше посада, по рекам Мологе, Кобоже и Кирве, посадские люди и черносошные крестьяне косили «безоброчно», наездом. В писцовых книгах С. Бутурлина 1538 г. и Г. Белкина 1564 г., эти сенокосы "к посаду не написаны были и оброк за сено на них не положен был". Горожане и крестьяне черных деревень владели ими "без государева указу и безоброчно, потому что у прежних писцов обведены и не написаны были ни за кем" ²⁹³.

---

²⁹¹ Сотная 1567 г. С. 164 - 166. По подсчетам П. А. Колесникова за посадскими людьми числилось 257 четвертей пашни. См. Колесников П. А. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // Города Феодальной России. М., 1966. С. 151. Таб. 6.

²⁹² Сотная 1567 г. С. 167.

²⁹³ Там же. С. 173.

Именно их, в 60-е годы XVI в., правительство раздало дворянам. За посадом сохранились сенокосы, расположенные по реке Мологе, ниже города. По письму Г. Белкина, их было 3880 копен, с которых посадские люди вместе с черносошными крестьянами платили оброк - 10 рублей в год "в их розметы".²⁹⁴ Через 3 года (с 1564 по 1567 гг.), количество оброчных пожен значительно возросло. В их число были записаны еще 2300 копен сенокосов.

Это были - «луги и пожни оброчные врозни, которые в роздачу не розданы, а преж сего были на оброке ж за посадскими ж людми, а ныне даны на оброк тем же посадским людем до государева указу». Всего на оброке за посадскими людьми находилось 6180 копен. Они располагались по реке Мологе, ниже посада. Большая часть сенокосных угодий - 5780 копен или 93,5%, находилась на правом берегу, «в Заворожской стороне». Остальные 400 копен или 6,5% - за Мологой, среди лесных угодий.

Как правило, владение пожнями и лугами было индивидуальным. Только 14 из 133 пожен или 10,5% принадлежали 2 владельцам. Незначительным была и территориальная распыленность сенокосных владений, 16 из 133 или 12%, были разбросаны в 2 или 3 местах. Площадь сенокосов была различна, но, в основном, редко превышала 10 копен. Очень редким была, видимо, аренда сенокосов. В сотной 1567 г. такой случай отмечен только один - Оксенко Оверкиев косил сено «на пожнях Якуши Бухрова да Богдана Гридина»²⁹⁵.

Уже в 60-е годы XVI в. пожни были активным объектом поземельных сделок посадских людей. В это время, ряд оброчных сенокосов посада перешли к помещикам и вотчинникам. Государство и здесь вмешалось и подтвердило свое право собственника земли. По итогам описания 1567 г., 650 копен сенокосов, находящиеся ниже города, были из поместных и вотчинных владений возвращены к посаду, потому что "имали их в заклады и в купли у посадских же людей без государева указу"²⁹⁶.

---

²⁹⁴ Там же. С. 172.

²⁹⁵ Там же. С. 170, 171.

²⁹⁶ Там же. С. 174. Крестьяне М. Перского, Л. Востенского, В. Сивкова, Модинского монастыря, В. Урсова и др. по закладным владели посадскими пожнями.

Помимо сенокосов, посад располагал значительными лесными угодьями. Посадские леса - "боровые сеченые, редкие промеж мшарин и болот", состояли из 3 участков и располагались по левому берегу реки Мологи. Первый, самый крупный, тянулся от деревни Соловцово до устья реки Чагодоши более чем на 40 км - "по смете на 20 верст, а поперег от реки от Мологи от берегу на 2 версты". Другие были значительно меньше. Между хозяйственными угодьями черной деревни Лентьево и починка Попчиха располагался второй участок - "в длину 5 верст, а поперег 2 версты". Третий - "берегом 3 версты, а в гору от реки Мологи на 4 версты", находился между Попчихой и деревней Ванском²⁹⁷.

Юридическое закрепление за посадом лесов сохраняло старую оброчную повинность. Посадские люди и крестьяне черной Понизовской волости, во всех прежних лесных угодьях, обязаны были ежегодно собирать рыжики отправлять их в приказ Большого дворца²⁹⁸.

По результатам описания 1567 г. посадский мир закрепил за собой и рыбные ловли, принадлежавшие до этого устюженской рыболовной слободе. Они охватывали участок реки Мологи от деревни Соловцова до владений Модинского монастыря и Шалощкой пустыни и «ниже тех монастырских деревень и починков до черной деревни Липницы и против лесов черной ж понизовской деревни Мартыновской». За 10 лет до этого, на оброк к посаду (рыболовной слободе), перешел "государев царев и великого князя Липенский ез на Мологе"²⁹⁹.

Таким образом, в 60-е годы XVI в. государство, проведя общий поземельный кадастр в уезде, утвердило свое право верховного собственника земли. Оно определило принципы своей земельной политики в том числе и по отношению к посадскому землевладению. Основные положения, которые охраняли его интересы, прежде всего финансовые, зафиксированы в описании 1567 г. Они сформулированы только по отношению к сенокосам, но, видимо, касались и других хозяйственных угодий посадских людей - "а у которых людей преж сего сенокосов не было

---

²⁹⁷ Этими лесами до 1567 г. горожане владели по старине и безоброчно. «В писцовых в прежних книгах и в сотной к посаду и за иными ни за кем те леса не написаны были, а в роздачу не розданы потому, что в поместьи и в вотчины и на оброк и на льготу не взял их никто, и для того до государева указу приписаны к посаду ж, а даны на оброк всем посадским людям». См.: Сотная 1567 г. С. 168-169.

²⁹⁸ Сотная 1567 г. С. 177.

²⁹⁹ Там же. С. 175, 176.

(оформленных видимо законно, по государевым грамотам) и вперед те оброчные покосы всем посадским людем по их челобитью промеж собя розделити самим по-вытно. А докуды за ними на оброке те луги и пожни будут, и им теж покосов от по-саду к поместным и к вотчинным и к оброчным землям не продавати и в заклады не давати никому ни которыми делы. А беречи того надо всеми посадскими людами устюженским земским целовалником накрепко. А которые учнут вперед покосы продавати и тем быти от государя в опале и в продаже»³⁰⁰.

К концу XVI в. произошли значительные количественные и качественные изменения в уровне экономического развития Устюжны Железопольской, что не могло, не сказаться на составе и структуре посадского землевладения³⁰¹. Пашенные угодья посада располагались в нескольких местах вокруг города. По обеим берегам Мологи за пределами жилой зоны находились участки общей площадью примерно 62 и 114 четвертей. За рекой Ижиной около 23 четвертей и за Мологой - 43 четверти. Всего в описании выделено более 60 участков. Они принадлежали, в основном, отдельным владельцам. Располагались участки компактно, в одном месте.

Земля была, видимо, активным объектом поземельных сделок. Более 95% участков в прошлом имели другого владельца, как правило, посадского человека. Возможно, время от времени, посадский мир проводил перераспределение пашенных угодий между собой. О возможности такого передела говорит факт перераспределения оброчных сенокосов между посадскими людьми во второй половине 60-х годов XVI в.

Сенокосные угодья посадских людей, как и прежде, располагались по обеим берегам Мологи, ниже города. Их общая площадь, по сравнению с 1567 г., сократилась примерно на 20% - с 6180 до 5188 копен. Значительные изменения за 30 лет произошли в территориальном распределении сенокосов. Если, в 60-е годы XVI в. более 95% копен оброчных пожен (5780 из 6180) располагались по правому берегу Мологи, «в Заижинской стороне», то в 1597 г. здесь же находилось только 60% по-

---

³⁰⁰ Там же. С. 175.

³⁰¹ В сотной 1597 г. в числе посадских земель описаны только пашня и сенокосы. Кроме этого, в описании отсутствуют итоговые данные.

жен - 3136 из 5188 копен. Остальные 2052 копны сенокосов находились за Мологой. Общая площадь пожен здесь увеличилась в 5 раз.

Эти изменения, на наш взгляд, были следствием хозяйственного кризиса 70-80-х годов XVI в., когда многие посадские оброчные сенокосы были заброшены. Последующее восстановление хозяйственной деятельности привело к рекультивации прежних сенокосных угодий. Как правило, большинство «росчистей» это прежние пожни, но были и новые - «розсеченные» или «розчищенные» после писцов.

Обеспеченность сенокосами посадских людей к концу XVI в. выросла более чем в 3 раза. Если в 1567 г. на 1 посадский двор приходилось в среднем 8,1 копны, то в 1597 г. - 24,4 копны. Реальные показатели были, видимо, выше, поскольку речь идет только об оброчных сенокосах.

К концу XVI в. отчетливо проявилась тенденция перехода части посадской земли в руки духовенства Устюжны Железопольской и их зависимого населения, крестьян вотчин и поместий, граничащих с посадскими владениями. Среди посадских пашен находились участки священников, слобожан, крестьян, городских храмов ранее принадлежавшие посадским людям. Практически за всеми городскими храмами и монастырями в конце XVI в. были пашни принадлежавшие ранее посадским людям.

Так, за рекою Ворожей, по обе стороны, владели посадскими пашнями священники Рождественского собора, Кузмодемьянского, Никольского, Дмитриевского, Благовещенского, Петропавловского храмов и Воскресенского (Ильинского) монастыря. Ряд пожен, удаленных от посада, перешли к крестьянам деревень Оснополе, Селище, Шуклино и, особенно, Лентьево Понизовской волости³⁰².

Переход части посадских земель к городским храмам и монастырям, крестьянам близлежащих феодальных владений имеет на наш взгляд свою логику и вполне объясним. Посадский мир и само государство довольно спокойно и терпимо относилось к такого рода сделкам. Переход посадской оброчной земли к духовенству или зависимым крестьянам не обелял проданную или заложенную пашню и сенокосы. Земля могла неоднократно менять своего владельца, но не выходила из по-

садского тягла. Финансовое оброчное бремя от посадского человека переходило к новому владельцу. Показательным в этом отношении служит следующий пример: "пожня Михаила Белого, а ныне Рождество Пречистые Богородицы за попы за Андреем с товарищи, сена 130 копен, а оброку им с тое пожни платити с посадцкими людьми по розводу"³⁰³.

Таким образом, во второй половине XVI в. отчетливо наблюдается устойчивая тенденция постоянного хотя и постепенного сокращения зоны хозяйственного влияния и реального количества земли, принадлежащих посадским людям. Во многом это было связано со значительным уменьшением численности посадского населения. За 30 лет, с 1567 г. по 1597 г. оно сократилось почти в 3 раза. С одной стороны, это привело к запустению части хозяйственных угодий посада, а с другой стороны - к повышению обеспеченности угодьями в расчете на 1 человека, они возросли примерно в 3 раза.

В табл.37 представлена динамика обеспеченности основными сельскохозяйственными угодьями посадского населения на протяжении второй половины XVI - первой четверти XVII вв.

За вторую половину XVI в. общая площадь пашни практически не уменьшилась, а в расчете на 1 двор увеличилась в 3,5 раза. Это связано с тем, что посадские земли, расположенные в непосредственной близости от города, находились под постоянным хозяйственным контролем посада. Более существенные потери наблюдаются по сенокосным угодьям, они составили около 20%. Разбросанные на значительном удалении от города, пожни естественным образом выбывали из оборота, тем более, что и в этих условиях обеспеченность ими была достаточно высока - более 24 копен на 1 двор.

Таблица 37.

**Обеспеченность хозяйственными угодьями посадского населения
Устюжны Железопольской во 2 половине XVI - 1 половине XVII вв.**

Хозяйственные угодья	1567 г.		1597 г.		1626 г.	
	всего	на 1 дв.	всего	на 1 дв.	всего	на 1 дв.
Пашня	250	0,33	242	1,14	213	0,77

³⁰² В сотной редко указывается на каких основаниях владели крестьяне пожнями посадских людей, видимо, по закладным или купчим грамотам. Так, пожню в 40 копен Олешки Собакина была куплена крестьянином деревни Лентьево «у Олешкина внука у Васки Яковлева Собакина». См. Сотная 1597 г. С. 153, 154.

³⁰³ Сотная 1597 г. С. 150, 151.

Сенокосы	6180	8,1	5188	24,4	2109	7,6*
----------	------	-----	------	------	------	------

Источники: Сотная 1567 г.; Сотная 1597 г.; Сотная 1626 г.

Примечания:

* - реальное число сенокосов на 1 посадский двор было значительно меньше - 4,7 копны. Из 2109 копен посадских оброчных сенокосов 792 копны в это время уже принадлежали владельческим крестьянам и духовенству. Новые владельцы вносили свою долю в установленные государством оброчные посадские платежи.

Большое значение имело и другое обстоятельство. В условиях значительного снижения в последней четверти XVI в. хозяйственной активности, интенсивности товарного производства и товарно-денежных отношений, и как следствие, материального потенциала горожан, повысилась роль сельского хозяйства в жизни города. Увеличение пашни и сенокосов в расчете на 1 двор были закономерной реакцией на экономические условия конца XVI в. и свидетельствуют об усилении роли натурального хозяйства посадских людей.

Вместе с тем, виден и другой, качественно более важный аспект. Начинается распад оформившегося в середине XVI в. хозяйственного комплекса посада, в котором важное место занимали значительные земельные угодья посадских людей. Это происходит под воздействием внешних факторов - активной земельной политики в крае и развития поместного и вотчинного землевладения. Наиболее отчетливо и ярко проявилась эта тенденция уже в первой половине XVII в.

С конца XVI в., посадские земли, постепенно, со всех сторон, окружили владения помещиков и вотчинников. С этого времени начинается напряженная борьба посада против наступающих на их земли феодальных владений, которая велась с обеих сторон всеми доступными и недоступными способами и средствами. Особенно активно наступали крупные землевладельцы - Годуновы и Лодыгины, в чьи владения вклинивались посадские земли.

Годуновы получили владения в Устюженском крае в последней четверти XVI в. В начале царствования Федора Ивановича к Б. Годунову перешла вотчина Микиты Путилова - село Хрипелево с деревнями, так же ряд сел и деревень, прежде всего село Микифорово с деревнями, взятые у Микиты Путилова и «у иных детей боярских» и приписанные «к тому ж селу Хрипелево»³⁰⁴. За М. Годуновым

³⁰⁴ Смирнов П. П. Посадские люди ... С. 242. В дальнейшем, после смерти Б. Ф. Годунова, по мнению П. П. Смирнова, село Хрипелево с деревнями переходит в 1607 г. от Годуновых к боярину М. Ф. Нагому, а позже, в 1626 г., к Воскресенскому Устюженскому монастырю. См. Смирнов П. П. Посадские люди ... С. 242. На наш взгляд, после избрания на престол М. Ф. Романова село Хрипелево и вся волость стали дворцовыми и были розданы в 1614 - 1621 гг. в поместья и вотчины новгородским дворянам. Само село Хрипелево в 1618

была волость Перя, расположенная на левом берегу Мологи между ее притоками Кирвой и Кобожей³⁰⁵.

Владения Годуновых, особенно Хрипелевская волость, на юге и юго-западе непосредственно соприкасались с посадскими землями. Развитие вотчинного хозяйства, рост зависимого населения вели к расширению владений Годуновых, в том числе и к захвату черных посадских земель, которыми устюженцы владели исстари и считали своими. После падения Б. Ф. Годунова, посадский мир добивался их возвращения. В ноябре 1611 г. они подали челобитную "Великие Российские державы Московского государства бояром и воеводом". В ней посадские люди обвиняли приказчика Годуновых Григория Олтуфьева в том, что он "отнял де у них посадскую пашенную четвертную землю насильством и поставил на той их земле деревню, а назвал ее Подсосеньем, а Федоровское то ж ... да поставил деревню, а назвал ее Данилихою, а Пески то ж. ... Да он же отнял посадские земли пониже посаду, вниз по реке по Мологе, на бору на диком лесу на поверстной земле, и поставил две деревни, а назвал Порослюю да Огибью. А изстари же та посадская земля по старым сотным 72 (1563/64) году писца Григорья Белкина да 75 (1566/67) году писцов Ильи Плещеева да Григорья Зубатого та земля в поверстном лесу ... были на оброке за посадскими людьми»³⁰⁶.

В первой четверти XVII в. завершился процесс раздачи дворцовых и черных земель. Поместные и вотчинные владения подошли вплотную к городской черте. Они окончательно разорвали и разрушили единый общий массив хозяйственных угодий посада на ряд небольших участков.

Наиболее болезненным в этом отношении было пожалование в поместье земель черной Понизовской волости. На протяжении почти столетия посад и черная Понизовская волость в хозяйственном и административно-финансовом отношении

г. было разделено на 3 поместных жеребьи. Их получили помещики М. Т. и Ф. Т. Обутковы, И. И. Култашев и П. Муравьев. В 1619 г. последний получил свой жеребей в вотчинное владение. К - 901. Л. 272об. - 275, 420 - 420 об.

³⁰⁵ К - 901 // Устюжна - III. С. 297 - 304.

³⁰⁶ Смирнов П. П. Посадские люди ... С. 242. Судя по всему, посаду удалось вернуть ряд утеранных земель обратно. В 1626 г. деревни Порослая и Огибь, поставленные на посадском "на их оброчном на поверстном лесу", описаны в составе посадских владений, "к посаду". Крестьяне этих деревень участвовали в посадском тягле и платили соответственно оброк в "1,5 рубли на год" и "2 рубли 25 алтын на год". См. Сртная 1626 г. Л. 164-165.

составляли единое целое (волость была приписана к посаду в уезд). В XVI в., при всем многообразии поземельных отношений, владения посадских людей и волостных крестьян составляли единое целое. Это были тяглые, черные государевы земли. Данное обстоятельство снимало многие вопросы в их взаимоотношениях, особенно в области финансовых обязательств перед государством. Оно отодвигало на второй план все поземельные сделки и выводило их на уровень частноправовых отношений. Купля, продажа, залог земли между посадскими людьми, крестьянами и духовенством были обычным делом. Посадские люди владели землями в сельской округе, а волостные крестьяне имели собственность в городе и владели бывшими посадскими землями.

Достаточно точно уровень этих взаимоотношений выразил будущий владелец Понизовской волости - Д. В. Лодыгин. В одной из своих челобитных он писал, что ранее, когда волость была черной, государевой, посадские люди и крестьяне "тое волости пашнями и санными покосы и черными лесы и рыбными ловли и всякими угоды владели с одново, меж собою продавали и покупали друг у друга"³⁰⁷.

Об этом же, на следствии в 60-е годы XVII в., говорили и крестьяне М. С. Пушкина. "В те де поры (XVI - начало XVII вв.) посадские люди тою Понизовную волостью всея владели пашнями и пожнями заодно с теми Понизовные волости крестьяны вместе и приезжая в ту Понизовую волость в деревнях жеребьями пашнею менялись. Посадские люди владели жеребьями в тех деревнях, а крестьяне против того жили в их долях на посаде"³⁰⁸.

Первое реальное серьезное ущемление интересов посада произошло в 1614 г. По государеву указу "Понизовная волость, село Чирец з деревнями отписали от Устюжны от посаду и отдали думному дьяку Петру Третьякову"³⁰⁹. Новое поместье П. Третьякова было описано и отделено - "межи, и грани все кругом", от окружающих его посадских, поместных и вотчинных земель. При этом посад потерял фактически все свои земли в Понизовской волости - "има, посадским людям тое волости в гра-

³⁰⁷ АПД. Т.2. Вып. 1. № 14. С. 37.

³⁰⁸ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 426 - 427.

³⁰⁹ Петр Третьяков был одним из виднейших чиновников государства. В 1616 г. он был думным дьяком в Посольском приказе. См. Российское законодательство X - XX веков. Т. 3. С. 65.

нях и в межах в той обводной земли ничево не написано, оприч выгонной земли, что под городом". Посадский мир вынужден был смириться. Только в 1617 г., после смерти П. Третьякова, были предприняты решительные меры. Посадские люди "умысля, взяли тое волости из села Чирца священника Федора Петрова и да крестьян тое волости лутчих людей 10 человек насильством к себе в город и держали их в тюрьме 3 месяца, вымучили у них у священника и у крестьян тое обводную насильством с великим правежем"³¹⁰. Т. е., фактически вернули себе силой утраченные посадские земли.

В 1618 г. большая часть бывшего поместья П. Третьякова была пожалована Д. В. Лодыгину. Исключение составили владения посада по левому берегу реки Мологи, в том числе и поселения, поставленные на посадском поперстном лесу - "пустошь, что была деревня Нижняя Кротынь ... починок Громошибля ... починок Грива, а Шуклино то ж". Д. В. Лодыгин, видимо, пытался их включить в состав своего поместья, но в 1618 г. ему в этом было отказано. Однако через несколько лет, в 1621/22 г., по государевой грамоте они вошли в его владения и были описаны в их составе в 1628 -30 гг.³¹¹.

Передача П. Третьякову, а позже Д. В. Лодыгину в поместье, а затем и в вотчину, черных земель Понизовской волости, нарушили устоявшееся традиционное распределение хозяйственных угодий. Принципиально изменился уровень отношений посадского мира и сельской округи. Обнажились и предельно обострились ряд вопросов, прежде всего в области поземельные отношения и, особенно, тяглых финансовых обязательств. При данных обстоятельствах для посада важнейшей представлялась задача официально подтвердить свои права на земли, юридически оформленные за посадом еще в середине XVI в. Это произошло в ходе описания 1626 г.

В конце первой четверти XVII в. жилая зона центральной правобережной части города сократилась практически до пределов острога. Хозяйственные угодья горожан - поля и огороды, начинались непосредственно за крепостными стенами,

---

³¹⁰ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214.. Л. 441.

³¹¹ "В отказных книгах отказу Михайла Буткова 126 (1617/18) году ... написано: отказано Дмитрию Васильеву сыну Лодыгину в Углицком уезде, что приписано к Устюжне Железопольской, что было за Петром

от Дмитриевских и Благовещенских ворот. Оставались в обороте и старые пашни - за рекой Ворожей, Ижиной и Мологой. Всего за посадскими людьми числилось 213 четвертей пашни. Большая часть отдельных участков - 60,2%, находилась в совместном владении 2 и более человек. Несколько участков числилось за «крестьянами» монастырской слободы и те, как правило, находились в совместном владении с посадскими людьми³¹².

Около 82% всех земельных участков оброчной посадской пашни были приобретены по купчим, из них более половины - около 59%, с начала XVII в. Наиболее ранняя купчая датируется 1570 г.³¹³. Остальные 18% участков принадлежали горожанам по сотным выписям, духовным и закладным грамотам. Хронологически эти поземельные акты охватывают период с 1548/49 до 1618 гг.³¹⁴.

Сенокосы посадских людей традиционно располагались по обе стороны реки Мологи, ниже по течению от города. Посадский мир владел пожнями по "государеве царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте". Общая их площадь за прошедшую четверть века сократилась более чем в 2,5 раза и, по нашим подсчетам, составляла 2109 копен. Территориальное распределение сенокосов по сторонам Мологи в сотной не указано, но оно, видимо, оставалось прежним.

Посадские оброчные пожни, как и пашни, были активным объектам поземельных сделок. Из 147 участков 115 или 78,2% принадлежали новым владельцам по купчим. Из них, 22,6% всех участков были куплены в XVI в., остальные 77,4% - в первой четверти XVII в., особенно после 1613 г. Наиболее ранняя купчая датируется 1558 г.³¹⁵.

Сохранились за посадом "до указу старые их боровые леса ... которые им преж сего дал на оброк писец Илья Плещеев" и рыбные ловли. Они снова были отданы посадским людям "для того, что их на оброк и льготу никто не взял". Пограничные ориентиры лесных и рыбных угодий в сотной указаны прежние. Однако, в описании посадского леса, появились детали, которые говорят о сокращении общей

Третьяковым пустошь, что была деревня Нижняя Кротынь ... починок Громошибля ... починок Грива, а Шуклино то ж». РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 226 - 228; Ф. 1209. К - 901. Л. 438об. - 458.

³¹² Сотная 1626 г. Л. 142-166.

³¹³ Там же. Л. 144.

³¹⁴ Там же. Л. 145об., 160.

³¹⁵ Там же. Л. 173об.

их площади. Теперь, наиболее крупный участок от деревни Соловцово до устья реки Чагодоши, был разбит на части "новой межей" и разбросан "промеж деревень Дмитрия Лодыгина"³¹⁶.

В составе посадских владений в 1626 г. описывались 3 деревни - Порослая (Журавлев Починок), Огибь (Фатьянов Починок) и Верхняя Кротынь. Они были «поставлены на их поверстном оброчном лесу», видимо, в середине XVI в. По крайней мере деревня Верхняя Кротынь известна с 1567 г.³¹⁷, а Порослая и Огибь с конца XVI в.³¹⁸. В них было 9 крестьянских дворов с 13 «людьми». Хозяйственные угодья состояли из 31,5 десятин паханой пашни, 39 десятин отхожей и запустевшей пашни, 117 копен сенокосов³¹⁹.

Активно участие в покупке посадских земель, особенно сенокосов, принимали крестьяне бывшей черной Понизовской волости, где располагались хозяйственные угодья посада. По нашим подсчетам, за крестьянами светских и духовных феодалов в 1626 г. находилось более трети всех оброчных покосов посада - 35,7% или 752 копны из 2109 копен. Большая часть из них принадлежала крестьянам Дмитрия Лодыгина. За ними были 36 участков общей площадью 516 копен, что составляло 68,6% пожен данной категории или около 25% от общего количества оброчных посадских сенокосов. Всего по купчим и закладным посадских людей к крестьянам Д. В. Лодыгина с 1585 по 1626 гг. перешло 585 копен сенокосов, с которых они платили в 1626 г. 2 рубля, 29 алтын, 4 деньги³²⁰.

Посадскими сенокосами владели также священники и слободские крестьяне Рождественского собора, крестьяне Воскресенского (Ильинского) и Шалоцкого монастырей. За период с 1588 по 1623 гг., по купчим, к ним перешло посадских сенокосов общей площадью 134 копны. С них они платили оброк в 22 алтына 2 деньги³²¹.

Как и в XVI в., пашни и пожни, проданные или заложенные посадскими людьми монастырям, храмам, слободским или владельческим крестьянам, из по-

---

³¹⁶ Там же. Л. 202-203.

³¹⁷ Сотная 1567 г. С. 177.

³¹⁸ Смирнов П. П. Посадские люди ... С. 242.

³¹⁹ Сотная 1626 г. Л. 163об.- 166.

³²⁰ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 28.

³²¹ Сотная 1626 г. Л. 169об.- 199; РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 28 - 29

садского тягла не выходили. Нормы налогообложения таких земель не менялись. Новые владельцы платили с приобретенных земель оброк "свално с посадскими людьми" по 1 алтыну за 1 четверть пашни и по 1 деньге за 1 копну сена³²².

В конце первой четверти XVII в., темпы покупки посадских сенокосов духовными корпорациями, особенно священниками и крестьянами Рождественского собора, увеличились. В конце 20-х годов XVII в. церковные власти собора попытались вывести из государственного налогообложения все приобретенные у посадских людей земли. В своем челобитьи они, ссылаясь на жалованную грамоту 131 (1622/23) г. освобождающую "их церковные пашни слободки и деревни" от "государевы ... податей и денежных всяких поборов и казачьих хлебных запасов и кормов с сошными людьми", просили обелить уже 260 копен сенокосов, записанных за ними в сотной 1626 г.³²³.

Монастыри и городские храмы посадскую землю, как правило, покупали. Но, были и иные пути - вклады, которые у посадского мира вызывали протест, так как выводили землю из налогообложения. Так, пожня Давыдовская в Шалоцкий монастырь попала как вклад посадских людей Васки да Левки Сумароковых. Черные попы Тимофей и Феодосей, а также старцы Шалоцкого монастыря Андреян и Иех и старицы Ефросинья и Килика (в миру посадские люди и жены посадских людей), уйдя в монастырь, передали ему свои земельные владения. Позже, "те де пожни посадские" монастырь продал крестьянам Д. В. Лодыгина.

Особенно обострилась обстановка после 1626 г., когда большую часть своего поместья Д. В. Лодыгин получил в вотчину. Вотчинные и поместные владения Д. В. Лодыгина окружали посадские земли со всех сторон. Восстановление и экстенсивное развитие поместного и вотчинного хозяйства неизбежно вело к столкновению интересов крестьян Д. В. Лодыгина и посада. Постоянно расширяя свои хозяйственные угодья, они вторгались в посадские земли, покупая, приобретая их в заклад или захватывая силой. Между посадом и крестьянами Д. В. Лодыгина развернулась постоянная напряженная борьба. Посадские люди «насильством» вырубали

---

³²² Так, за посадскую пашню, что "пашет Дмитриев крестьянин Лодыгина Илейка Оксенов по купчей со 125 (1616/17) году оброк дает 2 алтына". За сенокосные угодья в 585 копен, что "владеют по купчим и по закладным посадских людей розных лет з 94 (1585/86) году по 134 (1625/26) году Дмитриевы крестьяне Лодыгина" платили оброк в 2 рубля 29 алтын 4 деньги. См. РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 27, 28.

лес, опустошали различные угодья. По словам Д. В. Лодыгина от действий посадских людей ему была "теснота и обида великая". В 1627 г., когда Д. В. Лодыгин пытался заселить свою пустошь Берняково, посадские люди решительно этому воспротивились. "Посадские, государь, люди, - жаловался Д. В. Лодыгин, - крестьянишкам мо-

им угрожают, огородов им вспахати не велят и похваляютца, государь, боем и изгороды у них секут, а сказывают, государь, бута их посадская земля ... И от их насильства крестьянишка мои тех огородов пахать не смеют»³²⁴.

Важным событием, в ходе которого с новой силой развернулась борьба за землю между посадом и окружающими его феодальными владениями стало описание 1627-1630 гг. Оно давало возможность каждой из сторон не только официально заявить права на те или иные участки, но и размежевать спорные земли.

Первые результаты работы писцов вызвали недовольство как посадских людей, так и местных дворян. Особую активность проявил Д. В. Лодыгин. Причина была очевидна. Именно между посадом и Д. В. Лодыгиным было наибольшее число взаимных претензий и спорных участков. Немаловажную роль сыграло и другое обстоятельство. Изменился статус его владений. В 1626 г. большую часть своего поместья Д. В. Лодыгин получил в вотчину.

В начале осенью 1627 г., он обратился с челобитьем в Поместный приказ. Д. В. Лодыгин жаловался на неправомерные, с его точки зрения, действия писцов под руководством С. А. Давыдова. Д. В. Лодыгин представил им документы - сотную с описания Д. Бельского, отказную грамоту и отказные книги и другие акты на свои владения, подтверждающие собственные права на спорные земли, прежде всего сенокосы, расположенные «меж посацких покосов». Несмотря на это, писец, как писал Д. В. Лодыгин, «тех сенных покосов ... к тем моим вотчинным деревням не отвел, а отдает те сенные покосы моих деревнишек посацким людям по купчим»³²⁵.

Жаловался Д. Лодыгин и на то, что «писец ... по старинным граням не поехал» и не принимает в расчет ряд документов и обстоятельств. Так, во время опи-

---

³²³ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 228, 229.

³²⁴ Смирнов П. П. Указ. соч. С. 243. Деревня Берняково (Борняково Лежнина) находилась в непосредственной близости от посадских выгонов.

³²⁵ АПД. Т.2. Вып. 1. № 14. С. 37.

сания Устюжны Железопольской в 1626 г. И. Кутузовым, часть его владений, при-
мыкающая непосредственно к посаду - пустошь Берняково, писец "отмежевал, а
признак не положил. И с тех Ивановых книг мне (Д. В. Лодыгину) выпись дана, и
посацкие, государь, люди тое отписи не верят". Более того, сами "посацкие люди
сотной не положили перед писца, а владеют теми землями ... насильством"³²⁶. Все-
го, по мнению Д. В. Лодыгина, посадским людям незаконно отписали 440 копен
сенокосов, принадлежащих ему.

Предъявлял претензии Д. В. Лодыгин и к другим своим соседям - крестьянам
Симонова монастыря. Здесь, с помощью старинного традиционного метода - жре-
бия, судьбу спорных земельных участков писец решил в пользу монастырских кре-
стьян, которым выпало "итить с образом". В конце своей челобитной Д. В. Лоды-
гин просил снова отмежевать владения, "которые сошлись смежно Устюжны Желе-
зопольской с посацкою с подгородною землею и с вотчинниковыми и поместными
землями".

После доклада в Поместном приказе решение всех поземельных споров
вновь возлагалось на С. А. Давыдова. 25 октября 1627 г. из приказа к писцам была
отправлена грамота. В ней предписывалось по всем спорным участкам, с учетом
сотных грамот, писцовых книг и др. поземельных актов, провести сыск. "А в чем
меж ними учинится спор, велеть дать суд, а з суда з жеребья вера иконоя хоженья с
образом, безволокитно»³²⁷.

В ходе описания 1628 - 30 гг. посадские земли были размежеваны с вотчин-
ными и поместными владениями Я. Дубровского, Д. В. Лодыгина и Я. Перского³²⁸.
Результатами нового межеванья посадский мир остался недоволен. Видимо, после
нового наказа писцам, все посадские земли, которые были проданы или заложены
волостным крестьянам, отписывались их новым владельцам. Хотя, по мнению по-
садских людей, "теми де пожнями завладели они (крестьяне) ... насильством, а по-
садские люди не перетерпя от них обид, те пожни им продавали и закладывали,
уличая их, чтоб они посадской земли своею землею не называли". Рядом же пашен,

---

³²⁶ Там же. С. 38.

³²⁷ Там же. С. 40.

³²⁸ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 22 - 25, 33 - 37.

пожен, поверстным лес и рыбными ловлями крестьяне владели насильством, их посадские люди не продавали и не закладывали³²⁹.

Самовольные захваты посадских земель крестьянами Понизовской волости продолжались и позже, при новом вотчиннике Т. Д. Лодыгине, сыне Д. В. Лодыгина. Посадские люди неоднократно жаловались, подавали "многие челобитные" в Устюжскую четь, но безрезультатно. Дьяк Устюжской чети Пантелей Чириков, «норовя ему Тимофею Лодыгину», о них государю не докладывал. По мнению посадских людей вопрос не решался еще и потому, что этот "дьяк Пантелей Чириков, ему Тимофею Лодыгину тесть был". Более того, как писали горожане, он "учал нам сиротам твоим ... за то наше челобитье налоги большие чинити, и мы, сироты твои, тое Понизовные волости ... с тех твоих государевых земель и с пашен и с пожен и с поверстных лесов платя твои государевы оброчные деньги по вся годы, в конец погибли"³³⁰.

Ряд посадских пашен и сенокосов, которые по купчим и закладным грамотам перешли к крестьянам, не был записан в писцовые и приходные книги и не попали в оклад. За них с «Дмитрея Лодыгина и с Олексея Годунова и после Дмитрея с Тимофея Лодыгина со 1628 по 1648 годы» брали дополнительный оброк в 3 рубля 11 алтын в год³³¹. Если исходить из традиционной нормы оброка в 1 деньгу с копны, то за вторую четверть XVII в. посадские люди продали крестьянам Д. Лодыгина и А. Годунова более 650 копен сенокосов.

В РГАДА, фонде «Приказные дела старых лет» сохранилось «Дело по челобитью Устюжны Железопольский земского старосты Прокофья Савинова с товарищи на стольника Матвея Пушкина крестьян в сильном завладении тяглой оброчной земли, пашнями, лесами и санными покосами»³³². Оно подробно отражает все обстоятельства борьбы посада за сохранение своих земель на протяжении более 100 лет, с середины XVI в. до 70-х годов XVII в.

За полвека, с 1615 по 1670 гг. к крестьянам владельческой Понизовской волости перешло не менее 690 копен сена. Судя по изменению размера оброка за се-

---

³²⁹ Там же. Л. 37, 38.

³³⁰ Там же. Л. 429 - 430.

³³¹ Там же. Л. 30, 31.

³³² РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Дело на 519 листах.

но, динамика роста сенокосов купленных у посадских людей была следующая: с 1615 г. до 1628 г. - 580 копен; с 1628 по 1648 гг. - 108 копен; с 1648 по 1670 гг. - 2 копны ³³³.

Логическим итогом полувековой борьба за землю между посадом и крестьянами Д. В. Лодыгина, Т. Д. Лодыгина и М. С. Пушкина стало открытое столкновение. Вот как оно описано в челобитной посадских людей. «В прошлом, государь, во 176 (1667/68) году, мы же сироты твои посацкие людишки, у которых есть крепостные купленные и закладные сенные покосы вниз по реке по Мологе бдили на те свои пожни для сенокосу. И Матвея Пушкина приказной иво человек Калина Федоров, собрався тое Понизовские волости со крестьяны скопом с пищальми и с топорки и рогатины больши 200 человек и многих нас сирот твоих посацких людей перебили. А посацкого человека Осипку Козмина топорком сбили и обушками били до великого увечья насмерть, а братю ево Осипкову Ивашку и Еуфимку, то ж били и в воду волокли, и с тех наших купленных и с оброчных пожен нас сирот твоих всех збили» ³³⁴. В который раз, свое право на владение этими землями посадские люди доказывали, ссылаясь на данные описаний И. Плещеева 1567 г., Д. Бельского 1597 г. и И. Кутузова 1626 г. и просили размежевать Понизовную волость "государеву посацкую тяглую и оброчную землю ... с помесною и вотчиною землею" стольника Матвея Степановича Пушкина.

Такого рода столкновения не могли остаться без внимания власти. По челобитью посадских людей, для решения конфликта, из устюженских дворян был назначен межевщик - Н. А. Маслов ³³⁵. 20 сентября 1669 г. к нему из Устюжской чети был послан наказ о межевании. Узнав об этом, М. С. Пушкин в своей челобитной просил государя, чтобы была проведена очная ставка в Москве, где он сможет «ложное челобитье посадских людей уличить». Свою просьбу М. Пушкин аргументировал тем, что все грамоты на спорные земли у него в Москве, а посадские люди

³³³ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 30, 31.

³³⁴ Там же. Л. 1. Когда в Москве, в октябре 1669 г., проводили очную ставку, представитель М. С. Пушкина отверг данный инцидент. По его словам, в 1668 г. "посадские люди на пожни для покосу не приезживали, и к тем де посадским людем Матвеев человек со крестьяны не бивали и посацкого человека в воду не волакивали, и скопу никакого не было". Там же. Л. 431 - 432.

³³⁵ По царскому указу из Устюжской чети 20 сентября 1669 г. была послана грамота «для розводу земли на Устюжне Железопольской велено быти от дворян Миките Акинфеиву сыну Маслову и для того дела наказ,

просили в межевщики Н. А. Маслова специально, т. к. «Микифор Маслов мне не друг»³³⁶.

1 ноября 1669 г. в Москве, видимо, в Устюжской чети, состоялась очная ставка. Со стороны посадского мира свидетелем выступал посадский человек Якимко Чудяков, а со стороны стольника М. С. Пушкина его крестьянин, Петрушка Васильев. Посадские люди выдвинули против М. С. Пушкина ряд обвинений. Главное обвинение состояло в том, что приказные люди и крестьяне стольника Матвея Степановича Пушкина его вотчины в Понизовской волости владеют государевою землею "их пашнями и пожнями и поверстными лесами и рыбными ловлями на реке на Мологе по обе стороны Матвеевы крестьяне насильством ... а по той де реке по обе стороны пожни и поверстные леса верст по 5 и по 6 и по 10 и по 20 и больше посадские».

Мотив, который побуждал посадских людей вести борьбу за возвращение себе бывших земель Понизовной черной волости, вполне понятен. За эти земли посаду приходилось платить подати - "мы сироты твои с тех пашен и пожен и с поверстных лесов платим твои государевы оброчные деньги по вся годы"³³⁷.

Для того чтобы сохранить за собой посадские земли как тяглые и доказать свои права на них посадским людям приходилось их продавать и закладывать крестьянам "в полцены и менши, уличая их для того, чтоб они тое ... посадские земли своею поместною и вотчиною землею не называли»³³⁸.

В качестве доказательств Якимка Чудинов привел выписки из писцовых книг И. Плещеева 1567 г., Д. Бельского 1597 г., дозорной книги Ф. Маслова 1619 г. и писцовой книги И. Кутузова 1626 г. Кроме этого, были привлечены свидетельские показания "всяких чинов разных" Устюжны Железопольской и игуменов и монахов Модинского монастыря и Шалоцкой пустыни о том, что посадские люди государевы тяглые посадские земли "свои крепостные купленные пожни, не стерпя обиды,

---

что ему будет на Устюжне делать послан с Москвы в деревню иво, где он живет». РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 421.

³³⁶ Там же. Л. 424.

³³⁷ Там же. Л. 1.

³³⁸ Там же. Л. 1. В свою очередь, крестьяне говорили о том, что покупали и брали в залог у посадских людей пашни и пожни, которые не были тяглыми. Они были расчищены в угодьях и в поверстном лесу Понизовской волости, но "ко всему посаду те пашни и пожни в тягло им не даны". Поэтому, посадские люди "за те

тем крестьянам Понизовные волости продавали и закладывали неволею в полцены, а меньши". В числе свидетелей выступали дворяне, дети боярские, приказные люди и крестьяне Угличского уезда и Бежецкого Верха, живущие "около Устюжны во все четыре стороны по версте, по две, по три и по пяти и по десяти и по пятнадцати верст" ³³⁹.

Выслушав обвинения посадских людей, Петрушка Васильев сказал, что крестьяне М. С. Пушкина владеют "пашнями и пожнями и поверстным лесом и санными покосы против писцовых книг Северьяна Давыдова, а с которого году, то не упомнит". Ссылки посадских людей на то, что эти земли записаны за ними в писцовых книгах И. Плещеева (1567 г.) и Д. Бельского (1597 г.) неправомерны. Они записаны не к посаду, а к "Понизовой волости села Чирца з деревнями вобще, потому что та волость в то время была с посадом заодно". Пашни, пожни и поверстный лес в тех книгах записан только для "той Понизовной волости, а не для того города посадских людей". Этим писцовым книгам, по мнению П. Васильева, верить нельзя, "потому как преже сего была та Понизовая волость, село Чирец з деревнями, за великим государем, приписано к Устюжне, к посаду".

Позже, Понизовская волость была "отписана от посаду" и отдана в поместье П. Третьякову, а затем в вотчину Д. В. Лодыгину. В 1627 - 1630 гг. ее "отписали и отмежевали от Устюжны ... в Углицкий уезд, в Хрипелевскую волость" ³⁴⁰. С этого времени, когда было проведено межевание, крестьяне М. С. Пушкина данной землей владеют и "спору, и челобитья у них с посадскими людьми о той земле не бывало".

Своих свидетелей представили и ответчики со стороны М. С. Пушкина. Ими стали дети священника Федора - казначей Троице-Сергиева монастыря старец Киприан и его брат священник Антип с сыном Михаилом, которым было "ведомо, как они посадские люди тое отводную на Устюжне у священника Федора и у крестьян вымучили с великим правежем» ³⁴¹.

росчистные земли за свое посилье за розчистку и деньги имали, что им та земля в тягло не дана ... а брали деньги у крестьян толко за свое, по силе, за росчисти, а не за землю".

³³⁹ Там же. Л. 432 - 439..

³⁴⁰ Там же. Л. 425 - 428.

³⁴¹ Там же. Л. 441.

Весомым аргументом со стороны М. С. Пушкина было обращение к новым нормам законодательства. Согласно Соборному Уложению 1649 г., статья 18, глава XVII, за вотчинниками закреплялось право на все примерные земли распаханые ими из своих же угодий, лесов и лугов, на которых поставлены деревни и починки. Уложение устанавливало правомерность такой практики и на будущее время³⁴².

П. Васильев почти дословно процитировал последнюю часть этой статьи - "в государевом указе и Соборном Уложенье в 17 главе во 18 статье напечатано: будет у кого в вотчинах объявитца примерные земли по письму новых писцов которые земли припадут вперед из своих угодий и поверстных лесов и из лугов или на своих угодях деревни и починки поставят вновь в своих межах и гранях, и у них де тех земель и деревень из вотчинников по тому ж не отнимать, и велено де им владеть теми землями и деревнями и починки в вотчине ж"³⁴³.

В XIX главе Соборного Уложения значительно сокращались как пределы посадского землевладения, так и категории возможных хозяйственных угодий города. Они ограничивались площадью в 2 версты вокруг города и относились только к выгонным землям - пастбищам для скота³⁴⁴. Эти нормы в своих интересах и комментировали представитель М. С. Пушкина - "быти в городах к посадом толко выгонной земле, а пашен и сенных покосов и поверстных лесов нигде в городех посадским людем не указано". Земли же, которые отсуживали посадские люди, располагались вдали от посада, "верстах в 10 и 20 и больши и не смежно к городу с выгонною землею и за помещицкими землями во многих верстах от города". К тому же, они находились в "Понизовой волости в Углецком уезде, а не в Устюжском"³⁴⁵.

Столь противоречивые показания сторон не позволяли разрешить спор³⁴⁶. Требовалось провести следствие. 13 декабря 1669 г. к думным дьякам Поместного приказа поступила память от государя сделать выписи с писцовых книг. Необходи-

³⁴² Российское законодательство X - XX веков. Т. 3. Акты Земских Соборов. М., 1985. С. 182, 361-362.

³⁴³ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 430 - 431. См.: Российское законодательство X - XX веков. Т. 3. Акты Земских Соборов. М., 1985. С. 182.

³⁴⁴ К ним относятся 6 и 10 статьи XIX главы. См.: Российское законодательство X - XX веков. Т. 3. Акты Земских Соборов. М., 1985. С. 203, 379, 380.

³⁴⁵ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 443.

³⁴⁶ Стороны предъявили друг другу массу различных обвинений. Так, П. Васильев выразил сомнения в законности ряда документов и обвинил истцов в необъективности их свидетелей. Так, пожни и пашни, которые требовал вернуть в тягло посадский мир, были записаны за ними со слов посадских людей, "их сказке, а

мо было документально установить отмежевывалась ли Понизовская волость к Угличскому уезду, за кем написана, как платила государевы доходы самостоятельно или с "посадскими людьми в одном тягле", какое количество дворов и хозяйственных угодий в селе Чирец с деревнями³⁴⁷.

Сыск продолжался достаточно долго. Только в марте 1671 г. из Москвы в Устюжну Железопольскую для размежевания спорной земли была направлена комиссия во главе с Федосеем Тимофеевичем Беклемишевым. Он получил подробный наказ-инструкцию, который регламентировал процедуру решения всех аспектов поземельного спора между посадом и М. С. Пушкиным.

Межеванье проводилось в несколько этапов, при непосредственном участии "околных людей и старожилцов". В нем принимали участие представители заинтересованных сторон - посадские люди, приказщики, староста и крестьяне М. С. Пушкина.

Во-первых, по писцовым книгам необходимо было восстановить границы участков, которые не вызывали споров. В тех местах, где межи сохранились «поновить, а немежеванные места размежевати по старожилцовым сказкам». На новых межевых участках "учинить всякие признаки пристойно, грани насечь и ямы покопати широкие и глубокие и насыпать каменем и костми и угольем и от признаки до признаки учинить меру и описать именно, чтоб вперед в той земле спор и челобитя не было".

Особенно тщательно оговаривался вопрос о посадских землях, которыми к этому времени владели крестьяне. Пашни и сенные покосы, записанные в писцовых и дозорных книгах за посадскими людьми, но принадлежащие по купчим и закладным грамотам крестьянам М. Т. Пушкина, предстояло смерить, описать "особою статьею" и взять у крестьян "на те пашни и пожни ... списки за руками"

Спорные земли, юридически не оформленные за посадом материалами писцового делопроизводства, размежевывались "вправду по указу великого государя и по Соборному Уложению». Если повальный обыск не давал возможности развести спорные земли, применялся последний метод - "божий суд"; "посадским людям с

не по крепостям"; люди, на которых "слался в послушестве Якимко Чудинов, друзя им и хлебояцы, а хочется быть прав государевым указом"; и т. д. РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 440

Матвеевыми крестьяне Пушкина велено учинить в том веру, образное хоженье, а кому из них та спорная земля с образом отводится и в том велено дать им жеребей"

Новую межу необходимо было записать в межевую книгу, внести в нее всех, "кто на межеванье околные люди и старожильцы будут". Кроме того Т. М. Беклемишеву предстояло "учинить чертеж", указав на нем старые и новые межи, грани и межевые знаки, "все подлинно сколько от которого до которого места верст или саженой, чтоб все в том чертеже было значно»³⁴⁸. Все письменные результаты межеванья, "за своею, околных людей и старожилцов руками", комиссия предоставляла в Москву.

Межеванье продолжалось до октября 1671 г. Шло оно непросто. Взаимные споры и обвинения продолжались. Дело дошло до того, что посадские люди пашни и сенные покосы "мерять и описывать" с Ф. Т. Беклемишевым не пошли, а "подали ему сказку за руками". Особенно тяжело решался вопрос о ряде деревень, которые были поставлены крестьянами на посадском поверстном лесу, прежде всего - Нижняя Кротынь, Шуклино и Громошиха.

Стороны вновь ссылались на документы, которые противоречили друг другу, между которым были многие десятки лет. Посадские люди в своих доказательствах опирались на сотные посада с описаний XVI - первой трети XVII вв., в которых лес по левому берегу реки Мологи от деревни Соловцово до деревни Лентьево был записан за посадом. М. С. Пушкин и его люди, в свою очередь, ссылались на описание 1628-30 гг. С. А. Давыдова. В нем все спорные деревни были записаны за Д. В. Лодыгиным. Ф. Т. Беклемишев вместе со "сторонними людьми" выезжал на место, "досматривал" построенные деревни Берняково, Нижняя и Верхняя Кротынь, Шуклино и Громошиха, "что ныне стольника М. Пушкина"³⁴⁹, но, видимо, самостоятельно вопрос решить не смог.

Чем закончилось данный этап борьбы посада с активно наступающим на его земли феодальным землевладением, до конца неизвестно. Завершают дело 56 спи-

---

³⁴⁷ РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 445 - 447.

³⁴⁸ Там же. Л. 232 - 234.

³⁴⁹ Там же. Л. 234 - 241.

сков с купчих и закладных грамот, а окончательного решения нет ³⁵⁰. Скорее всего, посад потерял если не все, то большую часть проданных и заложенных земель, особенно в пределах владений М. Т. Пушкина.

Таким образом, главной особенностью посадского землевладения Устюжны Железопольской на протяжении XVI - первой половины XVII вв. была его значительная пространственная протяженность.

Хозяйственные угодья посада, а вместе с ним и структура посадского землевладения складывались постепенно, в ходе освоения и внутренней колонизации бассейна реки Мологи. Оно завершилось в середине XVI в. и стало закономерным результатом экономического подъема как Устюжны Железопольской, так и Устюженского края в целом.

Начиная с 60-х годов XVI в. наблюдается постепенный, со временем все усиливающийся, процесс сокращения зоны хозяйственного влияния посада, значительное сокращение земельных угодий посадских людей..

В условиях экономического кризиса 70-80 годов XVI в. происходит существенное снижение хозяйственной активности, интенсивности товарного производства и товарно-денежных отношений в крае и, как следствие, значительное запустение посада Устюжны Железопольской. Это вызвало закономерную реакцию - повысилась роль и значение натурального хозяйства в жизни посадских людей. С одной стороны, сократились общие размеры земельных владений посада, а с другой, наблюдается реальный, более чем в 3 раза, рост хозяйственных угодий, приходящихся на 1 двор.

Большое значение в развитии посадского землевладения сыграли изменения в структуре феодального землевладения в крае. Эти факторы действовали на протяжении всего исследуемого периода, но наиболее отчетливо и ярко оказали свое влияние в первой трети XVII в.

Определяющим фактором этого процесса была ликвидация чернососного землевладения в крае. Особую роль сыграло пожалование в поместье, а затем и в

---

³⁵⁰ В конце дела идут списки 56 грамот: "К сем спору списки с купчих и з закладных столника Матвея Стефанова сына Пушкина крестьян ево Понизовские волости села Чирца деревень, что Устюжны Железопольские посацкие люди давали им иво Матвеевым крестьянам купчие и закладные на оброчные свои пожни на сенные покосы в сем сполна". РГАДА. Ф. 141. 1669 г. Д. 214. Л. 448 - 519.

вотчину, черной Понизовской волости, которая в хозяйственном и административно-финансовом отношении составляла с посадом единое целое. Практически все посадские земли находились на территории волости, а сама Понизовская волость была приписана "к посаду в уезд". Купля, продажа, залог земли между посадскими людьми, крестьянами и духовенством в пределах волости были обычным делом. Посадские люди владели землями в сельской округе, а волостные крестьяне имели собственность в городе и владели бывшими посадскими землями.

При всем многообразии поземельных отношений, владения посадских людей и волостных крестьян оставались черными тяглыми государевыми землями. Это обстоятельство снимало все вопросы во взаимоотношениях конкретных землевладельцев, особенно в области финансовых обязательств перед государством. Все поземельные сделки осуществлялись на уровне частноправовых отношений и, в целом, не затрагивали интересы ни посадской общины, которая была коллективным владельцем земли и налогоплательщиком, ни государства.

Активная земельная политика правительства и завершение процесса раздачи дворцовых и черных земель в крае, развитие поместного и вотчинного землевладения и хозяйства окончательно разрушили и разорвали единый общий массив хозяйственных угодий посада на ряд небольших участков, за которые посад на протяжении всей первой половины XVII в. вел напряженную борьбу. Эта борьба закончилась не в пользу посада, большая часть земель была потеряна. Во второй половине XVII в. в действие вступали новые юридические нормы Соборного Уложения, которые ограничивали зону посадского землевладения "окологородними" землями и выгонами.

QQQ

Глава 4. Власть и город: социально-экономические отношения.

§ 1. Уровень экономического развития.

Объективной основой социально-экономического расцвета Устюжны Железопольской стал экономический подъем первой половины XVI в. К этому времени Устюжно-Железопольский район приобрел значение большого и важного промышленного центра, обслуживающего все Русское государство, в котором важнейшая роль принадлежала специалистам по обработке металла. По степени концентрации высококвалифицированных специалистов кузнечного дела, их доле в общей структуре ремесленного городского населения, масштабам и объемам производства Ус-

тужна Железопольская занимала одно из ведущих место в стране, что неоднократно отмечалось в отечественной историографии³⁵¹.

Преобладающую долю городского населения в Устюжне Железопольской составляли посадские люди, большая часть из которых занималась ремесленно-торговой деятельностью³⁵². Сотные 1567 и 1597 гг., хотя и не указывают на характер хозяйственной деятельности значительной части горожан, позволяют рассмотреть профессиональную структуру посадского населения и специализацию ремесленного производства Устюжны Железопольской на протяжении второй половины XVI в. См. Табл. 38.

Таблица 38.

**Профессиональный состав ремесленного населения
Устюжны Железопольской во второй половине XVI в.**

Профессия	1567 г.		1597 г.	
	число	%	число	%
Металлообработка	169	51,4	132*	52,2
Деревообработка	50	15,2	34	13,4
Обработка животного сырья и производство продуктов питания	66	20,1	53	21,0
Производство одежды, обуви и домашней утвари и др.	44	13,3	34	13,4
Всего	329	100	253	100

Источник: Колесников П. А. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // Города феодальной России. М., 1966. С. 148. Табл. 3.

Примечание. * - из числа ремесленников занятых в металлообработке исключен «рудомет», т. к. никакого отношения к кузнечному делу не имел. См. Сербина К. Н. Указ. соч. С. 33.

Таким образом, на протяжении второй половины XVI в. кузнечное дело было ведущей отраслью ремесленного производства, а кузнецы - преобладающей категорией ремесленного населения. По данным П. А. Колесникова, более половины (51,4 % в 1567 г. и 52,2 % в 1597 г.) ремесленников Устюжны Железопольской было занято в железообрабатывающей промышленности. Именно это обстоятельство определяло социально-экономический облик посада и одновременно являлось его особенностью.

Другие исследователи приводят примерно такие же данные. По разным подсчетам, доля ремесленников занятых в обработке железа, приближается или немного превышает 50 % от общего числа ремесленного населения посада.

Так, по расчетам Е. И. Заозерской, в 1567 г. 37,5 % всего учтенного посадского населения Устюжны Железопольской было связано с обработкой железа. Как

³⁵¹ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 19; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1951. Т. 1. С. 61, 62; Колесников П. А. Из истории металлургии Устюжно-Железопольского района в XVI - XVII вв. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 37. Он же. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. С. 152; Сербина К. Н. Указ. соч. С. 13; Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. С. 207; т др.

³⁵² Колесников П. А. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. С. 147.

определен этот показатель, не вполне понятно. Исходя из данных, которые приводит Е. И. Заозерская, 37,5 % составляет посадское население, для которого в сотной указана профессия или характер хозяйственной деятельности (300 из 800). Если вычислить долю металлистов (143 человека), то она составит 17,7 % от общей численности посадского населения и 47,7 % от общего числа ремесленников³⁵³.

В конце XVI в., доля посадского населения занятая обработкой железа выросла. 248 из 382 человек или 64,9 % всего учтенного в 1597 г. посадского населения занималось ремеслом. Из них 118 человек - 30,9 % от общего числа посадских людей или 47,6 % от общего числа ремесленников, занимались обработкой железа³⁵⁴.

Во многом, расхождения итоговых показателей доли кузнецов в структуре ремесленного населения посада, определяются различной оценкой численности ремесленников занятых в кузнечном деле, особенно для 60-х годов XVI в. Приведем эти расхождения в виде таблицы.

Таблица 39.

Автор	Занято обработкой железа					
	1567 г.			1597 г.		
	всего	из них:		всего	из них:	
		кузне- цов	МОЛОТ- ников		кузне- цов	МОЛОТ- ников
Н. Д. Чечулин	--	--	--	119	34	66
С. В. Бахрушин	299	71	47	116	34	66
М. Н. Тихомиров	124	71	47	143	34	66
П. А. Колесников*	169	77	57	133	39	68
Е. И. Заозерская	143	79	61	118	39	66
К. Н. Сербина**	149	75	47	112	34	66

Источники: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 75-76; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1951. Т. 1. С. 62; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 211-212; Колесников П. А. Устюжна Железопольская по материалам описания 1567 и 1597 гг. // Города феодальной России. М., 1966. С.148. Табл. 3; Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. С. 220-221; Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-западной России XVI - первой половины XIX в. М., 1971. Табл. 4. С. 32-33.

Примечание.

*- данные о количестве ремесленников занятых обработкой железа, взяты из статьи П. А. Колесникова "Устюжна Железопольская по материалам описания 1567 и 1597 гг." // Города феодальной России. М., 1966. С. 144 - 152. Они отличаются от данных приведенных в статье "Из истории металлургии Устюжно-Железопольского района в XVI - XVII вв.", опубликованной в 1961 г. в сборнике "Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России". М., 1961. С. 36. В первой статье сказано, что в 1567 г. всего 163 ремесленника Устюжны Железопольской были заняты обработкой железа, из них - 76 кузнецы и 55 молотники. В 1597 г., соответственно, всего 118 ремесленников, из них 39 кузнецов и 57 молотников.

** - в работе К. Н. Сербиной нет итоговых данных количества ремесленников занятых обработкой железа. Их число подсчитано по данным табл. 4.

Подробная оценка методики подсчета количества ремесленников Устюжны Железопольской, занятых обработкой железа, аргументы "за и против", высказаны

³⁵³ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. С. 220 - 221.

³⁵⁴ Там же. С. 221.

в работах Е. И. Заозерской и К. Н. Сербиной³⁵⁵. Не вдаваясь в подробный анализ, обратим внимание на два обстоятельства, которые в значительной мере меняют общие итоги подсчетов и, соответственно, оказывают влияние на выводы и оценки исследователей. Во-первых, вызывает сомнение позиция С. В. Бахрушина, который включил в число ремесленников занятых в 1567 г. обработкой железа, 213 дворов "молодых казаков и молотников"³⁵⁶. Во-вторых, неправомерно включение в число специалистов занятых в кузнечном деле 23 плотников, что делает М. Н. Тихомиров, говоря о распределении ремесленников Устюжны Железопольской в 1597 г.³⁵⁷. Но, даже исключив эти два случая, разница в подсчетах различных исследователей остается значительной. Она касается как общего количества, так и численности кузнецов и молотников, особенно для 1567 г. Тем не менее, для оценки общего уровня развития кузнечного дела и, что в данном случае более важно, его влияния на социально-экономическое развитие Устюжны Железопольской, эти разногласия и противоречия не имеют принципиального значения.

Данные о количестве кузниц на протяжении XVI и середины XVII вв. по Устюжне не сохранились. Они имеются только в описании 1626 г. Всего в Устюжне в конце первой четверти XVII в. было 34 действующих кузницы. Кроме этого 2 кузницы и 8 кузнечных мест числились пустыми.

В 1954 - 55 гг. группа научных сотрудников Артиллерийского исторического музея провела археологическую разведку в Устюжне. В ходе обследования, на территории 23 городских кварталов были обнаружены следы мест производства - большие угольные пятна, насыщенные кусками шлака, обломки керамических сопел и другие остатки железодельного производства. Сопоставление этих данных с материалами сотной 1626 г., другими источниками позволяет определить топографию посадского кузнечного производства Устюжны Железопольской в XVI - XVII вв.. Наиболее традиционно важными местами расположения кузниц в правобережной части города была Кузмодемьянская кузнечная слобода; два участка по реке Вороже - на левом берегу у устья и на правом берегу выше церкви Благовещения; участок на правом берегу реки Мологи выше от западной стены острога, за Дмитриевскими воротами. В Заречной части такие участки располагались как в Успенской, так и в Покровской чети. Особенно выделяются среди остальных остатки производства в бывшем Быковом конце Покровской чети. Здесь были обнаружены отходы железодельного производства состоящие из холмов угля и шлака, достигающие 3 - 3,5 м в высоту³⁵⁸.

Топография кузнечного ремесла конца первой четверти XVII в. Устюжны Железопольской представлена на рис. .

Размещение мастерских кузнецов в Устюжне Железопольской было не вполне традиционным. Как правило, кузницы, а вместе с ними и их владельцы находились на окраине посада на одной территории, обычно близко расположенной к реке. . "Та-

---

³⁵⁵ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. С. 219 - 221; Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность Северо-западной России XVI - первой половины XIX в. М., 1971. С. 32 - 33.

³⁵⁶ См. Бахрушин С. В. Указ соч. С. 62. В последующем, с мнением С. В. Бахрушина согласился только С. Г. Струмилин. См. Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. С. 23.

³⁵⁷ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 212.

³⁵⁸ Максименков Г. А., Хлопин И. Н. Археологические разведки в Устюжне и прилегающих районах. // Советская археология. 1958. № 4. С. 187 - 193.

кое положение как в Устюжне в начале XVII в., когда кузницы находились в трех местах - на посаде, за рекой Мологой и на реке Вороже, было исключением из правил, довольно строго выдерживавшихся"³⁵⁹.

Кузницы были разбросаны по всей территории города. 3 кузницы находились за Дмитриевскими воротами, на берегу Мологи или Ижины; 13 - в пределах острога, из них 10 располагались по реке Вороже; 10 кузниц стояли в Заречной части: 6 - в Успенской слободке, а 4 - в Быковом конце³⁶⁰.

На восточной окраине города стояла кузнечная Кузмодемьянская слободка. В ней, из 12 дворов 7 дворов принадлежали кузнецам, 3 двора молотникам, 1 двор котельнику и 1 двор числился за вдовой. Здесь же, стояли 8 кузниц. Они располагались в непосредственной близости от дворов кузнецов, как правило, "против двора" или "перед вороты", видимо, на берегу реки Мологи. К моменту описания слободка в производственном отношении изрядно запустела. Здесь числилось 1 пустая кузница и 5 пустых кузнечных мест³⁶¹.

Всего в Устюжне Железопольской на 1626 г. было 2 пустые кузницы и 8 кузнечных мест. Причина запустения ряда из них указывается в описании. Так, кузнецы Янка Болотов и Тренка Алексеев в 1616/17 г. сбежали жить в Кострому. В 1621/22 г. в Кострому ушел еще один кузнец - Дружинка Лукьянов. Кузнецы Ермолка Лопатин с детьми и Коноско Харитонов с сыном ушли жить в Весь Егонскую. С 1624 г. после отправки в Томский городок Вихорки Богомолова, стояла пустой и его кузница³⁶².

Последний случай запустения кузницы был вызван правительственным распоряжением и решением посадского мира, но не характерен в целом для правительственной политики в отношении кузнецов. Правительство старалось не допускать запустения не только дворов кузнецов как тяглых, но производственной базы, т. е. кузниц. Показательным в этом служит пример кузнеца Дружинка Лукьянова.

Летом 1622 г. таможенный и кабацкий голова Устюжны Железопольской Иван Григорьев обратился в Москву с просьбой решить вопрос о погашении долга в 12 руб. 19 алтын 3 деньги, который был за Дружинкой Лукьяновым. Причина долга была банальна - кузнец задолжал в местный кабак. По распоряжению кабацкого головы ему дали "питья" сначала на 8 руб. 15 алтын с деньгою, а позже "стойные целовальники" отпустили ему в долг "питья" на 4 руб. 4 алтына 2 деньги. Как писал И. Григорьев, "промыслом тот Дружинка и кузнечным мастерством был добр и потому де ему Дружинке в кабацком питье и верили". Но, кузнец "с Устюжны сшел безвестно" и долг не заплатил. После него на посаде остались "дворишко да кузница, да кузнечная всякая снасть и уголье и железо, а живеть в нем его отец". Поскольку, в оклад положен был Дружинко, кабацкий голова просил разрешить продать его имущество и за счет этого вернуть долг. Интересна реакция власти на все эти обстоятельства. В том случае, если Дружинка "на Устюжне в сыске", то долги необходимо было доправить на должностных лицах кабака. И только в том случае, когда кузнец "не в сыске" т. е. официально не принадлежит к посадской общине,

³⁵⁹ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. С. 228 - 229. В фрагменте приведенного текста явная опечатка - река Ворожа названа Вочей.

³⁶⁰ Сотная 1626 г. Л. 139об. - 142.

³⁶¹ Сотная 1626 г. Л. 103 - 108, 141 - 141об..

³⁶² Сотная 1626 г. Л. 140, 140об., 141, 141об.

кабацкому голове разрешали продать кузницу, кузнечную снасть, уголь и железо "тамошнею прямою ценою" посадским людям³⁶³.

Т. к. в сотной 1626 г. кузница числится пустой за Дружинкой Лукьяновым, то вывод напрашивается сам собой. Долг взыскали на кабацком голове и целовальниках, а кузницу сохранили за Дружинкой в надежде вернуть на посад не только тягльца, но и высококвалифицированного кузнеца. Тем более, что было известно и его новое место жительства - Кострома³⁶⁴.

Начиная с 1626 г. на посадских людей, владельцев кузниц, был положен оброк. Он составлял 4 и 6 денег с кузницы. По какому принципу определялся оброк неизвестно. По крайней мере имущественное положение владельца кузницы при определении размера оброка не имело значения. Так, Якушка Беляев, "лутчий человек", имущественный ценз которого был определен в 20 руб., платил столько же - 6 денег, что и средний человек Тимофей Бородин ("живот" 10 руб.) и большинство кузнецов молотчих людей, чей уровень доходов был в 4 раза ниже и составлял 5 руб.³⁶⁵.

Как правило, владельцем кузницы был сам кузнец. 3 человека владели двумя кузницами - Матюшка Кушников, Петрушка Терентьев и Павлик Клементьев³⁶⁶.

Ряд кузнецов не имели своей кузницы и вынуждены были постоянно работать по найму - например, Матюшка Иевлев, Томилко Некрасов, Омелка Семенов и др.³⁶⁷.

Нет данных и о размерах кузниц, их оборудовании за XVI - первую половину XVII вв. Но, поскольку на протяжении длительного времени технология кузнечного производства, инструментарий, ассортимент изделий менялся мало, эти параметры можно в целом отнести и к Устюжне. Наблюдения, сделанные Г. М. Белоцерковским и К. Н. Сербиной относительно размеров кузниц в Туле и на Тихвинском посаде, говорят, что в XVII в. размер кузниц был от 4 до 12 кв. сажен³⁶⁸. Характерным для устюженских кузниц было наличие 2 горнов, особенно начиная с первой четверти XVII в.

Данные табл. . позволяют говорить о высоком уровне и устойчивости кузнечного производства Устюжны Железопольской на протяжении XVI - первой половины XVII вв.

Таблица 40.

Специализация посадских кузнецов Устюжны Железопольской в XVI - начале XVIII вв.

Специальности	1567 г.		1597 г.		1626 г.		1702 г.	
	Всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Кузнецы	75	59,5	34	32,2	42	50,0	-	-
Молотники	47	37,3	66	62,4	38	45,2	6	3,1

³⁶³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 512об. - 514об.

³⁶⁴ Сотная 1626 г. Л. 141.

³⁶⁵ Сотная 1626 г. Л. 116 - 117, 119об., 121об., 127об., 142.

³⁶⁶ Сотная 1626 г. Л. 139об., 141об. В описании кузниц за Павликом Клементьевым числится одна кузница, но в описании его огорода их две - "да у нег ж на огороде кузница да избенка, да за чужим огородом кузница да угольница". См. Там же. Л. 110.

³⁶⁷ Не имел собственной кузницы и Гаврилка Безмин, но они были у его братьев Куземки и Онтипки Безминых. См. Сотная 1626 г. Л. 140.

³⁶⁸ Белоцерковский Г. М. Указ. соч. С. 101; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М-Л. 1951. С. 85.

Котельники	1	0,8	2	1,8	1	1,2	-	-
Подковники	1	0,8	-	-	-	-	-	-
Замочники	1	0,8	1	0,9	2	2,4	-	-
Гвоздочники	1	0,8	1	0,9	-	-	2	1,1
Сковородники	-	-	1	0,9	-	-	126	66,0
Укладники	-	-	1	0,9	-	-	18	9,4
Горшечники	-	-	-	-	-	-	28	14,7
Винтовочники	-	-	-	-	-	-	5	2,6
Железная мелочь	-	-	-	-	1	1,2	6	3,1
Итого	126	100	106	100	84	100	191	100

Источник: Сербина К. Н. Указ соч. Табл. 5. С. 34.

Доля кузнецов и молотников, специалистов высшей квалификации, готовых выполнить работу любой сложности, на протяжении этого времени составляет абсолютное большинство - более 90 % численности ремесленников занятых в металлообработке. Кузнецов, специализирующихся исключительно на изготовлении продукции хозяйственно-бытового назначения было не более 5,7 % (1597 г.). В 1567 г. их доля составляла 3,2 %, а в 1626 г. - 4,8 %.

В значительной степени, на уровень развития кузнечного дела и, прежде всего на объемы производства, ремесленников Устюжны Железопольской оказывали влияние традиции и уклад жизни средневекового города, которые были связаны с правилами противопожарной безопасности. Фактически кузнечное производство носило сезонный характер. В летний период резко ограничивалось применение огня в производственных и бытовых нуждах. Особенно тщательно стали смотреть за соблюдением этих норм местная администрация после строительства в городе крепости.

В 1624 г. посадские люди жаловались на то, что с 1619 г. воеводы «на Устюжне, в остроге и в слободах избы и мыльни и кузницы и солодовые овины летом печатают все и в кузнице де ковать и солодов на овинах сушить и крашенин красть и посадским людям новин белить во все лето заповедывают и и не велят и им де посадским людям во все летнее время в избном и баненном топлении ... а кузнецам в кузнечном промыслах ... от воевод и от приставов чинились убытки и продажи великие». До 1619 г. порядок был иным. В остроге «для береженья от огня летнею порою ... для хлебного печенья и холодных дней и для рожениц и для скорбных дней» топили избы и мыльни в урочные дни. За пределами острога и в слободах за рекой Мологой запрета на топление изб и бань не было вовсе. Ремесленники, чье производство было связано с огнем, в том числе и кузнецы, работали в летнее время «беспенно и заповеди в том не было», как в самом остроге, так и за его пределами. Посадские люди просили установить прежний порядок, на что и получили царскую грамоту. Им разрешалось топить на посаде в остроге «нынешним летом и впредь» избы и бани 2 раза в неделю «да и то свеликим бережением», а за острогом в слободах и в Кузмодемьянской улице - «без заповеди, как им доведетца». Ремесленникам вновь разрешалось работать «беспенно и без заповеди, чтоб им бес того промысла убытков никаких не было». Правда, не совсем понятно распространялось ли это разрешение на все кузницы и мастерские горожан, или только за пределами острога. Контроль за пожарной безопасностью возлагался на воеводу.

Он должен был следить чтобы во всех избах, банях, кузницах и солодовнях был запас воды «для пожарного времени». Тех, кто «оберегаться не учнет» воевода, смотря по вине, должен был чинить наказание, чтоб иным неповадно было ³⁶⁹.

Значительную часть ремесленников занятых в железообрабатывающей промышленности Устюжны Железопольской составляли молотники-наймиты. По данным Г. М. Белоцерковского, наиболее значимым по масштабам использования наемного труда, около 25 %, было кузнечное дело ³⁷⁰. Для Устюжны этот показатель был значительно выше. Среди посадских кузнецов группа молотников была довольно устойчивой и составляла - от 37,2 % до 62,5 %. В периоды выполнения массовых правительственных заказов потребность в "наймитах" - молотниках резко возрастала. Поэтому, Устюжна Железопольская была местом, где искали работу малоквалифицированные кузнецы из других мест, в частности из Тихвина. По мнению К. Н. Сербиной, на протяжении всего XVII в. из Тихвина шел постоянный отток рабочей силы в Устюжну Железопольскую ³⁷¹.

Иногда наемных молотников не хватало. Так, в период строительства острога в 1632-33 гг. кузнецы в своих челобитных постоянно жаловались на то, что молотников мало, а наемная плата выросла. Спрос на рабочие руки, особенно в периоды крупных государственных заказов, с середины XVII в. при работе на рынок, всегда превышал предложение ³⁷².

Рассматривая вопрос о перерастании мелкого производства в более крупное и роли и значении в этом процессе наемного труда, Е. И. Заозерская пришла к выводу о том, что даже в городе, где было сконцентрированы железоделательные промыслы, и даже в таком крупном центре как Устюжна Железопольская, уровень доходности кузнечного ремесла был незначителен, как и материальное положение самих кузнецов, что и определяло степень распространения наемного труда. Этому не способствовал и семейный характер труда. В сотных XVI в. часто в одном дворе по два и даже три человека, обычно братья, которым дается общая профессия - "кузнецы". Тем не менее во второй половине XVI в. в Устюжне наблюдается рост численности молотников, особенно их доли по отношению к кузнецам. Обратим внимание только на то, что это устюженцы-дворовладельцы, тяглые посадские люди. Все остальные наемные люди - молотники, казаки, из близлежащих деревень, слободские, тем более из других мест и городов, в описание не могли попасть. Но, важнее другое, по другим центрам кузнечного производства XVI в., даже таким крупным как Новгород и Москва, сведения о молотниках отсутствуют ³⁷³.

"Особое в этом отношении положение в Устюжне объясняется тем, что уже во второй половине XVI в., при выполнении заказов на такие изделия, как пищали и ядра к ним, необходима была вспомогательная рабочая сила именно молотобойцев". В первой трети XVII в. их требовалось в 1,5 - 2 раза больше чем кузнецов, молотники работали, обычно, по сменам. Молотники нанимались кузнецами по ме-

³⁶⁹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 641об.-645об.

³⁷⁰ Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI - XVII вв. Киев, 1915. С. 109.

³⁷¹ Сербина К. Н. Очерки по социально-экономической истории русского города. М-Л. 1951. С. 114, 121, 128, 129.

³⁷² См. Волков М. Я. Города Европейской России во второй половине XVII - начале XVIII в. // Город и горожане в России в XVII - первой половине XIX в. М., 1991. С. 40, 41.

³⁷³ Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 233 - 235; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI - XVIII вв. М - Л., 1951. С. 87.

ре необходимости, в количестве необходимом для выполнения заказа. Труд молотника, как и кузнеца, оплачивал заказчик - казна, а кузнец выполнял функции посредника при найме на конкретную работу. И последнее. Устойчивое существование данной категории наемных рабочих в составе тяглого посадского населения говорит об устойчивом спросе на наемный труд, что было результатом постоянного объема работы как на государство, так и на рынок.

В XVI в. в железодобывающей и железообрабатывающей промышленности Русского государства наблюдается углубление процесса общественного разделения труда между городом и деревней. Добыча и первичная переработка железной руды происходит в деревне, а обработка железа и изготовление товарной продукции, концентрируется преимущественно в городе ³⁷⁴. Данное углубление в разделении труда способствовало формированию устойчивых рыночных связей, иногда выходящих далеко за пределы местного рынка, росту товарности железоделательного производства.

Особенно интенсивно шел этот процесс в Устюжно-Железопольском районе. С. В. Бахрушин пишет, что железную руду в Устюженском уезде, "как и в Новгородской области, разрабатывали крестьяне, снабжавшие ею городские кузницы" ³⁷⁵.

Уже во второй половине XVI в. посадская кузнечная промышленность работала на ввозимом в Устюжну сырье и полуфабрикатах ³⁷⁶. Более того, обстоятельный анализ развития крестьянской железообрабатывающей промышленности Устюжно-Железопольского района позволил К. Н. Сербиной сделать вывод не только о том, что поставщиками криц были уездные крестьяне, но и о том, что "от количества доставляемых ими криц и угля зависели, с одной стороны, цены на них, а с другой - та или иная возможность выполнения заказов, даже правительственных" ³⁷⁷.

Это обстоятельство знали и учитывали при правительственных заказах государственные чиновники. В 1629 г., один из них писал в Москву: "зимой ковать ядра будет дешевле, потому что отовсель повезут крицы железо издалека из Белозерского уезду и из Новгородского уезду. Деревенские крестьяне и уголье так же везут по дороге. А у деревенских, государь, крестьян крица, железа и уголья купить дешевле на торгу и твоей, государевой, казне будет прибыльнее, как нынче зимою ковать ядра, потому что всему вольный торг" ³⁷⁸.

Крестьянский железодобывающий промысел носил сезонный характер. Как правило, железную руду "копали" в августе начале сентября. Выкопанную руду переносили на высокое сухое место и оставляли месяца на два проветриваться и просыхать. В октябре-ноябре железную руду обжигали на кострах, в результате чего ее количество уменьшалось в 4 раза. Обоженную руду свозили в места плавки, к дом-

³⁷⁴ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. С. 204 - 215.

³⁷⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1951. Т. 1. С. 61. В XVI в. в Новгороде насчитывалось 237 ремесленников 23 профессий, занятых обработкой железа. Их снабжали сырьем крестьяне-домники Водской пятины. См. Арциховский А. В. Новгородские ремесла. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. Новгород 1939. С. 3.

³⁷⁶ На протяжении XVI - XVII вв. в материалах описания Устюжны Железопольской не зафиксированы домники. В сотной 1567 г. упоминаются всего 2 угольщика, а в 1597 г. - 12 угольщиков, которые никак не могли обеспечить работу посадских ремесленников занятых в железообрабатывающей промышленности

³⁷⁷ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 19-20.

³⁷⁸ Никитин А. В. Указ. соч. С. 29. РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 333.

ницам. С января по апрель руду плавил в горнах с одним или двумя кузнечными мехами. Плавка длилась 4 - 5 часов. В результате получали крицу, ее вес зависел от размеров горна. Эта технология переработки болотной руды мало чем отличалась друг от друга в разных районах страны. Особенностью Устюжно-Железопольского района было распространение большого горна. Производительность одного горна в сезон, по подсчетам К. Н. Сербиной, составляла 288 криц, а ее вес - 20 - 25 фунтов³⁷⁹.

Крестьянский доменный промысел был распространенным явлением. Со временем, он стал важной частью доходов как крестьянского, так и помещного и вотчинного хозяйства. Подтверждением развитости железнорудного промысла среди крестьян Устюженского края в конце первой трети XVII в. служит наличие большого числа, особенно в крупном вотчинном хозяйстве, непашенных бобылей.

Добычей и первичной переработкой железной руды традиционно занимались крестьяне местных монастыри. В жалованной грамоте Модинскому монастырю монастырские власти освобождались от податей с домниц - «Да у них же в их монастырском лесу на их земле домницы железные, и они ... з домниц горнового не дают ничего»³⁸⁰.

Основная масса продаваемых крестьянами на рынке криц, проходила только первичную обработку. Иногда, крестьяне "нанимали" городских кузнецов для отковки криц, видимо для того, чтобы продавать их за пределы Устюжны. Для этого требовалась дополнительная обработка. Крицу подвергали перековке в ходе которой из нее удалялся шлак, превращая ее в "опарошное" или "обжатое" железо. При этом переделе значительно повышалось содержание железа, но сохранялась только треть первоначального веса крицы.

Сохранившиеся таможенные книги Устюжны Железопольской позволяют установить географию сырьевой базы посадской кузнечной промышленности.

Таблица 41.

Торговля кричным железом в Устюжье Железопольской в первой половине XVI в.

Скупщики*	Количество привезенных криц					
	1627 г.(фев.-авг.)		1629/30 г.		1638/39 г.	
	всего	%	всего	%	всего	%
Посадские люди	4016	32,1	8197	27,7	5098	36,9
Крестьяне	8505	67,9	21438	72,3	8720	63,1
Из них:						
Белозерского уезда	4183	33,4	10435	35,2	2600	18,8
Устюженского края	3932	31,4	9953	33,6	5925	42,9
Новгородского уезда	390	3,1	1050	3,5	195	1,4
Итого	12521	100	29635	100	13818	100

Источник: Сперанский А. Н. Торговля Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. Табл. 17. С. 169; Сербина К. Н. Крестьянская .... С. 21 - 22.

Примечание:

А. Н. Сперанский в табл. 17 дает общее число устюженцев, объединяя посадских и уездных людей в одной графе. К. Н. Сербина разделяет их, но как и А. Н. Сперанский, крестьян Понизовской и Хрипелевской волости (приселок Железная Дубровка) бывшего Устюженского уезда, где добывалась и переплавлялась большая часть железной руды, считает угличскими. Исходя из особенностей административно-территориального

³⁷⁹ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 53, 54.

³⁸⁰ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 5об.-6.

развития Устюженского уезда, все крестьяне, отнесенные К. Н. Сербиной к числу угличских, в таблице указаны в составе крестьян Устюженского края.

Самые значительные поставки криц шли из Белозерского уезда - по количеству явленных криц около трети. Из Углицкого уезда зафиксированы 27 явок на 6699 криц, что составляло около 25 % от общего числа³⁸¹. Они были предъявлены крестьянами Понизовской волости (деревни Шалоцкая Вершина и Ванско) и Железной Дубровки. Говорить о том, что в Углицком уезде был распространен железорудный промысел, как считает Е. И. Заозерская, нельзя³⁸². Реально, это были крестьяне бывшего Устюженского уезда, который в 1620-е годы был отписан в состав Угличского уезда. Так что, все явки крицы, зафиксированные в таможенной книге за "устюжанами", были привезены городскими жителями, а за "угличанами" - крестьянами бывшего Устюженского уезда. Незначительные поставки шли из Новгородского уезда - 4 явки в 540 криц.

Значительная часть ввозимого в Устюжну сырья и полуфабрикатов приходилось на горожан - посадских кузнецов и скупщиков, крестьян монастырской слободки. Анализ материалов таможенной книги 1629/30 г. позволяет установить характер взаимоотношений городских кузнецов с деревенскими домниками, уровень разделения труда и роль посредников-скупщиков в развитии городского кузнечного производства.

Таблица 42.

Ввоз криц горожанами Устюжны Железопольской в 1629/30 г.

Продавцы	Человек	Число явок по числу криц					Всего криц
		всего	до 50	50-100	101-200	св.200	
"Устюжане"- кузнецы	16	20	1	6	9	4	3220
"Устюжане"	29	50	2	24	16	7	5276
Крестьяне монастырской слободы	9	25	-	9	10	6	1149
Итого	54	95	3	39	35	17	11455

Источник: Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970. Табл.23. С. 263.

По подсчетам Е. И. Заозерской, из общего числа 222 явок за год криц на долю "устюжан", т. е. горожан, приходится 95, или почти 43 % от общего числа зарегистрированных явок криц. Покупали устюженцы крицы в традиционно близлежащих местах добычи и плавки железной руды. Большая их часть покупалась для дальнейшей перепродажи. Только четверть кузнецов обеспечивала себя сырьем, а остальные три четверти покупали железо на торгу у других поставщиков. Скупка криц и перепродажа их посадским кузнецам, по крайней мере, в первой половине XVII в., находилась в руках местных посадских и деревенских скупщиков. Среди них выделяется большая группа крупных скупщиков, как из числа посадских людей, так и из слободских людей. Среди них - Василий Чернавин, Никита Быков, Осип Андреев, совершившие от 4 до 6 поездок и закупившие от 300 до 440 криц.

³⁸¹ Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 259 - 261.

³⁸² Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 265. В самом Угличе кузнецы использовали тихвинский уклад.

Наибольшую активность в этот год проявил Обросим Давыдов, сделавший 12 поездов. Он привез 1049 криц, что составляло 20 % покупок "устюжан"³⁸³.

Особенностью Устюжно-Железопольского района было почти полное отсутствие иногородних скупщиков. Скупка и продажа железа и железных изделий была в руках посадских людей, отчасти у уездных крестьян³⁸⁴.

Довольно распространенным явлением были заказы на изготовление определенной партии товара при их полном или частичном предварительном финансировании. Как правило, за такого рода сделками стояла фигура скупщика. Источники об этом говорят довольно лаконично. Единственный, пожалуй, круг документов, в котором нашли отражение подобного рода отношения, являются судебные иски кредиторов-скупщиков о возврате денег или предварительно оплаченного товара.

Так, в декабре 1614 г. крестьянин дворцового села Хрипелево Михалко Иванов искал на посадских кузнецах Семейке Болотове и Ондрюшке Кузнеце и их поручителях соответственно 14 рублей, которые он ему отдал на ковку 200 полиц цренных и 7 рублей с полтиной недоплаченных денег за поставленное железо. В жалобе отчетливо видна и причина иска М. Иванова - кузнецы нанесли ему «убытки в бесторжище и беспромыслице, что деньги залежались в железе»³⁸⁵.

В апреле 1616 г. посадский человек Ивашко Давыдов заказал у крестьянина из дер. Лентьево Варламка Иванова 1000 «полиц црельных» железа и дал ему задаток в размере 30 рублей. Однако ни полиц, ни денег И. Давыдов не получил³⁸⁶. Интересна фигура этого крестьянина. Он принадлежал Д. В. Лодыгину и, видимо, был крупным скупщиком долгое время работавшим на рынке. В 1624 г. Варламко Иванов жаловался на посадских людей Кирилка Степанова, Родионка Осетрова и Ваську Турулю, что они не доковали ему «20 юфтей гвоздья двоетесново и однетесново ... а гвоздья де юфть по 2 рубли». Общий размер ущерба в иске оценен В. Ивановым в 70 рублей³⁸⁷.

Скорее всего скупщиками были Мосейко Гаврилов, крестьянин князя Сулешева и Первушка Савельев, крестьянин И. Наумова. М. Гаврилов в 1621 г. заказал посадским людям Павлику Клементьеву, Олешке Степанову и Ваське Хватову 400 сковород и выплатил 37 руб. 50 коп.³⁸⁸ П. Савельев в январе 1623 г. дал посадскому человеку Гаврилке Ондрееву сыну Кузнеца за товар 24 руб. с полтиною, «а ковать было ему за те деньги сошники и присошки»³⁸⁹.

Фигура скупщика на местном рынке в начале XVII в. была достаточно распространенным и устойчивым явлением. Об этом свидетельствует примерно одинаковые размеры предварительной оплаты заказа, в частности за сковороды. В октябре 1621 г. посадский человек Богданка Иванов искал свои деньги 36 руб. на посадских людях Стафейке и Федьке Федоровых, которые заплатил за 400 сковород,

³⁸³ Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 262 - 264.

³⁸⁴ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 63, 64. Табл. 7. При классификации покупателей и мест покупки, которые приводит К. Н. Сербина за первую половину XVII в., важно иметь в виду, что Устюжно-Железопольский и Угличский уезд фактически одно и то же. В 1620-е годы территория Устюжно-Железопольского уезда, крестьянство которого было традиционно поставщиком криц и угля в Устюжну, была отписана к Угличу.

³⁸⁵ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 195об.-197об.

³⁸⁶ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 288об.

³⁸⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. Л. 714об.-716.

³⁸⁸ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 409об.

³⁸⁹ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л.451, 451об.

но товар в назначенный срок не получил. В этот же год, М. Гаврилов заплатил вперед за 400 сковород трем посадским кузнецам 37 руб. 50 коп.³⁹⁰.

Договор предполагал не только предварительную оплату но и сроки выполнения заказа, которые, видимо, определял скупщик. В октябре 1624 г. посадские люди Стахейка да Федька дети Поповы дали посадскому сковородному кузнецу Матюшке Кушникову 8 руб. с полтиной, чтобы он сковал 100 «сковород твердых». По условиям договора заказ должен был быть выполнен с 9 октября по 19 ноября 1624 г.³⁹¹.

Очевиден был и экономический мотив появления договора на изготовление партии товара с предварительной оплатой труда. По наблюдениям К. Н. Сербиной прямая прибыль скупщика от такой сделки составляла 25 - 30 %.

В начале XVII в. как у посадских людей, так и у крестьян Устюженского уезда в распоряжении находились значительные торговые капиталы. В 1613 г. устюженец Булатко Игнатьев искал на посадском человеке Богдашке Милютине перед земскими целовальниками 120 рублей с полтиною, а в 1617 г. Ивашка Белозер занял 90 руб. на мирские расходы земскому старосте Нечайку Иванову³⁹².

Часть прибыли скупщики использовали, видимо, в роли ростовщического капитала. Так, в 1617 г. крестьянин князей Сулешевых Тараско Григорьев сын Пестов занял «в торговлю» посадским людям Куземке Петрову, вдове Федорке Ивановой жене Пастухова и ее сыну Омелянку Иванову 31 руб. под 50% прибыли³⁹³. В этот же год, посадские люди Сенька Чудаков, Ивашка Черков, Кирилка Коротаев, Мишка Коняхин с братом Юркою и Гришка Леонтьев заняли у Васьки Захарьева, крестьянина стольника Л. Ф. Плещеева, 40 руб. 50 коп. денег. Для чего они занимали деньги неизвестно, в иске В. Захарьева это не указано. Но, на наш взгляд, такой форме коллективного займа трудно найти объяснение как не в области кооперации производственной или торговой деятельности³⁹⁴.

Кроме криц, устюженские кузнецы перерабатывали и уклад. В основном, он поступал из Тихвина. Явки купленного устюженскими посадскими людьми и уездными крестьянами уклада можно обнаружить в тихвинских таможенных книгах на протяжении всего XVII в. Устюженцы покупали уклад как местного производства, так и олонецкий уклад, привозимый в Тихвин местным скупщиками.

Устюженские городские скупщики уклада приезжали в Тихвин с мелочным товаром и покупали уклад после продажи готовых изделий, либо с "явленными" деньгами. Часто, особенно в первой половине XVII в., они не ограничивались покупкой уклада на рынке, а делали заказы тихвинским "укладным" кузнецам на выковку для них определенного количества уклада. Эти заказы были не только регулярны. Видимо, они сформировались в устойчивые торгово-промышленные связи между отдельными устюженскими скупщиками и тихвинскими кузнецами. Так, в 1637 г., устюженский посадский человек Яким Петров сделал заказ тихвинским кузнецам Ивану Окулову и Ивану Чаплину на 3000 укладов, дав за них вперед 30 руб. 50 коп. В 1638 г. Яким Петров заказал этим же кузнецам 5000 укладов, предва-

³⁹⁰ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 409об., 437, 437об

³⁹¹ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 708об.-710об.

³⁹² РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 103, 103об., 409об.

³⁹³ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 312-313об.

³⁹⁴ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л.414.

рительно заплатив за них 46 руб. Ивану Окулову и Ивану Чаплину делали заказ и другие устюженские посадские люди³⁹⁵.

Предварительная оплата заказа была экономически выгодна скупщикам. По сравнению с готовым укладом На тихвинском рынке 1000 укладов местного производства стоил 10 - 12 руб., а устюженские скупщики, заказывая уклад, платили за 1000 укладов 8 - 9 руб. Экономия была очевидна, прибыль от каждой сделки составляла от 25 до 30 %³⁹⁶.

Часть крестьянских железнодобывающих промыслов со временем перерастала границы доменного производства. Этому способствовали формирование и дальнейшее развитие рынка и товарно-денежных отношений. Так, в 1623 г. посадские люди писали в своей челобитной о том, что крестьяне владеют на посаде кузницами, которые "в наем отдают"³⁹⁷. Некоторые уездные крестьяне, которые жили "от Устюжны версты по 2 и по 3, и по 5, и по 6", отдавали ковать крицы, "наймуя", устюженских кузнецов"³⁹⁸.

Тесная экономическая связь между городом и деревней не ограничивалась только сферой разделения труда в области железнодобывающей и железообрабатывающей промышленности. Уездные крестьяне владели на посаде дворами и огородами, торгово-промышленными объектами - лавками и кузницами, оброчными посадскими земельными угодьями. Их доля, особенно в XVI в., была достаточно высока. По данным сотной 1567 г., 118 человек, которые владели лавками на посаде и земельными угодьями, не числятся в числе дворовладельцев³⁹⁹, что составляет, по крайней мере, более 12 % от их общего числа⁴⁰⁰.

По подсчетам К. Н. Сербиной, в 1626 г. более 16 % всех посадских лавок принадлежали 17 крестьянам., причем одному из них - Андрею Вороне принадлежали 3 лавки, а Ивану Папинскому - 2 лавки⁴⁰¹.

На протяжении XVI - XVII вв. Устюжна Железопольская была заметным торговым центром Русского государства. Ее значение определялось тем, что она стояла на прямой старинной торговой дороге "к шведскому рубежу". Город находился на стыке трех крупнейших исторически сложившихся экономических районов Русской земли - Замосковского края, Поморья и Новгородской земли, что еще больше усиливало его значение как центра транзитной торговли. Через Устюжну шла торговля Белозерья, Вологды, Городецка, Мологи, Романова и Углича с Приладожьем и Новгородом⁴⁰².

³⁹⁵ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 23-24.

³⁹⁶ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 24. Со второй половины XVII в., всю оптовую торговлю укладом на тихвинском рынке, сосредоточивают в своих руках местные скупщики, перепродавая его иногородним торговым людям или поставляя в другие города, в том числе и в Устюжну Железопольскую.

³⁹⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 90-90об.

³⁹⁸ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1951. Т. 1. С. 61.

³⁹⁹ Колесников П. А. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // Города феодальной России. М. 1966. С. 152.

⁴⁰⁰ Поземельных отношениях посадского и уездного населения подробно рассмотрены в 3 главе данной работы.

⁴⁰¹ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 13.

⁴⁰² Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI - XVII вв. СПб., 1901. С. 24, 25, 31, 47, 48. Сперанский А. Н. Указ. соч. С. 152 - 153.

Устюжна находилась в центре старинных торговых путей из центра в Северную Европу и Поморье ⁴⁰³.

Устюженская и Весьегонская уставные таможенные грамоты, устюженские таможенные книги первой половины XVII в. позволяют определить географию торговых связей Устюжны Железопольской в XVI - XVII вв. ⁴⁰⁴. См. Рис. .

Среди торговых людей проезжающих через Устюжну во второй четверти XVII в. в таможенных книгах отмечены представители 22 городов и территорий. На западе торговые связи простирались до Новгорода, Ладоги и Олонца, на севере - до Каргополя, на востоке - до Нижнего Новгорода и Казани, а на юге - до Москвы. Торговые люди большей части городов имели устойчивые торговые связи с самой Устюжной. Они либо покупали здесь товар, либо продавали часть своего. Купцы 16 городов осуществили явку денег на покупку товара в Устюжне. Постоянными участниками устюженского торгога были белозерцы, вологжане и угличане. Но, ведущее место сохранялось за местным посадским населением ⁴⁰⁵.

Таможенные книги позволяют рассмотреть не только географию распространения торговых связей Устюжны Железопольской, но и ассортимент товарной продукции. Остановимся на товарах которые привозились в Устюжну как устюженцами, так и постоянными иногородними торговыми людьми. Рассматривая явленные товары на таможне, можно выделить несколько их групп. Устюженцы, занимавшие в торговле ведущее место - более 50 % объема торгога, привозили практически весь ассортимент товаров. На первом месте по объемам стояли предметы хозяйственного назначения и потребления - одежда, обувь, портновский приклад, пряности, цветные металлы и т. д. Второе место по количеству явок принадлежит крицам. На третьем месте - рыба, а на четвертом - продукты сельского хозяйства и охоты.

У белозерских и вологодских торговых людей наблюдается резко выраженный круг товаров и даже специализация. Так, белозерцы, в основном, торговали солью, рыбой и крицами, а вологжане - почти исключительно солью ⁴⁰⁶.

Крупным торгово-ремесленным центром на реке Мологе в XVI в. было село Весь Егонская, принадлежавшее Симонову монастырю. Ее значение во многом определялось тем, что здесь располагались торг и таможня. В Весь Егонскую на яр-

---

⁴⁰³В середине XVII в.(1642 г.) «Из-за рубежа крестьяне ездят с товаром на Русь старую прямою дорогою, от Орешка Ладоским озером на Сяское устье, от Ладоги за 20 верст, а Новгород от Ладоги в сторону вверх Волхова реки 200 верст, и Сясью и Тихвиной реками приезжают к Тихвину, а с Тихвины ездят к Москве и по городом, на Устюжну, в Кашин, В Димитров». Новгородские таможенные власти попытались направить торговый поток по новому пути - через Новгород. Прямая выгода - пошлины. В Новгороде проезжую пошлину брали 25 копеек, а по старому пути - в половину меньше, по 3 копейки в 4 городах. Били челом государю и называли «прямую дорогу залешей, а та де дорога из-за рубежа к Москве старинная прямая, а не объезжая, от Ладожского озера до Москвы 550 верст, а через Новгород до Москвы 760 верст». См. ААЭ. Т.3. № 314. С. 461.

⁴⁰⁴ На основании 3 таможенных книг А. Н. Сперанским составлены 25 сводных таблиц, дающих полное представление о торговых связях, ассортименте товаров, участии устюженцев и иногородних торговых людей в развитии рынка Устюжны Железопольской. См. Сперанский А. Н. Торговля Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 151 - 180.

⁴⁰⁵ Сперанский А. Н. Указ. соч. Табл. 1 - 3. С. 157 - 159.

⁴⁰⁶ Сперанский А. Н. Указ. соч. Табл. 4 - 7. С. 161 - 163. По мнению А. Н. Сперанского, наиболее близким к устюженскому по структуре товаров, был торг угличан, хотя и в значительно меньших размерах. Однако, "угличане" это формальный признак за которым стоят крестьяне бывшего Устюженского уезда, нередко проживающие в непосредственной близости от Устюжны.

марку "о Петрово заговенье" съезжались торговые люди и скупщики "со всяким товаром" не только из близлежащей округе, но и из Москвы, Великого Новгорода, Пскова, Твери, Костромы, Рязани, Углича, Ярославля и других городов ⁴⁰⁷.

В целом, постоянные государственные заказы, широкое использование наемной рабочей силы, ориентация исключительно на полуфабрикаты поставляемые деревенскими домниками и кузнецами и отсутствие узкой специализации в производстве продукции хозяйственно-бытового назначения определили общий уровень кузнечного ремесла Устюжны Железопольской в XVI - первой половине XVII вв.

К середине XVII в., когда кузнецы Устюжны Железопольской, в основном, перешли от выполнения военных заказов правительства к производству на рынок, произошло изменение как ассортимента готовых изделий, так и специализации кузнецов в изготовлении отдельных хозяйственно-бытовых товаров ⁴⁰⁸. В конце XVII - начале XVIII вв. абсолютное большинство кузнецов - 94,2 %, ограничивалось изготовлением одного вида хозяйственно-бытовой продукции, а посад специализировался, в основном, на производстве сковород. 128 кузнецов или 67 %, занимались этим железоделательным промыслом. См. Табл. .

Этот процесс затронул не только посадское кузнечное ремесло. Уже в начале XVII в. в деревнях Устюжно-Железопольского района наблюдается разделение труда в железоделательной крестьянской промышленности. Одни крестьяне, большая их часть, "дмут крицы", т. е. занималась добычей и плавкой железной руды, другие - делают "всякое расковочное кузло", При этом, в среде деревенских кузнецов, наблюдалась специализация отдельных деревень и волостей в выработке тех или иных железных изделий.. Крестьяне-домники были мелкими товаропроизводителями, они сами продавали свой товар - крицы, в Устюжне, либо на месте - скупщикам. Деревенские кузнецы, как правило, специализировались в производстве отдельных железных изделий. Они часто работали на заказ и находились в большей зависимости, чем домники, от посадских скупщиков, снабжавших их даже сырьем. Отчетливые очертания эти тенденции приобретают только к середине XVII в. ⁴⁰⁹.

К середине XVII в. основная продукция шла на рынок. Ее ассортимент можно увидеть на материалах Тихвина. В основном это были сохи, присохи и сковороды. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что активную роль в торговле готовыми изделиями начинает играть уездные крестьяне. В 1648 г. 34,7 % явок на Тихвинской таможене были сделаны устюженскими крестьянами. Ассортимент их товаров не отличался от товара посадские люди, хотя можно говорить о том, что среди деревенских скупщиков и ремесленников наблюдается специализация - большую часть товара составляли сохи и присохи. Начиная с 1648 г. и до конца XVII в., их доля, как правило, составляла более 50 % от общего числа ввозимых на Тихвинский посад ⁴¹⁰.

Таким образом, уровень экономического развития Устюжны Железопольской в XVI - первой половине XVII вв. определялся, в основном, уровнем развития кузнечного дела и был обусловлен характером и объемом производства и его свя-

⁴⁰⁷ ААЭ. Т.1 № 263. С. 291 - 297. Сербина К. Н. Указ. соч. С. 60, 61.

⁴⁰⁸ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 77, 78.

⁴⁰⁹ Сербина К. Н. Указ. соч. С. 57-59.

⁴¹⁰ Сербина К. Н. Указ. соч. Табл. 1-2. С. 16, 17.

зью с рынком. В то время, когда устюженским кузнецам приходилось выполнять крупные государственные заказы, концентрация и организация производства была максимальной. По существу, оптовый заказчик - государство, путем внеэкономического принуждения, на период выполнения заказа, выступало организатором работ, временно превращая посад своего рода государственную мастерскую, по своей организации приближающуюся к мануфактуре. При работе на рынок, железообрабатывающая промышленность Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. сохраняла мелкотоварный характер производства. Хотя наблюдается и отторжение части кузнецов от средств производства, и устойчивое существование такого явления, как найм рабочей силы.

QQQ

§ 2. Государственные заказы.

Устюжна Железопольская до середины XVII в. была одним из крупнейших центров производства огнестрельного оружия и боеприпасов в Русском государстве. Правда, письменных источников о производстве оружия, государственных заказах и их размерах до начала XVII в. сохранилось очень мало.

Массовое производство пушек было освоено устюженскими кузнецами не позднее конца XV в.⁴¹¹. В 1852 г., в земле, под одним из сараев Устюжны, было обнаружено 30 железокованных пищалей. По мнению Н. Е. Бранденбурга, крупнейшего историка русской артиллерии XIX в., "местное происхождение пищалей бесспорно". Они были произведены в конце XV - начале XVI вв. Такое количество собранных в одном месте орудий, по мнению специалистов, говорит о значительных по тому времени масштабах производства⁴¹².

Железокованные пищали, изготовленные в конце XV в. в Устюжне Железопольской, сохранились и Новгородском областном краеведческом музее⁴¹³.

С начала XVI в., как показал опыт ведения боевых действий, общий военно-стратегический успех был невозможен без мощного военно-инженерного и артиллерийского обеспечения. Перед правительством Василия III встала важная задача оснащения русской армии мощной артиллерией⁴¹⁴.

Видимо, с этого времени, правительство начинает регулярно использовать возможности посадских кузнецов в производстве огнестрельного оружия и боеприпасов. Это, в значительной степени, усилило специализацию кузнечного ремесла и превратило Устюжну Железопольскую в один из крупнейших центров производства оружия в Русском государстве XVI - XVII вв.

В конце XVI в. в городе существовала специальная "лавка посадских людей устюжан". Она была куплена посадом для "государевых запасов, а кладут в нее пи-

---

⁴¹¹ Появление артиллерии на Руси относят к концу XIV в. во время обороны 1382 г. Москвы от татар. По мнению А. П. Лебедеванской, это были железокованные орудия. См. Лебедеванская А. П. Очерки по истории пушечного производства в Московской Руси. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Т. 1. М., 1940. С. 58. К концу XIV в., к 1388 г., относится и наиболее раннее указание в литературе на начало производства в Устюжне Железопольской пушек. См. Струков Д. П. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. // Столетие военного министерства. Т. VI. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902. С. 26.

⁴¹² Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. С. 199.

⁴¹³ Яковцевский Б. М. Указ. соч. С. 129, 130.

⁴¹⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 94, 143, 144, 166, 263, и др.

щали да ядра и гвозди судовые, коли на государев обиход суды делают и всякие государевы запасы" ⁴¹⁵.

Правительство, крупные феодалы-вотчинники заказывали и покупали в Устюжне Железопольской не только оружие, но и крупные партии продукции хозяйственного назначения.

В 1592 г. по царскому указу на Устюжну был послан Иван Мельдяшев с наказом взять 10 тысяч судовых железных скоб, 300 гвоздей больших притяжных, 4700 гвоздей тесовых, 5 пудов прутowego железа и др. вещей ⁴¹⁶. Сам объем предполагаемых закупок говорит о возможностях рынка и потенциале кузнечного производства в Устюжне.

По государственной разрядке продукция устюженских кузнецов поступала и в другие регионы страны. В наказе данном в том же 1592 г. пелымскому воеводе П. И. Горчакову, сообщалось, что "с Устюжны прислано 5 пудов железа" на нужды сибирских городов ⁴¹⁷.

О том, что изготовление огнестрельного оружия было привычным делом для устюженцев и они выполняли большие по объему государственные заказы, говорят некоторые данные начала XVII в. В марте 1623 г. посадский человек посыльщик Михалко Семенов докладывал в Устюжской чети о том, что в государевом амбаре лежат 200 больших пушечных ядер, общим весом по смете в 400 пудов. От времени, помост под ядрами проломился и "ядрам от земли поруха". Местной администрации важно было знать, что с ними делать. В ходе разбирательства выяснилось, что точно никто уже и не знает, когда был выполнен этот заказ. По словам самого М. Семенова, он слышал, что ядра сковали при Лжедмитрие I к новгородскому наряду, а в амбар положили в 114 (1605/6) году за печатью А. Кокошина ⁴¹⁸.

Во время подготовки к защите от нападения поляков и казаков зимой 1608-1609 гг., устюженцы начали срочно "пушки и пищали ковати, такожде и ядра, и дроб, и подметные каракули, и копия и всякие хитрости ... не усыпающе день и ночь" ⁴¹⁹. То, что для защиты необходимо было оружие не вызывает сомнений. Крепости, а следовательно и наряда в Устюжне до этого времени не было. Важно другое, ковать пушки и ядра могли только квалифицированные, обладающие опытом подобной работы кузнецы. Сохранилась "роспись Устюжны Железопольские государева наряду и зелью и свинцу и всяким пушечным запасом" 1613 г. В ней учтено 47 железных пушек, 50 пищалей стрелецких и 947 ядер разного калибра местного производства ⁴²⁰.

Особенно интенсивно шли государственные заказы на производство пушек, самопалов и ядер в первые два десятилетия правления М. Ф. Романова. Первый крупный заказ новое правительство направило в Устюжну в конце 1613 г. В сентябре 1613 г. в город прибыл стрелецкий сотник Борис Торжеев. Ему предстояло выполнить государственный заказ - изготовить 300 самопалов определенного об-

⁴¹⁵ Сотня 1597 г. С.145.

⁴¹⁶ Бахрушин С. В. Научные труды. Т.1. 1952, С. 44..

⁴¹⁷ Миллер Г. История Сибири. Т. 1. М., 1937. С.350.

⁴¹⁸ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 533 - 534.

⁴¹⁹ Сказание о нашествии ... С. 185. // Устюжна - 2.

⁴²⁰ РГАДА. Ф. 137. Городовые книги Разрядного приказа 1613 - 1627 гг. Кн. № 1. Л. 79-82. Роспись в виде таблицы опубликована в 3 выпуске альманаха "Устюжна". См. Яковцевский Б. М. Пищали и самопалы Устюжны Железопольской. Приложение 3. С. 145-146. // Устюжна - III. .

разца - «з замки и с ложи, ствол б пядей с замки на свитское дело, ложи по жегульски»⁴²¹.

Б. Торжеев должен был договориться с посадскими кузнецами ковать пищали «дешевою устюженскою ценою» за «дело и за железо». По взаимному согласию, цену своей работы и сырья кузнецы определили в 60 алтын - 1 рубль 80 копеек за один самопал. По этой цене кузнецы к началу 1614 г. сделали 68 пищалей, но денег полностью за них не получили и отказались ковать остальные пищали. Воевода П. И. Загряжский выдал Б. Торжееву на оплату самопалов только 70 руб⁴²².

В помощь Б. Торжееву в феврале 1614 г. из Стрелецкого приказа в Устюжну послали стрелецкого сотника Александра Дурасова. Позже, в марте 1614 г., вместо Б. Торжеева, был прислан другой стрелецкий сотник Василий Лабутин⁴²³.

Вместе с В. Лабутиным, пришло новое распоряжение о том, чтобы кузнецам, которые делали пищали по 60 алтын, зачесть их по 1 рублю, "а за достальные деньги велеть им (кузнецам) доделывать пищали". По мнению правительства, "на Устюжне кузнецы воруют, не хотят нам служить, за пищали по 60 алтын имали", в то время как в Москве, где железо и уголь были дороже чем в Устюжне, готовая пищаль стоила 25 алтын (75 копеек), а в Туле - 20 алтын с гривною (70 копеек). Воеводе И. С. Урусову и сотнику В. Лабутину строго было наказано больше 1 рубля за пищаль не давать. Из них, 31 алтын (93 копейки) платить кузнецам за ствол с замком и 2 алтына 2 деньги (7 копеек) - станосникам за ложу. Ранее выплаченные кузнецам деньги, сверх 1 руб. за каждый самопал, было велено зачесть за новые самопалы. Кузнецы отказались от такой оплаты, мотивируя свое решение тем, что они не казенные, а посадские, тяглые, и отказались доделывать оставшиеся пищали⁴²⁴.

Тем не менее, 10 марта 1614 г., воевода выдал кузнецам очередные деньги на «пищальное дело» - 22 рубля, на 22 самопала из расчета новой цены. Кузнецы же поступили по своему. За эти деньги они сковали только 17, "а достальные 5 пищалей з замками не принесли». В. Лабутин хотел поставить кузнецов на правеж и послал по ним стрельца Ратманка Васильева. Но, видимо, такого рода производственные взаимоотношения были еще для посадский ремесленников непривычны. Кузнецы - "Милютка Свешников, Вихорко Богомоллов, Онтипко Михайлов, Гаврилко Ондреев, Морозко Михайлов, тово Ратманка били и пищалей не дали и наказу не послушали, на правеж не пошли». Более того, кузнецы «скопаясь ... со многими посадскими людьми» побили самого В. Лабутина, «подшибли глаз и однорядку ободрали». Не смотря на столь решительный отпор кузнецов, к ним были применены обычные для того времени меры. Об ослушниках написали в Устюжскую четверть и правительство распорядилось 2 - 3 человек прислать с приставом в Москву для разбирательства, а самопалы доделывать "наспех днем и ночью"⁴²⁵.

⁴²¹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 159об.

⁴²² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 124 - 124об.

⁴²³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 127об., 138об.

⁴²⁴ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 124, 132, 140, 140об. Л.148-150. Правительство в своих взаимоотношениях с посадскими кузнецами Устюжны Железопольской воспринимало их и применяло к ним те же методы, что и по отношению к казенным кузнецам. В одном из наказов воеводе на выполнение государственного заказа дьяк Устюжской четверти писал: "Вели делать казенными и посадскими тяглыми мастерами". См. Там же. Л. 140об.

⁴²⁵ РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л.131об. - 133.

Предпринятые правительством меры имели временный успех. В. Лабутину через некоторое время пришлось вновь применять силу и ставить кузнецов на правож. И снова, кузнецы - "Пронька Офонасьев сын Свечников с товарищи", как писал устюженский воевода И. С. Урусов в июне 1614 г., побили московского стрельца Паньку Сергеева, «к Василью не пошли и по ся место пищалей не куют». Правительству ничего не оставалось, как вновь потребовать от воеводы выбрать из кузнецов, которые отказываются работать на предложенных условиях, 2 лучших человек и с приставом прислать их в Москву ⁴²⁶.

Таким образом, с самого начала, во взаимоотношениях с посадскими кузнецами Устюжны Железопольской, правительство М. Ф. Романова при выполнении государственных заказов перешло к чисто феодальным методам, основу которых составляли не экономические, а прежде всего силовые формы давления и принуждения.

С этого времени, на протяжении первой половины XVII в. кузнецам Устюжны Железопольской приходилось регулярно выполнять государственные заказы по производству огнестрельного оружия, боеприпасов, саперного инструмента и т. д. Общие их размеры представлены в табл. .

Таблица 43.

**Государственные заказы кузнецам Устюжны Железопольской
в конце XVI - первой половине XVII вв.**

Год *	Пищали, штук	Ядра		Другие заказы
		количество	вес, пудов	
1613/14	300	-	-	-
1614/15	200	-	-	-
1615/16	200	-	-	-
1616/17	200	-	-	-
1617/18	50	-	-	-
1618/19	1000	-	-	-
1621/22	600	-	-	-
1622/23	200	-	-	-
1627/28	+**	12683	1647	-
1628/29	-	1750	1643	-
1629/30	-	55338	6280	9 решеток для ворот в Москве, отковали 2.
1630/31	-	85538	5352	3 000 пудов дроби
1631/32	-	338 500	более 25 000	1 000 лопат, 460 ломов, 200 кирок, 600 заступов
1632/33	-	336 500	26 400	10 000 рогулек
1633/34	-	104 000	7 851	410 кирок и ломов
1646/47	-	-	-	1 000 рогатин, 200 бердышей, 100 топоров
1666/67	-	-	-	900 000 гвоздей
1682/83	-	300 500	26 312	-

Источники: Колесников П. А. Из истории металлургии Устюжно-Железопольского района в XVI - XVII вв. С. 38. Табл. 2. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феода-

⁴²⁶ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 127об. - 128об.

лизма в России. М., 1961; Колесников П. А., Пугач И. В. Город кузнецов и оружейников. С. 113. Табл. 4, 5. // Устюжна - III. Вологда, 1995.

* - указан календарный год, он начинался в сентябре, а заканчивался в августе.

** - за этот год в источниках упоминается заказ на пушки - "волконейки", но количество неизвестно.

Обращает на себя определенная последовательность заказов. Первоначально, с 1613 по 1628 гг., правительство регулярно заказывало в Устюжне огнестрельное оружие - пушки и самопалы, а затем, с 1628 по 1634 гг. боеприпасы - ядра различных калибров и саперный инструмент. Начиная с 1634 г. заказы становятся эпизодическими, посадские кузнецы привлекаются к изготовлению оружия, боеприпасов и снаряжения все реже и реже. На наш взгляд, это динамика соответствует военно-стратегическим интересам государства, становления других центров оружейного дела, в первую очередь Тулы, и сложными, не смотря на всю мощь, взаимоотношениями государства с посадскими кузнецами Устюжны Железопольской.

Размеры государственных заказов устюженским кузнецам на изготовление пищалей и самопалов не уступали объемам заказов тульским оружейникам. Так, в 1614 г. в августе, тульские самопальные мастера получили распоряжение на изготовление 200 самопалов, в ноябре 1617 г. - 200 самопалов, в январе 1622 г. - 500 самопалов. В ряде случаев, государственные заказы казенным тульским кузнецам правительство отменяло. Например, в январе 1614 г. на 100 затинных пищалей, т. е. пушек. Причина отмены заказа неизвестна, возможно она заключалась в том, что тульские кузнецы специализировались в производстве ручного огнестрельного оружия - самопалов, а не пушек, технология изготовления которых была значительно сложнее⁴²⁷.

В конце зимы 1615 г. последовал новый заказ на изготовление 200 самопалов. Правительство изначально определило цену - не более 20 алтын с гривною (70 коп.). Но, предлагало воеводе ориентироваться в расходах на Тулу. Там цена за 1 самопал в это время составляла 22 алтына (66 коп.).

После того, как об этом стало известно устюженским кузнецам, они, "собрався", пришли к воеводе и "в тех самопалах отказали, что им самопалов по 22 алтына делать невозможно ... хлеб на Устюжне дорог, уезд весь запустел, уголья возить и железа дуть некому". У кузнецов уже был опыт - в 1613/14 г. они "делали самопалы и в том им учинились убытки великие".

Решение правительства было противоречивым. С одной стороны, оно обещало не посылать в Устюжну пристава, "чтобы кузнецам продажи не было", а воеводе предписывалось самопалы делать и записать "во что они кузнецам станут". С другой стороны, заплатить за каждый самопал по 22 алтына, а в случае волокиты, власти грозились прислать пристава и наложить на воеводу и посадских людей опалу⁴²⁸.

В течении всей весны воевода так и не смог добиться от посадских кузнецов результата. 30 мая 1615 г. в Устюжну к воеводе И. Б. Головачову и дьяку И. Дубровскому из Москвы пришла грозная грамота. На них возложили всю ответствен-

⁴²⁷ Яковцевский Б. М. Указ. соч. С. 132. В ряде случаев, государственные заказы казенным тульским кузнецам правительство отменяло, например в январе 1614 г. на 100 затинных пищалей, т. е. пушек. Причина отмены заказа неизвестна, возможно она заключалась в том, что тульские кузнецы специализировались в производстве самопалов, а не пушек.

⁴²⁸ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 176об. - 178об.

ность за невыполненный заказ - "вы то делаете дуростью". И напоминали, что если вовремя не будет выполнен заказ то "велим те самопалы доправить на вас и прогоны вдвое и быти от нас в великой опале"⁴²⁹.

Но, видимо, ситуация действительно была критической и воевода не мог на нее повлиять. В челобитной от 22 июня 1615 г. он писал о том, что «на Устюжне хлеб и железо дорого ныне и уезд весь запустел, железа не дмут, и уголья не жгут, и тех де самопалов в нынешнее скудное время по 20 алтын с гривною зделать не мочно, и от того де самопального дела кузнецы розбрелися розно, потому, что им тех самопалов по той цене делать невозможно. Только де осталось на Устюжне кузнецов всего 3 человека и те де достальные кузнецы сидят в тюрьме, а тех самопалов ныне правят на них, посадских людях». Столь катастрофическое положение привело к тому, что правительству пришлось отступить и повысить цену за 1 самопал до 30 алтын (90 коп.)⁴³⁰.

Со временем, правительство выработало определенный стереотип поведения во взаимоотношениях с посадскими кузнецами при выполнении государственных заказов. Основными аргументами с его стороны стали методы феодального принуждения. Так, в ноябре 1616 г. последовал новый заказ на изготовление 200 самопалов тех же размеров, что и ранее и по той же цене.. До середины марта к воеводе В. Л. Кафтыреву пришли 3 грамоты. Кузнецы, видимо, заказ не выполняли и поручных записей по себе не давали. Воевода поступил привычным образом - самопальных кузнецов посадил в тюрьму, что они без денег самопалы не куют, а на земских целовальниках велел править деньги на самопалы. Давление на посадских людей было, видимо, столь сильным, что они быстро собрали у себя 100 готовых самопалов и принесли воеводе и даже начали собирать деньги на остальные самопалы. Воевода отобрал 60 лучших самопалов, чтобы отправить их в Москву, а "худые выметал вон"⁴³¹.

Самый крупный из известных заказов на изготовление самопалов последовал в декабре 1618 г. Правительство заказало 1000 самопалов с "замки и с ложки против прежних самопалов как дельвали самопалы на Устюжне наперед сего, по 6 пядей ствол». Самопалы предстояло сделать "в мягком железе добром, чтоб тех самопалов не разорвало и не роздуло". Было оговорено еще одно условие. Если станут делать самопалы "в худом железе в крепком", то, который самопал разорвет или раздует, следует отдать кузнецам назад⁴³².

Как и прежде, вся ответственность за выполнение заказа качественно и в срок ложилась на воеводу. В этих условиях, воевода, как правило, собирал "устюжан посадских лутчих и средних людей и устюженских кузнецов, которым самопальное дело за обычей", расспрашивал их о ценах на железо, уголь, во что обойдется изготовление одного самопала и т. д. Кроме этого воевода выяснял сколько в городе кузнецов, "которые делают самопальное дело". Иногда, когда заказ был большим, воевода заказывал несколько экземпляров самопалов или пищалей «на образец» и вместе со сметой расходов отсылал их в Москву.

⁴²⁹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 171 - 171об.

⁴³⁰ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 172 - 173об.

⁴³¹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 234, 235, 250об., 261об.-262.

⁴³² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 293об. - 294об.

В данном случае, воеводе Ф. Г. Бутурлину предварительно необходимо было "на образец сделать 10 самопалов, а во что самопал в деле станет да тое смету и 10 самопалов ... написав им цену прислал к Москве, в Устюжскую четь к думному дьяку" ⁴³³. Как разворачивались события, точно неизвестно. Только 7 апреля 1619 г. воевода отправил в Москву устюженского стрельца Степанка Кузмина с пробными 10 самопалами. Исходя из цены, а воевода заплатил за них 13 рублей, по 1 руб. 10 алтын за самопал. Выполнение и этого заказа не обошлось без конфликта ⁴³⁴.

Постоянные конфликты, нежелание посадских кузнецов выполнять государственные заказы вопреки реальной экономической ситуации, вело к тому, что правительство все более детально регламентировало условия выполнения заказов.

В ноябре 1621 г. воеводе К. Б. Навалкину поступил новый заказ на оружие - 100 самопалов с замками по образцу, который прислали из Москвы. Самопалы должны быть лучше чем образец - «поглаже ... в стрельбе прочны и надежны ... сделаны в добром железе». В грамоте определялись и цены на отдельные работы, исходя из которых воевода и должен был уговориться с кузнецами. Так за ствол можно было платить от 35 до 40 копеек, но не более 50 копеек, за замок от 15 до 20 копеек, а за ложу от 3 до 4 копеек. Всего за самопал можно платить не более 75 копеек (25 алтын) ⁴³⁵.

Кузнецы, собранные воеводой, сказали, что им по 25 алтын за самопал взять невозможно, "наперед сего они имали за самопал по 40 алтын и по рублю, а по самой по меньшей цене по 30 алтын". В начале декабря 1621 г. воевода обо всем этом доложил в Москву. Правительство не только сохранили условия оплаты, по 25 алтын за самопал "так же как в наших иных городах делают", но и увеличили объем заказа до 500 штук. Кроме этого самопалы, которые испортятся при испытаниях кузнецы должны переделать без денег, а "для знатки", т. е. определения их изготовителя, кузнецов обязывали класть свои признаки на каждый самопал или деталь ⁴³⁶.

В начале 1622 г. воевода К. Б. Навалкин прислал в Москву первую партию самопалов - 100 штук. Результат оказался неудовлетворительным. Самопалы сделали хуже образца, и по мнению специалистов Стрелецкого приказа они не стоили и 25 алтын - "за такие было самопалы, что ты к нам прислал не довелось дати по 20 алтын за самопал". Однако, к прежним 100 самопалам, пришло распоряжение сделать еще 50, но если и они "таковы же худы" будут, за те самопалы деньги доправить на воеводе. Перед отправкой в Москву самопалы необходимо было испытать, стрелять из них в два заряда ⁴³⁷.

⁴³³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 291 - 293.

⁴³⁴ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 300, 348.

⁴³⁵ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 431 - 432. Смета расходов на 1 самопал выглядела так - "за те самопалы уговорился бы еси с кузнецы, а давал бы за ствол по 4 гривны или по 15 алтын, а по самой по большой цене по полтине ... а за замок по 5 алтын или по 2 гривны, а за ложу по алтыну или по 8 денег, и всего бы давати за самопал по 25 алтын".

⁴³⁶ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 428об. - 430об.

⁴³⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 402 - 403об. Данная ситуация повторялась довольно часто. 2 апреля 1623 г. воевода прислал с посадским целовальником Баженком Рыболовом очередную партию самопалов - 100 штук. Из Устюжской чети они были отосланы в Стрелецкий приказ на экспертизу. Изготовленные самопалы, видимо, не соответствовали присланному образцу. Воеводу обвинили в нерадении - "по посулам 100 самопалов сделал хуже образца". Их стоимость, по мнению дьяков Стрелецкого приказа, была не больше 20 алтын.

Новую партию самопалов кузнецы изготовили только к августу 1622 г. В Москве их качество вновь получило невысокую оценку, а воеводу обвиняли в том, что "те самопалы сделаны твоим нерадением, не по образцу". Не смотря на постоянные замечания по качеству выполнения заказов правительство не отказывалось от услуг посадских кузнецов Устюжны Железопольской. И в этом случае воевода получил новый очередной заказ на 200 самопалов. Сделать их надо было по новому образцу, "у замков у всех курки велено сделать с железными подъемы и станки очернить". Последнее условие - чернение станков вызвало затруднение у кузнецов, они не умели этого делать, о чем и сообщили воеводе ⁴³⁸.

Устюженские посадские и слободские кузнецы специализировались не только на производстве пушек и самопалов. В большей степени и с большим успехом, они ковали боеприпасы - ядра различных калибров для артиллерии "государева наряда".

В октябре 1629 г. воеводе А. С. Бедову пришла государева грамота - "зде-лать на Устюжне к новому наряду против 137 (1628/29) году 17500 ядер" общим ве-сом в 1647 пудов. Ядра предстояло ковать разных калибров, от 8 (3,2 кг) до 1 гри-венки (0,4 кг) ядро ⁴³⁹. В грамоте содержалась подробная инструкция действий вое-воды. Во-первых, "на Устюжне всех кузнецов и их учеников и наймитов перепис-ать" и взять на поруки "всех до одново человека" Во-вторых, выбрать из посад-ских "самых лутчих" людей 2-3 целовальников и привести их к крестному целова-нию в том, чтобы им "быть у нашего дела без отступка" и "за железною и за уголь-ною покупкою ходить и покупать с радением прямою ценою, а для своей корысти по свойству и по дружбе ни у кого железа и угля дорогою ценою не покупать". В-третьих, вести каждый день расход денег - которого числа, кому и на какой расход. И последнее. Всех тяглых кузнецов, которые сошли с посаду и живут по городам, монастырям, деревням и иным местам, "избегаючи тягла", собрать всех до одного человека и взяв на "крепкие поруки з записьми "в том нашем ядерном деле и в тяг-ле, что им вперед жить на Устюжне , с посадскими людьми тягло тянуть" ⁴⁴⁰.

В этой инструкции отчетливо прослеживается мотив, что тягло государево для посадских людей Устюжны Железопольской не только в денежной форме или общих для всей страны повинностях. Для кузнецов существует еще одна повин-ность - выполнять государственные заказы. И государство вправе поступать с ними, в случае ненадлежащего выполнения повинностей, по своему усмотрению, в соот-ветствии с традициями феодального общества.

Воевода в ноябре писал, что "ядерного дела нельзя делать до тех мест, пока-мест дорога не станет для того что железа и угля на торг вести не мошно, дорога не установилась". По его расчетам, "на то ядерное дело денег надобно 988 руб. 6 алтын 4 деньги". Заказ, видимо, был срочным. В ответной грамоте из Москвы от воеводы требовали "устюженских кузнецов и всяких людей, что у ково каких запа-сов железа и угля ни есть, велел переписать на нас, да в том еси велел ядра делать

⁴³⁸ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 461 - 461об., 477об. - 478об. Последний заказ на изготовление пищалей - "вол-конеек" поступил устюженским кузнецам в 1628 г.

⁴³⁹ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 53. В январе 1629 г. по указу послана в Устюжскую четверть память из Пушкарского приказу и роспись и кружала о ковке на Устюжне Железопольской 12643 ядер. См. Там же Л.50.

⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 54 -57.

тот час не мешкая покамест дорога станет и железо и уголье вывезут". Деньги из предлагали взять из таможенных доходов за 137 (1628/29) год⁴⁴¹.

Воевода постоянно отчитывался о проделанной работе перед Москвой и согласовывал каждый шаг. Особенно если это касалось финансовых вопросов. А. С. Бедов писал, что ядра велел кузнецам "делать... по-прежнему уговору как было им давано за железо и за уголье и им кузнецам и наймитам за наем по 20 алтын за пуд" .За откованные 5000 ядер заплатил кузнецам денег 381 руб., а 6000 ядер "поспеет к Крещению Господнему" т. е. к 7 января 1630 г., денег за них дано вперед 319 руб., а 24 руб. "на те ядра не достало". На последние ядра потребуется еще 264 руб. "оприч тех 24 руб." т. е. всего 288 руб. 6 алтын 4 деньги⁴⁴².

22 сентября 1630 г. он сообщал о том, что сковано 6200 ядер по 6 гривенок весом и дано поденного корма кузнецам на изготовление 5950 ядер по 4 гривенки, 4900 ядер по 3 гривенки, "а ковать, государь, тем кузнецам те твои государевы железные ядра велел я, холоп твой, наспех"⁴⁴³.

Наиболее актуальным для воеводы оставался вопрос финансирования и согласования стоимости работ с кузнецами. 18 октября 1630 г. воевода писал государю о том, что "на твое государево ядерное дело в приходе у меня ... ис таможенных и ис кабацких доходов и твоей государевы московские присылки 2072 рубля и те государь все деньги вышли на твое государево ядерное дело. А сковано ядер на те деньги 34209 ядер, а в них весу по кружалам 3453 пуды 23 гривенки. А доделывать государь ядер 21099 ядер, а в них весу по кружалам 2836 пуд 22 гривенки. А на доделку, государь, того твоего государева ядерного дела надобно денег по уговору с кузнецы 1606 руб. 2 алтына 3 деньги. А кузнецы государь без денег ядер не деляют"⁴⁴⁴.

В 141 (1632/33) г. кузнецам Устюжны Железопольской поступил новый заказ на изготовление более 330 тысяч ядер "в 18 кружал разных статей" т. е. 18 калибров. На оплату этой работы правительство выделило 5650 руб. Из Москвы прислали 5500 рублей и у таможенного и кабацкого откупщика Григория Ермолина воевода взял 150 руб. Выполнению заказа предшествовала традиционная опытнаяковка. По ее результатам воевода оплачивал кузнецам по 20 алтын за пуд ядер. В эту сумму входила стоимость железа, угля и работы⁴⁴⁵.

Судя по выплате денег вся партия ядер ковалась в 23 этапа. На каждом из них работали от 7 до 32 кузнецов с молотниками. Объем одной поковки ядер был от 37 пудов до 650 пудов. В зависимости от объемов, приемка готовых ядер проводилась через 10 - 20 дней после выдачи денег. Каждый кузнец "с товарищи" ковал от 100 до 300 и более пудов ядер "разных статей". Каким образом определялось количество ядер той или иной "статьи" каждому кузнецу неизвестно. Видимо, на каж-

⁴⁴¹ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 64 - 65.

⁴⁴² РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 70 - 71. Денег у воеводы постоянно не хватало. В одной из челобитных А. С. Бедов писал: "Деньги изошли все на твои государевы железные ядра, а кузнецам, государь, иным за дело деньги не даны, а давать нечево. А надобно, государь, твоево ядерного дела доделывать 3523 ядра и кузнецам за дело давать у коих ядра зделаны, а деньги не даны 285 руб. 12 алтын 1 деньга. А за деньгами твое государево ядерное дело стало". См. Там же. Л. 6 - 7.

⁴⁴³ РГАДА. Ф. 141. 1630 г. Д. 37. Л. 14.

⁴⁴⁴ РГАДА. Ф. 141. 1630 г. Д. 37. Л. 26.

⁴⁴⁵ РГАДА. Ф. 141. 1633 г. Д. 57. Л. 1 - 2.

дом этапе ковали ядра только одной "статьи"⁴⁴⁶. При оплате труда не по количеству выкованных ядер, а по их весу, этот принцип был гарантией профессиональной и социальной справедливости. Наибольшее количество ядер по весу сдали братья Андроновы - 317 пудов, Укладниковы - 312 пудов, Безмины - 227 пудов, Богомоловы 227 пудов. Менее чем за год, устюженские посадские и слободские кузнецы отковали ядер общим весом в 7615 пудов 5 гривенок за которые им выплатили 4568 руб. 28 алтын 1 деньгу. Все расходы на изготовление и доставку этой партии ядер в Москву в Пушкарский приказ составил 4860 руб. 17 алтын 2 деньги⁴⁴⁷. Статистическая обработка данных ядерной книги за 141 (1632/33) г. о выполнении заказа приведена в табл. .

Таблица 44.

№ ковки	Размер оплаты	Общий вес	Кол-во кузнецов
1	45 р.	75 п.	20
2	30 р.	50 п.	18
3	36 р.	60 п.	11
4	47 р. 23 ал. 2 д.	79 п. 20 гр.	21
5	22 р. 16 ал. 4 д.	37 п. 2 гр.	7
6	267 р.	445 п.	21
7	261 р.	435 п.	20
8	259 р. 6 ал. 4 д.	432 п.	20
9	348 р.	580 п.	30
10	133 р. 6 ал. 4 д.	222 п.	14
11	348 р.	580 п.	?
12	222 р.	370 п.	19
13	357 р.	595 п.	26
14	173 р.	305 п.	18
15	124 р. 6 ал. 4 д.	207 п.	14
16	225 р.	375 п.	24
17	348 р.	580 п.	32
18	147 р.	245 п.	21
19	174 р.	290 п.	26
20	268, 5 р.	447 п. 25 гр.	18
21	390 р.	650 п.	29
22	214 р. 16 ал. 4 д.	357 п. 20 гр.	22
23	118 р. 9 ал. 1 д.	197 п. 5 гр.	27
Всего	4568 р. 28 ал. 1 д.	7615 п. 5 гр.	

Источник: РГАДА. Ф. 141. 1633 г. Д. 57. Л. 2 - 47.

В середине декабря 1632 г. устюженский воевода И. Благово писал о том, что ему прислан заказ на изготовление 100 000 ядер "в 3 гривенное кружало" (1 кг 200 гр.) и 2 000 ядер "в гривенное без четверти кружало" (300 гр. одно ядро). Заказ был

⁴⁴⁶ По весу самый крупный калибр составлял 1 пуд 30 гривенок (это 28 кг в 1 ядре), таких ядер в данной партии необходимо было отковать 177 штук из 500, а самый маленький - 1 гривенка (это 400 гр. в 1 ядре), их требовалось 100 000 штук.

⁴⁴⁷ РГАДА. Ф. 141. 1633 г. Д. 57. Л. 50.

срочным - ковать ядра "день и ночь, наспех, без всякого мотчания". В наказе содержится обычные наставления - избрать из посадских людей целовальников, деньги, 150 рублей, взять из таможенных и кабацких доходов, вести строгий учет выплачиваемых денег. В наказе была определена и стоимость работы кузнецов - как и "в прошлом 140-м (1631/32) году" за пуд ядер давать по 18 алтын за железо, за уголь и за дело кузнецам и молотникам". Однако, кузнецы отказались ковать по такой цене ядра. После этого правительство прибавило 2 алтына, доведя стоимость 1 пуда ядер до 20 алтын. Но, и по этой цене, как писал воевода, "по 20 алтын за пуд ядра не взяли" потому что "ныне то железо и уголь и молотники дороже прошлого 140-го году". Посадские люди называли и обстоятельства вызвавшие повышение цен. Во-первых, крестьяне в уездах заготовили намного меньше, чем обычно, железной руды и угля. Они заготовливали лес и строили острог в Устюжне. Кроме этого, погодные условия не благоприятствовали заготовке руды - лето и осень 1632 г. "в здешней стороне были мокрые, руду железную в болотах залило водою". Наем молотников так же обходился дороже, потому что "многие у города работают", т. е. на строительстве острога.

С отпиской воевода послал в Москву двух посадских целовальников - Васку Несвитаева и Якушку Фролихина, для того, чтобы привезти деньги на оплату работы кузнецов. Воевода в отписке писал, что кузнецы, которые сковали ядра пудов по 10, "без денег ядер к амбару не везут", а другие не куют вообще, говорят о том, что ковать не на что.

На выяснение всех обстоятельств и переписку с Москвой у воеводы ушло больше месяца. В этих условиях, воевода распорядился провести несколько опытных ковок, чтобы определить реальные затраты. В середине января 1633 г. провели 2 ковки ядер по 3-х гривенному кружалу и 2 ковки по "гривенному без четверти" кружалу. Результаты оказались следующие. В первом случае общие затраты на 1 пуд составили 22 алтына 4 деньги и 22 алтына 2 деньги, а во втором случае - 33 алтына 5 денег. Эти расходы не учитывали повышение "поденного корма" - кузнецы и молотники получили, как и прежде, по 8 и 6 денег на день. А вот на сырье цена значительно выросла: 1 крица стоила в среднем 1 алтын 4 деньги, а 1 коробья угля - 3 алтына. Т. е. цена по сравнению с прошлым сезоном выросла чуть больше чем на 1 деньгу за крицу, а вот стоимость угля выросла в среднем в 1,5 раза⁴⁴⁸. Надо иметь ввиду и то, что чем меньше был калибр ядер, тем больше требовалось криц для ковки 1 пуда ядер. Так, для изготовления 3-х гривенного ядра пошло на 1 пуд 7 криц, а для "гривенного без четверти" - 10 криц.

Не смотря на все это результата посадские люди не добились. Они вновь жаловались на то, что не хватает и дорого сырье и наймиты, а воевода И. С. Благово роздал нам сиротам по 2 рубля и "заставил нас ковать ядра в долг без денег из своего железа и угля". Просили прибавить найму, чтоб "делаючи твое государево дело в конец не погибнуть и розно не розбрестися". Правительство не пошло на уступки, более того, прислало роспись на новую партию ядер - 270 500 штук всех 18 калибров⁴⁴⁹.

⁴⁴⁸ Ранее для переработки 13 криц требовалось угля на сумму 7 алтын 4 деньги, а теперь для переработки 7 криц требовалось 2 коробья угля стоимостью 11 алтын.

⁴⁴⁹ И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода. М., 1826. Приложение 3. С. 40-45.

Наряду с пищалями, ядрами и саперным инструментом, государство делало устюженским кузнецам и чрезвычайные заказы.

10 сентября 1630 г. в Устюжну приехал пристав Устюжской четверти Богдан Есипов. Он привез воеводе А. С. Бедову царскую грамоту об изготовлении устюженскими кузнецами 9 решеток к воротам Китай-города, Белого города, для мельницы и труб на реке Неглинке. См. Табл. . Б. Есипов привез с собой роспись размеров каждой решетки - количества полос и гвоздей для сшивки решеток, образец полосы и мерную сажень. Сделать решетки необходимо было к зимнему пути. В наказе, который привез Б. Есипов, было расписано что должен делать воевода - "призвать к себе старых устюженских кузнецов, которым то дело за обычей" и расспросить их о том, "сколько на те опускающие решетки железа пуд на полосы и на гвоздье порознь надобно и почему пуд купить тамошнею недорогою ценою и во сколько недель тово решетчатого дела будет и скольким кузнецам делать и во что в отделке за железо и кузнецам за дело все станет". Кроме этого, воеводе предстояло выяснить, не помешает ли это выполнению другого важного государственного заказа - ковке ядер. После расспроса воевода должен был составить подробную сметную роспись всех расходов "порознь по статьям" и отправить в Москву⁴⁵⁰.

Таблица 45.

**Объем заказа на производство решеток
в Устюжне Железопольской в 1630 г.**

Название	Количество решеток	Длина полос 1 решетки	Общий вес полос
Спасские ворота в Китай-городе	2	174,5 саж.	283 пуда 22,5 гривенки
Трешветительские ворота в Белом городе	2	230,5 саж	374 пуда 22,5 гривенки
Чертолские ворота в Белом городе	1	230,5 саж	374 пуда 22,5 гривенки
Арбацкие ворота в Белом городе	1	194 саж.	315 пудов
Яузские ворота в Белом городе	1	282 саж.	458 пудов 10 гривенок
Опускающая решетка на Неглинке	1	256 саж.	416 пудов
Опускающая решетка у государевой мельницы	1	256 саж.	416 пудов
Всего	9	2028,5 саж.	3296 пудов 12,5 гривенок

Источник: РГАДА. Ф. 141. 1631 г. Д. 37. Л.29-35.

Следуя инструкциям, воевода собрал кузнецов. Однако, "Якушка Беляев с товарищи", как писал А. С. Бедов, "выслушав твоей государевы грамоты и решеточного дела росписи и решеточному делу обрасцы и сажени досмотря ... в том деле отказали, а сказали, што они того решеточного дела и гвоздей по тому обрасцу сковать не умеют". Свой отказ посадские кузнецы подтвердили письменно "за своими и отцов своих духовных руками"⁴⁵¹.

⁴⁵⁰ РГАДА. Ф. 141. 1631 г. Д. 37. Л. 8 -11.

⁴⁵¹ РГАДА. Ф. 141. 1631 г. Д. 37. Л. 13, 14.

Причина отказа кузнецов была мотивирована не технической сложностью работы, а видимо, сложными взаимоотношениями с заказчиком. Правительство не всегда вовремя оплачивало выполненную работу и по той цене, которая была ранее оговорена. Это понимал даже воевода. 22 сентября он писал, что "кузнецы на Устюжне к каменным полатам двери железные и на те двери полосы преж сего делали и гвоздяных кузнецов много".

Понимали это и в Москве. Вскоре воеводе пришло распоряжение в котором он обвинялся в нерадивости - "слушаешь кузнецов веря их бездельной скаске .. а оне, того нашего дела, не хотят делать воровством", не составив сметную роспись поставил "наше дело в оплошку".

Для решения проблемы, правительство предлагало обычные для того времени меры. Во-первых, воевода "без оплошки и мотчанья" должен был заставить кузнецов сковать против образца "одну решетку полосы и гвоздя". По результатам этой работе составить сметную роспись расходов и исходя из них, ковать остальные решетки. Во-вторых, все расходы на покупку железа, угля, оплату труда и т. д., вести экономно, "по тамошней по прямой цене, как бы нашей казне было прибыльнее". И последнее, видимо самое главное. Тех кузнецов, кто откажется выполнять государев заказ "бить батоги нещадно, чтоб на то смотря неповадно было иным воровать, нашего указу послушаться". Сроки исполнения работы оставались прежние - прислать к Москве по первому зимнему пути ⁴⁵².

Не смотря на грозные предписания, воевода добился от кузнецов только того, что они провели опытные ковки полос для решеток, чтобы определить стоимость работ и составить общую сметную роспись ⁴⁵³.

Для выполнения заказа были избраны целовальники - Акимко Козлов и Ивашко Панин. Они закупали железо и уголь для опытнойковки ⁴⁵⁴.

21 октября устюженские кузнецы сковали 4 полосы, каждая в 1 сажень. Одну полосу сковали из "опарошного мяхково железа" ⁴⁵⁵, а три - из "кришного железа розных горнов для опыту из веских и ис тырпицких криц" ⁴⁵⁶. Полоса из опарошного железа оказалась дороже. Все затраты на нее составили 1 руб. 11 алтын, а полосы из кричного железа обошлись немногим более 1 руб. 4 алтын каждая.

---

⁴⁵² РГАДА. Ф. 141. 1631 г. Д. 37. Л. 19-24. На воеводу возложили персональную ответственность, что и определило его методы работы. - "Поставишь себе в оплошку или кузнецом в чем учнешь норовить для своего корысти и вскоре решетки не поспеют и тебе от нас быти в великой опале и наказаньи без пощады".

⁴⁵³ Опытные ковки проводились в большинстве случаев, особенно тогда, когда возникали конфликты из-за стоимости работ. В 1632 и 1633 гг. на Устюжне правительство заказало 360 кирок и тесел и 50 ломов. Воевода распорядился сковать по 2 пробных экземпляра для того, чтобы выяснить стоимость работ. Кузнецы Гаврилка Безмин, Омелка Порошин, Томилка Мешок и Спирка Лысохин провели пробные ковки. Кирка и тесло за железо, уголь и работу стало в 7 алтын, а лом - 31 алтын. См. РГАДА. Ф. 141. Д. 73. 1632 г. Л. 253 - 255.

⁴⁵⁴ 30 опарков, по 1 алтыну за штуку, было куплено у посадского человека Богдашка Голицына. Крицы покупали у Васки Лушкова (13 криц за 19 алтын 3 деньги) и у Ярохи Быкова (2 покупки по 13 криц за 19 алтын 3 деньга). Указаний на то, что это посадские люди нет. У кого покупали целовальники уголь неизвестно. Для изготовления полосы из опарошного железа его купили на 6 алтын 4 деньга, а из кричного железа - на каждую поковку на 7 алтын 4 деньга.

⁴⁵⁵ Ковали полосу посадские кузнецы Гашко Безмин и Осипко Коледа и 5 "наймитов". Кузнецы получали "поденный корм" 8 денег, а молотники - 6 денег. См. РГАДА. Ф. 141. 1631 г. Д. 37. Л. 29.

⁴⁵⁶ Из кричного железа ковали полосы в трех кузницах в два горна посадские кузнецы Васька Лутков и Сенка Топорник, Томилко Мешок и Ивашко Микитин и слободские кузнецы Рождественской слободки Спирка Микитин и Митька Шишов. В каждой кузнице работали по 8 наймитов. Труд кузнецов оплачивался так же по 8 денег на день, а молотников по 6 денег.

Таблица 46.

Смета расходов опытнойковки полос для решеток.

Наименование расходов	На 1 сажень полосы	
	из опарошного железа	из кричного железа
Опарки	30 шт. на 30 алт.	-
Крицы	-	13 шт. на 19 алт. 3 д.
Уголь	6 алт. 4 д.	7 алт. 4 д.
Оплата кузнецов	2 чел. по 8 д.	2 чел. по 8 д.
Оплата наймитов	5 чел. по 6 д.	8 чел. по 6 д.
Всего на 1 саж. полосы	1 р. 11 ал.	1 р. 4 ал. 3 д.
Всего на весь заказ	2701 р. 20 ал. 4,5 д.	2406 р. 9 ал. 2,5 д.

Источник: РГАДА. Ф. 141. 1631 г. Д. 37. Л. 29-32.

На основании этих расходов, для изготовления всего заказа из опарошного железа требовалось 2701 руб. 21 алтын 4,5 деньга, из кричного железа - 2406 руб. 9 алтын 2,5 деньга. В эту сумму входила стоимость железа, угля и поденный корм кузнецам и наймитам. При этом воевода обращал внимание на то, что опарошного железа на Устюжне мало и на решеточное дело недостаточно. Примерно были определены и сроки исполнения заказа. При условии, что кузнецы закончат ковать ядра, полосы для решеток в 20 кузницах можно будет сковать за 4 недели⁴⁵⁷.

Посадские кузнецы осенью 1630 г. государев заказ делать так и не стали. По какой причине неизвестно, видимо, у правительства не было денег оплатить работу кузнецов, которые не хотели работать в долг⁴⁵⁸.

Только весной 1631 г. были возобновлены работы. теперь ими руководил П. Т. Пушкин. Первая стадия была вновь связана с выяснением возможности выполнения заказа и определением стоимости работ. 16 по 21 марта 1631 г. были проведены новые опытныековки полос из опарошного и кричного железа. Во всех случаях, из опарошного и кричного железа 1 пуд полосы обходился в 1 руб. 18 алтын 4 деньга. Закупки сырья - опарков, криц, угля проводилось под контролем П. Т. Пушкина. Опарки и крицы закупались у посадских людей⁴⁵⁹, а уголь у крестьян А. Годунова, С. Перского, П. Бирилева, Я. Дубровского и др.⁴⁶⁰.

Оплата труда осталась прежней, кузнецы получали за 1 рабочий день по 8 денег, а молотники - по 6 денег. Но изменилось количество и соотношение занятых в производственном цикле людей. Если осенью, в 1 кузнице с 2 горнами, на 2 кузнецов при переработке опарошного железа приходилось 5 молотника, то теперь в 1 кузнице с 2 горнами на 6 кузнецов было только 8 молотников или в 4 кузницах с 8 горнами на 24 кузнеца 32 молотника. При ковке полос из криц, производственный цикл был вовсе разделен на 2 этапа. Сначала крицы перерабатывали в "плавленные

⁴⁵⁷ РГАДА. Ф. 141. 1631 г. Д. 37. Л.24-28.

⁴⁵⁸ В октябре 1630 г. воевода испытывал большие затруднения с выплатой денег за выкованные ядра.

⁴⁵⁹ У Левки Жижки куплено 47 опарков, за 10 штук заплачено по 10 алтын; у Акима Козлова 121 опарок, за 10 по 11 алтын 4 деньга. У Акима Козлова покупали опарки на 4 дня позже, может это сыграло свою роль и они стали дороже. Крицы покупали у Петра Терентьева, 30 и 90 штук, по 13 алтын 2 деньга за 10. См. РГАДА. Ф. 137. 1630 г. Д. 16-а. Л. 815 - 820.

⁴⁶⁰ Уголь покупали коробьями от 2 до 25, по цене 15 - 16 денег за 1 коробью. В одном случае 2 коробьи были куплены дороже, за 6 алтын, т. е. 18 денег. См. РГАДА. Ф. 137. 1630 г. Д. 16-а. Л. 815 - 820.

крицы".. Из 3 криц после переделки получалась 1 "плавленная крица". Этим занимались специальные кузнецы-плавильщики: Овдоким Укладник, Олешка и Ондрюшка Олексеевы и 6 молотников. Они работали в 2 горнах. Затем, другие кузнецы ковали из них полосы ⁴⁶¹. Соотношение кузнецов и молотников и их численность на 1 кузницу с 2 горнами, такое же как и при переработке опарошного железа. Так, в 1 кузнице с 2 горнами, 6 кузнецов и 8 молотников ковали полосу в 1 сажень и весом в 1,5 пуда, а в 3 кузницах в 6 горнах, 18 кузнецов и 24 молотника ковали полосу в 3,5 сажени, весом в 4,5 пуда. Это значительно увеличивало общую стоимость работ. Если осенью 1 пуд готовой полосы из опарошного железа обходился в 27 алтын 2 деньги, то теперь 1 руб. 18 алтын 4 деньги. Большое количество кузнецов и молотников, занятых в выковке 1 полосы, объясняется, видимо, особенностями технологии производства и зависело от длины полосы.

22 марта П. Т. Пушкин вызвал к себе в съезжую избу посадских кузнецов Гаврилка Безмина, Осипка Андреева, Акимку Ондронова с товарищи и уговорился с ними о "цене в государевом решетчатом деле ... за железо и уголье и мастерство и наймитов" в размере 1 руб. 13 алтын 2 деньги за пуд. Это было на 5 алтын 2 деньги меньше чем затраты при опытных ковках. Что заставило кузнецов согласиться, трудно сказать, скорее всего угроза расправы силой. ⁴⁶².

На следующий день, 23 марта 1631 г. кузнецы под руководством Гаврила Безмина ⁴⁶³ и Павла Собакина начали ковать 2 решетки. П. Т. Пушкин выдал Они "с товарищи" получили от П. Т. Пушкина на изготовление 200 пудов железных полос для решеток 280 рублей. 4 апреля им же выдали на 200 пудов 280 рублей, а 21 апреля еще 140 рублей на 100 пудов. Закончили ковать кузнецы решетки в середине июня 1631 г. 18 июня они получили последнюю часть денег - 200 руб. 31 алтын 1 деньгу за 143 пуда 21 гривенку.

Решетки получились массивные - "весу в тех двух решетках и с теми полосами которые ковали покупая железо и уголье и с поденного корму, в гвоздях и в цепях и в кольцах и в пробоях 657 пудов 31 гривенка".

21 июня 1631 г. П. Т. Пушкин выплатил последний раз деньги посадскому человеку Офонке Харитонову за "провоз" 2 решеток железных, гвоздья, цепей и колец водным путем до Рогачева. Всего ему заплатили 19 руб. 24 алтына 2 деньги, по 6 денег с пуда веса.

Для государства 2 решетки обошлись в 941 руб. 16 алтын 1 деньгу. Больше заказов на изготовление решеток в Устюжну Железопольскую не поступало ⁴⁶⁴.

Воевода и посадские целовальники выбранные к "пищальному" или "ядерному делу" обязаны были не только выполнить качественно и в срок заказ, но и

---

⁴⁶¹ В книге выплаты поденного корму названы следующие кузнецы: Осипко Андреев, Гаврило Безмин, Кузьма Безмин, Васка Богомоллов, Омелка Васильев, Оброско Коковицын, Иван Левонтьев, Васка Лучков, Омелка Порошин, Иван Микитин, Спирка Микитин, Томило Некрасов, Осипко Ондронов, Омельяно Порошин, Пронка Свечников, Ларка Собакин.

⁴⁶² Позже, они просили в своей челобитной увеличить плату до 1 руб. 50 коп., но 16 апреля 1631 г. вопрос был окончательно решен государем и оставлена прежняя цена 1 руб. 40 коп. См.: П. А. Колесников, И. В. Пугач. Город кузнецов и металлургов. // Устюжна III. С. 107.

⁴⁶³ Гаврило Безмин пользовался среди местных властей и посадских кузнецов, видимо, особым уважением. Во всех списках кузнецов он назван первым, в том числе и на получение денег для выполнения заказа.

⁴⁶⁴ РГАДА. Ф. 137. 1630 г. Д. 16-а. Л. 815-825.

доставить его в Москву, в Устюжскую четверть или Стрелецкий приказ⁴⁶⁵. В летнее время - с апреля до октября, груз доставлялся водным путем по Мологе, Волге и ее притокам до Рогаческой пристани или до Дмитрова, а далее на подводах в Москву. Зимой, от Устюжны до Москвы груз вывозили на санях. Поскольку, как правило, основные работы по выполнению заказов приходились на осень и зиму, в наказах часто устанавливалась время доставки и вид транспорта - доставить по зимнему пути. Этот способ был в несколько раз быстрее чем водный. Если на дорогу зимой уходили не более 10 - 15 дней, то водным путем, это время растягивалось на месяц и более.

Часто у посада возникали проблемы с обеспечением транспортных средств на доставку груза, особенно подвод. Так, в марте 1629 г. воевода А. Бедов писал в Москву о том, что "к государеву московскому наряду" сковали и отправили по зимнему пути 5795 ядер. После этого сковали еще 3325 ядер. Для их перевозки необходимо 19 подвод. Воевода жаловался на то, что послал за подводами к земскому старосте, но тот, ни лошадей ни подвод ему не дал⁴⁶⁶.

Причину отказа посадских мирских властей в марте 1629 г. излагал в своей челобитной государю посадский человек, земский целовальник Петрушка Терентьев. Дело в том, что "подводы наймут одне устюжане посадские люди ... а которые были к Устюжне ныне от Устюжны отписаны, а приписаны уездом к Угличу. А с Устюжны дорога к Москве на Углич, а на Угличе ямщики их, устюжан, подвод не переменяют, а пропускают их подводы до Москвы. И им де, устюжанам, посадским людям, одним тех ядер привести к Москве невозможно, потому что у Устюжны уезду нет". Жалоба возымела действие. Государь распорядился возить с Углича ядра к Москве на угличских подводах, а те которые придут к Москве с Устюжны, отпустить назад⁴⁶⁷.

Не меньшие сложности возникали при отправке заказа водным путем. 19 апреля 1629 г. воевода послал земского целовальника к ядерному делу Оксенку Папышева. с ядерною казною - 4120 ядер, из Устюжны до Углича водным путем. С Углича ядра должны были вести в Москву на подводах. Но, угличский воевода Б. Л. Ушаков, подвод не дал. О. Папышев остался в Угличе на "устюжском стругу" с ядерною казною, а сопровождавшего пушкаря, Бориска Гаврилова, послал с отпискою в Москву "пешево"⁴⁶⁸.

В своей челобитной от 4 мая, О. Папышев писал, что на струге у него было ярыжных наемных людей 5 человек. Их наняли до Углича и они, приведя струг в Углич, пошли назад в Устюжну. Если идти от Углича с ядерною казною на струге дальше, то на судно потребуется 7 человек, потому что путь вверх по Волге до Дмитрова, а затем по "иным рекам для порогов идти на шестах"⁴⁶⁹.

---

⁴⁶⁵ Часто, текущие дела по исполнению государственных заказов воеводе помогали вести служилые люди по прибору - пушкари. Так, в 1632 г. у воеводы был "в розсылке один пушкарь и тот у твоего государева ядерного дела, а как кузнецы твое государево ядерное дело отделают и тово государь пушкаря послати будет к тебе, к Москве, з железными ядра". См. РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 121.

⁴⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. Л. 5-6.

⁴⁶⁷ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 9-10. В 1628 г. кузнецы сковали "к разным пищалам по кружалам 12643 ядра разных статей, весом 1647 пуд 1 гривенка". На их перевозку требовалось "подвод с полтораста и более".

⁴⁶⁸ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 14.

⁴⁶⁹ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 18.

11 мая из Москвы пришла грамота угличскому воеводе "отпустить ядра с Углича до Дмитрова водным путем, в том же устюженском струге, а гребцов на тот струг велеть дать углецким ямщикам 7 человек". Одновременно, 13 мая, была отправлена грамота и дмитровскому воеводе о том, чтобы он отправил ядерную казну с "Дмитрова на посадских и сошных подводах"⁴⁷⁰.

Пока стояли в Угличе, подошел второй струг с ядерной казной казною в 6851 ядро, весом по кружалам 905,5 пуда 4 гривенки.. Его отправили с Устюжны 13 мая с Федором Кривошеиным и Иваном Паниным. Через месяц, 13 июня оба струга благополучно "пришли в Дмитров все сполна и ждут подвод"⁴⁷¹.

Несмотря на предписание, дмитровский воевода Ф. В. Чаплин подвод не дал. Он жаловался на то, что "подвод собрать не с кого". Монастыри предоставили тарханские грамоты, а посадские люди Дмитрова - государеву жалованную грамоту, по которой они освобождены от повинности возить в Москву "государеву казну и обиход". О. Папышеву пришлось вновь пушкаря Борису Гаврилову отправлять "пешеву" с челобитной в Москву⁴⁷².

Только через 2,5 месяца, 8 июля 1629 г. земские целовальники "Оксенка Папышев с товарищи" сдали ядерную казну в Пушкарский приказ⁴⁷³.

Перевозка водным путем для казны обходилась дешевле. 21 июня 1631 г. П. Т. Пушкин выплатил деньги посадскому человеку Офонке Харитонову за "провоз" 2 решеток железных, гвоздя, цепей и колец водным путем до Рогачева. Всего ему заплатили 19 руб. 24 алтына 2 деньги, по 6 денег с пуда веса⁴⁷⁴.

В 1632/33 г. целовальник Иван Омосов возил зимой от Устюжны до Москвы 2 партии ядер - 4255 пудов 5 гривенок и 690 пудов ядер. Ему заплатили по 8 денег с пуда - 170 руб. 6 алтын 5 денег и 27 руб. 20 алтын. Возил Иван Омосов ядра и водным путем до Рогаческой пристани - 2270 пудов ядер он свез по 7 денег за пуд, на 291 руб. 8 алтын 3 деньги. Макарко Савельев свез водным путем до Рогачевской пристани 400 пудов ядер по такой же цене - 7 денег с пуда⁴⁷⁵.

Таким образом на протяжении XVI - первой половины XVII вв. Устюжна Железопольская была одним из важнейших общегосударственных центров оружейного дела в Русском государстве. В связи с этим, возникает закономерный вопрос. Почему, Устюжна, при столь сложном экономическом и социальном положении в котором она находилась в первой половине XVII в. была, тем не менее, одним из немногих мест, где правительство размещало свои заказы на пушки, самопалы и ядра? Почему был очень ограничен круг городов, где правительство заказывало огнестрельное оружие? Ведь практически в любом русском средневековом городе были кузнецы, часто в большем количестве чем в Устюжне. Например, крупным центром кузнечного промысла на протяжении XVI - XVII вв. был Великий Новгород. В конце XVI в. 124 человека занимались в городе кузнечным ремес-

⁴⁷⁰ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 19 - 22.

⁴⁷¹ РГАДА. Ф. 141. 1630 г. Д. 37. Л. 35-36. Роспись ядрам, что посланы с Федором Кривошеевым и Ивашком Паниным: 146 ядер - по 1 пуду 30 гр., 1 ядро - по 1 пуду 15 гр., 17 ядер - по 23 гр., 1 ядро - по 22 гр., 1 ядро - по 7 гр. с полугривенкою, 16 ядер - по 4 гр., 418 ядер - по 3 гр., 992 ядра - по 2 гр., 1126 ядер - по 1 гр., 13 ядер - по 0,5 гр. Всего ядер 2731. См.: Там же Л. 40.

⁴⁷² РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 23 - 26. Пришлось посылать подводы с Москвы в Дмитров за ядерною казною. См. Там же. Л. 30.

⁴⁷³ РГАДА. Ф. 141. 1629 г. Д. 53. Л. 50.

⁴⁷⁴ РГАДА. Ф. 141. 1630 г. Д. 16-а. Л. 825.

⁴⁷⁵ РГАДА. Ф. 141. 1633 г. Д. 57. Л. 48 - 50.

лом. В Великом Устюге в конце 1620-х годов кузниц было почти в полтора раза больше чем в Устюжне - 47 против 34, а в Москве в конце 1630-х годов насчитывалось 152 кузницы⁴⁷⁶. Эти примеры можно было бы продолжить.

Ответ, видимо, надо искать в разном уровне развития кузнечного дела, отдельных железоделательных районов и центров. В своем большинстве городские кузнецы, не говоря уже о деревенских, обеспечивали текущие потребности населения, либо производили на рынок товарную продукцию хозяйственного и бытового назначения - топоры, гвозди, ножи, иглы и т. д. Т. е. технология такого производства, его организация, уровень ремесленного мастерства кузнецов мало чем отличался от уровня развития кузнечного дела в XIV - XV вв.⁴⁷⁷ Изменились только масштабы производства. В XVI в., в связи с экономическим подъемом, ростом и развитием товарно-денежных отношений, они значительно выросли. На этом общем фоне, в ряде мест, происходили качественные изменения - совершенствование технологии изготовления технически сложных изделий, специализация в производстве отдельных видов товарной продукции, разделение труда между городом и деревней в добыче и переработка железа и т. д. Одним из немногих районов, где происходили изменения такого порядка, была Устюжна Железопольская.

Общий уровень мастерства устюженских кузнецов и их авторитет как оружейников нашли признание и государства. Оно рекрутировало некоторых из них, посылая в другие города для создания там аналогичного производства.

Так, в конце января 1624 г. в Устюжну пришло распоряжение о том, чтобы "послать на житье в Сибирь, в Томской городок трех человек кузнецов добрых з женами и детми, которым бы пушечное дело за обычей". Воеводе предстояло созвав земского старосту, целовальников и добрых людей "выбрать или поискать охотников трех человек кузнецов, взять с них поручные подтверждающие их обязательства ехать в Томский городок незамедлительно и с "дороги ни в какой город не съехать". Воевода должен был обеспечить кузнецов подмогой из государственной казны, подводами "подо всякие пушечные и кузнечные снасти", но чтоб "лишние подмоги и подвод не дать"⁴⁷⁸.

Известны двое из трех кузнецов отправленных в Томский городок. Оба принадлежали к потомственным кузнечным династиям, были "молотчими людьми"⁴⁷⁹. В описании 1626 г. упоминаются Ивашко Безмин, после которого на посаде остал-

---

⁴⁷⁶ Арциховский А. В. Новгородские ремесла. С. 9 - 10. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. Новгород, 1939; Никитин А. В. Указ. соч. С. 13; Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. II. С. 1155 - 1156. М., 1891.

⁴⁷⁷ См. Никитин А. В. Указ. соч. Гл. I - IV.

⁴⁷⁸ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. Кн. 1. Л. 649 - 651. Для кузнецов в Москве были определены годовые оклады - 7 руб. деньгами и по 7 четвертей ржи и 4 четверти овса. Кроме этого на дорогу выделили 18 и 12 руб., видимо, учитывая состав семьи и объем "кузнечной" и "пушечной" снасти. См. Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 335.

⁴⁷⁹ Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность ... С. 37 - 40. Вряд ли И. Безмин и В. Богомоллов были "охотниками" и добровольно изъявили желание ехать в далекую Сибирь. Посадский мир в своем выборе руководствовался, видимо, двумя обстоятельствами. Во-первых, они оба были из больших посадских семей. В сотной 1626 г. упоминаются 6 представителей рода Безминых и 5 - Богомолловых. Во-вторых, были высококвалифицированными специалистами и обладали необходимыми навыками в изготовлении огнестрельного оружия.

ся пустой двор⁴⁸⁰, и Вихорко Богомолов, после его отъезда осталась пустая кузница⁴⁸¹.

Принудительная посылка ремесленников в другие города и вызов их в Москву были распространенным явлением в повседневной практике московских приказов. Каменщики, плотники, кирпичники и др. по распоряжению правительства часто высылались из одного города в другой. Но, из всех ремесленников, в большей степени, такого рода принудительному переселению подвергались кузнецы. По подсчетам К. Н. Сербиной, с 1653 по 1681 гг. тихвинские кузнецы вызывались в другие города ежегодно⁴⁸².

Наиболее ответственным и сложным в техническом отношении при производстве огнестрельного оружия было изготовление ствола. Технология их производства, на примере устюженских пищалей была восстановлена научным сотрудником Государственного Артиллерийского Исторического музея В. И. Заборским. Процесс изготовления ствола пушки был следующий. Из крицы изготавливали определенного размера пластину. Предварительно нагрев, пластину наворачивали на оправку и получали трубку длиной около 200 - 230 мм. Продольный шов трубки сваривали внакладку и специальным образом обрабатывали концы трубки. Затем, в зависимости от длины ствола пушки, сваривали вместе поочередно несколько таких трубок. Учитывая, что длина ствола пушки составляла 110 - 180 см⁴⁸³, требовалось последовательно сварить 5 - 9 таких трубок. Последними операциями было заваривание днища и устройство запального приспособления. Готовый ствол прикрепляли к деревянному лафету железными хомутами⁴⁸⁴.

Таким образом, для того чтобы изготовить из крицы только 1 трубку необходимо было выполнить последовательно не менее 4, а всего ствола пушки - более 20 технологически сложных последовательных операций, которые были связаны с нагревом заготовок и их кузнечной сваркой.

Технология изготовления стволов для стрелецких самопалов была иной. Стволы самопалов ковались из прямоугольных пластин толщиной 7 - 8 мм и шириной 60 - 70 мм. На специальном круглом железном прутке эта полоса железа сворачивалась по длине в трубку (ствол) продольный шов которой хорошо проваривался и проковывался. После окончательной отделки концы ствола приобретали некоторое утолщение, что предохраняло его от разрыва, а иногда, и дополнительно расверливались специальным сверлом⁴⁸⁵.

---

⁴⁸⁰ Сотная 1626 г. Л. 74об. В 1640 г. тобольский воевода писал в Москву "прислан с Устюжны Железопольской кузнец Ивашка Безмин, который был в Томском городке для пушечного дела, и тот кузнец умер". См. Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло в XVI - XVII вв. М. 1971. С. 23.

⁴⁸¹ Сотная 1626 г. Л. 140об. В 1628 г. правительственным распоряжением Вихорко Богомолов и Ивашко Безмин были отправлены осваивать новое месторождение железных руд найденное у Невьянской слободы Верхотурского уезда. См. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII - XIX вв. С. 49.

⁴⁸² Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М., 1951. С. 3. Прим. 2; Никитин А. В. Указ. соч. С. 30.

⁴⁸³ Яковцевский Б. М. Указ. соч. Приложение 2. С. 141 - 145. В приложении даны описания 32 пушек хранящихся в Государственном Артиллерийском Историческом музее. Длина сохранившихся в целостности стволов пушек составляет от 110 до 180 см, а калибр - от 13,5 до 160 мм. Более половины из них - 17, имели калибр в пределах 30 - 40 мм, и только 9 пушек имели калибр свыше 40 мм.

⁴⁸⁴ Заборский В. И. О железных и стальных орудиях на Руси. С. 51-52. // Артиллерийский журнал. 1951. № 8.

⁴⁸⁵ Яковцевский Б. М. Указ. соч. С. 136.

В целом, технология производства самопальных стволов было менее сложной, чем пушек.. Во-первых, ствол ковался из цельной полосы железа с одним продольным сварным швом.. Во-вторых, такого рода работа могла быть выполнена в обычной кузнице с одним горном при минимальном числе занятых в производстве людей - кузнецом и молотником. Но, изготовить самопал было непросто, с этой работой мог не справиться даже кузнец ковавший пушки.. Сложность работы состояла в том, что требовались навыки изготовления трубки меньшего диаметра, толщины и веса, но достаточной прочности. Технология производства самопалов, состоящая фактически из 3 самостоятельных операций - изготовление ствола, замка и станка (ложа), требовала от кузнеца и дополнительных навыков и умений. Например, технически сложным, требующим определенного слесарного опыта, было изготовление запального замка к самопалам ⁴⁸⁶.

Все эти обстоятельства делали доступным производство огнестрельного оружия достаточно ограниченному кругу высококвалифицированных кузнецов и, фактически, определили специализацию кузнечного производства на рубеже XV - XVI вв. Устюжны Железопольской, а позже и Тулы.

QQQ

§ 3. Податная политика.

Социально-экономический облик русского средневекового города во многом определяла структура населения, в которой важное место принадлежало посадским людям.

Посадские люди как сословие обладали рядом признаков. Главным видом хозяйственных занятий для них была ремесленно-торговая деятельность. Они жили на государственной земле, и в силу этого, несли в пользу государства различного рода подати и повинности.

Численный вес посадских людей в большинстве городов был невелик, а в ряде городов эта категория населения отсутствовала. П. П. Смирнов приводит следующие данные о составе населения 226 городов России в первой половине XVII в.: из 107413 дворов 60,1% принадлежали служилым людям, 8,2% - вотчинникам и лишь 31,7% - тяглецам. Из этого количества дворы собственно посадских черных людей имелись только в 73 городах и составляли лишь 29% от общей суммы городских дворов ⁴⁸⁷.

Значительно ограничивало рост численности и снижало социальный статус и положение посадских людей одно очень важное обстоятельство. Ремесло и торговля не были их монополией. Им широко занимались в городах как беломестцы, так и служилые люди. Поэтому, на протяжении XVI - первой половины XVII вв., одной из наиболее важных тенденций в развитии города как социального организма, становится борьба посада и государства за посадских людей как налогоплательщиков.

Она велась по двум важнейшим направлениям. Во-первых, за ограничение роста белых слобод и феодальных владений в городах, которые поглощали часть тяглого посадского населения, превращая их в беломестцев и закладчиков. В этом, посадам активную помощь оказывало государство. Во-вторых, за установление

---

⁴⁸⁶ По мнению С. К. Богоявленского, изготовление запальных замков вызывало трудности не только на начальном этапе производства самопалов, но и в XVII в. См. Богоявленский С. К. Вооружение российских войск в XVI - XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. С. 271 - 272.

⁴⁸⁷ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 36.

справедливое, сильное для посадских людей, налогообложение. Здесь интересы посадской общины и государства были противоположны.

В Устюжне Железопольской, где была высока не только доля посадского населения, как правило, она составляла более 70 - 80 %, но и его социальная мобильность, эта борьба шла особенно активно.

Уже во второй четверти XVI в. посадский мир получил право включать в посадское тягло все новые дворы поставленные на государственной земле, как в городе, так и в уезде. В 1539 г. устюженцы получили от имени государя Ивана IV жалованную грамоту, по которой, все дворы, "которые на Устюжне на посаде на черных местех и в волостех деревни и починки вперед станут на черных землях после писцов, ново" подлежали обложению - "на те прибыльные дворы посадские и в волостях на деревни и на починки розводити всякие розметы слегка, как пригоже, смотря по людем, в пособ к городу и волостям".

Более того, это не было стеснено сословной принадлежностью дворовладельца - "а кто учнет жити на нашей на черной земле сын боярский или приказной человек, или митрополичь и владычен и монастырской, или чей хто ни буди: и те люди ... тягло с черных дворов и в волостях с черных деревень и с починков наши оброки и всякие розметы тянут повытно, что на них целовальники положат".

Правда, это право имело и обратную силу. Посадский мир был связан в тягле круговой порукой и нес коллективную солидарную ответственность за все запустевшие дворы перед государством по уплате податей. - "а которые на Устюжне на посаде дворы и в волостях деревни и починки запустеют, и пустые дворы, и деревни, и починки, оплачивати всем городом и волостями"⁴⁸⁸. Впрочем, такой порядок не был местной особенностью Устюжны, а имел общее правило⁴⁸⁹.

Право распределения налогов принадлежало посадской общине - "всем посадским людем самим промеж себя по животам же и по промыслам", что по мнению С. Б. Веселовского было, видимо, исключением из общего правила. В других городах это допускалось чаще тогда, когда речь шла не о новом окладе всех мирян, а о пересмотре и изменении оклада некоторых лиц⁴⁹⁰. Конкретное распределение податей, их сбор внутри посадского мира, возлагалось на выборных лиц из числа посадских людей - земских целовальников⁴⁹¹. Как правило, земские целовальники избирались на 1 год из наиболее состоятельных и уважаемых посадских людей⁴⁹². Должность эта не пользовалась большим спросом, особенно в трудные времена, так как на них возлагалась материальная ответственность за выполнение посадом своих тяглых обязательств.

В распределении оклада действовало общее правило - "верстались все посадские люди в тех во всяких податех и в откупех сошного писма и во всяких в тех денежных оброках ежегод самим промеж себя по их животом и по промыслам". Кро-

⁴⁸⁸ ААЭ. Т. 3. № 138. С. 194, 195.

⁴⁸⁹ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. С. 283.

⁴⁹⁰ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 371.

⁴⁹¹ В 1567 г. земскими целовальниками были Степанко Ондреев сын Копник, Власко Якимов сын Малой, Федька Онисимов, Куземка Семенов сын Ржавой, Васюк Сихин и Михал Костин сын Судокос с товарищи. См.: Сотная 1567 г. С. 146.

⁴⁹² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 187. На 1613/14 финансовый год все посадские люди выбрали в земские целовальники Ивашка Данилова с товарищи 10 человек, "а те де люди у них добрые и посадскими людьми их наряжати, а им всем посадским людем их слушати".

ме этого, у земских властей было право, учитывая конкретные обстоятельства, определять как форму участия в тягле, так и конкретный размер ее доли для отдельных посадских людей. Особенно это касалось низших, малоимущих категорий. Так, для молодых посадских людей у которых "не будет собины, а живут своим двором", земские власти должны были "разводить всякие розметы, смотря по их дворам, и кто чего стоит"⁴⁹³. Это же правило действовало и в отношении бобыльских дворов нищих и вдов. Они не включались в сошный оклад, но могли привлекаться земскими властями посильно к тяглу, либо полностью освобождаться от него.

Окладной единицей при исчислении доли налога был посадский двор, точнее, имущественное положение дворовладельца. При всей социальной неоднородности посада, система налогообложения внутри посадской общины имела элементы социальной справедливости.

Становление системы государственного налогообложения произошло к середине XVI в. Основными формами государственного тягла были денежные подати и различного рода повинности. Во взимании прямых податей с городов правительство придерживалось двух систем посошной и оброчной.

Посошная система была тяжелее оброчной. Дело в том, что в ходе сошного письма определялась только тяглая способность посада, т. е. устанавливалось с какого количества сох посадская община будет платить подати. Это зависело от численности посадского населения (количества дворов) и его материального положения. При этом, размер посадского сошного письма оставался неизменным до следующего описания, а вот конкретный размер посошных денег, взимаемых с каждой сохи мог меняться, как правило в сторону увеличения, в зависимости от потребностей государства. Оброчные же платежи были постоянными. Они касались прежде всего хозяйственных объектов посадских людей - лавок, пашни, сенокосов и др., и зависели от их количества или площади. Размер оброчных платежей мог измениться, но только после нового описания посада. В XVI в., особенно в первой половине, оброк имел и натуральную форму.

С середины XVI в. в податной политике Московского государства четко прослеживается устойчивая тенденция роста налогового бремени на тяглое население страны, в том числе и на посадских людей. Первые существенные изменения произошли в конце 40-х годов XVI в. - значительно были увеличены размеры посошного оклада. Зимой 1547 г. "царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублей, и от того крестьяном тегота была великая"⁴⁹⁴.

В течении второй половины XVI в. происходит усложнение номенклатуры государственных налогов, как за счет перевода на денежную оплату натуральных повинностей, так и за счет введения новых податей. Правительство все шире начинает применять в своей податной политике, сначала в экстренных случаях, а затем как систему, практику надбавок к основным податям, получившим название "примет" или "приметные деньги"⁴⁹⁵.

Первое, полное представление о структуре и размерах прямых податей посадских людей Устюжны Железопольской подробно представлены в сотной 1567 г.

---

⁴⁹³ ААЭ. Т. 3. № 37. С. .

⁴⁹⁴ АИСЗР. Т. 2. С. 25.

⁴⁹⁵ См. Г. В. Абрамович. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI - первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 65-70.

С этого года, устюженцы несли тягло как в пользу государства, так и в пользу старицы Александры, которой была передана в кормление часть государственных доходов с посада и уезда. См. Табл. и .

Основную тяжесть государственного налогового бремени составляли пищальные деньги ⁴⁹⁶. В приказ Большого прихода посадские люди выплачивали 105 руб. 56 коп., что составляло немногим более 10 руб. на соху. Эта сумма распределялась посадскими людьми "промеж себя по животам и по промыслам" следующим образом: лутчие люди с 50 дворов платили по 30 коп. с двора, средние люди с 250 дворов - по 20 коп. с двора, молотчие казаки и молотники с 213 дворов - по 12 коп. с двора, а "которые люди добре худы" с 200 дворов - по 7,5 коп. ⁴⁹⁷.

Таблица 47.

**Структура государственных налогов посадского населения
Устюжны Железопольской в середине XVI - середине XVII вв.**

Вид платежа	Год			
	1567*	1597	1619	1626
за наместнич доход	-	1р.57к.	-	-
пищальные	105р.56к	16р.64к.	4р.	8 р.
ямские	-	+**	-	-
оброчные	-	-	3р.22к.	6р.42к.
кормовые	-	-	50к.	1р.
полоняничьи	-	3р.75к.	-	-
судные пошлины	-	-	18р.54к.	18р.57к.
с пашенных людей	-	17р.	-	-
с животных выпусков	4р.	4р.20к.	2р.10к.	-
с рыбных ловель	4р.20к.	4р.20к.	2р.10к.	4р.19к.
с еза	10р.67к.	-	-	-
с перевозу	6р.30к.	-	83к.	1р.64к.
с пашен	4р.20к.	4р.20к.	2р.10к.	7р.31к.
с сенных покосов	10р.50к.	10р.50к.	5р.43к.	10р.77к.
с лавок	12р.22к.	5р.02к.	2р.66к.	7р.47к.
с кузниц	-	-	-	94к.
с мельниц	-	-	-	13р.
с деревень	-	-	-	5р.75к.
с оброчных лесов	4р.20к.	-	-	4р.
новоприбыльные	-	-	3р.16к.	-
с мельницы Воскресенского мон-ря	-	-	-	50к.
Всего	161р.85к	67р.08к***	44р.64к.	89р.56к.

* В 1567 г. Устюжна Железопольская была отдана в кормление старице Александре. Общие платежи посада в ее пользу составляли 173р. 07к. См. Таб .

** конкретный размер не установлен - "почем государь укажет".

*** В числе фиксированных платежей посада указаны таможенные пошлины - 122 руб. 50 коп. и свальные пошлины - 8 руб. 91 коп. Они не включены в общую сумму при

⁴⁹⁶ Это была, как считает Г. В. Абрамович, самая тяжелая подать. В 1588 г. она взималась в размере от 15 до 36 коп. с двора. См.: См. Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI - первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 83.

⁴⁹⁷ Сотная 1567 г. С. 160.

расчете тяжести налогового бремени, так как не были в прямом смысле податями. Видимо, торговые пошлины в конце XVI в. были за посадом на откупе, поэтому и попали в число регламентированных платежей.

Источники: Сотная 1567 г. - С. 160-162, 164, 166-169, 174-177; Сотная 1597 г. - с. 156-157; Сотная 1626 г. Л. 142об.-215; АПД. Т. 1. № 83. С. 109; Т. 2. Вып.1. № 24. С. 54-57. Вып.2. № 83-87. С. 218-226; Колесников П. А. Дозорные книги как источник производительной деятельности народных масс в первой четверти XVII века. Приложение: 1626 г. - Роспись перечневая ... С. 104-106. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда 1985 г.

На оброке за всеми посадскими людьми находились хозяйственные угодья посада - пашни, животинные выпуски, сенокосы, лес, рыболовные угодья и перевоз. Доля участия в оброчных платежах каждого посадского человека была либо пропорциональна его тяглой способности (с выпусков, лесных угодий, рыбных ловель, перевоза), либо определялась размерами его земельных владений (с пашен и сенокосов). Общий объем этих оброчных денег вместе с пошлинами, составлял 44 руб. 07 коп. Оброк платили в приказ Углицкого дворца. Исключение составляли сенокосы, за них оброк платили в Конюшенный приказ. При исчислении оброка с пашни учитывалось качество земли. С худой земли платили по 2 коп. с чети, а с "добре" худой - по 1,5 коп.⁴⁹⁸.

В эти платежи были втянуты и оброчные дворы, которые не считались посадскими, и не включались в сошное письмо. В основном, они принадлежали посадским людям. Поэтому, за исключением ямских, приметных, полоняничных и пищальных денег, все остальные подати и оброки они должны были "тянуть со всеми посадскими людьми в ряд в их розметы и в сошное письмо по их животом и по промыслом для того, что те посадские люди, которые в тех оброчных дворах живут, теми всякими угоди владеют со всеми посадскими людьми в ряд"⁴⁹⁹.

Единственным оброком, который не распространялся на всех тяглых посадских людей были платежи "с лавок". Они касались только владельцев лавок. Лучшие люди платили по 10 коп. на год с лавки (40 лавок), средние - по 7,5 коп. (40 лавок), молотчие - по 6 коп. (44 лавки). Оброк посадские люди платили в приказ Углицкого дворца⁵⁰⁰.

В целом, тяглая способность посада была очень высокая. Всего 53 посадских двора или 7,4 %, которые принадлежали нищим и вдовам, не были включены в сошное письмо. Но и с этих дворов, в счет сошного оклада посада, брали по 6 коп. с двора "в их розметы в подмогу за пищальные и за ямские и за приметные и за полоняничные деньги, и за наместнич откуп и за иные за всякие подати" или "чем кого посадские люди обложат по их промыслишком и животишком"⁵⁰¹.

По итогам описания 1567 г. сошное письмо Устюжны Железопольской составило 10 и 1/6 сохи: Кроме общего итога, в сотной были определены размеры посадской сохи - "лутчих и отрадных людей по 35 дворов в соху, а средних людей по 60 дворов в соху, а молотчих людей по 85 дворов в соху, а которые люди добре ху-

⁴⁹⁸ Сотная 1567 г. С. 166.

⁴⁹⁹ Сотная 1567 г. С. 149-150.

⁵⁰⁰ Сотная 1567 г. С. 164.

⁵⁰¹ Сотная 1567 г. С. 161-162.

ды, казаков и молотников по 100 дворов в соху⁵⁰²". С каждой сохи посадские люди, как и прежде, "по государеву указу" должны были платить по 15 руб. на год. Все посошные доходы, государство передало в кормление старице Александре. За ней же остались "впред ежегод с сошного писма по розводу ... ямские и приметные и полоняничные денги и иные доходы", которые со всех посадских людей шли "преж сего шли на обиход княж Юрьевы Васильевича княгини". Они составляли большую часть сошного оклада⁵⁰³. Кроме этого, к старице Александре перешла часть оброчных платежей, за новые оброчные посадские сенокосы и лес. Все платежи посадского мира в пользу старицы Александры составили 173 руб. 07 коп., что, в среднем составляло около 24 коп. на 1 двор или 21 коп. на 1 человека.

Таблица 48.

**Платежи посадского населения
Устюжны Железопольской в пользу старицы Александры в 1567 г.**

Вид платежа	Объем платежей
посошные деньги	161 р. 65 к.
Наместничий откуп	1 р. 59 к.
с оброчных лесов	3 р.
с сенных покосов	6 р. 88 к.
Всего	173 р. 07 к.

Источник: Сотная 1567 г. С. 160 - 177.

Таким образом, общий объем государственных и кормленных денежных податей и оброков посадских людей составлял 334 руб. 94 коп. в год. В среднем, в 1567 г., на 1 посадский двор приходилось по 46 коп. прямых налогов, а на 1 человека - 41 коп. Уровень тяглой способности различных категорий дворов по отношению друг к другу, составлял примерно следующее соотношение: 4 (добрые) к 2,7 (средние) к 1,6 (молотчие) к 1 (худые). Следовательно, с 50 лутчих дворов посадские люди платили такую же сумму, как и с 200 худых дворов. Правда, это соотношение каждый год менялось, т. к. "верстались все посадские люди в тех во всяких податех и в откупех сошного писма и во всяких в тех денежных оброках ежегод самим промеж себя по их животом и по промыслом". В целом, в 60-е годы XVI в., экономический потенциал посадской общины Устюжны Железопольской позволял выдержать налоговое бремя без существенного ущерба для внутреннего развития. Значительная часть посадского населения - 42,1 %, составляли дворы добрых и средних людей. Это была торгово-ремесленная верхушка посада, которая оплачивала большую часть государственных податей⁵⁰⁴.

⁵⁰² Сотная 1567 г. С. 160. Нормы посадской дворовой сохи, выработанные в 60-е годы XVI в., действовали и в первой половине XVII в. В сошное письмо дворы клали по "людям и по прожиткам, и по торгам, и по промыслам". Так, в 1623 г. в соху клали 30-40 лучших дворов, 50-60 средних, 70-80 молодых, 100-120 худых. Те кто не попадал в эти категории т. е. обедневшие, облагались оброком. См.: Веселовский С. Б. Посадская соха в первой половине XVII в. // ЖМНПр. Ч. XXVII. (май). СПб., 1910, С. 27, 38.

⁵⁰³ Перечисленные подати входили в состав суммы определенной сошным окладом. Об этом прямо говорится в сотной, когда речь идет о налогообложении беднейших слоев посадских людей - "в то ж в сошное писмо в 10 сох с полутретью в их розметы в подмогу за пищальные и за ямские и за приметные и за полоняничные денги и за наместнич откуп и за всякие подати". См.: Сотная 1567 г. С. 161-162.

⁵⁰⁴ О значимости для государства таких категорий посадских людей как лутчие и средние, говорит уровень их юридической защищенности. Судебник 1550 г., статья 26, оценивает социальный статус средних людей в 5 раз выше чем молотчих людей. См.: Российское законодательство. Т. 2. С. 101, 138.

Через 30 лет ситуация изменилась кардинальным образом. В первую очередь это касалось объемов податей поступающих в казну. К концу XVI в. в Устюжне Железопольской значительно сократилось не только количество податного посадского населения, изменился уровень его тяглой способности. В 1597 г. писцы насчитали в городе всего 134 полнотяглых посадских двора - 7 средних и 127 молотчих. В число "убогих, бобыльских и вдов" были записаны 76 посадских дворов. Они в сошное письмо писцами "не положены для их убожества, скитаются по миру"⁵⁰⁵.

Общий объем сошного письма посада был определен в 1 и 7/8 сохи. За 30 лет, он уменьшился более чем в 5 раз. Многократное сокращение тяглого населения не оказало существенного влияния на уровень налогового бремени для посадского человека. Общий объем прямых податей в пересчете на 1 соху за это время вырос незначительно. Он составил по подсчетам С. Б. Веселовского около 30 руб.⁵⁰⁶.

Более того, по отдельным налогам, в силу обнищания посадского населения, произошло даже его сокращение. Так, в 1597 г. нормы платежей с одного посадского двора за пищальные деньги не изменились - 20 коп. с среднего двора и 12 коп. с молотчего двора. Но, сократился общий объем пищальных денег в расчете на 1 соху - в 1567 г. их приходилось более 10 руб., а в 1597 г. - менее 9 руб. Гораздо меньше приходилось на 1 соху и наместничьих доходов - немногим более 9 рублей⁵⁰⁷.

В целом, посадский мир Устюжны Железопольской на протяжении всего XVI в., даже в последней его четверти, не испытывал чрезмерного, непосильного налогового бремени, что, не взирая на все неблагоприятные обстоятельства, позволило городу сохранить свой хозяйственный потенциал и своеобразие социально-экономического облика. Значительное запустение посада было вызвано иными причинами, в первую очередь всеобщим хозяйственным кризисом в стране и моровым поветрием в Устюжне.

Совершенно иной уровень взаимоотношений посада и государства в области налогообложения наблюдается в первой половине XVII в. В большей степени, он был сведен к жесткому, зачастую непосильному по своим масштабам, феодальному диктату со стороны государства. В этих условиях у посадского мира оставалось не так много возможностей для борьбы за свои права. Наиболее реальным, отвечающим, в том числе и интересам государства, был путь борьбы за тяглецов⁵⁰⁸. Но, не смотря на все усилия в борьбе с белыми слободами, для конкретного посадского человека закладничество или уход с посада оставались, иногда, единственным выходом. Это заставляло посадскую общину, не смотря ни на что, вести борьбу за самосохранение, т. е. снижение размеров податей и повинностей. Ее трудно назвать активной, скорее посадские люди постоянно напоминали государству о непосильном бремени и обращали внимание правительства на последствия этой политики - запустение посада и желание посадских людей избавиться от тягла любой ценой.

В первой половине XVII в. основными постоянными податями посада были: прямая государева подать, стрелецкие деньги, ямские деньги, полоняночные день-

⁵⁰⁵ Сотня 1597 г. С. 156-157.

⁵⁰⁶ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т 1. С. 152.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Подробно этот вопрос рассмотрен в параграфе 4 главы данной работы.

ги. Кроме этого, взимались и чрезвычайные сборы - пятая деньга, десятая деньга. На посадских людей возлагалось выполнение и различных тяглых служб - подводной повинности, постоянной повинности, постройка и ремонт городских укреплений (городовое дело), ямская повинность и т. д. Чрезвычайные сборы и повинности, часто превышали по своим размерам прямые налоги.

Тяжелое финансовое положение страны в начале XVI в., прежде всего армии, заставляло правительство искать новые источники доходов. Особенно тяжело на положении посадских людей сказывались дополнительные чрезвычайные налоги, так называемые пятины. Они составляли 1/5 движимого имущества и взимались со всевозможных доходов - торгов, промыслов и т. д. Со временем, из чрезвычайного, этот налог превратился в регулярный и составлял 120-150 рублей с сохи⁵⁰⁹.

В 1616 г. Земский Собор принял решение об очередном, третьем по счету, сборе пятой деньги. Налог должны были собирать выборные представители местного населения, хотя в 1614 г. для сбора пятой деньги на места посылались представители центра. С. Б. Веселовский связывает эту перемену с переходом к окладному обложению, т. е. к установлению заранее необходимой суммы сбора. Это было удобно как для казны, можно было определить размеры поступлений, так и для населения, которое получало выгоду "собирать деньги самим и не иметь дела с особыми сборщиками, что всегда обходилось ему дорого"⁵¹⁰.

Летом 1617 г. с посада Устюжны Железопольской земские целовальники собрали больше 426 руб. пятинных денег. Это, видимо, было меньше, чем полагалось по розводу. Воевода, в свое оправдание писал, что больше деньги взять не с кого, "многие посадские люди от скудости померли, а иные розбрелися"⁵¹¹.

Посадские люди стремились использовать любую возможность чтобы избавиться от тягла, тем более если это был законный, на их взгляд, способ. Одним из таких способов был переход в категорию служилых по прибору - стрельцы. В Смутное время, обзаведясь крепостью, в Устюжне появился и достаточно большой военный гарнизон. Он состоял как из дворян, так и из стрельцов. Первоначально, большую часть стрельцов набирали из числа устюженцев посадских людей. Хотя, переход посадского человека в стрельцы не освобождал его от тягла, он оставался жить в своем прежнем дворе, многие отказывались его платить. В октябре 1613 г., после того, как в Устюжне набрали новых стрельцов - 100 человек, земские целовальники в очередной раз жаловались в Москву на то, что посадские люди перейдя в стрельцы "не хотят никаких податей и мирских расходов давать". А воевода, князь А. Сицкий, их защищает "податей и мирских расходов давать не велит" и поэтому, "многие посадские люди бьют челом в стрельцы"⁵¹².

---

⁵⁰⁹ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909.

⁵¹⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов ... С. 62. Российское законодательство X - XX веков. Т. 3. С. 66.

⁵¹¹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 256. Побег посадских людей продолжались, не смотря на предпринимавшие властями меры. Они пытались избавлялись от тягла даже таким крайним средством, как продажа собственного двора. Еще в мае 1614 г. в Устюжну пришла царская грамота с ответом на челобитье земских старост и распоряжением для воеводы. Челобитчики жаловались на то, что посадские люди продают свои тяглые дворы и уходят с Устюжны, а им приходится за «те дворы платить великие подати». Воеводе предписывалось следить, чтобы тяглые дворы дворянам и детям боярским посадские люди не продавали, а "которые будут продавать им свои дворы, чинить наказание» См.: РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 151,152.

⁵¹² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 144-146.

Посадский мир быстро добился своего. Реальная угроза подорвать тяглую способность посада вынудила правительство принять меры. Воеводе впредь запрещалось брать "устюжан, посадских людей в стрельцы", а которые служат, те должны были "всякие подати тянуть с посадскими людьми вместе по-прежнему". Со временем, вместо них, воеводе предписывалось набрать стрельцов из вольных людей⁵¹³. Весной 1615 г., в Устюжне вновь набирали 50 стрельцов, но уже только из "охочих людей ... а ис тяглых людей в стрельцы не прибирали"⁵¹⁴.

В первой половине XVII в. тяжелой ношей на посадское население ложились различные повинности, в первую очередь ямская (подводная) и городовая.

В Северо-Восточной Руси ямские деньги взимались с городского и сельского населения уже в первой трети XVI в. Кроме этого, население отбывало и натуральную ямскую повинность.

Когда появился ям в Устюжне неизвестно. Видимо, в конце первой половины XVI в. В 1560-е годы в городе, на реке на Вороже, уже был большой ямской двор - "а на дворе хором, 2 избы да 2 сенника, - а около двора тын дубов, а ворота тщаные, а живут в нем дворники ямские". Вдоль реки Ворожи и ямского двора тянулась довольно большая, в 20 дворов, Ямская улица⁵¹⁵.

В конце XVI в., в описании 1597 г., ямской двор не встречается, посадское население платило только ямские деньги. Ямская улица сохранилась, но на ней стояли только 5 дворов, и те принадлежали нищим, вдовам и бобылям⁵¹⁶.

Потребности в подводах на Устюжне, особенно в первой половине XVII в., всегда были большие. Город стоял на перекрестке общегосударственных дорог с центра в Поморье и на северо-запад России. В одной из царских грамот, отправленной к устюженскому воеводе в октябре 1613 г., эта проблема, видимо по подсказке посадских властей, была обозначена достаточно определенно: "гонцы де от нас к воеводам и к нам к Москве гоняют со всякими наши дела и з зелейною казною ездят через Устюжну и которые де подводы емлют на Устюжне на посаде и в уезде и те подводы ... назад на Устюжну не воротятца ни одна"⁵¹⁷.

О степени тяжести этой повинности для посадских людей, говорят некоторые данные о числе проезжающих через Устюжну Железопольскую "государевых людей". Н. П. Воскобойникова в "Описании древнейших документов архивов Московских приказов" за XVI - начало XVII в. приводит данные о более 250 списках с подорожных грамот за 1606 - 1628 гг., выданных в Ямском приказе⁵¹⁸. Из чуть более 250 подорожных грамот, третья часть или 85, даны от Устюжны или в Устюж-

⁵¹³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 146об.-148.

⁵¹⁴ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 226об., 228. Это правило распространялось и на тяглых уездных крестьян. В ноябре 1617 г., когда шел новый набор 50 стрельцов воеводе напоминали о том, чтобы он набирал их с города и с уезда, вольных охочих людей, но не крепостных, не с пашен крестьян, и не с тягла посадских людей. В 1618 г. в Устюжне последний раз набрали 50 стрельцов. Летом следующего года, в июле 1619 г. военный гарнизон устюженской крепости был сокращен: "тем стрельцам быть не велели, а велели их отставить", самопалы которые им выдавали на службе, забрали в казну. Там же. Л. 268об., .315.

⁵¹⁵ Сотная 1567 г. С. 147, 152.

⁵¹⁶ Сотная 1597 г. С. 140.

⁵¹⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 118.

⁵¹⁸ Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов Московских приказов. XVI - начало XVII в. М., 1994. С. 223 - 247. Это описание одного из дел Ямского приказа. РГАДА. Ф. 141. 1606 г. № 1. Л. 1 - 247. Начало Этого дела , л. 1 - 40, опубликованы. См. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 53. С. 60 - 64.

ну. Это не считая тех, что даны через Устюжну, в Тихвин, к шведскому рубежу и т. д. А. М. Гневушев опубликовал 48 подорожных, относящихся к 1606 - 1608 гг.⁵¹⁹. Абсолютное большинство из них - 41, имеет отношение к Устюжне. Количество подвод или саней, требуемых для проезда государевых людей, различно - от 1 до 32. Большая часть подорожных грамот, около 75 %, была на 1 или 2 подводы, но встречаются подорожные на 4 (3 случая), 6 (1 случай), 8 (2 случая), 11 (2 случая), 12 (1 случай), 17 (1 случай) и 32 (1 случай) подводы. Наибольшее количество подвод требовалось на транспортировку из Устюжны государственных заказов в Москву или перевозку "колодников" т. е. заключенных. Так, в феврале 1607 г. кузнецу Михаилу Олферьеву и устюжскому розсылщику Трешке Ярославкину от Устюжны до Москвы потребовалось 11 подвод под ядра, а в марте 1608 г. Самойло Микулин на Устюжне "взял под ядра и под себя 32 подводы". Летом 1608 г. Елизарию Онаньину требовалось 17 подвод с проводниками: 2 для себя, а 15 - "под колодников под 30 человек, 2 человеком подводу с телегами да проводника"⁵²⁰. При этом надо иметь ввиду, что в большинстве случаев подорожные были "в обе стороны", а кроме подвод, посадку приходилось в ряде случаев, в обязательном порядке, выделять проводников.

Посадские люди, в своих челобитных, постоянно жаловались, что посад с уездом всего 520 чети, а через Устюжну «гоняют ... гонцы и посланники и с зеленою и с свинцовою казною с Москвы и с Вологды и с Кашина и с иных многих городов» на Тихвин и за рубеж много и силой правят подводы, а их на Устюжне нет⁵²¹.

Жалобы возымели свое действие. В 1613 г. посадские люди получили подтверждение о том, что за ними сохраняются как тяглые ряд волостей соседних уездов - "Белозерского уезду волости Петушская, Сухацкая, Тырпицкая, Андожская, Холицкая, Суцкая, Пушбалецкая, Ваксадовская да Бежецково Верху Городецково уезду волости Семутино да Васильево, Никитино, Любегощ, Федорково, Кестьма и Колынево, Кузмодемьянское". Эти волости были приписаны к Устюжне для «подвод, кормов и городского дела» по боярским грамотам в октябре 1612 г. Через год, потребовалось подтвердить это решение, особенно в ямской повинности, так как "ныне к Устюжне подводами и кормами" эти волости не тянут. Воеводе поручалось строго следить за исполнением волостными крестьянами своих повинностей, а в случае необходимости посылать по "ослушников» стрельцов и казаков, привозить их в Устюжну, «бить батогами и сажать в тюрьму, чтоб иных волостей крестьяне не ослушались"⁵²².

Видимо, в этой деятельности местные власти переусердствовали. В октябре 1613 г. устюженскому воеводе П. И. Загрязкому было строго наказано не привлекать и "не ведать" крестьян дворцовых сел Хрипелево, Микифорово и Тухани к посадскому тяглу без разрешения государя⁵²³.

⁵¹⁹ Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 53. С. 60 - 64.

⁵²⁰ Там же. С. 62.

⁵²¹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 209об., 210.

⁵²² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 118об. - 119об.

⁵²³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 109 - 110об. Воеводу обвиняли в том, что "с Устюжны посылаете тех сел по крестьяне многих приставов и пушкарей и стрельцов и продажи де чинят великие ... велят крестьянам делать острог и надолбы и под ратных людей и под гонцов правят подводы" и т. д., заставляя тянуть всякие подати.

О размерах тяглого бремени, связанного с выполнением посадом ямской (подводной) повинности говорят следующие факты. На Устюжне, видимо, в 1614 или 1615 г. был организован ям «для посольских скорых гонцов и посланников», где стояли ямщики из Ярославля (15 подвод), Кинешмы, Романова и Сухорского яма (15 подвод). Но, вскоре, они разбежались и посадским людям пришлось нанимать подводы под гонцов и казну за свой счет. Осенью и зимой 1616/17 г. найм 1 подводы у крестьян до Тихвина стоил 40 алтын (1 руб. 20 коп.), а до Острошка - 1 руб. 50 коп. Так, за сентябрь - декабрь 1616 г. они наняли до Тихвина 80 подвод, а за январь 1617 г. 44 подводы, уже по 1 руб. 50 коп. за подводу. Таким образом, за несколько месяцев 1616 и 1617 гг. убытков у посада было более чем на 250 руб. Это более чем в 5 раз превышало размер всех прямых податей с посада. В этот период с посада собирали еще казачьи хлебные запасы для Тихвина и кормили посольских лошадей. Поэтому, посадские люди «стоят на правеже и от того правежу достальные посадские люди бредут розно»⁵²⁴.

Постоянный налоговый пресс и значительный рост податей и, особенно, повинностей, создавал напряжение не только во взаимоотношениях посадского мира с государством или посадского мира с беломестцами и тарханщиками. Он повышал социальное напряжение и внутри посадской общины. Главным источником противоречий стала борьба за социально справедливое распределение налогов.

Весной 1615 г. внутри посадской общины произошел серьезный конфликт между зажиточной посадской торговой верхушкой и молотчими людьми, в который вынужден был вмешаться воевода. В 1614/15 г. в Устюжну Железопольскую приехал Михайло Пушкин собирать зборные деньги. Это был чрезвычайный 20% налог, который не брался с молотчих людей. Социальный статус определялся по поверстному окладу. Земские старосты и целовальники жаловались на то, что «мелкие» посадские люди в поверстном окладе в книгах проведены дешево», после окладу у них объявились торги и промыслы. В одностороннем порядке, без решения посадской общины, земские власти произвели перераспределение поверстных окладов младшим людям, что вызвало настоящий бунт. Как писали земские целовальники, «те мелкие люди завели на Устюжне казачий быт, всех черных людей привели к вере знаменовались образом и учинили заговор на том, что им земских целовальников не слушать и в те торговые расходы по сыскному верстанью не платить и на правеж друг друга не дати». Они пошли на земских целовальников и на всех лучших людей «скопом и заговором и шумом великим» и хотели побить насмерть. При этом молотчие люди не отказывались платить свои налоги, они выступали против несправедливого перераспределения тягла.

После того как М. Пушкин, собрав зборные деньги, уехал в Москву, земские целовальники Ивашко Ховроньин и Ивашко Дарьин и земской дьячек Фочка с товарищи «умысля воровством с прожиточными людьми» попытались часть своих расходов переложить на молотчих людей, поставив их на правеж. Пришлось вмешаться воеводе. Он обязан был пресекать любые беспорядки - виновных молотчих людей иметь, бить батогами и сажать в тюрьму до указу»⁵²⁵.

Рост налогового бремени, социальные противоречия, развитие феодального землевладения и т. д. привели к обострению криминальной ситуации как в самой

⁵²⁴ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 237 - 244.

⁵²⁵ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 184 - 189 об.

Устюжне Железопольской, так и в уезде. В январе 1616 г в городе вновь были сформированы местные судебные органы - губная изба. Как писали посадские люди, «без губного старосты и без целовальников быть не мочно, потому что на Устюжне разбой и татьба и многое воровство чинятся великое, а ... в том воровстве сыску никоторого нет»⁵²⁶.

Расположение Устюжны Железопольской на перекрестке стратегически важных общегосударственных дорог, для посадских людей обернулось еще одной обременительной службой. Значительные расходы посада, как денежные, так и натуральные, были связаны с обеспечением потребностей посольств, следующих через город. Каждый из таких проездов, а они были, видимо, регулярными, был ощутимым ударом по материальному положению посадских людей.

7 февраля 1617 г. от посла князя И. Д. Мезецкого в Устюжну пришло распоряжение из кабацких и таможенных доходов «купить и привезти в Новгород про английского посла запасов: 100 пудов меду, 10 яловиц, 150 куров, 3 пуда масла коровья, 1000 яиц». Земской целовальник Нечайко Иванов от имени посадских людей жаловался в Москву, что доходы кабацкие и таможенные - 630 руб., почти все истрачены по грамотам на корм английскому послу и на жалование пушкарям и стрельцам. Оставшиеся 160 руб., предназначены для изготовления 200 пищалей. Недостающие средства, воеводе нередко, приходилось выбивать силой - от этих "посольских запасов многие посадские люди с Устюжны розбрелися розно, а достальные ... в посольских запасах стоят на правеже»⁵²⁷.

Особенно пострадал город, когда через него шли князь И. Д. Мезецкий "с товарищи", английское посольство князя Ивана Ульянова с королевскими дворянами и отряд московских стрельцов во главе с Б. Полтевым⁵²⁸. Они мобилизовали с посада на 200 верст до Тихвина мостовщиков, запасы и суда со всей снастью, кормщиков и гребцов "учинив убытки многие"⁵²⁹.

В условиях непрерывного роста налогового бремени, земские власти шли на любые шаги, которые позволяли увеличить доходы посада. В июле 1618 г., земские целовальники И. Ховриньин, И. Жуков и О. Грибушин доправили на 30 крестьянах М. Я. Сулешева проживающих в Устюжне 200 руб. и «вымучили поручную запись, что им жить на посаде и всякое тягло тянуть» с посадскими людьми заодно. Чуть позже, в июле, они же взяв у воеводы стрельцов доправили на крестьянах Д. Лодыгина Понизовской волости 11 подвод и, как писал Д. Лодыгин, «крестьян перебили и переграбили ... взяли грабежем ... на 25 руб. с полтиною»⁵³⁰.

⁵²⁶ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 232.

⁵²⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 246 - 247 об.

⁵²⁸ По отписке Льва Карпова, в апреле 1617 г. с Устюжны "послано к послам дворян и детей боярских разных городов 48 человек". Отряд Бориса Полтева состоял из 500 стрельцов, в самой Устюжне в это время "для обереганья послов от немецких людей" находились: "стольник и воевода Лев Иванов сын Долматов-Карпов да Илья Васильев сын Беклемишев, а с ним дворян и детей боярских: Ярославля Большого 193 чел., Угличан 69 чел., Кашинцов 125 чел., Бежецкого Верху 109 чел., Романовцов 49 чел., Пошехонцов 57 чел., Смоленян 7 чел., Вологжан 1 чел., Ноугородцов 205 чел., Романовских татар половина 110 чел. - всего дворян и детей боярских по наряду 925 чел. См.: Книги разрядные, по официальным оных спискам, издания с высочайшего соизволения II-м отделением Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853 г. Т. 1. С. 309.

⁵²⁹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 255об. - 256.

⁵³⁰ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 270об., 271, 272, 272об.

Одной из наиболее важных и больших статей доходов Устюжны Железопольской были таможенные и кабацкие деньги. Как правило, большая их часть расходовалась в самой Устюжне, на государственные нужды. Так, за 1613/14 г. "у кабацких и у таможенных целовальников у Иванка Обрютина с товарищи взято по государевым грамотам на всякие росходы кабацких и таможенных откупных денег 474 руб. и 20 алтын", а за 1614/15 г. - 666 руб. и 20 алтын⁵³¹. Почти все доходы вое-

---

⁵³¹ РГАДА. Ф. 141. 1631 г. № 58. Л. 1, 7. Приведем полностью структуру доходов и расходов Устюжны Железопольской за 124 (1613/14) финансовый год.

Смета государя и царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси деньгам Устюжны Железопольские посадским оброчным расходам и откупным кабатским и таможенным деньгам и с судебных дел пошлинным деньгам и всяким доходом, что иманы при воеводе Иване Борисовиче Голочелове да при дьяке Илье Дубровском 124 году, сентября с 1-го числа по сентябрь по 1-е число 125-го году.

С Устюжны с посаду против прошлого 123-го году на 124-й год всяких оброков в приходе 46 руб. и 20 алтын. Да у кабацких и у таможенных откупщиков у Истомки Козлова с товарищи взято по государевым грамотам на всякие росходы кабатских и таможенных откупных денег 620 руб. И обоено кабатских и таможенных откупных денег и с посаду всяких денежных доходов в 124-м году взято 666 руб. и 20 алтын. Да с судебных дел пошлин взято 124-го году 7 руб. 19 алтын з деньгою. Да по государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью государева думного дьяка Петра Третьякова с судебных дел пошлин прошлых лет прежних воевод князя Ондreja Сицкого да Петра Загряжского, да Ондreja Трусова, да Ивана Урусова, да Василья Тимофеева с которых оне с невершенных судебных дел пошлин не имали, взято 16 руб. 8 алтын 4 деньги. Да с служилых люцких кабал пошлин 20 алтын, да с явок 3 алтына 2 деньги. И всего неокладных доходов с судебных дел, пошлин, и с кабал, и с явок в приходе 691 руб. 4 алтына 3 деньги. Да что осталось у 123-го году декабря с 9 числа в 124 году за всякими росходы 6 руб. 10 алтын. И всего нынешняго 124-го году всяких доходов в приходе что осталось у 123-го году в нынешнем 124-м году 697 руб. 14 алтын 3 деньги.

И тех денег по государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамотам за приписью государева думного дьяка на всякие росходы вышло. Блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси царице старице инокине Дарье 30 руб. денег да на покупку на всякие запасы на ее обиход 203 руб., и обоено денег и что на покупку на запасы вышло 233 руб. Воеводе Ивану Борисовичу Голочелову государева жалованья в полу его оклада 30 руб. Дьяку Илье Дубровскому в государево жалованье 20 руб. Николы чудотворца Моденского монастыря игумену Антонию з братьею государева жалованья руги 10 руб. Ружного храму Здвиженье честнаго креста попу Иосифу государева жалованья руги денег рубль да на хлеб на рожь и на овес и на просфиры на пшеницу 24 руб. и всего куплено хлеба и что дано деньгами на 25 руб. Сотнику стрелецкому Ивану Трусову государева жалованья в полу его оклада 5 руб. Пушкарям пятьма человеком Дмитроку Дементьеву, Фетьке Костянтинову, Офонке Обросимову, Куземке Дмитриеву, Петрунке Остафьеву государева жалованья в полу их окладов 17 руб. с полтиною, по 3 руб. с полтиною человеку. Стрельцом 50 человеком государева жалованья на 9 месяцев ноября с 1-го числа до августа по 1-е ж число 124-го году 112 руб. с полтиною денег, по 2 руб. с четью человеку, да за 112 чети с осминою ржи 135 руб., по 40 алтын четь, да за 112 чети с осминою овса 67 руб. с полтиною, по 20 алтын за четь, по торговой цене, и обоено 315 руб. Да тем же стрельцом в август месяц в государево денежное и хлебное жалованье 6 руб. 23 алтына 2 деньги. Да целовальнику, которые покупали про посла про князь Ивана Ульянова питье и всякий посольский корм, Ивану Белозеру к пятинным деньгам чево не доставало 2 руб. с полтиною. Новгородским выходцом на корм приставом Тихану Мартьянову да Меркурию Обернибесову да выхотцам Петру Ногину, Ясаулу Кузьме Климентьеву, Якову Федорову, Семену Аврамьеву, Ивану Ульянову, Ларивону Степанову да татарину Ивашко Смирново да немчину Матфею рубль 30 алтын. И всего кабацких и таможенных и откупных и с посаду оброчных денег по государевым грамотам вышло в расход 666 руб. и 20 алтын. На писчую бумагу 4 руб. 4 алтына 2 деньги. На сальные свечи 11 алтын з деньгою. На дрова 3 руб. 9 алтын. Воску на печать на алтын. В съезжую избю к казенке на замок гривна. И всего на бумагу и на свечи и на дрова и на все и что куплен замок к казенке 7 руб. 28 алтын 5 денег. И всего в расходе сентября с 1-го числа 124-го году по сентябрь по 1-е число 125-го году на всякие росходы вышло 674 руб. и 15 алтын 3 деньги.

А осталось за всякими росходы у 124-го году в 125 год с судебных дел пошлинных денег 124-го году 6 руб. и 23 алтына 4 деньги. Да осталось с судебных дел пошлинных денег что взято в нынешнем в 124-м году прошлых лет прежних воевод 16 руб. 8 алтын 4 деньги. И обоено в остатке пошлинных денег 22 руб. 32 алтына 2 деньги. И всего вышло на всякие росходы в нынешнем в 124-м году и что осталось у 124-го году в 125-й год 697 руб. 14 алтын 3 деньги

Илья Дубровской. РГАДА. Ф. 141. 1631 г. № 58. Л. 7 -13.

вода полностью пустил «в расход на пищали и дворянам и детям боярским и стрельцам и покупать старице царице Дарье запасы»⁵³².

Стрельцы находились на государственном жаловании. Денежный оклад платили, как правило, с таможенных и кабацких доходов Устюжны, а хлеб собирали с посада, уезда и дворцовых сел "со всяких людей с сох по платежным книгам и по сошному розводу". В Устюжне средств катастрофически не хватало. Жалование стрельцам и пушкарям выплачивали нерегулярно, с задержкой, редко за целый год вперед. Особенно тяжелое положение сложилось с доходами в 1613 г. Основной источник доходов - кабак и тамга были отданы на откуп, крестьян отписали к Дворцу и «ни в городовые подати и поделки» не тянут и кормов не дают, а устюженскому воеводе их ни в чем не ведать". Небольшие доходы с уезда, всего с 1 сохи, не обеспечивали расходов. В такой ситуации, посадские и уездные тяглые люди в стрелецких кормах отказали и сказали, что «им одним стрельцов не прокормить». Не получив жалования, стрельцы "розбрелися розно и по воротам и на карауле нет никого, кроме посадских людей"⁵³³.

Налоговое бремя по содержанию служилых людей по прибору, в некоторой степени облегчалось тем, что в ряде случаев, в него втягивались дополнительные территории. В апреле 1612 г., воевода Д. Погожев посылал "дворян и детей боярских добрых в Белозерский уезд собрати с белозерских сел, которые подошли близко к Устюжне, деньги на жалование дворянам и детям боярским и служивым людям, которые ныне на земской службе на Устюжне к устюжским деньгам в прибавку и людцкой и конский корм"⁵³⁴.

Из таможенных и кабацких доходов выплачивали жалование не только стрельцам и подьячим съезжей избы но и служилым дворянам, в том числе и воеводам⁵³⁵.

---

⁵³² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 191. Еще одним значительным источников доходов с конца XVI в. стала передача в местную казну сборов с мостов и перевозов. На больших реках с пешего человека брали по полуденьге, с конного по деньге, с телеги с лошастью по 2 деньга. Доход со всех перевозов делился на 2 части: половина шла в земские доходы, а половина владельцу земли. Контролировали и собирали пошлины выборные посадские и уездные люди - целовальники и перевозчики. ААЭ. Т.1. № 367. С. 454-455.

⁵³³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 153 - 155. Не получив жалования, стрельцы розбрелися розно и по воротам и на карауле нет никого, кроме посадских людей». Жалование служилых людей по прибору в Устюжне постоянно уменьшалось, особенно рядовых стрельцов. В 1613 г оно составляло: 3 руб. оклад, 5 четверти ржи и 5 четверти овса, что при стоимости 1 четверти ржи 40 алтын, а овса в 20 алтын (цены 1616 г.) в денежном выражении составляло 9 рублей; у пятидесятника оклад был в 3руб. 50 коп., хлебного корма он получал 12 четвертей на год. В 1618 г. оклад рядового стрельца составлял 2 руб. 25 коп. и 3 четвертей ржи и 3 четверти овса, а пятидесятника - соответственно 2 руб. 75 коп. и 3 чети ржи и 3 чети овса. Там же. Л. 144, 229, 269. У пушкарей была аналогичная ситуация. Их денежное жалование сократилось с 7 руб. в 1618 г. до 2 руб. в 1624 г. Там же. Л. 299, 395, 395об., 733. Сокращение таможенных и кабацких доходов влекло за собой сокращение численности местной администрации. В октябре 1625 г. воеводе Лихореву оставили вместо 3 подьячих 1, «потому что де на Устюжне в съезжей избе 2 или 3 человекам быти не у чеве». Оклад оставлен прежний - 5 руб. в год. Там же. Л. 761-762.

⁵³⁴ Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611-1613 гг. М., 1911. №71. С. 84 - 85. Данная мера носила временный характер. Деньги на жалование людской и конский корм собирали с юго-западных волостей Белозерского уезда для того, «чтобы ратные люди без жалованья не розошлись и Устюжны бы литовским людям не выдати». Через 2 месяца, 16 июня 1612 г. белозерцы были освобождены от необходимости собирать деньги и корм ратным людям Устюжны. См. Там же. № 72. С. 85 - 87.

⁵³⁵ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 156 -158об. За 1613 г. подьячим Устюженской съезжей избы выплатили: Сидорку Кузмину - 5 руб., Филатку Истомину и Ганьке Сидорову - по 3 руб. с полтиной. Воеводы И. С. Урусов получил 20 руб. из 40 руб. оклада, а И. Б. Голочалов полный оклад - 60 руб.

Значительные расходы посада были связаны с уплатой корма царице-старнице Дарье. В течении 10 лет, с 1614 по 1624 гг. посад платил ей натуральный и денежный оброк. Только за 1623 г.. старнице была выплачена из таможенных и кабацких доходов значительная сумма - 167 руб. 44 коп.⁵³⁶.

На посадское население государство возлагало и все расходы по укреплению обороноспособности города. Так, в 1619 г. воевода Ф. Бутурлин взял из таможенных и кабацких доходов 25 руб. для оплаты работы кузнецам за железные ядра и за каракули для устюженского наряда. Правительство посчитало эти расходы земскими, а не государственными. Новому воеводе Я. С. Дубровскому пришлось их "на всех посадских людях доправить, потому что те каракули и ядра делали они для себя берегучи своих голов и те каракули и ядра и ныне у них на Устюжне"⁵³⁷.

Посадскому миру постоянно приходилось содержать из своих доходов и ряд ружных городских храмов и местных монастырей - выплачивать им деньги и хлебные припасы⁵³⁸.

В конце 1619 г. сложилась критическая ситуация со сбором таможенных пошлин. По мнению посадского мира, недостаток сбора таможенных денег был потому, что "на Устюжне и в Устюжском уезде торговых людей грамотчиков и тарханщиков много, всякими товары торгуют беспошлинно ... таможенных пошлин збирати не скво и недобор таможенной пошлине ставитца великой». В этих условиях воеводе Ф. Бутурлину пришлось пойти на чрезвычайные меры и ввести новый порядок - брать таможенные пошлины «со всяких людей ... чей хто ни буди, без выбору, а кто платить не будет ... имать протаможье по уставной грамоте»⁵³⁹. Т. е., фактически временно отменить в Устюжне и уезде все таможенные льготы.

Окончание Смуты, требовало от правительства иных методов взаимоотношений центральной власти с тяглым населением. Вопрос обсуждался на самом высоком уровне - Земском Соборе 1619 г. Для выяснения действительного состояния дел, с мест в Москву, приглашались выборные люди. От Устюжны было "велено

---

⁵³⁶ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 612-612об. Это было денежное жалование и деньги за столовые запасы. В 1618 г. из устюженских доходов старнице Дарье дали 30 руб. денег, а столовые запасы выплачивались натурой - 5 гривенков перцу, 10 пудов меду красново, 16 осетров длинных, 2 бочки щученины, 1 бочку сельдей немецких, 2 пуда икры, 86 четвертей различной муки, 14 четвертей круп, гороха, пшена и толокна, 15 четвертей солоду и 3 четверти конопли. Л. 193-194.

⁵³⁷ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 348 - 350.

⁵³⁸ Наиболее ранняя жалованная ружная грамота относится к Крестовоздвиженской (Воздвиженской) церкви. Настоятель храм поп Иосиф получил ее еще в декабре 1521 г., сразу же после ликвидации Угличского удела. Великий князь Василий Иванович «пожаловал ... давати с году на год попу по 2 рубля денег да хлеба по 15 четьи ржи да по 15 четвертей овса, да на просвиры по 2 четверти пшеницы, а проскурнице за стряпню по 2 чети ржи, а пономарю по 4 четверти ржи, по 4 четверти овса». Ругу давали один раз в год, на Николин день (6 декабря). Деньги настоятелю храма выплачивали из устюженских таможенных доходов, а хлебные запасы и воск - из Москвы, из Дворца. См.: ААЭ. Т. 2. № 63. С. 140-141; АИ. Т.1. № 128. С. 190-191. Видимо, одновременно церковь получила земли вблизи города - деревню Обухово и пустошь Ивановскую. В феврале 1522 г. храм получил жалованную грамоту. Она давала освобождение церкви, их людям и крестьянам от дани великого князя, таможенных пошлин (мыта и тамги), всякого рода государственных повинностей, широкий административный и судебный иммунитет. В последующем, московские государи, начиная с малолетнего Ивана IV и заканчивая Михаилом Федоровичем подтвердили эти грамоты, переписав их на свое имя. См. ААЭ Т. 2. № 62. С. 139, № 63. С. 141; АИ. Т.1. № 128. С. 191.

⁵³⁹ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 371-373. Местная администрация не упускала случая пополнить государственные доходы любыми способами. В 1621 г., один из посадских жителей Матюшка Микитин, задолжал в кабак 1 руб. 91 коп., но, отдать не успел, умер в кабаке. Ни жены, ни детей, с кого можно было бы взыскать долг, у него не оказалось. Воевода распорядился «те напойные деньги ... доправить на кабацком голове и на целовальниках ... чтоб кабацкого питья без денег не давали, кому верить не мочно». См.: Там же. Л. 411об. - 412..

выбрать из духовного чину человека или двух, а из детей боярских и из посадских людей по 2 человека, добрых и разумных, которые умели бы рассказать обиды и насильства и разорение"⁵⁴⁰. Собор принял ряд решений в области внутренней политики. Главным образом они относились к налогообложению и затрагивали интересы казны. Единовременные сборы запросных и пятинных денег, взывавшиеся наряду с другими налогами не могли стать постоянным источником средств для казны. Они только разоряли население. Для определения реальной базы налогообложения, т. е. численности посадского населения и его способности нести тягло, было решено провести новую перепись. В города разоренные в Смуту, посылали дозорщиков, в остальные писцов. Особое внимание при этом, обращалось на посильное для посадских людей налогообложение.

В 1619 г. посад Устюжны Железопольской дозирали Филат Маслов и подьячий Матвей Лужин. Результат этого дозора не может не вызывать удивления. В городе оказалось только 16 тяглых посадских дворов в которых жили 31 человек. Кроме них в числе посадских были записаны 27 бобыльских дворов, 45 человек, но они в сошное письмо положены не были. Со времени прежнего дозора, который был в 1614 г., запустели 30 дворов и 8 мест дворовых - "а посадские люди ис тех дворов сошли безвесно, а иные померли". Посад был положен в сошное письмо в полчети сохи, т. е. в 100 четвертей. Всех денежных доходов, которые шли с посадских людей Устюжны Железопольской, было 44 руб. 63 коп.⁵⁴¹. Таким образом, по итогам дозора 1619 г. приходилось 2 руб. 79 коп. на один тяглый посадский двор и 1 руб. 44 коп. на 1 человека прямых податей на год. Это, по сравнению с концом XVI в., не менее 4 - 5 кратный рост на 1 двор. В пересчете на 1 соху рост так же значителен, более чем в 2,5 раза, с 30 руб. до 73 руб. 61 коп.⁵⁴².

Значительная убыль посадского населения, явились прямым следствием непомерного тяглового бремени обрушившегося на посад. Главная задача дозоров 1619 г. установить справедливое налогообложение, по крайней мере относительно Устюжны, не была выполнена. Новый посошный оклад никак нельзя отнести к числу тех, которые способствовали бы увеличению численности посадского населения.

Посадский мир всегда вел активную борьбу за свое монопольное право на промыслы и торговлю и за привлечение к тяглу дополнительного населения. Наиболее активно и результативно шла эта борьба с привилегиям монастырей, особенно местных. Одним из них был Модинский монастырь. Сохранившийся комплекс монастырской документации за первую половину XVII в. позволяет достаточно подробно увидеть этапы этой борьбы.

До 1620-х годов монастырь был независим от местной власти, а тем более посада, и фактически обладал полным иммунитетом на свои владения. В основе его статуса лежали жалованные грамоты московских государей. В октябре 1607 года монастырь получил очередную жалованную тарханную грамоту от В. И. Шуйского⁵⁴³. В основе ее содержания были грамоты Ивана VI от 1578 г.⁵⁴⁴ и его сына Федора

⁵⁴⁰ Акты относящиеся к истории Земских Соборов. М., 1909. С. 19.

⁵⁴¹ 1626 г. - Роспись перечневая ... С. 104.

⁵⁴² Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 152.

⁵⁴³ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 20 - 21об.

⁵⁴⁴ Там же, Л. 21об. "Дана грамота 7086 году, апреля в 29 день".

Ивановича от 1585 г.⁵⁴⁵ Жалованная грамота перечисляла льготы, которыми пользовались монастырь и его зависимое население и предоставляла монастырю практически полный податной⁵⁴⁶, таможенный⁵⁴⁷ и судебный⁵⁴⁸ иммунитет. Кроме того, жалованная грамота освобождала монастырь от экономического и административного подчинения новгородскому владыке⁵⁴⁹.

В 1620 и 1623 гг. Модинский монастырь получил от имени Михаила Федоровича новые жалованные грамоты. Оговаривая приемственность и подтверждая грамоты выданные Иваном IV, правительство ограничивало и конкретно очерчивали пределы феодального иммунитета монастыря. Сохраняя практически в неизменном виде административные и судебные права монастыря как вотчинника, правительство в значительной степени ограничило его административно-финансовую независимости от государства и посадских властей.

Теперь на него распространялись наиболее тяжелые и обременительные налоги и повинности - ямские деньги, стрелецкие хлебные запасы, городское и острожное дело, которые они тянули наравне в податным населением города и уезда "по писцовым книгам и по дозорным з живуцаго с сошными людьми вместе"⁵⁵⁰.

Значительно сократились таможенные привилегии монастыря. Он освобожден от торговых и таможенных пошлин для покупки "на монастырский обиход" только на 50 рублей в год. В неурожайные годы монастырь имел еще право беспошлинно закупить 100 четвертей ржи, 50 четвертей овса и 200 пудов соли⁵⁵¹.

Правда, задолго до этого, монастырь уже участвовал в посадском тягле. Но, это было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. В годы Смуты Модинский монастырь и Шалочская пустынь и их деревни были разрушены - "тех монастырей старцы и бобылишка от литовский людей высечены и деревни пожгли, стали пус-

---

⁵⁴⁵ Там же. Л. 21об. Грамота датирована январем 1585 г. «лета 7093 году, генваря в 15 день», но является подтверждением более ранней грамоты, которую монастырь получил не позднее 1581 г. В тексте есть ссылка на грамоту «царевича князя Ивана Ивановича» сына Ивана Грозного. Возможно речь идет о грамоте Ивана IV 1578 г.

⁵⁴⁶ Все льготы монастырю были даны, видимо, еще Иваном Грозным, а затем подтверждались всеми московскими государями - Федором Ивановичем, Борисом Федоровичем Годуновым и Лжедмитрием I в 1605 г. «Хто у них в монастырской вотчине в починках и в деревне ... и что у них в слоботке поставятца дворишка и учнут жити слуг монастырских и крестьян и людей и тем их слугам и крестьяне не надобе ... дани давати ни ямские деньги ни примет ни посошная служба ни иные некоторые пошлины и помер и пятно ни явки ни наместничьи ни волостелины кормы ни тиуны ни доводчиковы ... ни по что, ни к сотцким ни к десяцким с черными людьми не тянуть, ни которые проторы ни в розметы ни города не делать ни мостов не мостить, ни к ямчужному серу и дров не возитьни ямчуги не варитьни ни чем не тянуть, ни на ямах с подводами не стоять и ямских дворов не делать ... царевых и великого князя ... кормов и посолских кормов имати на них не велел и на яме ямщикам и всяким гонцам ни буди и у их слуг и у попов и у дьяконов и у их людей и у крестьян подвод и проводников не имати ... и з домниц горнового не имати и иных никаких дел не розметывати». Там же. Л. 20 - 21.

⁵⁴⁷ «А что их попы и дьяконы и люди и крестьяне и старцы монастырские на Москве и в котором городе ни буди купят в монастырь и себе или что монастырское или свое продадут или повоз повезут к Москве ис которого починка и из деревни и слоботки или в Новгород Великий и в иные города зиме на санях а летом на телегах или в судах водою или к морю для соли или в который город ни буди и они с того товару мыта и тамги ни померного ни весчего ни порекам перевозов ни мостовщины ни иных некоторых пошлин не дают». Там же. Л. 21, 21об.

⁵⁴⁸ Право суда, кроме душегубства, принадлежали настоятелю монастыря - «судят игумен или строитель з братиею тех своих людей сами или кому прикажут». Там же. Л. 20.

⁵⁴⁹ «В их монастыре ... попы и дьяконы архиепископу новгородскому дани иных ни которых пошлин не дают и десятинники и заезчики к ним не въезжают ни по что». Там же. Л. 21.

⁵⁵⁰ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

⁵⁵¹ Там же. Л. 7 - 7об.

ты" ⁵⁵². После разорения, монастыри перебрались под защиту крепостных стен Устюжны Железопольской. Их земельные владения настолько запустели, что не были даже положены "в сошное письмо ... для их убожества". С 1609 по 1613 гг. они платили "всякие подати и острог ставили и пушки ковали с устюженцы с посадскими людьми вместе». В 1613 г. владения Модинского монастыря, Шалоцкой пустыни и соборного Рождественского храма были подвергнуты дозору. Оказалось, что сошного письма по дозору 24 чети, что в 2,5 раза меньше, чем в конце XVI в. (по письму Дм. Бельского 1597 г. 65 четей). Не смотря на столь значительное сокращение налогооблагаемой пашни, игумен Модинского монастыря просил оставить их в посадском тягле, чтобы всякие подати "платить с посадом вместе, а в уезд к сохам не приписывать ... и доходов никаких с уездными сохами не иметь" ⁵⁵³.

Подобная ситуация была с льготами другого монастыря - Тихвинского Введенского девичья монастыря. В 1626 г. он получил жалованную грамоту на новые владения в Устюженском крае - село Микифорово с деревнями. Объем и характер его привилегий был примерно такой же, как у Модинского монастыря. Тихвинский монастырь и его крестьяне освобождались от всех податей и кормов кроме "ямских денег, стрелецких хлебных запасов и городского и острожного дела, которые должны были делать по писцовым и по дозорным книгам с четвертные пашни ... с сошными людьми вместе". Частично, на 70 руб. в год, освобождались они и от таможенных пошлин ⁵⁵⁴.

Иногда, не дожидаясь правительственных решений, посадские власти игнорировали и нарушали те права монастырей, которые затрагивали их интересы. Поэтому, монастырям приходилось тщательно следить и бороться за соблюдение оставшихся своих привилегий ⁵⁵⁵.

Так, в 1626 г. игумен Елизар жаловался на таможенного и кабацкого голову Устюжны Железопольской Малюту Шиловцева, что тот отказался на 134 (1625/26) год выплатить монастырю "ис таможенных доходов ружные деньги и за слободку", мотивируя это тем, что "жалованная грамота дана им (монастырю) не из Устюжские четверти и ружных де денег по той жалованной грамоте без ... (государева) указу дати им не смеет". Государству пришлось подтверждать льготы предоставленные Модинскому и Воскресенскому монастырям В грамоте на Устюжну Железопольскую были подтверждены обязательства посада перед монастырем в выплате ежегодно 10 рублей ружных денег ⁵⁵⁶.

Все что касалось финансовой деятельности посада, находилось под постоянным и жестким контролем земских властей. Земские целовальники Устюжны Железопольской никогда не упускали случая увеличить посадские доходы. Характерным примером могут служить два сюжета в которых раскрывается борьба посада за

---

⁵⁵² РГАДА. Ф. 137. Кн.1. Л. 100об.

⁵⁵³ Там же. Л. 101, 101об.

⁵⁵⁴ РИБ. Т.35. № 354. С.688-700.

⁵⁵⁵ Эта тенденция была, видимо, характерна в целом для взаимоотношений посадского мира и монастырей. В конце 1622 г. монастырские власти Модинского монастыря жаловались государю на таможенного голову города Вологды Захария Иванова. Он подверг сомнению законность жалованной грамоты "высмотря грамоту сказал им, что грамоты рудить не будет, но подпись у грамоты не та - Семена Головина, а им надо слушаться грамот Ивана Грамотина" и взял с них "по их монастырской покупке поруку" до государева указу. См.: ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 32 - 33.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 8об. - 10.

увеличение поступлений доходов в городскую, а соответственно и в государственную казну.

В 1623 г. дьячек съезжей избы Устюжны Железопольской Сидорка Кузмин известил Михаила Смывалова, дьяка Устюжской четверти, о том, что Воскресенский монастырь владеет мельницей на реке на Вороже, а оброк в государеву казну не платит. Ранее это была оброчная мельница принадлежащая посадскому человеку В. Тормасову. Оброк с нее он "платил на Устюжне ж земским целовальникам по 6 алтын 4 деньги на год"⁵⁵⁷. В 1603 г. В. Тормасов продал половину мельницы двора и огорода "со всякою мелничною снастью и запасом в колесах и в жерновах и в анбаре и во всяком запасе половину" за 13 рублей Воскресенскому монастырю. Вторую половину двора "с хоромы", половину земли, огорода и мельницы он завещал монастырю после своей смерти, как вклад "по своей душе и по родителях своих".

Вскоре, губному старосте Путилу Бирилеву пришли грамоты в которых ему необходимо было провести обыск. Опросив более 50 человек посадских людей в апреле 1623 г. Путила Бирилев отправил в Москву результаты обыска - распросные речи, и с крепостей списки и обыски. Выяснилось, что мельница "исстари была посадская". В 1567 г. она была на оброке за посадским человеком И. И. Загородским и 2 городскими храмами. Завладел "тем мельничным двором и мельницею обеими половинами" В. Тормасов "после большого мору", т.е. после 1570 г. Выяснилось и то, что монастырь, начиная с 1603 г. оброк с мельницы не платил. В мае 1623 г. от имени государя устюженскому воеводе Микифору Олферьевичу Колычеву пришел приговор - оставить мельницу за монастырем, но взять с него оброк за 10 лет, с 1613 по 1623 гг., по 2 гривны на год, всего 2 рубля и впредь платить ежегодно в казну по 16 алтын 4 деньги. Кроме этого с игумена Елизария воеводе необходимо было взять поручную запись, гарантирующую погашение оброчного долга⁵⁵⁸.

Второй пример, закончившийся не столь благополучно для посада, не менее показателен. В 1626 г. две деревни Огибь и Порослая по государеву указу и сыску были отписаны от посада и переданы в Воскресенский монастырь. После этого устюженские головы и целовальники, как писали монастырские власти, начали с монастырских крестьян и с монастыря брать повышенную таможенную пошлину "иногороднюю, а не устюженскую", хотя, когда деревни были "за устюженцы за посацкими людьми, с тех деревень со крестьян, устюжские головы и целовальники таможенную пошлину имали тутошнюю устюженскую малую". Настоятель монастыря, строитель Герасим, просил сохранить для монастыря льготные таможенные тарифы и брать с "их деревень таможенную пошлину устюженскую, что и с посацких людей ... потому, что те их деревни ... в одних писцовых книгах с Устюжною с посадом написаны". Борьба посада и монастырских властей растянулась на несколько лет. Только в марте 1629 г. вопрос был решен в пользу монастыря⁵⁵⁹.

Эта борьба, в которую посад был втянут постоянно, не всегда, видимо, приносила ощутимый материальный доход. Но, она имела и другую, более важную задачу - расширить число потенциального тяглого населения и утвердить свое монопольное право на торгово-ремесленную деятельность.

⁵⁵⁷ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 38.

⁵⁵⁸ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 37об. - 39.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 33.

Постоянный рост налогового бремени, оказывал влияние на уровень социального напряжения среди посадских людей. В ноябре 1625 г. внутри посадского мира возник очередной конфликт. Его причиной стал расклад податей на новый 134 (1625/26) год. Земский целовальник Васька Пестов с товарищами (12 человек) отказались подписать окладные книги, т. к. их "окладывают без сыску не по их животам", посчитав, видимо, завышенным свой податной оклад. Кроме этого, пользуясь служебным положением, они препятствовали окладчикам «податей и писцам на корм и в мирские расходы по тем книгам збирати не велят и грозят им продажи и поклепные иски». Конфликт вышел за пределы посада, в него пришлось вмешаться правительству и местной администрации. Правительство возложило контроль за исполнением решений земских властей по розводу податей на воеводу. Ему предписывалось "велеть земским целовальникам и окладчикам посадских людей окладывать по их мировому выбору и по окладным книгам вправду по нашему крестному целованию не боясь ни кого, чтоб никто в избытках не был, а лишних бы податей ни на ково будет кому платити невозможно не клали». Особо решался вопрос с главным бунтовщиком - «а Ваське Пестову за его непослушание велел бити бвтоги да посадить в тюрьму на неделю, чтоб на то смотря иным неповадно было так дуровать»⁵⁶⁰.

За 7 лет, с 1619 до 1626 гг., благодаря настойчивой борьбе посадского мира за посадских тяглецов и организационным мерам правительства и местной администрации, число полнотяглых посадских дворов увеличилось более чем в 11 раз, с 16 до 178, а тяглых людей - более чем в 8 раз, с 31 до 254. В значительной степени изменился и социальный состав посадского населения. В числе посадских людей появились лутчие люди - 12 дворов, 21 человек, средние - 15 дворов, 23 человека. Улучшилось материальное положение части беднейшей слоев посада - 69 дворов молотчих посадских людей, 91 человек, "которые государева тягла не тянули", стали полнотяглыми посадскими дворами. Хотя, большая часть дворов этой категории все еще оставалась за пределами сошного оклада - 100 молотчих дворов посадских людей "в государево тягло не положены для их бедности"⁵⁶¹.

При столь значительном повышении количества и качества тяглового посадского населения, размер сошного оклада посада увеличился только в 2 раза, со 100 четвертей до 200 четвертей. Соответственно, и в денежном выражении рост прямых податей был в 2 раза, с 44 руб. 63 коп. до 89 руб. 56 коп.⁵⁶² Т. е., буквально за несколько лет, реальные размеры тягла приходящиеся на 1 двор и 1 человека, резко сократились и достигли уровня конца XVI в. См. Табл. .

Не смотря на это, сразу же после описания города, посадские люди стали жаловаться на непомерный сошный оклад - «ни в которых городех твоих государевых такая великия нужи и бедности нет»⁵⁶³. Он, как оказалось после описания, действительно был чрезмерным и значительно превышал сошные оклады многих более

⁵⁶⁰ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л.774об.-776об.

⁵⁶¹ Роспись перечневая 1626 г. С. 104.

⁵⁶² Там же. С. 104, 105.

⁵⁶³ Продолжали расти и другие подати. С 1622 г. государство ввело налог, который получил название "стрелецкие хлебные запасы". Он взымался как хлебом - 100 четвертей с сохи, так и деньгами - в Поморье по 100 - 200 рублей с сохи. В начале 40-х годов XVII в. оклад был значительно повышен и доходил до 672 рублей на соху. См.: Веселовский С. Б. Сошное письмо, Т. 1, С. 175-185.

крупных городов вместе взятых. Как писали посадские люди в своих челобитных, в 1625/26 г., когда писали и меряли посад Устюжны Железопольской писцы Иван Кутузов да подьячий Посник Трофимов, они «по недружбе положили в тягло в 200 чети, больши 7-ми городов: Углеча, Твери, Кашина, Городецка, Торшка, Лук Великих, Дмитрова».

Волей или неволей, посаду приходилось нести это бремя. Результат такой податной политики был заранее предсказуем. По словам посадских людей, они от такого "немернова окладу и от правежу, и в тюрьме сидя, и от московские волокиты вконец погibli, и многие розно розбрелися, и помирают напрасною голодною смертию».

Из челобитной в челобитную посадские люди повторяли одну и ту же просьбу - «збавить и поверстать хотя против коева ни есть аднаво города, чтоб твой государев и достоль город не запустел, а нам бы, сиротам твоим, в тюрьме сидя и на правеже стоя, голодную напрасною смертию не помереть и замученым не быть»⁵⁶⁴.

Не смотря на очевидную несправедливость, посадскому миру так и не удалось добиться снижения сошного оклада. Посад платил "на всякой год пущи пятые деньги, со 134-го (1625/26) году да по 150-й (1641/42) год противо девяти городов»⁵⁶⁵.

Одной из наиболее обременительных повинностей тяглового населения Московской Руси было «городовое дело» - строительство и ремонт крепостей. Оно распространялось на городское и уездное население. Иногда, когда город располагал незначительной сельской округой к нему приписывали территории соседних уездов. Одним из таких городов была Устюжна Железопольская.

Строительство острога в ней в 1609 - 1614 гг. велось не только силами посадского населения города и Устюженского уезда, но и ряда волостей соседних уездов.

К Устюжне были приписаны ряд владений из Бежецкого Верха, Углицкого уезда Новгородского и Белозерского которые от Устюжны в 50 верстах и «наперед сего на Устюжне острога ставили». В октябре 1612 г. посадские люди жаловались на то, что большинство дворян своим крестьянам «в городовую поделку и в стрелецкие кормы и во всякие подати тянуть не велят». Объясняют это различно. Одни, что их поместья «с Городецка не отписаны и к Устюжне не приписаны», другие, особенно с Устюженского уезда - что «со своих поместий сами служат". Поэтому, все налоговое бремя и повинности по содержанию крепости и гарнизона, ложилось на плечи посадских людей⁵⁶⁶. В то время в Устюжне находилось 100 стрельцов, набранных из местного населения. Их денежное и хлебное жалование было достаточно большим - более 350 рублей, и должно было выплачиваться их кабацких и таможенных денег⁵⁶⁷. Хотя, в самом городе в осаде находились на земской службе многие дворяне и их крестьяне, другие уездные люди, но «в городовую поделку и в всякие подати и в стрелецкие кормы", как писали посадские люди, "не дают".

⁵⁶⁴ АПД. Т. 2. Вып. 2. № 85. С. 222-224.

⁵⁶⁵ АПД. Т. 2. Вып. 2. № 85. С. 222.

⁵⁶⁶ Кроме служилых людей, крепость приходилось охранять посадским и уездным людям. Так, в 1618 г. воевода привлекал «на сторожу к острожным воротам по 10 человек на день да по 2 человека на роскат беспрестанно ... отчего посадские люди и крестьяне бредут рознь". См.: РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л. Л.307, 308.

⁵⁶⁷ «А жалование им дать уговорилися на год сотнику 10 руб. Пятидесятникам 3 рубля с полтиной, десятником по 3 рубля с четю, рядовым стрелцом по 3 рубли. Да хлеба пятидесятникам и десятникам по 6 чети ржи, овса то ж». РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л.28.

В 1612 г., посадские люди, точнее воеводы Устюжны князь Андрей Васильевич Сицкий и Петр Иванович Загряжский получили от правительства (боярин и воевода Дм. Трубецкой и стольник Дм. Пожарский) значительное облегчение в своем налоговом бремени. Теперь, все живущие на Устюжне в осаде уездные люди или приписанные к Устюжне поместья и вотчины должны «в городские поделки и во всякие розметы» тянуть вместе с посадскими людьми⁵⁶⁸.

От Бежецкого Верха к Устюжне были приписаны село Любегощи, Кесьма, Тухани, Кузмодемьянское и Федоровское, Егна, Василево, Сандово и Шипино с деревнями. В январе 1614 г. по государеву указу и по челобитью посадских людей «к Устюжне к посаду и к Устюженскому уезду были приписаны Белозерского уезду волости которые подошли к Устюжне: волость Петушская да Сухацкая да Тырпицкая да Андоская и Холицкая и Ваксоловская и Дуброва ... а которых волостей крестьяне не учнут слушатца, на Устюжну тянуть не учнут, привозить на Устюжну и наказане им чинить»⁵⁶⁹.

По окончанию Смуты крепость Устюжны Железопольской утратила свое военное значение. В 1618 г. был распущен гарнизон и перестали ремонтировать крепостные укрепления. К началу 1630-х годов острог окончательно пришел в негодное состояние и ему требовался капитальный ремонт. Было еще одно, более важное обстоятельство. Заканчивались "розмирные годы" с Польшей. В срочном порядке по всей стране ремонтировались и строились новые городские укрепления. Непосредственно перед Смоленской войной чрезвычайно возросли городские и ямские повинности. Как правило, они целиком ложились на плечи тяглого населения.

16 июля 1631 г. вопрос о строительстве нового острога в Устюжне докладывали государю. Он указал "на Устюжне острог делать ... по прежнему Устюжною посадом и розных городов уезды и своих государевых дворцовых сел и монастырскими и дворян московских и стольников и стряпчих и жильцов и дворян и детей боярских городовых поместными и вотчинными землями которые ... стоят около Устюжны Железопольской по 50 верст"⁵⁷⁰. Это решение соответствовало той практике, которая сложилась при строительстве старой крепости.

Воевода получил подробную память, по которой необходимо было составить новый чертеж и смету острога, сопоставив со старым острогом по размерам, затратам и т. д. Особое внимание в памяти обращалось на размеры острога. Он должен был быть таким, чтобы "осадным людям ... сидеть было крепко и безстрашно". Решения воевода обязан был принимать вместе с посадскими и уездными людьми - "по совету всяких людей делать новый острог по новому чертежу"⁵⁷¹. Вскоре, воевода отправил в Москву чертеж и смету старого и нового острога, список всех кто был приписан к городскому делу Устюжны при строительстве старой крепости. Все решения, как оказалось впоследствии, он принимал единолично⁵⁷².

В октябре 1631 г. посадские люди жаловались государю что устюженский воевода А. С. Бедов, которому было поручено составить новый чертеж крепости и смету расходов на строительство, «по старому острогу и по новому мерил и черте-

⁵⁶⁸ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 28, 29.

⁵⁶⁹ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 27, 49.

⁵⁷⁰ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 8-9.

⁵⁷¹ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 9.

⁵⁷² РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 31-48.

жи старому острогу и новому написал и послал ... к Москве с нами не по совету». По их мнению, этот проект нового острога был велик и не под силу посаду. Крепость была меньше прежней на 270 сажен, 2 ворот и 1 башню. Общая длина стен острога составляла 975 сажен. На его территории оставались все наиболее важные объекты города - монастыри, храмы, административные и торговые объекты и 254 двора. Сокращалась территория крепости за счет южной части старой крепости - "в убавке по новому чертежу" был Благовещенский монастырь и 90 дворов горожан⁵⁷³. "Посоветовав меж собой", посадские люди предлагали построить острог только на правой стороне реки Ворожи, просили государя "чтоб нам меру и чертеж учинили около соборные церкви Пречистые Богородицы по Пречистинской стороне вдоль по речку по Ворожу". Обращаясь к государю в очередной раз, посадские люди просили уменьшить размеры острога, чтобы "мы, сироты твои, от того острожного дела в конец не погибли и в остальные розно не разбрелися"⁵⁷⁴.

Аргументы посадского мира, видимо, подействовали на власть. Вскоре, на Устюжну была послана государева грамота в которой воеводе было велено "советовать со всякими людьми про острожное дело как быть новому острогу с убылкою и смету лесу прислать к Москве скоро"⁵⁷⁵.

Для окончательного решения вопроса о строительстве острога, воевода А. С. Бедов созвал к себе в съезжую избу "изо всех чинов всяких людей, которым на Устюжне для осадного времени острог делать" - дворян и детей боярских, духовенство и посадских людей. Они должны были решить ряд важных вопросов. Во-первых, "по которому месту острог делать и сколькими людьми мочно будет тот острог делать". Во-вторых, составить "по мирскому совету новый чертеж ... и сметную роспись" расходов на строительство крепости и прислать их в Москву, дьяку Устюжской чети Пантелею Чиркову⁵⁷⁶.

В ходе этого "совета" предложения посада полностью не были приняты. Появился новый проект, т. н. "средний чертеж" острога. Он предполагал строительство крепости общей протяженностью стен в 720 саженей, а с 21 башней около 800 саженей.. Как и прежде, острог должен был располагаться на обоих берегах реки Ворожи⁵⁷⁷.

Это решение вызвало особую тревогу посадского мира. Беспокойство вызывали ряд обстоятельств, которые, по их мнению, большую часть строительства перекладывали на плечи посада. Во-первых то, что у "Устюжны, у посадишка, уезду нет ни единые волости, потому, что после ставления первого устюжского острогу те волости от Устюжны все отписаны к Угличу и к Городецку и к Новгороду и Белозеру". Во-вторых - из волостей, которые до этого с посадскими людьми "на Устюжне прежний острог делали", на "совет были немногие люди". Дворян, которые "били челом", чтоб им острог делать вместе с посадскими людьми оказалось немного. Фактически, как писали посадские люди в своей челобитной, "дворян и детей боярских по сошному письму всех немного и острог теми людьми делать неким". Наконец, зримо проявилась первая реакция посада на предполагаемое строи-

⁵⁷³ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л.38.

⁵⁷⁴ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л.57

⁵⁷⁵ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л.57об.

⁵⁷⁶ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 63.

⁵⁷⁷ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 184, 185.

тельство острога, т. е. усиление тягла. Оно еще не началось, "а посадские людишки слыша то острожное дело из Устюжны бредут многие розно"⁵⁷⁸.

Действительно, местность вокруг Устюжны была довольно пустынна. Посадские люди жаловались, что в пределах 50 верст от Устюжны в Белозерском уезде только Сухацкая и Колоденская волости, но там «малые чети», Новгородского - на 50 верст пустые места, Городецкого уезду - «малые места», а в Пошехонском уезде одна Уломская волость, но она выходила за 50 верстную зону притяжения. Устюжане просили приписать и ее, т. к. Уломская волость от Устюжны в 50 верстах, а от своего уездного центра в 150 верстах. Они обращали внимание власти и на то, что в Угличе, Кашине, Городецке, Белозерске «делали остроги многими четвертями около города верст по 200 и больши». В Угличе, например, по разверстке на 1 четь приходилось меньше чем полсажени и многие, кто прежде делали острог в Устюжне, «сами метались острожново дела делать, чтоб им на Угличе ~~было ватко~~⁵⁷⁹ это, посадские люди оговаривали для себя ряд условий облегчающих, насколько это возможно, свое положение. Они просили, чтобы за ними сохранили прежнюю, против уездных людей долю в строительстве крепости, делать острог "по прежнему четвертную долю ... своими головами, а не по сошному письму"; для снижения расходов на заготовку и транспортировку леса рубить его "безпенно и безъявочно, в чьем лесу ни буди, где пригодица" и делать свою долю острога без приставов, "чтоб нам, сиротам твоим, от твоих государевых приставов в том острожном деле не было великие продажи и насильства"⁵⁸⁰.

Почти год, с осени 1631 г. до конца лета 1632 г. продолжалась борьба посадского мира за уменьшение размеров острога т. е. за сокращение объемов тягла. В эту борьбу включились и уездные люди.

В апреле 1632 г., воевода получил распоряжение о строительстве острога по среднему чертежу. В нем определялись и граница территории включенной в "городовое дело". Все население дворцовых и монастырских сел, поместий и вотчин дворян московских и городовых в радиусе 50 верст вокруг Устюжны Железопольской попадали в тяглую зону строительства острога - "велено на Устюжне зделати острог устюжскими посадскими и уездными и всякими людьми, которые волости ... от Устюжны за 50 верст Углицкого уезду, Бежицкого Верху, Новгородцкого и Белозерского уезду"⁵⁸¹.

Теперь, важнейшей задачей для всех сторон - воеводы, посада, уездных людей, стало распределение обемов городской повинности. Главным распорядителем работ был воевода. Он же нес и персональную ответственность за строительство крепости. Для воеводы было важно не просто распределить объемы работ между посадом и уездом, но и юридически оформить тягло - взять поручные записи. А это было непросто, постоянно приходилось применять силу⁵⁸².

В июне - июле 1632 г. воевода 3 раза посылал пушкарей и розсылщиков в Углицкий и Бежецкий уезды с наказными памятьми о строительстве острога. Одна-

⁵⁷⁸ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 63, 64.

⁵⁷⁹ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 147.

⁵⁸⁰ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 64.

⁵⁸¹ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 121, 166.

⁵⁸² В апреле 1632 г. воевода И. С. Благово жаловался в Москву, что у него в розсылке один пушкарь и тот у ядерного дела ... и у острожного дела и в розсылку поставить неково» и просил привлечь «не служных» детей боярских, которым довелось уже ставить прежний острог. См.: Там же. Л.121,122.

ко, старосты и крестьяне, как писал воевода, «твоего государева указу не послушали ... в острожном деле отказали ... для острожного дела ко мне ... на Устюжну не поехали и записей по себе в лесу и острожном деле не дали». «а розмирные годы блиско, а острогу делать и не почиывали, а иные непослушны и лесу не кладывали на острог и в деле отказали в острожном, твоего государева указу не послушали»⁵⁸³

Была и другая, более мягкая форма протеста. В мае 1632 г. воевода И. С. Благово посылал розыльщиков в ряд волостей соседних уездов, чтобы взять на поруки "з записями прикащиков и старост и целовальников» для разверстки государева острожного дела", но без большого успеха. Старосты 12 поместий и вотчин Уломской волости Пошехонского уезда, старосты и крестьяне 6 поместий Сухацкой волости и князя И. А. Дашкова Колоденской волости Белозерского уезда поручных не подписали, сославшись на то, что в 1630 - 32 гг. участвовали в строительстве крепостей в Белом Селе⁵⁸⁴ или на Белоозере⁵⁸⁵.

В начале лета 1632 г. посадские и уездные люди принесли воеводе очередную челобитную о том, что по среднему чертежу острог делать невозможно. Воевода, видимо, внес предложения посадских людей в свою отписку и 20 июня 1632 г. отправил новые чертеж и смету в Москву. 29 июля он получил распоряжение строить крепость «неоплошно с великим радением по прежнему указу и чертежу», т. е. среднему.

У посадских людей не было ни формальных, ни фактических мотивов отказа от городского дела. Их протест и недовольство выражались в иной форме. Система круговой поруки и непосильное налоговое бремя вызвали значительное бегство посадских людей. Как писал летом 1632 г. воевода "еще острогу не почиывали делать, а посадские люди бегут розно". Всего от городского дела и от "сошного большого письма" с посада ушло 30 человек "лутчих, середних и молотчих", людей с разным социальным и общественным статусом. Сбежали "лутчей посадский человек Осипко Ондреев сын, прозвище Коледа и преж того лутчей же посадской человек Микитка Семенов сын Быков". Первый - Осипко Коледа, был выбран от всего посада "в целовальники к острожному делу и выбор за руками посадских людей" дал воеводе⁵⁸⁶.

Значительные масштабы бегства посадских людей были вызваны, во многом, поведением воеводы И. С. Благово, который добросовестно исполнял «государево острожное дело». Посадских людей, чтобы взять с них поручные записи воевода «в тюрьму сажал и на правеже бил и записи ... в острожном деле по среднему чертежу правил». Как писали в своей челобитной земские челобитчики царю, "мы, сироты твои, тюрьмы и правеж не перетерпели и запись в острожном деле Иван Степанович (воевода И. С. Благово) на нас доправил, что нам ... на острожное дело лес положить и острожное дело всякое делати». Они вновь повторяли, что предполагаемый острог велик, что он и по меньшему чертежу, который предлагали посадские люди, много больше чем в Угличе, Белозерске или Кашине, что от того «того

⁵⁸³ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 158 - 161.

⁵⁸⁴ Административный центр Пошехонского уезда.

⁵⁸⁵ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 133 - 136. Распространенным способом снижения размеров тягла для уездных людей было сокращение размеров владений. Воевода писал, что ряд дворян "четвертную пашню таят ... чтоб им на Устюжне острожного дела делать меньше».

⁵⁸⁶ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 162, 163.

осторожного дела и от дорогого сошного письма с Устюжны многие людишки бредут врознь». И в который раз, вновь просили делать острог по меньшему чертежу, посаду четвертую долю, чтобы остальным посадским людям «врознь не разбрести-ся и в конец не погибнуть»⁵⁸⁷.

Только консолидация усилий посадского мира и уездного дворянства позволили изменить ситуацию. В августа 1632 г. стольник П. И. Лодыгин и жилец И. А. Отрепьев, вместе с посадскими выборными людьми В. Игнатьевым и А. Григорьевым подали воеводе совместную челобитную в которой поддержали все требования посадских людей. Представители дворянства объясняли невозможность делать острог по среднему чертежу той же причиной - «помещьишки малы и от тово великово острожново дела у нас ... крестьянишки бредут розно, а иные разбрелися». Они предлагали ставить острог только на Заворожской стороне. Даже в этом случае он будет больше чем в Угличе, Кашине, Городецке или Белозерске⁵⁸⁸.

Только к концу лета 1632 г. закончилась борьба вокруг будущего острога. Правительство уступило, но победа посада была частичной. 30 августа устюженскому воеводе пришла государева грамота о строительстве острога по меньшему чертежу, по «сметной росписи и по челобитной всяких чинов людей» но, «по сошному розводу». Это значило, что большая часть расходов, почти 3/4 объема строительства, падала на посадское население. По сошному письму за посадом было 200 четей, а на уездных людей приходилось только 86 четей.

Однако, посадский мир добился того, чтобы «делать город своими головами», т. е. свою долю крепости строить собственными силами либо самим нанимать строителей - «охотников на лес и на городовое дело». Правда, такое право было и у воеводы, но он обязан был их нанимать перед посадскими старостами и целовальниками. От посада были выбраны целовальники, которые вели организационные и хозяйственные вопросы строительства своей доли острога. Ими стали посадские люди Яков Беляев и Ромашка Мезихин⁵⁸⁹.

Крепость начали строить осенью 1632 г. Темпы строительства были незначительные. Воевода в декабре 1632 г. жаловался в Москву на то, что посадские люди свою долю делают всего 8 плотниками. При такой работе, по его мнению, посадские люди не смогут сделать свою долю и за полтора года. Все обращения воеводы к посадским старостам Ивану Семенову и Богдану Шишкину ускорить работу, взять с них разрубные книги в которых на 141 (1632/33) г. было разложены налоги на посадских людей, чтобы собрать деньги «зборные» на строительство не дали результата. Воевода посылал по ним в земскую избу недели «три и больши», но так и не получил. Претензий у воеводы было много. Он жаловался на то, что старосты нанимают плотников мимо него, «своим произволом» и что лес нечем купить, плотников нанять, а земские старосты посадские «зборные» деньги не передают на строительство. По данным воеводы оказалось, что на посаде живут не переписаны, т. е. не положены в тягло, 48 человек посадских и слободских людей. Кроме этого, в городе находилось более 15 плотников из уезда и «все гуляют», а посад их на ра-

⁵⁸⁷ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 172 - 173.

⁵⁸⁸ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 168 - 169. См. Рис. . Острог располагался только на правом берегу реки Ворожи и был меньше по размерам чем Заворожская часть «старого острога». Общая длина стен с 2 воротными и 16 глухими башнями составляла 580 сажен. См.: Там же. Л.180.

⁵⁸⁹ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 212, 214.

боту не нанимает и т. д. Вообще, по мнению воеводы, у посадские целовальников и посадских людей «в городском деле непослушание великое»⁵⁹⁰.

Аналогичная ситуация была и с уездными людьми. Воевода жаловался что ряд дворян и детей боярских, старост и крестьян Новгородского и Городецкого уезда «город делать не едут и отписей платежных» не дают. Более того, розсыльщики, которых посылал воевода «куды ни пошли везде не слушают, а инде и бьют»⁵⁹¹.

Медленные темпы строительства острога вызывали озабоченность у власти. Но, реакция правительства оказалась типичной. В феврале 1633 г. воевода получил из Москвы распоряжение - взять в помощь к розсыльщикам человек 20 посадских и уездных людей и послать по ослушников «непослушных в острожном деле» крестьян, привозить их в Устюжну и «порознь» т. е. отдельно, определять им объем необходимых работ. Если кто-то и на этот раз, "указа не послушает и город на Устюжне делать не поедет", тех «метать в тюрьму дни на 2 или на 3, а тех, кто оказал или окажет сопротивление детям боярским и розсыльщикам - бить батогами»⁵⁹².

Для ускорения работы посадских людей, точнее денежного финансирования этих работ, воеводе необходимо было взять с разрубных книг список «за руками земских старост из земской избы» и передать его выборным целовальника, которые по нему должны были собрать деньги на «всякое городское дело». После таких полномочий, посадский мир отказать воеводе в финансовых документах не мог⁵⁹³.

Предпринятые правительственные меры и усилия местной администрации позволили улучшить ситуацию. В марте 1633 г. оставалось сделать, не считая ворот и башен, около 60 саженой стены⁵⁹⁴.

С большим трудом и напряжением строительство новой крепости закончилось в Устюжне Железопольской к осени 1633 г. В течении 2 лет посадский мир вел активную борьбу за уменьшение размеров конкретной для него, но чрезвычайно значимой для государства городской повинности и добился в этой борьбе ощутимых результатов. Правда надо сказать, что в этом была заслуга не только посада. Положительный результат для посадской общины был достигнут на фоне ряда благоприятных обстоятельств - посад поддержали уездные люди, а проект острога, предложенный посадом был больше, чем во многих крупных городах.

⁵⁹⁰ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 217.

⁵⁹¹ РГАДА. Ф.141. 1632 г. Д. 73. Л. 224, 259. В августе 1632 г. воевода послал в Новгородский уезд детей боярских Матвея и Постника Карауловых и Федора Похабова которые были на Устюжне для городского дела, с розсыльщиками. Им необходимо было взять на поруки с записями «ослушников» и привести их в Устюжну. Но, «дворяне и дети боярские Новгородского уезду и их старосты и крестьяне твоего государеву указу не послушали, в лесу и в городском деле записей по себе не дали и крестьян имать не дали. А их, Матфея и Постника Карауловых и Федора Похабова и розсыльщиков били». Аналогичная картина была и в ряде владений Городецкого уезда, где дворяне и дети боярские «на поруки не дали и крестьян имать не дали и детей боярских и розсыльщиков стали бить». Это продолжалось и в начале 1633 г. Так, 9 февраля 1633 г. в поместье Филата Мордвинова в Городецкий уезд были посланы пушкарь Марк Филипов и 4 розсыльщика. Крестьяне Мордвинова «заговором били больно и на поруки не дали, города делать не едут, учинились сильны, государева указа не слушают». См. Там же. Л. 259, 260, 284, 298, 301 и др.

⁵⁹² РГАДА. Ф. 137. Кн. 1. Л. 199, 200, 302. Вместе с ужесточением контроля, были освобождены от строительства острога крестьяне проживающие в 50 верстной зоне в Городецком уезде князя А. Н. Трубецкого и Троице-Сергиева монастыря. Делали острог на Городецке. Там же. Л. 197,198,

⁵⁹³ РГАДА. Ф. 137. Кн. 1.. Л. 220,221.

⁵⁹⁴ На начало 1633 г. уездными и посадскими людьми было срублено 420 саженой стены, 1 проезжие ворота и 2 башни. Большая часть работы была выполнена уездными людьми. Посад, к этому времени, полностью сделал только 60 саженой стены острога. См. Там же. Л.199.

Во второй четверти XVII в. произошло не только количественный рост налогов, чрезвычайных сборов и повинностей. Существенно изменились принципы налогообложения. В начале 30-х годов XVII в. в поземельную систему оклада была введена существенная поправка - "живущая четверть". С этого времени, как правило, все новые срочные сборы собирались подворно. Это подготовило переход к подворному обложению, вытеснившему старое сошное письмо. Оно позволило привлечь к тяглу новые разряды плательщиков. В условиях усиления централизации государственной власти во всех сферах, особенно на местах, подворная подать была "более доступна непосредственному контролю администрации и могла быть изъята из ведения автономной областной раскладочной организации"⁵⁹⁵.

Накануне и во время Смоленской войны правительство ввело ряд дополнительных сборов. Особенно тяжелыми оказались "немецкие кормы". С близлежащих к Москве городов и уездов в радиусе 500 верст, корм собирали натурой, что очень тяготило посадское население. Не менее обременительным был во время войны сбор людей 4 человека с сохи, а так же лошадей и подвод с посадов и черных волостей. Как правило даточные посошные люди, выделяемые для военной службы, нанимались посадскими и волостным людьми, начиная с 1631 г. ежегодно. В Поморье цена такого найма колебалась от 2 до 8 рублей (обычно 3 - 5 рублей) в месяц. Кроме того в 1632 г. был объявлен сбор запросных подвод. Из добровольного это сбор превратился в обязательный⁵⁹⁶.

С конца 30-х годов XVII в. правительство широко начинает вводить подворное обложение в денежной форме. Так, в декабре 1637 г. пришла грамота воеводе Ивану Елизарову о сборе денег ратным людям для войны с Крымским ханством. Размер налога был чрезвычайно высоким и срочным - «с двора по 2 рубли собрать тотчас, а собирали бы есте те деньги с дворов розвьята промеж себя, чтоб бедным людям перед прожиточными людьми тягости не было». На владельческих крестьян накладывалась своего рода рекрутская повинность. Со светских владений с 20 дворов 1 ратного человека, с монастырей, в зависимости от размеров владений, с 10 дворов 1 даточного человека или 4 лошади под ратных людей⁵⁹⁷.

В 1638 - 1639 гг. был проведен "подымный сбор", с дворовладельцев взимались и пятинные деньги. В середине XVII в. на подворное обложение было переведено взимание полоняничных денег⁵⁹⁸.

Были еще обстоятельства, которые с течением времени постоянно усиливали налоговое бремя посадских людей. Во-первых, во второй четверти XVII в. идет дальнейшее увеличение размеров сошных платежей. В Устюжне Железопольской за период с 1626 по 1646 гг., при сошном окладе в 200 четвертей, они выросли почти в 4 раза, с 89 руб. 56 коп. до 326 руб. 64 коп.

Во-вторых, что было видимо более существенно, по размеру сошному окладу в первой половине XVII в. рассчитывались все остальные сборы и повинности. Поэтому важнейшим показателем, который определял степень или уровень тяглового бремени, было количество дворов приходящихся на единицу сошного письма. В

⁵⁹⁵ Милюков П. Н. Спорные вопросы ... С. 124.

⁵⁹⁶ Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919, С. 202-203, 218, 231-232; Веселовский С. Б. Посадская соха ... С. 15, 29.

⁵⁹⁷ ААЭ. Т. 3. № 275. С. 419.

⁵⁹⁸ Чистякова Е. В. Городские восстания. С. 40.

Устюжне Железопольской этот показатель для второй четверти XVII в. составлял от 1,4 до 3 дворов на 1 четверть, значительно превышая средние устоявшиеся все нормы. См. Табл.

Таким образом, сформировавшаяся во второй четверти XVII в. система налогообложения со всей тяжестью обрушилась на платежеспособные слои населения города и уезда .

Все это неизбежно вело к убыли посадского населения, побег оставался единственным способом избавиться, хоть временно, от тягла. Между 1626 и 1634 годами с посада разбежались " против сотные Ивана Кутузова да подычего Постника Трофимова 118 дворов", т. е. почти половина посада. По указанию воеводы, лучшие посадские люди разошлись в Спасскую слободу, что против Романова на Волге, в Кострому и Нижний, а молотчие по другим городам ⁵⁹⁹.

Только в 1645 г., через 20 лет непрерывных напоминаний и жалоб, с посада по государеву указу было збавлено 50 четей. Это уменьшение кардинально не изменило податную ситуацию для посадских людей Устюжны Железопольской. Теперь они платили "всякие государевы подати со 150 чети против шти городов: Твери, Углеча, Торшку, Кашина, Лук Великих, Бежецково Верху посадов" ⁶⁰⁰.

Накануне посадской реформы, видимо в конце лета 1648 г., согласно царскому указу, велено было посадским людям "подавать челобитные и росписи о своих нуждах, что которому городу нужна и обида». В сентябре 1648 г. выборные с Устюжны, от посадских людей Васка Игнатъев и Еуфимка Степанов были уже в Москве и подали Алексею Михайловичу очередную челобитную.

За несколько лет, до конца 1649 г., их было более 30. В своих челобитных посадские люди подробно описывали свое положение и повторяли одну и ту же просьбу - уменьшить размер сошного оклада. Возможно, эмоционально, но посадские люди пытались апеллировать к здравому смыслу правительства. Приведем выдержки наиболее важных аргументов из посадских челобитных. Во-первых, от такого «великого немерного окладу посадские людишка розно розбрелися, а мы, государь, достальные людишка, против всех шти городов платили тебе, государю, с того большого окладу деньги, займучи в кабалы по вся годы и закладывая дворишка свои и животишка из великих понедельных ростов. И ныне, государь, и достальные людишка по закладным кабалам дворишка свои отказывают и бредут розно от такого великого немерного окладу и некупных долгов».

Во-вторых, не смотря ни на что, посадские люди платили и при этих обстоятельствах все подати, Но, какие! -"На всякой год пущи пятые деньги, со 134-го году да по 150-й год против девяти городов ... и со 151-го году ... против шти городов и больши, а не стоим мы, сироты твои, адново города Углеча или Торшка, ни доли, ни трети».

При сохранении размеров сошного письма, перспектив у посада, кроме долгов, кабалы, обнищания и усиливающихся побегов, по мнению посадских людей, нет. Они настоятельно просили «збавить и поверстать хотя против коева ни есть адново города, чтоб твой государев и достоль город не запустел, а нам бы, сиротам твоим, в тюрьме сидя и на правеже стоя, голодную напрасную смертью не поме-

⁵⁹⁹ Смирнов П. П. Города Московского государства Киев, 1919. Т. 1. Вып. 2. С. 97.

⁶⁰⁰ ААЭ. Т. 3. № 86. С. 224.

реть и замученным не быть ... и чтоб нам, бедным, с кручины самим на себя рук не поднять»⁶⁰¹.

Действительно, понять логику писцов определявших размер сошного письма, а тем более многолетнее отсутствие реакции правительства, на столь очевидную несправедливость невозможно. Таблица дает наглядное представление, мягко говоря, о неравных условиях восстановления и дальнейшего развития Устюжны Железопольской на фоне других городов.

Таблица 49.

**Размеры сошного и денежного оклада ряда городов
во второй четверти XVII в.**

Город	Тяглых дворов	Сошный оклад		Денежный оклад	
		всего	дв. на 1 ч.	всего	на 1 двор
Устюжна 1626 г.	278	200 ч.	1,4	89р.56к.	50 к.
1646 г.	300	150 ч.	2	326р.64к.	1р.09к.
1650 г.	332	100 ч.	3,3	217р.76к.	66 к.
Бежецкий Верх	162	15,5 ч.	10,5	62р.06к.	38к.
Кашин	258	25 ч.	10,33	54р.41к.	21к.
Луки Великие	180	12,5 ч.	14,5	42р.20к.	23к.
Тверь	345	27 ч.	12,75	63р.98к.	19к.
Торжок	476	30,75 ч.	15,5	69р.21к.	15к.
Углич	447	33,33 ч.	13,5	99р.12к.	22к.
В ср. по 6 гор. 1646 г.	1868	144	13	390р.98к.	21к.
1650 г.	1868	194	9,6	499р.86к.	27к.

Источник: АПД. Т.2, Вып, 2. № 86. С. 224-226.

В этих 6 городах было 1868 посадских дворов более чем в 6 раз больше посадских дворов, чем в Устюжне, 1868 против 300, а четвертной живущей пашни меньше чем в Устюжне - 143 чети без четверика против 150 четвертей.. Если в Устюжне, на 1 четверть сошного письма, после его снижения с 200 до 150 четвертей, приходилось 2 посадских двора, то в данных городах от в 5 - 8 раз больше, от 10 до 15,5 дворов. Только суммарные денежные платежи 6 городов были несколько выше - около 391 руб. против 326 руб.

Таким образом, в среднем, каждый устюженский посадский двор с 1626 по 1641 гг. включительно был обложен государственными податями, а следовательно и повинностями, почти в 10 раз, а в 1642 по 1645 гг. в 6,5 раза тяжелее чем 1 посадский двор в вышеназванных городах.

В августе 1650 г. сошный оклад посада был значительно снижен со 150 до 100 чети. В денежном выражении это составляло более 108 рублей или 36 копеек на 1 двор. Незначительно уменьшились соответственно и размеры некоторых податей. Так размер оброчных, пищальных и кормовых денег был сокращен на треть и равнялся 7 р. 70,5 к. Эти сокращения составили всего 3 р. 85 к. Остальные «всякие доходы и оброчные деньги устюженцом, посацким людям», необходимо было платить «по прежнему окладу против писцовых книг». Снятые с Устюжны 50 четей окладу и 3 р. 85 к. денежных платежей разложили на 6 городов⁶⁰². Повышение

⁶⁰¹ АПД. Т. 2. Вып. 2. № 84, № 85. С. 221 - 224.

⁶⁰² Там же. № 87. С. 226.

размера платежей на один тяглый двор в этих городах в среднем составило 6 копеек.

Почему с Устюжны было сбавлено такое количество тягла, именно 50 четей, а не больше или меньше, и положено по 3 двора на четь, когда в примерных городах на четь приходилось от более 10 до более 15 дворов, понять, по словам С. Б. Веселовского, невозможно. Из доклада Устюжской Чети видно, что устюженцы в сошном окладе и в платежах действительно были очень "утяжелены" перед другими городами, но все приказные выкладки оказались совершенно ни при чем. Сама сбавка и ее размер имеют вид простой подачки докучливым челобитчикам, сделанной на глаз⁶⁰³.

Оценка С. Б. Веселовским представляется совершенно верной. Но, важно не только констатировать отсутствие какой-либо здоровой налоговой политики по отношению к городам, но и оценить ее последствия для социально-экономического развития, в частности Устюжны Железопольской в первой половине XVII в.

На протяжении XVI - первой половины XVII вв. идет неуклонный рост тяжести податей и повинностей посадских людей Устюжны Железопольской. В пересчете на одну соху динамика этого роста выглядит по самым общим и далеко не полным данным следующим образом.

В 1567 г. вместе с платежами в пользу старицы Александры, посадские люди платили с 1 сохи примерно 26 рублей. К концу XVI в. платежи составляли уже около 30 рублей. Однако, значительный рост, почти в 2,5 раза, произошел в только первой четверти XVI в. В 1626 г. в пересчете на 1 соху посадским людям Устюжны Железопольской приходилось платить 73 руб. 63 коп.⁶⁰⁴. За вторую четверть XVII в. платежи устюженцев еще выросли более чем в 4 раза. С 1626 по 1646 гг. их общий размер увеличился с 89 руб. 56 коп. до 326 руб. 64 коп., т. е. в 3,6 раза, при том, что сошный оклад сократился на четверть, с 200 до 150 четвертей. Таким образом, с 60-х годов XVI в. до середины XVII в. относительный рост прямой сошной подати посадских людей Устюжны Железопольской значительно превысил 10-кратный размер.

В отдельные периоды наблюдался значительный рост прямых налогов в расчете на 1 тяглый посадский двор и 1 тяглого посадского человека. См. Табл. .

Таблица 50.

**Размер государственного тягла посадского населения
Устюжны Железопольской во второй половине XVI - первой половине XVII**

вв.

Год	Общий объем налогов	Тяглое пос. население*		Размер тягла	
		дворов	людей	на 1 двор	на 1 чел.
1567	334 р. 92 к.	713	811	47 к.	41 к.
1597	67 р. 08 к.	134	258	50 к.**	26 к.**
1619	44 р. 64 к.	16	31	2 р. 79 к.	1 р.44 к.

⁶⁰³ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. С. 318. Примерно такая же, а временами и более тяжелая ситуация, была у посадских людей Вязьмы. Размер оклада у них составлял 1,5 двора на четверть. Только в 1648 г. они добились его снижения до 4 дворов на 1 четверть. См.: Там же. С. 328-329.

⁶⁰⁴ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т.1. С.152. Темпы роста отдельных видов податей были различны. За этот же период размеры пищальных денег в пересчете на 1 соху выросли более чем в 3 раза, с 10 до 32 руб. (8 руб. с четверти сохи). Для сравнения, в Белозерье в 1618 г. они составляли 11 руб. 60 коп. с сохи, а в Верее, в 1614 г. - всего 1 руб. 20 коп. с сохи. См.: Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т.1. С.147.

1626	89 р. 56 к.	178	254	50 к.	35 к.
1646	326 р. 64 к.	300	-	1 р. 09 к.	-
1650	217 р. 76 к.	332***	-	66 к.	-

Источники: Сотная 1567 г. - с. 160-162, 164, 166-169, 174-177; Сотная 1597 г. - с. 156-157; Сотная 1626 г. Л. 204-215; АПД. Т. 1. № 83. С. 109; Т. 2. Вып.1. № 24. С. 54-57. Вып.2. № 83-87. С. 218-226; Колесников П. А. Дозорные книги как источник производительной деятельности народных масс в первой четверти XVII века. Приложение: 1626 г. - Роспись перечневая ... С. 104-106. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда 1985 г.;

* - в таблице указаны только полнотяглые посадские дворы и числящиеся в них люди, положенные писцами с сошное письмо.

** - размер тягла в расчете на 1 двор и на 1 человека были выше. Неизвестен размер ямских денег взимаемых с посада.

*** - количество тяглых дворов неизвестно, взяты данные за 1649 г.

На протяжении середины XVI - первой половины XVII вв. такого прямолинейного роста как посошных денег, не наблюдается, что вполне объяснимо. В первой половине XVII в. основная доля тягла приходилась на различного рода чрезвычайные посошные или подворные сборы и повинности. Надо иметь в виду, что зачастую один единовременный чрезвычайный налог с 1 посадского двора, мог значительно превышать годовую сумму прямых податей. Так, летом 1617 г. с посада Устюжны Железопольской земские целовальники собрали огромную сумму - больше 426 руб. пятинных денег, а в конце 1637 г., для войны с Крымским ханством с каждого посадского двора было взято по 2 рубля.

По справедливому замечанию Е. Д. Сташевского, к середине XVII в. "обложение было доведено до предела тяглоспособности и дальнейшее повышение налогов могло снова вызвать ряд экономических потрясений в народном и государственном организме"⁶⁰⁵. Яркой иллюстрацией этого положения служит пример Устюжны Железопольской. Здесь, предел тяглоспособности правительство не только достигло, но и значительно перекрыло, уже в первой четверти XVII в.

Конкретная податная политика в отношении Устюжны Железопольской, этого торгово-промышленного города-посада, противоречила и подавляла элементарные законы экономического развития присущие любому уровню товарно-денежных отношений. Непомерное государственное тягло, круговая порука внутри посадской общины, лишало часть посадского населения, особенно тех, кто был ориентирован на рынок, смысла хозяйственной деятельности. В этих условиях, посадский мир, на уровне инстинкта самосохранения, боролся за увеличения числа тяглецов, все более настоятельно требовал от государства признания своей монополии на промыслы и торги, т. е. ликвидации белых слобод, что государство и проводило, но типичными для феодального общества методами принуждения.

По мнению С. Б. Веселовского, право привлекать в тягло всех людей, независимо от их юридической принадлежности к посадскому миру, провозглашенное еще в XVI в., вырабатывается с течением времени в более широкое правило. Оно перерастает в правило тягла по посадскому промыслу - все, кто промышленяет и торгует на посаде, независимо от того на какой земле они живут, обязан тянуть тягло с

⁶⁰⁵ Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. С. 387.

посадом. Не желающие вступить в посадское тягло, должны прекратить свои торги и промыслы и продать свою недвижимость тяглым людям. Введение этого правила посадские люди настойчиво добивались в силу значительного роста налогового бремени. Правительство, по мере правового и хозяйственного обособления посадков от уездов, не могло не признавать основательности этих требований и шло им навстречу⁶⁰⁶. Но это движение было направлено не в сторону посада, а в сторону интересов казны, что часто подрывало экономический потенциал тех городов, где преобладало посадское население.

QQQ

§ 4. Борьба с беломестцами и закладчиками.

В большинстве русских средневековых городов значительная часть дворов и населения находилась на землях, принадлежавших отдельным феодалам и монастырям. Население этих земель освобождалось от посадского тягла и в связи с этим называлось "белым". Белые слободы постоянно пополнялись выходцами из черного посада, стремившихся освободиться от государственного тягла. Это сокращало число тяглецов государственной казны и усиливало уровень налогового бремени на посадских людей. Поэтому, посадские люди в своих сословных интересах требовали ликвидации белых слобод, возврата закладчиков на посад.

Борьба с белыми слободами в городах началась еще при Иване III. С середины XVI в., после принятия закона о слободах от 15 сентября 1550 г. государство начало проводить активную политику по сокращению владельческих привилегий и ограничению роста слобод в государевых городах⁶⁰⁷.

Первые белые слободские дворы появились в Устюжне не позднее первой четверти XVI в. и принадлежали ружным городским храмам и монастырям. В 30-е годы XVI в. небольшая слободка на юго-восточной окраине города была передана новому Богородице-Рождественскому монастырю "на воск и на темьян и на ладан и на церковное вино". Достаточно быстро она превратилась в крупную белую слободу.. В 1537 г. "по Семенову Бутурлина с товарищи писму" монастырская слобода состояла из 52 дворов. "По государеве царе и великого князя" жалованной грамоте это были дворы "нетяглые и к посаду и в тягло и в сошное писмо не приписаны и с тяглыми посадскими людьми ни в какие подати не тянут"⁶⁰⁸.

Законодательство неоднократно выдвигало различные запреты, стремясь ограничить привилегии белослободчиков в торгово-ремесленной деятельности, но белые слободы продолжали существовать. Беломесцы переманивали к себе людей, увеличивая население своих слобод и уменьшая тем самым число тяглецов города. В XVI в. шел активный рост нетяглового городского населения с которым как власти, так и посадскому миру приходилось вести активную борьбу. В Устюжне Железопольской, где позиции посадского мира были достаточно сильны, посадские люди пользуясь решением о запрете роста слобод Стоглавого собора и Судебника 1550 г., добились включения в число тяглых новых белых дворов духовенства⁶⁰⁹.

⁶⁰⁶ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. С. 284.

⁶⁰⁷ См. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.-Л., 1947. Т. 1. С. 85-89, 112-116, 125-127; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1869. С. 169-174.

⁶⁰⁸ Сотная 1567 г. С. 138.

⁶⁰⁹ В сословном отношении абсолютное большинство населения Устюжны Железопольской составляли посадские люди. В середине XVI в. их было более 84 %. На долю духовенства и жителей белых слобод прихо-

Так произошло с владениями Рождественского монастыря. За четверть века, с 1537 по 1564 г., когда посад описывал Григорий Белкин, монастырская слобода выросла до 77 дворов. Но, 25 новых дворов, несмотря на то, что они были поставлены "на монастырской же земле" записали "в тяглые и в сошное писмо и за наместничьи доходы откуп на них положен был" ⁶¹⁰.

Только после передачи Устюжны Железопольской в кормление старице Александре, она пользуясь тем, что "стали те дворы на монастырской же не на тяглой земле" передала доходы с них "с лета 7074 году", т. е. с сентября 1565 г., в монастырь "на ладон и на милостыню ... на церковное и монастырское строене" ⁶¹¹.

Через два года, в 1567 г., описывая посад, государевы писцы в сотной посадским людям официально подтвердили запрет роста монастырской слободы за счет посадских тяглых людей. "А что в монастырской слободке дворы нетяглые и государевых податей с них некоторых не идет, и в те дворы и вперед игумену з братею посадских тяглых людей не примати и с посаду их не вывозити. А которых посадских тяглых людей вперед будет они в монастырскую слободку примут и с посаду вывезут, и с тех тяглых людей, которых они вперед с посаду примут, и из их монастырской слоботки вывозити назад на посад, в старые их в тяглые ж в посадские дворы, для государевых податей" ⁶¹².

В это же время "к посаду ж к черным дворам в тяглые черные подати и в их розметы и в сошное писмо" была включена бывшая оброчная слободка Рыболовля, а ее рыболовные угодья переданы на оброк посадскому миру. Она состояла из 26 дворов и располагалась в Заречной части города ⁶¹³.

В начале 70-х годов XVI в. в центральной части города, на Ильинской улице, возникла еще одна белая монастырская слобода. Ее поставил игумен Модинского монастыря Иосиф с братиею "на черных местах после пожару Илина писма Плещеева". Видимо, слобода была совместная, Модинского и Ильинского монастырей. Место под слободу посад передал в счет руги, которую выплачивал Ильинскому монастырю. За несколько лет, на пустом месте выросла слобода в 26 дворов. Большая часть из них - 22 двора, принадлежали бывшим посадским людям. Не позднее 1581 г., по челобитью "устюжан посацких людей 22 двора оприч белых 4 дворов, которые даны под монастырь" были приписаны к посаду. За это посадский мир платил "с тех 22 дворов вперед игуменом или строителем в монастырь по 10 рублей на год ис таможенных денег ... ежегод безпереводно" ⁶¹⁴.

дилось соответственно 5,5 % и 9,2 % дворов ⁶⁰⁹. Не смотря на столь незначительную долю не тяглого населения, вопрос о белых слободах и закладчиках в Устюжке Железопольской стоял не менее, а в ряде случаев и более остро и жестко, чем в других городах.

⁶¹⁰ Сотная 1567 г. С. 139.

⁶¹¹ Там же. С. 139. Кроме этого, старица Александра в помин о муже сделала вклад в Рождественский монастырь - приклад к местной святыне, чудотворной иконе Пречистые Одегидрие «венеч серебрян злачен да гривна серебряна злачена». См. Сотная 1567 г. С. 137.

⁶¹² Сотная 1567 г. С. 141.

⁶¹³ Там же. С. 160.

⁶¹⁴ В 1606 г. игумен Васьян представил монастырскую жалованную грамоту в которой регулировался вопрос передачи посаду монастырской слободы. Грамота датирована январем 1585 г. «лета 7093 году, генваря в 15 день», но является подтверждением более ранней грамоты, которую монастырь получил, видимо, в апреле 1578 г., но не позднее 1581 г. В тексте есть ссылка на грамоту «царевича князя Ивана Ивановича» сына Ивана Грозного. См.: ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. Л. 21об.

Перевод слободы в состав посада неблагоприятно отразился на численности ее населения. К 1597 г., когда слободка описывалась в составе посада, она состояла только из 10 дворов, в которых было 20 людей. Посад все так же платил за нее ругу в Ильинский монастырь - "10 рублей на год"⁶¹⁵.

Становление крупной феодальной вотчины в крае привели не только к сокращению тяглого черного землевладения, но и к активному проникновению белослободчиков и посадскую среду. В конце XVI в. приказчик Годуновых Григорий Олтуфьев отнял у посадских людей двор мельничный и мельницу, которые были на оброке за посадскими людьми. Кроме этого, крестьяне села Хрипелева, принадлежавшего Годуновым, поставили ряд дворов на посадской земле. Только после смерти Б. Ф. Годунова, при В. И. Шуйском посадским людям удалось добиться указа о том, чтобы все дворы принадлежавшие хрипелевским крестьянам были у них отобраны и отданы в посад⁶¹⁶.

В царствование Б. Ф. Годунова борьба с белыми слободами усилилась. Приговор церковно-земского Собора 1584 г. против беломестцев, а затем и посадское строение 1600-1602 гг. фактически ввели в практику режим «заповедных и урочных лет» для посадских людей. Происхождение из посадской среды и наличие на посаде торгов, промыслов или ремесленных мастерских лишали человека права покинуть посад. Феодалам имевшим владения в городах запрещалось принимать закладчиков из числа горожан плативших налоги государству⁶¹⁷.

Уставные грамоты конца XVI - начала XVII вв. давали право посадскому миру возвращать своих "старинных тяглецов" обратно на посад, в тягло. Это положение было повторено и подтверждено в жалованной уставной грамоте посадским людям Устюжны Железопольской от 5 июня 1614 г.

Посадская община Устюжны Железопольской активно пользовалась этим правом, привлекая в посадское тягло всех горожан владеющих дворами или лавками стоящими на черных посадских землях или посадскими пашнями и пожнями. Земские целовальники всех уездных людей "за коими на Устюжне на посаде тяглые дворы, и лавки, и пашни, и пожни, есть" расписывали в посадское тягло и "те уездные люди во всякия наши подати и в мирские расходы деньги платили с посадскими людьми в ряд". Это положение действовало и на будущее - "а кто учнет жити на черной земле, сын боярский или приказной человек, или митрополич, или владычн, или монастырской, или чей кто ни буди ... и тягло им с тех дворов оброки и всякие розметы тянуть по вытно, что на них целовальники положат". Все люди поставившие дворы на черной посадской земле попадали в финансовую и судебную зависимость от посадского мира и местных властей. Отказ вступить в посадское тягло влек за собой финансовую и административную ответственность. Деньги в таком случае с них доправлял доводчик Устюженского волостеля⁶¹⁸.

После строительства в Устюжне крепости, начиная с 1609 г., в городе появляется большое число осадных дворов дворян, детей боярских, стрельцов и "всяких съезжих уездных людей". Как правило, под осадные дворы они покупали в остроге

⁶¹⁵ Сотная 1597 г. С. 141, 142. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 71.

⁶¹⁶ Смирнов П. П. Посадские люди ... Т. 1. С.242.

⁶¹⁷ Российское законодательство X - XX веков. Акты Земских соборов. Т. 3. М., 1985. С. 35, 36; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 144 - 146; Развитие русского права в XV - первой половине XVII в. М., 1986. С. 81, 82.

⁶¹⁸ ААЭ. Т. 3. № 37. С. 77.

"у посадских людей дворы и посадскую землю, пашню и пожни, и в рядах лавки тяглыя". Некоторые свои осадные дворы ставили "на тяглой на посадской земле на огородах". После Смуты, большинство дворян и уездных людей с Устюжны "розъехались по себе", но продолжали владеть дворами и хозяйственными угодьям, которые стояли на посадской земле. Особое беспокойство у посада вызывали владения людей чьи "осадные дворы розломаны и хоромы розвожены". Они продолжали владеть дворовою и огородною землею, но податей с "посадскими людьми с тех своих дворов и с лавок и с земли" не платили. За них, всякие подати, городовые расходы и земские службы несли посадские люди, отчего "им чинятся лишние многие убытки".

Посадская община не могла взыскать с них ни подати за дворы и земли, ни тем более привлечь их к выполнению повинностей. Посадские люди объясняли это тем, что "ныне де уездные люди учинились силны" и отказываются платить подати и мирские расходы с посадскими людьми "в ряд". Они просили запустевшие дворы, дворовые и огородные места уездных людей передать посадским людям в тягло⁶¹⁹.

По дозору 1619 г. в пределах острога на черной посадской земле стояли 167 осадных и жилых дворов дворян, детей боярских, стрельцов и уездных крестьян. Их число значительно, почти в 4 раза превышало число тяглых дворов. Их было только 43 - 16 посадских и 27 бобыльских дворов.

Абсолютное большинство «уездных людей» владели посадскою землею "безданно" т.е. без государевых грамот. Они покупали двор посадского человека или его землю на которой ставили свой осадный двор. Это обстоятельство, по мнению посадского мира, сохраняло их в числе тяглых или оброчных посадских земель, что подтверждалось всеми жалованными и уставными грамотами Устюжне Железопольской XVI - начала XVII вв.

Посадский мир требовал включить их "во всякие наши подати и в городовые расходы деньги платить по нашей жалованной грамоте, с посадскими людьми в ряд, по окладу земских целовальников, как и наперед сего платили".

Решение правительства было следующим. Все дворяне, дети боярские и уездные люди, кто покупал у посадских людей посадскую тяглую землю - пашни, пожни, дворы и лавки в осадное время и продолжал ими владеть, были обязаны "всякие подати и городовые мирские розметы платить ... с посадскими людьми в ряд, по окладу земских целовальников". В отношении тех, кто не захочет вместе с посадскими людьми нести тягло, действовал принцип ставший всеобщим только после Соборного Уложения 1649 г. - "те б люди на черных местех не жили, с посадских черных тяглых мест хоромы свои понесли долой". Запустевшие дворы, дворовые и огородные места уездных людей, поставленные на посадской земле фактически конфисковывались и передавались посадским людям, при условии введения их в посадское тягло⁶²⁰.

Не смотря на все законодательные инициативы и решения правительства и власти закладничество и продажа посадских дворов не прекращались. Более того, ухудшение экономической и демографической ситуации усиливали эти тенденции. Посаду приходилось вести постоянную борьбу за сохранение всех своих потенци-

---

⁶¹⁹ ААЭ. Т. 3. № 138. С. 194.

⁶²⁰ ААЭ. Т. 3. № 138. С. 193 - 195.

альных тяглецов. В своих челобитных посадские люди постоянно напоминали, что только за ними закреплено право жить на черной земле.

Периодически, под давлением посадского мира, власти предпринимали усилия по возвращению закладчиков. Так, 28 марта 1616 г. думный дьяк Петр Третьяков подписал грамоту к воеводе Устюжны Железопольской в которой велел «посадских людей и волостных крестьян, которые живут в закладчиках за какими людьми ни буди, всех вывести жить на посаде и в слободы на старые их дворы и пашни, где кто жил наперед сего». За невыполнение указа или злоупотребление служебным положением воеводе грозила смертная казнь - "поноровите в том которму нашему боярину или ближнему человеку, и вам за то от нас быти в смертной казни" ⁶²¹.

Регулярные сыски закладчиков не останавливали желания части посадских людей избавиться от государева тягла. Разрабатывая принципы посадского строения 1619 - 1620 гг. правительство опиралось не только на старые традиции XVI в. и конкретные практические шаги по возвращению закладчиков, выработанные в начале XVII в., в том числе и насильственные меры назидательного порядка. Так, воевода Устюжны Железопольской И. С. Урусов, в апреле 1619 г., получил строгое распоряжение бить кнутом и посадить в тюрьму до государева указа 2 посадских людей, которые заложились за Троице-Сергиев монастырь. Кроме этого, воевода должен был оповестить посадское население о последствиях закладничества - «да и ключ велел бы еси прокликать, чтоб с Устюжны с посаду и ис слободы никаков человек ни за кого в заклад не шел, а хто пойдет, и мы велим того сыскать и велим бить кнутом безо всякие пощады" ⁶²².

Соборный приговор 1619 г. не говорил прямо об обязательности телесных наказаний или заключение в тюрьму за закладничество. Закладчики возвращались в тягло без битья кнутом и посещения тюрьмы. Возвращались, согласно писцовым наказам, по посадской старине не только они, но и их семьи.

Несли ответственность, в первую очередь финансовую, и те, кто их принял в заклад. На них накладывались все недоимки - "на тех людех, за кем оне в закладе были, сыскав и счетчи, подати за прошлые годы доправить" ⁶²³.

Для восстановления численности тяглового населения в городах, Собор принял решение о возвращении всех посадских людей в тягло. Таким образом, впредь посадским людям фактически запрещался уход из посада, они прикреплялись к тяглу по месту жительства. Такое решение отвечало интересам как казны, так и посадской общины. Оно сохраняло тягლოსпособное население в городах.

На посады посылали царские грамоты с приговором Земского Собора. В них подробно излагалось описание розыска беглых посадских тяглецов. По получению царской грамоты, воеводы должны были призвать в съезжую избу посадских старост, целовальников, посадских людей и провести повальный обыск - расспросить у них как о пришлых людях в городе, так и о покинувших посад тяглецах. Выявленных пришлых людей отправляли на старое место жительства. О выбывших под-

---

⁶²¹ РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л. 217. На это распоряжение ссылаются П. П. Смирнов и Е. Д. Сташевский. См.: Смирнов П. П. Посадские люди ... Т. 1. С. 352; Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Прил. IV. Киев, 1916.

⁶²² РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л. 306.

⁶²³ Сташевский Е. Д. Указ. соч. Прил. V, VI. С. XI - XII.

робно расспрашивали соседей и должностных лиц, составляли причем расспросные листы подписывали не только опрашиваемые, но их "духовные отцы" священники. Взыскать с феодалов за которыми жили беглые посадские люди "всякие подати за прошлые годы"⁶²⁴.

С 1619 г. правительство начинает активно проводить сыск закладчиков, т. е. посадских людей перешедших в белые слободы и тем самым освободившихся от государственного тягла⁶²⁵. По мнению П. П. Смирнова, закрепощение посадских людей, законодательство об их сыск и прикреплении к тяглу опережало темпы закрепощения частновладельческих крестьян. Так, срок сыска посадских тяглецов в 1619 г. составлял 10, а в 1637-1639 гг. - 25 лет, тогда как беглых крестьян от 5 до 15 лет⁶²⁶.

Не смотря на жесткие предписания правительства по борьбе с закладничеством, часть посадских людей стремилась любым способом избавиться от посадского тягла. В 1618 и 1619 гг. по данным посадских земских целовальников в закладчиках было 46 посадских людей, которые платили всякие подати. Они пришли в Устюжну из разных городов с 1600 по 1618 гг., а иные и родились в Устюжне. Переход в закладники половины тяглового населения привело к резкому повышению размеров тягла и вызвало естественную и закономерную ответную реакцию. Как писали земские старосты, они "посадские люди платя за них оскудели и разошлись врознь"⁶²⁷.

Посадские люди жаловались в своих челобитных о том, что большая часть тяглецов заложились за татарского мурзу М. Я. Сулешева.. Во время дозора 1619 г. боярин, князь Ю. Я. Сулешев, видимо его брат, записал закладчиков за собой. Это вызвало протест посадских людей, закладчики жили "в старых своих посадских дворах, а преж сего те устюженцы в писцовых и дозорных книгах за боярином за князем Юрьем Яншеевичем Сулешовым написаны не бывали"⁶²⁸.

В июле 1619 г. воеводе Бутурлину пришло распоряжение сыскать всех закладчиков, возвратить всех в тягло и взыскать за все годы закладничества все подати. Взять их на поруки, кто откажется сажать в тюрьму⁶²⁹.

Иногда, посадская община, не дождавшись действий власти, шла на крайние меры, насильственно изгоняя нетяглое население с посадских мест. Так, были изгнаны крестьяне М. Я.. Сулешева из деревни Пески, которые "на Устюжне на посаде для осадного времени дворы покупали, а иные поставили собою и устюжане

⁶²⁴ Российское законодательство ... Т. 3. С. 67 - 71.

⁶²⁵ В 1619 г. был создан Сыскной приказ, обеспечивающий законодательство о прикреплении посадских людей. Наиболее активно он работал с 1637 по 1642 гг. под руководством князя Б. А. Репнина и дьяка Мины Грязева См. Смирнов П. П. Указ. соч. Т.1. С. 369-378, 455-487.

⁶²⁶ Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 2. С. 292-294. По мнению П. П. Смирнова, срока давности для сыска и возвращения бежавших посадских людей не существовало, он был бессрочный Для посадских тяглецов, старых и новых, приказная практика первых лет правления царя Михаила с Земскими соборами признавала бессрочное приращение к тяглу и бессрочное же возвращение в случае ухода их из тягла в закладники или на новые места. За период 1614 - 1618 гг. только одна грамота упоминает срок сыска посадских людей в 5 лет. См. Смирнов П. П. Указ. соч. Т.1. С. 353, 354.

⁶²⁷ РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л. 317об.-319об.

⁶²⁸ РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л. 319об.-320. Смирнов П. П. Указ. соч. Т.1. С. 369. За М. Я. Сулешевым в поместье под Устюжной была деревня Пески.

⁶²⁹ РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л. 320об.-325.

де посадские люди тех ево крестьян ис тех их дворов выбили и дворы им не отдали»⁶³⁰.

Иногда, пользуясь служебным положением закладничество поощряли и должностные лица, призванные бороться с этим явлением. Так, за 1620 - 1621 гг., во времена своего воеводства на Устюжне Я. С. Дубровский и его родственники "за себя во крестьянство повыводили" 6 человек посадских людей. За 3 года посадские люди заплатили за них всяких податей и мирских расходов и наняли подвод на 30 руб. 70 коп.⁶³¹.

В августе 1623 г. к воеводе М. О. Колычеву пришли 2 царские грамоты. Одна - о приезде в Устюжну Железопольскую пристава Богдана Есипова⁶³², другая - о сыске устюженцев, тяглых посадских людей, покинувших город⁶³³. В Устюжну Б. Есипов прибыл 16 сентября 1623 г. Его главная задача состояла в том, чтобы в Устюжне, в уезде, других городах "сыскивать посадских людей, которые покиня свои тяглые дворы, с Устюжны из посаду вышли, после Московского разоренья, в разные городы, а на Устюжну на житье по прежнему жить нейдуть".

Всех беглых посадских людей, которые сошли с посада, независимо от того за кем они живут - монастырем, дворянами или детьми боярскими, «с женами и с детьми и со всеми животы» необходимо было вернуть жить «на Устюжне в посаде в тягло с своею братьею, с посадскими людми, тянуть по прежнему». Всех выявленных беглецов, брали на "крепкие поруки с записями". Для того, чтобы "сыскное дело про посадских людей не стало", воевода обязан был дать Б. Есипову пушкарей "сколько человек пригоже", для того, чтобы никто "за тех людей не стоял и не вступался" или, если посадские люди "по себе в житье поручных записей давать не станут". Вместе с приставом в качестве свидетеля в сыске участвовал и посадский человек Первушка Семенов - "для тех сошлых посадских людей, кому их узнавать"⁶³⁴.

Приезд стройщика Богдана Есипова в значительной степени активизировал борьбу за тяглое население не только посадского мира, но и местных феодалов.

Старица Дарья отстаивала своих крестьян "старинных уроженцов вотчины ее села Микифоровского" Ондрюшку Вороновского, Федьку Павлова, Ондрюшку Юркина, Еремку Квасника, Олешку Латышева и Ондрюшку Еркина. Они пришли жить на Устюжну в литовское разоренье, купили там дворы и владели ими по купчим. Посадские же люди числили их в новых закладчиках, а Еремка Квасник и Олешка Латышев "исстари" были посадскими людьми, которые платили подати и за царицей в закладчиках никогда не были.⁶³⁵

Подобные сыски проводились по челобитным и других устюженских дворян - И. Терпигорева, Б. Неплюев, И. Наумова, М. Перского и др.⁶³⁶.

⁶³⁰ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л. 295об. - 296об. Такого рода действия посадского мира не нашло поддержки у власти. Воеводе Ф. Бутурлину в марте 1619 г. предписывалось вернуть дворы крестьянам М. Я. Сулешева.

⁶³¹ РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л.597об-598об.

⁶³² РГАДА. Ф.137. Кн.1. Л.487. За месяц до этого посылали для сыска Данила Свечина, но он, видимо, в Устюжну не приезжал, больше упоминаний о нем в источниках нет. См. Л.503об.

⁶³³ ААЭ. Т. 3. № 138. С. 193-195.

⁶³⁴ ААЭ. Т. 3. № 141. С. 202.

⁶³⁵ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л.571об.-577.

⁶³⁶ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л. 566-571, 581-587, .618об.-621об., 747-748.

В марте 1624 г. устюженский помещик Митрофан Перский пытался вернуть себе, видимо, посадского кузнеца Осташку Максимова сына Кузнецова, который сбежал в 1622 г. из его деревни Черной с женой и детьми на Устюжну, на посад. За полтора года до этого, в марте 1621 г. он дал по себе порядную запись о том, что будет жить во крестьянах за М. Перским в его деревне Черной и "доход платить и изделие всякое на него делать". В случае нарушения порядной материальная ответственность О. Максимова определялась в 30 руб. Чем закончилась эта тяжба неизвестно. Но по духу наказа воеводе, для того чтобы оставить Осташку Максимова на посаде, было достаточно убедиться, что он тяглый посадский человек⁶³⁷.

Иногда, возврат закладчиков на посад затруднялся имущественными спорами между сторонами. Так, стройщик Б. Есипов вывез из вотчины А. М. Годунова посадского человека Трофимка Степанова с матерью, женой и детьми на посад, в старый его тяглый двор. Он взял по нему поручную о том, что "ему жити на Устюжне, на посаде и тягло тянуть с посадскими людьми по прежнему". Однако все имущество Т. Степанова, приказчик А. М. Годунова Ивашко Павлов не отдал⁶³⁸.

Земские власти так же всеми силами стремились не только сохранить но и увеличить количество тяглых дворов, заведомо записывая в их число пришлых людей поселившихся временно на посадской земле. Так, иск посада летом 1623 г. к И. В. Наумову о том, что за ним живут посадские люди Ивашко Папышев, Русинко Иванов и Первушка Савельев закончился не в его пользу - они остались "во крестьянах по прежнему за Ильей Наумовым"⁶³⁹.

Весной 1624 г. посадские люди, выборные земские целовальники Оксентейко Папышев и Стахейко Попов, подговорили крестьянина дьяка Василия Ларионова Фильку Иванова перебраться в Устюжну. Он переехал со всей семьей, с женой и детьми, со всем хозяйством. Вскоре воеводе Лихареву пришлось расследовать это дело. Он должен был всех втянутых в скандал поставить "пред собой" и "управу учинить безволокитно", а затем, "тех посадских людей и тово беглово крестьянина Фильку Иванова з женою и з детьми поставить к ответу на Москве"⁶⁴⁰.

Вполне логическим и закономерным шагом в борьбе с сокращением числа посадских тяглецов и ростом закладничеством был государственный указ от 4 июня 1624 г. о запрете посадским и уездным людям продавать, дарить или закладывать в монастыри тяглые дворы, землю и угоды. В грамоте от 1 июля 7132 (1624) года из

⁶³⁷ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л.747-748.

⁶³⁸ В челобитной подробно перечисляется все имущество Т. Степанова: кобыла ворона - цена 6 руб., корова - 2 руб., 3 овцы старых - 40 алтын, хлеба немолоченного - 100 груд овса, а в груде по 10 снопов, а с овина де того веяно с 30 груд по 3 чети с осминою в устюженскую меру, 80 груд ржи, а с овина той ржи веяно с 10 груд по чети, з огород гороху молоченого да в земле осталось полоса репы, 6 гряд капусты, 30 снопов конопель, 35 копен сена, да к нынешнему 132 году высеяно у него в земле в деревне Острову четверть ржи. См.: РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л.564, 564об.

⁶³⁹ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л. 581-587.

⁶⁴⁰ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л. 756об.-757об. Крестьянин перебрался в Устюжну, видимо издалека, из-за пределов Устюженского уезда. В грамоте указано поселение вотчины дьяка В. Ларионова из которого он ушел - деревня Капустиха. По материалам описания Устюженского края 1628-30 гг. В. Ларионов в составе устюженских дворян не значится, так же как и деревня Капустиха в составе поселений. Имущество вывезенное крестьянином в Устюжну было оценено в 20 руб. 50 коп. - «Тот крестьянин Филька свел 2 лошадей, мерин голуб да мерин рыж, цена меринам 12 руб., да 2 коровы, корову пестру да корову рыжу, да бычок двугодовой, а другой годовой, цена коровам и быкам 7 руб., да 5 овец цена 1,5 руб.» . Кроме этого Филька Иванов был должен своему феодалу 20 руб. «подможных денег», которые взял на торговлю, что указывает скорее всего на его основную деятельность.

Устюжской чети к воеводе Устюжны Железопольской с изложением указа запрет касался прежде всего посадских дворов и лавок. В монастыри и монастырским служкам "вкладу не давать ... в заклады не закладывать". Если кто-то захочет дать в виде вклада двор или лавку, то ему необходимо было "тот двор продав посацкому же тяглому человеку, дати в монастырь вкладу деньгами, а дворами и лавками не давати". Нарушение запрета влекло за собой опалу и конфискацию вклада с последующей продажей посадским людям⁶⁴¹.

При определенных обстоятельствах, государство позволяло посаду закрепить за собой пришлого крестьянина. Если сыск посадских людей, покинувших тягло был фактически безсрочным, то для крестьян, осевших в городах на посадской земле, он ограничивался определенным сроком и условиями.

В грамотах к воеводам Устюжны Железопольской есть ряд любопытных указание на сроки сыска беглых крестьян проживающих на посаде - "суд давать на всяких людей во крестьянстве за 5 лет, а больши наших урочных 5 лет во крестьянстве» суда давать не велел"⁶⁴². Об этом в марте 1625 г. воеводе Лихареву напоминали из Москвы по поводу жалобы князя Ю. Мещерского о возвращении его беглой крестьянки Оксиньцы, жены посадского человека Кондратия Савина, которую посадские люди укрывали. Воевода должен был дать суд, если только не прошло 5 лет ее проживания в Устюжне или, если Оксинья сама "во крестьянстве повинится"⁶⁴³.

Столь неравные условия приводили, иногда, к открытому столкновению. Одна из таких стычек произошла в апреле 1625 г. Устюженские дворяне, боярские дети Иван и Федор Перские, Федор Новокщенов и Никон Линеv вместе со своими людьми и крестьянами приехали в Устюжну и "посадцких и всяких людей секли саблями и побивали насмерть и насильство и налоги от них чинятся великие"⁶⁴⁴.

После описания посада Устюжны Железопольской в 1624 -1626 гг. посадский мир получил сотную на посад, в которой отсутствовало описание Рождественского храма и его слободы, ряда традиционно относящихся к компетенции посада объектов, в первую очередь соборного Рождественского храма и его слободы. Это вызвало беспокойство посадских людей. Более того, настоятель собора получил отдельную выпись на храм и его владения, что делало их независимым от посада. Собор и церковное имущество всегда составляли "посадское строение" т. е. были общинной посадской собственностью и описывались в составе посада. Теперь посад мог потерять контроль над ней и над тем, сколько "церковного мирского приношения и строенья прибудет". В своей челобитной посадские люди приводили аргументы, в силу которых просили "соборный храм и все церковное строенье, и слободку написать с новых с писцовых книг по прежнему в Устюженскую в посадцкую сотную, чтобы то церковное строенье вперед в переменке от попов не порушилось и не изгибло, и крестьян бы из слободки попы не изогнали»⁶⁴⁵". Посадский

⁶⁴¹ АПД. Т. 1. № 137. С. 283, 284. Аналогичные грамоты были посланы и в ряд других крупных торгово-промышленных центров - города Тотьму, Соль Вычегодскую и др.

⁶⁴² РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л. 758.

⁶⁴³ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л. 807.

⁶⁴⁴ РГАДА. Ф.137. Кн.1 Л. 758об.

⁶⁴⁵ Сенигов Г. П. Памятники земской старины. Петроград, 1918. С. 259 - 260.

мир добился своего. В новой сотной с описания 1626 г., которая сохранилась, собор и его владения, кроме слободы, была записаны за посадом⁶⁴⁶.

Кроме этого, посад предъявил в обыск 81 человек проживающих на черных посадских землях или обязанных нести государево тягло. В нем перечислялись "4 человека черных попов, черной дьякон, 24 человека старцев, 6 человек белых попов, дьякон, 2 человека детей боярских и 43 человека крестьян"⁶⁴⁷.

Борьба с закладничеством на Устюженском посаде не прекращались и во второй четверти XVII в. Она проходила в новых условиях. С одной стороны, мероприятия по возвращению в тягло посадских людей дали свои результаты. По итогам описания 1626 г. значительно выросло число дворов посадского населения. Теперь их вместе с бобыльскими дворами было 278, что составляло более 70 % от всего городского населения⁶⁴⁸. Но, вместе с тем, выросло и налоговое бремя, которое значительно превосходило по своим размерам налогообложение многих городов. Кроме этого, в начале 1630-х годов началось строительство новой крепости. Эти обстоятельства вызвали целую волну бегства посадских людей.

Массовые мероприятия правительства по сыску закладников на территории всей стране способствовали возвращению устюженских посадских людей даже из дальних городов. Так, в 1628 г. в Устюжской чети рассматривали дело Мокейки Перфильева. Он ушел с Устюжны Железопольской лет за 10 до этого. В 1623 г. пришел в Москву и порядился жить в Екатерининскую слободу за великую государыню - старицу инокиню Марфу Ивановну (мать царя Михаила Федоровича). Не смотря на столь высокое покровительство, с Мокейки взяли житейскую запись и велели идти жить обратно на Устюжну⁶⁴⁹.

В 1632 г. посадский мир начал борьбу за возвращение своих тяглецов заложившихся за Д. В. Лодыгина. Во многом это было вызвано усилением роста закладничества с ростом налогового бремени вызванного строительством острога. Посадские земские целовальники били челом в Устюжскую четь о том, что 11 человек посадских людей заложились за Д. В. Лодыгина и называются его крестьянами. Они живут по прежнему на посаде, в тяглых своих посадских дворах, на тяглых местах, но «никаких податей и мирских всяких расходов не хотят платити». Смотря на них, за Д. В. Лодыгина стали закладываться и другие посадские люди, всего заложились 18 человек. Земские целовальники жаловались, что приказчик Лодыгина, Данило Федоров, им «о тех закладчиках о посадских людех с отказом приходит, и твоих государевых всяких податей и мирских расходов нам ... имати на них не дает, и твоего государева острожново дела с нами делати не велит и достальных твоих государевых посадских людишек тяглых бьют и грабят и насильства и продажи чинят великие, что суда на них и управы на Устюжне нет»⁶⁵⁰.

⁶⁴⁶ Сотная 1626 г. Л. 1-8об.

⁶⁴⁷ Сенигов Г. П. Памятники земской старины. Петроград, 1918. С. 265.

⁶⁴⁸ Это был один из самых высоких показателей. В первой половине XVII в. в 226 городах России (без Украины и Сибири) 60,1% дворов принадлежало служилым людям, 8,2% - вотчинникам. Дворы тяглого посадского населения находились только в 73 городах и составляли всего 29% от общего числа городских дворов. См.: Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30 - 40-е годы). Воронеж. 1975. С. 36. Авторы "Российского законодательства" называют другую цифру. Всего лишь 10 % дворов составляли "черные", т. е. выполняющие повинности и несущие службы в пользу государства. См.: Российское законодательство ... Т. 3. С. 376-377.

⁶⁴⁹ Смирнов П. П. Посадские люди ... Т. 1. С. 415.

⁶⁵⁰ Цитата по Смирнову П. П. Посадские люди ... Т. 1. С. 415, 416.

Проведя расследование - собрав выписи из писцовых и таможенных книг, допросив посадских посыльщиков, дьяк Пантелей Чирков 3 сентября 1632 г. докладывал дело государю. Следствием было установлено, что все закладчики записаны в писцовых книгах Ивана Кутузова и подьячего Постника Трофимова 1626 г. в тяглых дворах как посадские люди и нарушили государев указ о том, что устюженцам «посадским никаким тяглым людем в закладчиках ни за кем жити не велено». В назидание другим и для укрепления тяглой способности посада государь указал: закладчиков «бить батоги нещадно и посадить в тюрьму на неделю, чтоб, на то смотря, вперед неповадно было их братье, иным посадцким людем, закладыватца за монастыри и за дворян и за детей боярских, и подавать на крепкие поруки з записми, что им впредь жить на Устюжне в посаде в тягле в старых своих в тяглых дворех и государевы всякие подати и в мирские розметы платить с своею братьею с посадцкими людами попрежнему, а ис посаду ни за кого в закладчики не выходить и закладчиками не называтца»⁶⁵¹.

Во второй четверти XVII в. посад вел длительную борьбу и с Богородице-Рождественским собором за включение в состав тяглых дворов его белой слободы.

В 1634 г. земские целовальники подали в Устюжскую четь новую челобитную в которой просили включить слободских крестьян в посадские службы на кабаке, в таможене и у государева ядерного дела, давать целовальников и посыльщиков, а так же подводы под гонцов и в ямскую гоньбу. Это требование посад мотивировал тем, что "торгуют ... слободские крестьяне на Устюжне всякими большими торгоми, и лавки и онбары стоят в рядах за городом на их посадцкой на тяглой земле, и пожнями и пашнями владеют по купчим и по закладным их же посадцкими, а государева ... ядерного и всякого дела они, слободские крестьяне, куют много".

По мнению П. П. Смирнова, в подобного рода челобитных посадских людей, выражено требование признания торговли и ремесла монополией, более того, привилегией посадских людей. Не только по посадской старине и родству, но и по торгу и промыслам человек должен подлежать обязательному обращению в посад и составлять сословие посадских людей⁶⁵².

Устюжская четверть согласилась с требованием устюженцев и предписала слободским крестьянам "быть в помочь с посадцкими людами вместе". Жалованную грамоту, по которой соборные священники владели слободой, воевода, должен был у них отобрать и прислать в Москву. Воевода выполнил все распоряжения Устюжской чети. Слободжане в свою очередь обратились в Приказ Большого Дворца, в чьей юрисдикции находились. Не взирая на "государеву грамоту" из Устюжской чети, Приказ подтвердил их свободу от посадских служб и тягла.

Бюрократическая тяжба посада и городских властей за включение церковной слободы в тягло растянулась на 4 года. В 1635 г. по новому челобитию посадских людей Устюжская четь подтвердила их право брать церковных крестьян в посадское тягло. Новый воевода Ф. Тютчев бил слободжан на правеже и заставил их дать людей в целовальники на 1636 г. Он стал сам судить их во всяких делах, а старую и вновь полученную жалованные грамоты Рождественского храма на слободу воевода "порудил", т. е. не признал действующими. 22 ноября 1638 г. Устюжская четь, в ответ на жалобу соборных священников, вновь подтвердила принадлежность цер-

⁶⁵¹ Там же. С. 416.

⁶⁵² Там же. С. 417.

ковной слободы к посаду, а ее жителей - нести службы наравне с посадскими людьми. Правда, приписали слободу к посаду не по принципу "посадского принуждения" - по ремеслу и торговле, а по формальным соображениям. Крестьяне соборной церкви должны помогать в службах посадским людям потому, что на Устюжне яма нет, уезд к городу не приписан, поэтому службы посадских людей тяжелы⁶⁵³.

Таким образом, посад стремился не только вернуть своих тяглецов, но и расширить их число за счет традиционных белослободчиков.

Меры правительства не всегда давали ожидаемый результат. В 1642 г. свозчик Иван Малечкин, вывез на посад Устюжны Железопольской 20 человек посадских людей. Из них 12 человек по различным причинам снова выбыли из числа посадских тяглецов. Остальные жили на Устюжне, приняли на себя часть посадского тягла, но не увеличили доходы казны с посада⁶⁵⁴.

В 1645 г. в конце царствования М. Ф. Романова посадские люди Устюжны Железопольской снова обратились к нему с челобитьем о том, что на их тяглой посадской земле стоят дворы людей, которые «и в лавках и в рядах и отъезжими торгами с ними торгуют и всякими промыслами промышляют, а с тех своих дворов и с лавок и с пашен и с промыслов тягла платить не хотят». В основном, это были закладчики Алексея Годунова⁶⁵⁵. Ссылаясь на свою уставную жалованную грамоту 1614 г. устюженцы просили заставить платить их с ними тягло или выселить с посадской земли. Решение было принято в пользу посада⁶⁵⁶.

Правда, в связи со смертью М. Ф. Романова, посадским людям потребовалось подтвердить старое решение в новом правительстве. В сентябре 1645 г. дьяк Устюжской чети Мина Грязев послал губному старосте Устюжны Железопольской Ивану Отрепьеву грамоту с распоряжением сослать с тяглой земли закладчиков, которые не вошли в посадское тягло и очистить тяглую землю и лавки и отвести их посадским людям. При отказе закладчиков губному старосте предписывалось взять с них поручные записи о том, "что им с тех дворов и с лавок и с пашен и с промыслов с посадскими людьми тягло тянуть, во что их посадские люди обложат, и твой государев оброк платить без ослушанья". Губной староста вызвал закладчиков к себе и после их отказа очистить землю или дать поручные о вступлении в посадское тягло, посадил в тюрьму⁶⁵⁷.

⁶⁵³ Смирнов П. П. Посадские люди ... Т. 1. С. 415 -418.

⁶⁵⁴ «И те посадские люди, Федька Собирай да Ивашка Жолоб ... (всего 12 человек) с Устюжны опять сошли: Федька Собирай, сшод с Устюжны, живет в вотчине Симонова монастыря в Веси Егонской, а Савка Болтунов стал в попы и живет в той Симоновской вотчине, да Ларивонка Терстихина дети, Панька з братьею, а отец их Ларька в той же вотчине умер, да Тимошка да Игнашка Белтенева, да Первушка Карпов, да Мороско Михайлов - те померли на Устюжне». И так все 12 человек: кто умер, кто живет в Москве, Кто стал в церковные дьячки, кто постригся в чернецы и т.д. См. РГАДА. Ф. 141. 1645 г. Д. 67; Смирнов П. П. Посадские люди ... С.74.

⁶⁵⁵ В 1637 г. стольник Алексей Годунов купил у семьи Дубровских в остроге Устюжны Железопольской осадный двор общей площадью в 400 (20 x 20) кв. саж. См. Сотная 1626 г. Л. 28об. На этом дворе он устроил опорный пункт для своих крестьян и начал активно принимать закладчиков из числа посадских людей. Посадские люди вели борьбу за возвращение посадских тяглецов и самого двора посаду. Во время сыска князей Репниных и дьяка Устюжской четверти Мины Грязева в 1645 г. вдова Алексея Годунова Акинья, называла причину ненависти посадского мира к ее роду и желание отнять двор тем, что "мужа ее вотчины села Федоровского з деревнями подошла вотчинная земля к посаду блиско". Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 1. С. 243.

⁶⁵⁶ Помета думного дьяка Ивана Гавренева на челобитной гласила - «Государь указал - буде живут и лавки поставлены на посадской тяглой земле, и им тягло платить з дворов и с лавок с посадскими людьми; а будет тягло платить не похотят, и их с той земли сослать». Цитата по П. П. Смирнову. Указ. соч. Т. 2. С. 71.

⁶⁵⁷ Там же. С. 71, 72.

Методы местных властей пополнения посада тяглецами были разнообразны. Архимандрит, келарь и братия Симонова монастыря так описывали процесс сыска и вывоза тяглецов на посад в Устюжну Железопольскую из монастырской вотчины. В 1649 г. в их вотчину, село Весь Егонскую, из Устюжны приехали воевода, который заменял на Устюжье стройщика и посадские люди - Ефим Пестов, Анкидинко Емельянов и Савинко Болтунов "со многими устюженцы посадскими людьми". Они должны были сыскать и вывезти на посад всех "посадских людей, которые жили на пристанье для промыслу и работы у наших монастырских крестьянцев". Методы которыми действовали воевода и представители посада были достаточно своеобразные. Монастырские власти описывали их действия в своей челобитной государю следующим образом: "Устюженцы посадские люди многих монастырских крестьян перехватили и перевязали и в подполье пометали. А иных государь, наших же монастырских крестьянцев ... то ж связали и свезли их к себе на Устюжну и кинули в тюрьму". Сидели они в тюрьме "многое время" пока не дали по себе поручные крестоцеловальные записи, что "им жить на Устюжье в посаде". Но и такие суровые методы не остановили "нововывозных тяглецов". Некоторые из них, те кого вывезли насильственно и незаконно, "з женами и детьми" вскоре снова бежали в монастырскую вотчину, в Весь Егонскую⁶⁵⁸.

Борьба против закладничества накануне посадской реформы принесла определенный конкретный результат. По данным строельных книг прирост тяглых дворов в Устюжье Железопольской с 1646 по 1649 гг. составил 11, 4%, с 294 до 332. Это было значительно ниже чем в среднем как по западной половине Замосковского края - 30,4%, так и городов относящихся к веденью Устюжской Четверти - 38,4%⁶⁵⁹. Столь существенная разница не является показателем эффективности работы местной и центральной власти. В большей степени данные результаты отражают темпы борьбы с закладничеством на протяжении первой половины XVII в. В Устюжье Железопольской, которая имела важное значение для государства как металлургический центр, борьба с закладничеством велась более интенсивно на начальном этапе, в 20-е - 30-е годы XVII в.

Конкретная реализация "посадского строения" в городах возлагалась на Приказ сыскных дел, который посылал в большинство городов "стройщиков" или "строельщиков". Их задача не ограничивалась только сыском беглых посадских людей и возвращением их в тягло. Они должны были "устроить к посаду отбираемые слободы и земли, или устроить на посаде вывезенных сюда людей, которых брали не только по посадской старине или родству, но, главным образом, по торгу и промыслу, независимо от того, являлись ли они закладчиками, крестьянами или бобылями владельцев"⁶⁶⁰.

Кроме "стойщиков" в ряде городов, в том числе и в Устюжье, аналогичные функции выполняли местные воеводы, которые получали специальные инструкции Приказа сыскных дел⁶⁶¹.

⁶⁵⁸ Крестьян, вывезенных в Устюжну из разных монастырских деревень, в челобитной названо 10 человек. См. Смирнов П. П. Указ. соч. С. 438.

⁶⁵⁹ Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 2. Таб. V, VI. С. 541, 706.

⁶⁶⁰ Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 2. С. 393.

⁶⁶¹ Там же. С. 400 - 402.

В Устюжне Железопольской этим занимался воевода Федор Иванович Лаптев. Сохранились отрывки строельной свозной книги посланной воеводой в Приказ. Не все вывезенные на посад люди, становились полноценными тяглецами. В 1649 г. в Устюжну на посад из села Веси Егонской Федор Лаптев вывез беглых посадских людей 7 человек с детьми. Из них в 160 (1651/52) г. только 3 человека несли государственные повинности. Остальные - "Первушка да Архипко Патрекеевы дети Ожегова да Онисимко Кирилов з братом с Ылюшкою в тягло не положены для того, что они люди скудные, ходят по миру" ⁶⁶².

Соборное Уложение 1649 г. подвело почти столетний период борьбы государства и посадских людей с белослободчиками и закладниками. Оно превратило ремесло, торги и промыслы в городах в монопольное занятие посадских людей, а "посадское строение" 1649-1652 гг. привело в число посадских тяглецов более 10 тысяч дворов жителей беломестных слобод ⁶⁶³. Для разных городов, в зависимости

---

⁶⁶² РГАДА. Монастырские дела, 1660 - 1662 гг. № 2. Смирнов П. П. Указ соч. Т. 2. С. 401, 555, 556.

⁶⁶³ Смирнов П. П. Посадские люди ... Т. 2. С. 721.

QQQ

Заключение.

История Устюжны Железопольской и ее уезда XVI - XVII вв. представляет значительный интерес для понимания закономерностей и особенностей социально-экономического развития России. В это время, Устюженский край был одним из регионов, где происходило становление новых форм общественного разделения труда, ускоренными темпами шло развитие товарно-денежных отношений, формировались устойчивые рыночные связи и т. д., что в конечном итоге обеспечивало общественный прогресс.

До начала XVI в. Устюжна оставалась небольшим городским поселением на северо-западной окраине Московского княжества, практически на границе с Новгородской землей. Существенные перемены в жизни города и края произошли в первой половине XVI в. Присоединение Новгорода к Москве и образование единого государства коренным образом изменило политико-географическое положение Устюжны. Устюженский край оказался в центральной части государства, которая связывала между собой в единое целое крупные экономические регионы - старинные московские земли, северо-западные новгородские земли и Поморье. Хозяйственный подъем первой половины XVI в. и объективные природно-географические факторы, прежде всего крупные запасы болотной железной руды и разветвленная транспортная речная система, превратили Устюжну в крупный феодальный торгово-промышленный город-посад, а Устюженский край в один из крупнейших промышленных центров Русского государства XVI в.

Объективной основой социально-экономического расцвета Устюжны Железопольской стал экономический подъем первой половины XVI в. К этому времени Устюжно-Железопольский район приобрел значение большого и важного промышленного центра, обслуживающего все Русское государство, в котором важнейшая роль принадлежала специалистам по обработке металла. По степени концентрации высококвалифицированных специалистов кузнечного дела, их доле в общей структуре ремесленного городского населения, масштабам и объемам производства Ус-

---

тужна Железопольская занимала одно из ведущих место в стране. 60-е годы XVI в. могут считаться вершиной ее социально-экономического развития. Показатели общей численности городского населения, доли посадского населения, его имущественного положения и профессиональной структуре, площади городской территории и др. середины XVI в. не были превзойдены ни в XVII - XVIII вв., ни даже в начале XX в.

К середине XVI в. произошло экономическое становление и Устюженского края. В основном завершилось хозяйственное освоение края, сформировалась система сельского расселения, а число населенных пунктов достигло максимума. В первой половине XVI в. произошло юридическое оформление территории, реально составляющей зону экономических интересов города, и действительно тянущих к Устюжне Железопольской.

Со второй половины XVI в. на экономическое развитие края, как и в целом страны, определяющее и в основном разрушающее влияния оказали социально-политические тенденции в развитии государства. В условиях экономического кризиса 70-80 годов XVI в. происходит существенное снижение хозяйственной активности, интенсивности товарного производства и товарно-денежных отношений в крае и, как следствие, значительное запустение посада Устюжны Железопольской, повышение роли и значения натурального хозяйства в жизни посадских людей, что нашло свое выражение в реальном, более чем в 3 раза, росте хозяйственных угодий, приходящихся на 1 посадский двор.

Всеобщий кризис конца XVI в. и военно-политические потрясения смутного времени в значительной степени разрушили сложившийся хозяйственный уклад. Его возрождение начавшееся в третьем десятилетии XVII в. происходило уже в новых социально-экономических условиях и приобрело черты, значительно отличавшие его от тех, что сложились в середине XVI в.

Динамика развития сословной структуры городского населения Устюжны Железопольской на протяжении более 100 лет, с середины XVI в., дает возможность говорить о ее достаточной стабильности и устойчивости. Все социальные, политические и природные потрясения не изменили социально-экономической облик Устюжны Железопольской, как торгово-промышленного города-посада с характерной социальной и профессиональной структурой населения, в котором ведущая роль принадлежала посадским людям. Их доля в сословной структуре городского населения на протяжении середины XVI - XVII вв. остается практически неизменной, более 80%.

Единственный период, когда произошло нарушение данного соотношения - Смутное время. Концентрация служилого сословия и превращение Устюжны в военную крепость изменили на полтора десятилетия не только сословный облик города, но и его экономическую сущность. Прекращение "Смуты" достаточно быстро нормализовало социальную структуру города до обычных параметров. Строительство крепости, значительный рост территории Устюженского уезда, развитие феодального землевладения, превратили его в типичный уездный административно-феодальный центр. Эта эволюция, по сути своей, была чужда природе, на которой вырос посад. Она в значительной степени подрывала объективные экономические законы развития города и вводила в действие элементы феодального государствен-

---

ного принуждения, сделав их в первой половине XVII в. преобладающим фактором развития.

Одним из таких факторов, который действовал на протяжении всего исследуемого периода, но наиболее отчетливо и ярко проявил себя в первой трети XVII в., было становление устойчивой системы феодального землевладения, которое завершилось в первой четверти XVII в. и было связано с массовым пожалованием дворцовых и черносошных, в том числе и посадских земель.

Главной особенностью посадского землевладения Устюжны Железопольской на протяжении XVI - первой половины XVII вв. была их значительная пространственная протяженность. Хозяйственные угодья посада, а вместе с ним и структура посадского землевладения складывались постепенно, в ходе освоения и внутренней колонизации бассейна реки Мологи. Оно завершилось в середине XVI в. и стало закономерным результатом экономического подъема как Устюжны Железопольской, так и Устюженского края в целом.

Начиная с 60-х годов XVI в. наблюдается постепенный, со временем все усиливающийся, процесс сокращения зоны хозяйственного влияния посада, значительное сокращение земельных угодий посадских людей. Активная земельная политика правительства, развитие поместного и вотчинного землевладения и хозяйства, завершение процесса раздачи черных земель в крае, окончательно разрушили и разорвали единый общий массив хозяйственных угодий посада на ряд небольших участков, за которые посаду на протяжении всей первой половины XVII в. пришлось вести напряженную борьбу. Эта борьба закончилась не в пользу посада, большая часть земель была потеряна. Особенно болезненным было пожалование черной Понизовской волости, которая в хозяйственном и административно-финансовом отношении составляла с посадом единое целое. Практически все посадские земли находились на территории волости, а сама Понизовская волость была приписана "к посаду в уезд".

Другим, более важным и глубоким по своим последствиям, фактором, оказавшим влияние на социально-экономический облик в первую очередь Устюжны Железопольской, было втягивание посада в систему феодальных отношений, которые отвергали объективные факторы экономического развития.

Уровень экономического развития Устюжны Железопольской в XVI - первой половине XVII вв. определялся, в основном, уровнем развития кузнечного дела и был обусловлен характером и объемом производства и его связью с рынком. В то время, когда устюженским кузнецам приходилось выполнять крупные государственные заказы, концентрация и организация производства была максимальной. По существу, оптовый заказчик - государство, путем внеэкономического принуждения, на период выполнения заказа, выступало организатором работ, временно превращая посад своего рода государственную мастерскую, по своей организации приближающуюся к крепостной мануфактуре. При работе на рынок, железообрабатывающая промышленность Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. сохраняла мелкотоварный характер производства. Хотя наблюдается и отторжение части кузнецов от средств производства, и устойчивое существование такого явления, как найм рабочей силы.

Особенностью кузнечного ремесла средневековой Руси была его тесная связь с военным делом и военными потребностями страны. На протяжении XVI - первой половины XVII вв. Устюжна Железопольская была одним из важнейших общегосударственных центров оружейного дела в Русском государстве. Это, во многом, определяло конкретную политику в отношении посада, которая сводилась, в основном, к экономическому и внеэкономическому принуждению, определенной системе феодально-крепостнических норм с их характерным стремлением закрепить за государством все права

Мелкому производителю-кузнецу приходилось иметь дело с силой в лице феодального государства, которое все шире санкционировало крепостные порядки и отношения. Государство, часто путем экономического, чаще внеэкономического принуждения, выступая организатором работ, на период выполнения заказа, превращало посад в своего рода государственную мастерскую.

Сравнительно слабая социальная дифференциация посадских людей по отношению к другим городским сословиям, обуславливала наличие у них общих интересов и делала возможным консолидацию их усилий в защиту своих прав - от выступлений против отдельных беломестцев за возвращение закладчиков в посадское тягло до борьбы за снижение тяжелых налогов и служб, против феодальных форм управления, за монополию в торгово-ремесленной деятельности и т. д.

Конкретная податная политика в отношении Устюжны Железопольской, этого торгово-промышленного города-посада, противоречила и подавляла элементарные законы экономического развития присущие любому уровню товарно-денежных отношений. Непомерное государственное тягло, круговая порука внутри посадской общины, лишало часть посадского населения, особенно тех, кто был ориентирован на рынок, смысла хозяйственной деятельности. В этих условиях, посадский мир, на уровне инстинкта самосохранения, боролся за увеличения числа тяглецов, все более настоятельно требовал от государства признания своей монополии на промыслы и торги, т. е. ликвидации белых слобод, что государство и проводило, но типичными для феодального общества методами принуждения.

По справедливому замечанию Е. Д. Сташевского, к середине XVII в. "обложение было доведено до предела тяглоспособности и дальнейшее повышение налогов могло снова вызвать ряд экономических потрясений в народном и государственном организме" ⁶⁶³. Яркой иллюстрацией этого положения служит пример Устюжны Железопольской. Здесь, предел тяглоспособности правительство не только достигло, но и значительно перекрыло, уже в первой четверти XVII в.

По мнению С. Б. Веселовского, право привлекать в тягло всех людей, независимо от их юридической принадлежности к посадскому миру, провозглашенное еще в XVI в., вырабатывается с течением времени в более широкое правило. Оно перерастает в правило тягла по посадскому промыслу - все, кто промышленяет и торгует на посаде, независимо от того на какой земле они живут, обязан тянуть тягло с посадом. Не желающие вступить в посадское тягло, должны прекратить свои торги и промыслы и продать свою недвижимость тяглым людям. Введение этого правила посадские люди настойчиво добивались в силу значительного роста налогового бремени. Правительство, по мере правового и хозяйственного обособления посадов

от уездов, не могло не признавать основательности этих требований и шло им навстречу⁶⁶³.

Соборное Уложение 1649 г. подвело почти столетний период борьбы государства и посадских людей с белослободчиками и закладниками. Оно превратило ремесло, торги и промыслы в городах в монопольное занятие посадских людей. Для разных городов, в зависимости от конкретных обстоятельств, их роли и значения в жизни страны, темпы этой борьбы были различны. В Устюжне Железопольской задолго до посадской реформы середины XVII в. были ликвидированы не только белые слободы, но и отдельные элементы самой системы. Многие положения "посадского строения" 1649-1652 гг. - ликвидация частного феодального землевладения, бессрочный сыск беглых посадских людей, монопольное право посадских людей на ремесленную и торговую деятельность и др. активно внедрялись в практику борьбы за тяглое население. Это отвечало интересам как государства, так и посадской общины, для которой уход посадского человека, при круговой поруке, автоматически повышал размер государевых податей и повинностей для оставшихся тяглецов.

Кузнечное ремесло в XVI - XVII вв. оставалось одним из наиболее сложных энерго- и материалоемких технологически производств. Высока была степень знаний и навыков, приемственность и передача практического опыта. При той социально-экономической среде в которой находился устюженский кузнец, тягловом прессе, который постоянно на него давил со стороны государства, и тех методах, которыми государство обеспечивало свои интересы, очень трудно было сохранить приемственность поколений, опыт и традиции кузнечного мастерства, особенно на рубеже XVI - XVII вв., и в Смутное время.

Феодальные принудительные методы натолкнулись в Устюжне на сопротивление посадских кузнецов, следствием которого было снижение уровня производства. Сознательно или нет, но производство пошло на убыль и переориентировалось на домашнюю утварь и орудия труда. Те сферы которые не могли контролироваться государством, и где господствовал рынок с его законами развития. рынок который и был основным объективным фактором становления Устюжны Железопольской как города, как центра крупного центра металлообработки. Большое значение имело и то, что в той или иной степени разрушались производственные связи и разделение труда между городом и сельской округой. Это явно видно в первой четверти XVII в.

Переход в середине XVII в. от работы на государство, повлекла за собой перестройку кузнечного производства Устюжны Железопольской, ее ориентацию на удовлетворение запросов внутреннего рынка. Это вызвало изменение как в составе кузнецов, дальнейшую специализацию, социальные изменения в составе кузнецов. С середины XVII в. начинает принципиально меняться не только специализация, но и производственная и социальная организация кузнечного производства Устюжны Железопольской. Показательным в этом отношении служит соотношение кузнецов и посадских людей работающих по найму - молотников. Если во второй половине XVI - первой половине XVII вв., доля молотников составляла не менее трети от общего числа ремесленников занятых в железообрабатывающей промышленности Устюжны Железопольской то на рубеже XVII - XVIII вв. она снизилась в 10 раз. К

концу XVII в. посадская кузнечная промышленность утратила монополию на производство готовой продукции, хотя абсолютное большинство посадских кузнецов ограничивалось изготовлением одного вида хозяйственно-бытовой продукции, а из них более 2/3 специализировались на производстве сковород. Наряду с ними деревенские кузнецы так же специализировались в производстве сковород, котлов и гвоздей.

Преимущественная ориентация на рынок привела к усилению роли скупщика, отрыву от производства разбогатевших купцов и усилению использования наемного труда. В конечном итоге, произошло внутреннее перераспределение в разделении труда в пределах Устюжно-Железопольского железообрабатывающего района, усилилась роль крестьянской промышленности в области изготовления готовой продукции и роль крестьян-скупщиков.

Важным обстоятельством, разрушившим «единое экономическое пространство», была временная ликвидация Устюженского уезда, которая развела город и деревню в разные административные единицы. Формальное вхождение в состав Угличского уезда повлекло за собой резкое фактическое усиление податного и тяглого бремени и значительное снижение доходов. В течении всего XVII в. посадские люди добивались его восстановления, возвращения Устюжне отдельных деревень и волостей на том основании, что они «изстари» были за посадом, который ныне стал «безуездным». Эта борьба имела существенные экономические причины. В первую очередь была разрушена устойчивая финансовая система в центре которой находилась монополия торгово-промышленной деятельности посада через таможенные сборы.

В 1645 г. устюженские земские власти - таможенный голова и целовальники, в своей челобитной писали о том, что многие торговые люди, приезжающие в Устюжну за железным товаром, "покупают товары по волостям и деревням в Углицком уезде версты по 2, и по 3, и по 5, и по 10 от Устюжны, и нам, сиротам твоим государевым, таможенной пошлины не платят, отказывают" мотивируя это тем, что покупают товар не в Устюжне, а в Углицком уезде⁶⁶³.

К концу первой половины XVII в., после прекращения крупных государственных заказов, Устюжна железопольская переживала явный экономический кризис. В 1646 г. устюженский таможенный и кабацкий голова Юшка Володимиров так описывал экономическое состояние Устюжны Железопольской в своей отписке в Москву: «людишка, государь, на Устюжне изошлые ... и всяким ремесленным людем, кузнецом и молотником, промыслов нет. А приезду, государь, и проезду торговым людем, oprичи тихвинцев и ладожан, никово нет; город нелюдной, от иных, государь, городов удалел»⁶⁶³. Анализируя это состояние, П. П. Смирнов пишет: «Произошло нечто такое, что отвлекло от Устюженского железного дела людей и капитал, что превратило промыслы молотников и кузнецов быть может раньше, нежели сюда перестали ездить торговцы. Разыгрался какой-то кризис с безработицей, безпромыслицей и безторжицей, бороться с которыми можно было не принудительными переводами беглецов, показавшими свою несостоятельность, а только решительными мерами социально-экономического характера»⁶⁶³.

На наш взгляд, ответ на этот вопрос лежит в области социально-экономических взаимоотношений власти и посада, конкретно тех феодальных мето-

от конкретных обстоятельств, их роли и значения в жизни страны, темпы этой борьбы были различны.

В Устюжне Железопольской задолго до посадской реформы середины XVII в. были ликвидированы не только белые слободы, но и отдельные элементы самой системы. Многие положения "посадского строения" 1649-1652 гг. - ликвидация частного феодального землевладения, бессрочный сыск беглых посадских людей, монопольное право посадских людей на ремесленную и торговую деятельность и др. активно внедрялись в практику борьбы за тяглое население. Это отвечало интересам как государства, так и посадской общины, для которой уход посадского человека, при круговой поруке, автоматически повышал размер государевых податей и повинностей для оставшихся тяглецов.

QQQ

Опубликованные источники.

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1 - 4. СПб. 1836.
Т.1. №262, №263, №269, №367;
Т. 2. № 62. №63. №93, №166
Т. 3. № 37, №52. № 86. №92. № 138. № 141. № 257. № 275. № 314.
Т. 4. №
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1, 3. СПб. 1841.
Т. 1. № 128. № 289. №298 №С. 333-335;
Т. 3. № 41. № 67. № 142.
3. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 53.
4. Акты относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1 - 2. СПб., 1857 - 1864.
Т. 1. №
Т. 2. № 128.
5. Акты относящиеся к истории Земских Соборов. М., 1909.
6. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. М., 1913. Т. 2. Вып. 1. М., 1917. Т. 2. Вып. 2. М., 1977.
Т. 1. № 83, № 137, № 248, № 249, № 253.
Т. 2. Вып. 1. № 8, № 14, № 24, № 47
Т. 2 Вып. 2. № 83, № 84, № 85, № 86, № 87.

дов внеэкономического принуждения, которые стали нормой взаимоотношений и которые были чужды элементарным нормам экономической заинтересованности посадских людей и целесообразности их хозяйственной деятельности.

7. АПОЗС. № 71.
8. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. М., 195 . Т. 2. № 345, 361;
9. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506 - 1613 гг.). М., 1983. № 1. № 18. № 101, №102, №105. № 121. № 201, №202.
10. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857 - 1864. Т. 1 - 2.
Т. 1. № 31.IX. № 31.XIV.
Т. 2. № 128. Дозорная книга Понизовской волости Устюжно-Железопольского уезда 1614/15 г.
11. Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. Кн. III. СПб., 1861.
12. Вологодские губернские ведомости. 1851 г. № 28, 31.
13. Временник Демидовского юридического лицея. Вып. 41 - 46, 48 - 50. Ярославль, 1886-1890;
14. 1626 г. - Роспись перечневая ... С. 104.
15. Гамель И. X. Описание Тульского оружейного завода. М., 1826. Приложение 3. С. 40-45.
16. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 186 . Т. 9. № 9, №29, №106.
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М - Л., 1950. № 12. № 14. № 16. № 20. № 61. № 89. № 99. № 104.
18. Исторические сведения о Синозерской пустыне, Устюженского уезда Новгородской губернии, и ея основателе преподобномученике Евфросине, Новгородском чудотворце. Новгород, 1912. С. 4;
19. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853 г. Т. 1.
20. Летопись занятий Археографической Комиссии за 1895 -1899 гг. Вып. 12. СПб., 1901.
21. Материалы по статистике Новгородской губернии. Новгород, 1885. Т.6. Устюженский уезд.
22. Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611-1613 гг. М., 1911. №71, № 72.
23. Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1910. Т. 6.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М - Л., 1949.
25. Обзорение Писцовых книг по Нову-городу и Пскову. М., 1841.
26. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 - 1858). Вып. 1. М., 1972.
27. Книга переписная города Устюжны Железопольской 1713 г. Публикация Баландина Н. И., Червякова В. П. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда 1970. С.199 - 252.

28. Писцовая книга станом и волостей Устюжны Железопольской 1628 - 1630 годов. Публикация Пугач И. В. // Устюжна - I. С. 82 - 106; Устюжна - II. С. 153 - 172; Устюжна - III. С. 295 - 345.
29. Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685-1686 гг. Публикация Пугач И. В. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С.169-189.;
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. М., 1825 . Т.2. № 1150.
31. Разрядная книга 1475 - 1598 гг. М., 1966.
32. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XVI. Русские акты Копенгагского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. СПб., 1897. № 78, № 81. Т. XXXV. № 318, № 326, № 354, № 443.
33. 1626 г. - Роспись перечневая, что на Устюжне в остроге и за острогом по новому писму Ивана Кутузова да подячево Посника Трофимова в живущем сошного писма и что посадских людей и что с них государевых четвертных всяких денежных доходов. Публикация П. А. Колесникова. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985.
34. Российское законодательство X - XX веков. М., 1985. Т. 2 - 3..
Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства.
Т. 3. Акты Земских Соборов.
35. Сенигов Г. П. Памятники земской старины. Петроград, 1918.
36. Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую. // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993.
37. Смутное время Московского государства. 1604-1613 гг. Вып. 8. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610 - 1611 гг. М., 1967.
38. 1617 г. - Сотная с книг И. И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железопольской. Публикация Ю. С. Васильева и Н. П. Воскобойниковой. // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981.
39. Сотная с писцовых книг Д. Г. Бельского на посад Устюжны железопольской 1597 г. Публикация Н. П. Воскобойниковой и П. А. Колесникова. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984.
40. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1816. Ч. 2. № 166, № 167.
41. Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890 - 1892. Вып. I - II.
42. Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1899 - 1913. Кн. 3. Вып. 1 - 2. Кн. 4. Вып. 1 - 2.
43. Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887.
44. Угличский летописец. Углич, 1911.
45. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.
46. Хрестоматия по истории СССР. XVI - XVII вв. под ред. А. А. Зимина. М., 1962.
47. Шумаков С. А. Обзор "Грамот коллегии экономии". Вып. I Обзор бежецких (1300 - 1767 гг.) и алатырских (1607 - 1761 гг.) актов. М., 1899.

- 48.Шумаков С.А. Угличские акты (1400-1749 гг.) // ЧОИДР. 1899 г. Кн.1. М., 1899..
№ XLI; №XXIII, №LIII, №LIV, №LV; №LVII, №XLI;
49.Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев,
1915. Приложение X. С.67-86.

QQQ

Перечень архивных фондов и дел.

Российский государственный архив древних актов.

Ф. 137. Городовые книги Разрядного приказа 1613 - 1627 гг.

Кн. № 1. Л. 75 - 719 об.

Кн. № 16-а. Л. 815-825.

Ф. 141. Приказные дела старых лет.

1606 г. № 1. Л. 1 - 247..

1629 г. Д. 53. Л. 1 - 333.

1630 г. Д. 37. Л. 1 - 36.

1631 г. Д. 37. Л. 29. Д. 58. Л. 1, 7.

1632 г. Д. 73. Л. 1 - 255

1633 г. Д. 52, Д. 57. Л. 48 - 50.

1645 г. Д. 67. Л. 417.

1669 г., Д. 214. Л. 1 - 441.

Монастырские дела, 1660 - 1662 гг. № 2.

Ф. 1009. Поместный приказ. Оп. 1. К - 901. К - 902.

Ф.1147. Д.34.

Ф. 1171. Фонд Устюженской приказной и губной избы за 1614 - 1702 гг. Оп.1171/1.
365 ед. хранения. № 358.

Архив С.- Петербургского филиала Института российской истории РАН (г. С.-
Петербург)

Колл. 111. Д. 116.

Государственный архив Вологодской области (г. Вологда)
Ф. 1009. Оп. 1. Д. 48. 111 л. Д. 411.

ООО

Литература.

1. Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI - первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3.
2. Абрамович Г.В. Поместная система ...
3. Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970.
4. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север - Псков. Т. 3. Л., 1978;
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Т. 2. Л., 1974;
6. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Т. 4. Л., 1989;
7. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI в. Т. 1. Л., 1971;
8. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 53.
9. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1, 3. СПб. 1841.
10. Акты относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1 - 2. СПб., 1857 - 1864.
11. Акты относящиеся к истории Земских Соборов. М., 1909.
12. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. М., 1913. Т. 2. Вып. 1. М., 1917. Т. 2. Вып. 2. М., 1977.
13. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. М., 195 . Т. 2.
14. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506 - 1613 гг.). М., 1983.
15. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857 - 1864. Т. 1 - 2.
16. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб. 1836. Т. 2. № 62. № 63.

17. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1 - 4. СПб. 1836.
18. Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси. XV - XVI вв. М.-Л., 1966.
19. Алферова Г. В. Русский город XVI - XVII веков. М., 1989.
20. Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498-1576 гг. М., 1914.
21. АПОЗС. № 71.
22. Арциховский А. В. Новгородские ремесла. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. Новгород 1939.
23. Ашурков В. Н. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII - первой четверти XIX в. Тула, 1947.
24. Баландин Н. И., Червяков В. П. Переписная ландратская книга Устюжны Железопольской 1713 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
25. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952.
26. Бахрушин С. В. Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI в. // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 87;
27. Башенькин А. Н. Древности земли Устюженской. // Устюжна - I. С. 26, 27;
28. Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. С. 29. // Проблемы истории Северо-Западной Руси. СПб. 1995.
29. Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI - XVII вв. Киев, 1915.
30. Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М., 19 .
31. Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 277 - 285.
32. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1, Т. 2.
33. Богоявленский С. К. Вооружение российских войск в XVI - XVII вв. // Исторические записки. Т. 4.
34. Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачовым. Кн. III. СПб., 1861.
35. Бранденбург Н. Е. 500-летие русской артиллерии. 1389 - 1889 гг. СПб. 1889;
36. Бранденбург Н. Е. Артиллерийское искусство на Руси в период допетровский. // Военный сборник. 1874. № 7, 8;
37. Бранденбург Н. Е. Железные заводы в Тульском Каширском и Алексинском уезде в XVII в. // Оружейный сборник. 1875. № 1, 2, 4;
38. Бранденбург Н. Е. Материалы для истории тульского оружейного производства. // Оружейный сборник. 1881. № 1.
39. Булгаков М. Б. О некоторых сторонах хозяйственной деятельности посадских людей г. Путивля в первой половине XVII в. // Город и горожане в России в XVII - первой половине XIX в. М., 1991.
40. Булгаков М. Б. Промыслов-торговые связи Белозерского посада с округой в XVII в. // Русский город. Вып. 2. М., 1979.
41. Булгаков М. Б. Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город. Вып. 4. М., 1981.

42. Булгаков М. Б. Угличская таможенная уставная грамота. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991.
43. Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье. ;
44. Васильев Ю. С. Исторические реалии «Сказания о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую». // Устюжна. Вып.2.
45. Васильев Ю. С. Материалы писцового делопроизводства по Северу России XVI в. как исторический источник. // крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984;
46. Васильев Ю. С. Феодалное землевладение на Ваге. // Аграрная история Северо-Запада России (вторая половина XV - начало XVI вв. ;
47. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV - XVII вв. М., 1975;
48. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963..
49. Веселовский С. Б. Посадская соха в первой половине XVII в. // ЖМНП. Ч. XXVII. (май). СПб., 1910.
50. Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV - XVII вв. М., 1936;
51. Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909.
52. Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследования по истории кадастра и посощного обложения Московского государства. Т. 1 - 2. М., 1915 - 1916;
53. Взаимосвязь города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 11 - 14 октября 1989 г. М., 1989.
54. Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М., 1962;
55. Витов М. В. Приемы составления карт поселений XVI-XVII вв. по данным писцовых и переписных книг. // Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956;
56. Витов М. В. Приемы составления карт поселений XVI-XVII вв. по данным писцовых и переписных книг. // Проблемы источниковедения. Вып. V. М., 1956;
57. Витов М. В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII веках. М., 1974;
58. Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII - XVIII вв. М., 1984..
59. Водарский Я. Е. Карты первой половины XVIII века как источник для реконструкции уездных границ XVII века (на примере Чаронды). // Северный археографический сборник. Вып. VI. Вологда, 19
60. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века. М., 1977;
61. Водарский Я. Е. Опыт составления исторических карт землевладения Серпуховского и Оболенского уездов по переписи 1678 г. // Славяне и Русь. М., 1968;
62. Водарский Я. Е. Территория и население Севского разряда во второй половине XVII - начале XVIII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. М., 1974.
63. Волков М. Я. Города Европейской России во второй половине XVII - начале XVIII в. // Город и горожане в России в XVII - первой половине XIX в. М., 1991.
64. Вологодские губернские ведомости. 1851 г. № 28, 31.
65. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от "Смутного времени" до кануна петровских реформ. Л. 1986.

66. Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов Московских приказов. XVI - начало XVII в. М., 1994.
67. Вперед. 1939. № 45, 46, 51;
68. Вперед. 1960. № 67, 70, 73, 75, 79, 82, 83;
69. Вперед. 1976. № 151. 1977. № 2, 5, 14, 20, 27, 33, 40, 47, 55, 64, 77, 80.
70. Временник Демидовского юридического лицея. Вып. 41-46, 48-50. Ярославль, 1886-1890;
71. Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства. // Исторические записки. М. Т. 6.
72. Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода. М., 1826.
73. Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России XVII века. М., 1977.;
74. Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV - XV веков. М., 1960;
75. Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.
76. Градостроительство Московского государства XVI - XVII веков. М., 1994.
77. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М. - Л., 1946;
78. Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV - XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980;
79. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875;
80. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 186. Т. 9..
81. Дубровский А. М. П. П. Смирнов - историк городов феодальной России. // Русский город. Вып. 6. М., 1983. С. 91 - 101.
82. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М - Л., 1950.
83. Ефименко Т. П. Очерк организации городских ремесел в Московском государстве в XVI и XVII веков. // ЖМЮ. 1914. № 4. С. 114 - 162.
84. Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1891.
85. Заборский В. И. О железных и стальных орудиях на Руси. // Артиллерийский журнал. М., 1951. № 8;
86. Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI - XVII веков. М., 1970.
87. Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985.
88. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.
89. Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1986.
90. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964;
91. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
92. Зимин А. А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. Т. 52. М., 1953;
93. Зимин А. А. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962.

- 94.Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 163, 164. // История и генеалогия. М., 1977.
- 95.Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988.
- 96.Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985.
- 97.Ивина Л. И. Копийная книга актов Симонова монастыря XVII века. // Проблемы источниковедения. М., 1962.
- 98.Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV - первой половины XVI в. Л., 1979.
- 99.Истомина Е. Г. Границы, население городов Новгородской губернии. Л., 1972.
- 100.Исторические сведения о Синозерской пустыне, Устюженского уезда Новгородской губернии, и ее основателе преподобномученике Евфросине, Новгородском чудотворце. Новгород, 1912. С. 4;
- 101.История северного крестьянства: крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. Т. 1.
- 102.Источниковедение истории СССР. М., 1981.
- 103.Кабузан В. Н. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720-1770 гг. // Историческая география России XVIII в. Ч. II. Источники и их характеристика. М., 1981.
- 104.Камкин А. В. Петр Андреевич Колесников - историк Устюжны. // Устюжна - III. Вологда, 1995.
- 105.Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. Т. 9.
- 106.Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII - XIX вв.
- 107.Кашин В. Н. Тульская оружейная слобода в XVII в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1935. № 1-2.
- 108.Кашин В. Н. Крестьянская железодельная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500 - 1505 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. М - Л., 1934. № 4.
- 109.Каштанов С. М. Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- 110.Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI века. М., 1967.
- 111.Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- 112.Каштанов С. М. Формирование Ростовского уезда в XV - XVI вв. // История и культура Ростовской земли. 1995. Ярославль, 1996.
- 113.Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. VI.
- 114.Книга переписная города Устюжны Железопольской 1713 г. Публикация Баландина Н. И., Червякова В. П. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда 1970. С. 199 - 252.
- 115.Книги разрядные, по официальным оных спискам, издания с высочайшего соизволения II-м отделением Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853 г. Т. 1.
- 116.Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
- 117.Колесников П. А. Устюжна (очерки истории города и района). Архангельск, 1979.

118. Колесников П. А. Дворянство Устюженского уезда XVII - начала XX веков. // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. - II. Вологда, 1993. Далее: Устюжна - II;
119. Колесников П. А. Из истории металлургии Устюжно-Железопольского района в XVI - XVII вв. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
120. Колесников П. А. Пугач И. В. Город кузнецов и оружейников. // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. - III. Вологда, 1995.
121. Колесников П. А. Северная деревня в XV - первой половине XIX в. Вологда, 1976;
122. Колесников П. А. Слово об Устюжне и альманахе. // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. - I. Вологда, 1992. Далее Устюжна - I;
123. Колесников П. А. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // Города Феодальной России. М., 1966.
124. Колесников П. А. Устюжно-Железопольский уезд в XVII в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982.
125. Колесников П. А., И. В. Пугач. Город кузнецов и металлургов. // Устюжна III.
126. Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. М., 1949;
127. Колычева Е. И. Прикрепление посадских людей в 20-х годах XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI - XVIII вв.). М., 1996.
128. Копанев А. И. Крестьянство Русского севера в XVI в. Л., 1978;
129. Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. М.-Л., 1951;
130. Копанев А. И. Крестьянство Русского севера в XVI в. Л., 1984;
131. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970;
132. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. XIX. СПб., 1887;
133. Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII - начало XVI в. М. - Л., 1965;
134. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
135. Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984.
136. Кудрявцев М. П. Московские улицы в XVII веке. // Проблемы теории и истории архитектуры. М., 1973.
137. Кудрявцева Т. Н. Композиция улиц древнерусских городов. // Архитектурное наследство. М., 1985. № 33.
138. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984.
139. Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV - XV вв. М., 1985.
140. Лаппо-Данилевский А. С. . О величине дворовых и огородных мест древнерусского города по данным первой пол. XVII в.. // Записки русского археологического общества. СПб., 1888. Т. III., Вып. 3, 4.
141. Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения Московского государства со времени смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890;

- 142.Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб. 1858. Ч. 1.
- 143.Лебедянская А. П. Очерки по истории пушечного производства в Московской Руси. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Т. 1. М., 1940.
- 144.Летопись занятий Археографической Комиссии за 1895 -1899 гг. Вып. 12. СПб., 1901.
- 145.Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- 146.Любомиров П. Г.. Очерки по истории русской промышленности в XVII - XVIII и начала XIX века. М., 1947;
- 147.Максименков Г. А., Хлопин И. Н. Археологические разведки в Устюжне и прилегающих районах. // Советская археология. 1958. № 4.
- 148.Маньков А. Г. Уложение 1649 г. - кодекс феодального права России. М., 1980;
- 149.Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XX. М., 1948;
- 150.Материалах по истории крестьянской промышленности XVIII - первой половины XIX в.". М - Л., 1935. С. 311, 323 и др.
- 151.Материалы по статистике Новгородской губернии. Новгород, 1885. Т.6. Устюженский уезд.
- 152.Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XV - XVII вв. М., 1956;
- 153.Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М. 1960;
- 154.Миллер Г. История Сибири. Т. 1. М., 1937.
- 155.Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гараскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986; и др.
- 156.Милуков П. Н. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI - XVII вв. СПб., 1893;
- 157.Милуков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892.
- 158.Никитин А. В. Городище в г. Устюжне. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 110. М., 1967. С. 114-118.
- 159.Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло в XVI - XVII вв. М. 1971.
- 160.Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893;
- 161.Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М - Л., 1949.
- 162.Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6.
- 163.Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611-1613 гг. М., 1911.
- 164.Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М., 1957.
- 165.Носов Н. Е. Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991.
- 166.Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

- 167.Обозрение писцовых книг по Нову-городу и Пскову. М., 1841.
- 168.Павлов-Сильванский В. П. Писцовые книги России XVI в. М., 1991.
- 169.Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 - 1858). Вып. 1. М., 1972.
- 170.Петров П. Н. История родов русского дворянства. М., 1991. Кн.1.
- 171.Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI - XVII вв. СПб. , 1901.
- 172.Плошинский А. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб. 1852;
- 173.Покровский И. Русские епархии в XVI - XIX вв. Казань, 1897. Т.1.
- 174.Поливин А. Монастыри и церкви в Устюжне Железопольской. // Архив исторических и практических знаний, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 5;
- 175.Поливин А.Е. Устюжна. // Архив исторических и практических знаний, относящихся до России. СПб., 1861. Кн. 6;
- 176.Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. М., 182 . Т.2. № 1150.
- 177.Пригара А. П. Опыт состояния городских городских обывателей в Восточной России. СПб., 1868;
- 178.Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С.169-189.;
- 179.Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992.
- 180.Пронштейн А. П. Ремесло Новгорода Великого в XVI в. Харьков, 1957;
- 181.Пугач И. В. Писцовые книги Устюжно-Железопольского уезда XVII в. // Тезисы докладов и сообщений III Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Вологда, 1990;
- 182.Пугач И. В. Поместное землевладение в Устюженском крае в первой трети XVII в. // М., 1998.
- 183.Пугач И. В. Структура феодального землевладения Устюжно-Железопольского уезда в XVII в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992;
- 184.Развитие русского права в XV - первой половине XVII в. М.,1986.
- 185.Разрядная книга 1475 - 1598 гг. М., 1966.
- 186.Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. М-Л.,1961.
- 187.Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. М., 1902;
- 188.Рожков Н. А. К вопросу о достоверности писцовых книг. // Древности. Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. Т. 1. Вып. 2. М., 1899;
- 189.Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899;
- 190.Российское законодательство X - XX веков. М., 1985. Т. 2 - 3..Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 3. Акты Земских Соборов.

191. Российское законодательство X - XX веков. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 3. Акты Земских Соборов.
192. Российское законодательство X - XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985; Т. 3. Акты Земских Соборов. М., 1985.
193. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XVI. Русские акты Копенгагского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. СПб., 1897. Т. XXXV.
194. Рыбаков А. А. Устюжна, Череповец, Вытегра. М., 1982.
195. Рыбаков А. А. Художественный ансамбль интерьера Богородицерождественского собора. // Устюжна - I. Вологда, 1992.
196. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М. - Л., 1948;
197. Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М-Л., 1950.
198. Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV - XV веков. М., 1959.
199. Сахаров А. М. О термине город в источниках XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975;
200. Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV - XVII вв. М., 1969;
201. Сахаров А. Н. Русская деревня в XVII в. М., 1966;
202. Седашев В. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912;
203. Сельское расселение на Европейском Севере. Вологда, 1993.
204. Семенченко Г. В. Посад и волость в правительственной политике в середине XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России. М., 1988. С. 176 - 187.
205. Сенигов Г. П. Памятники земской старины. Петроград, 1918.
206. Сербина К. Н. Из истории возникновения городов в России в XVI в. // Города феодальной России. М., 1966;
207. Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI - первой половины XIX в. М., 1971;
208. Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI - первой половины XIX в. М., 1978;
209. Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI - XVIII вв. М - Л., 1951.
210. Симсон П. Ф. История Серпухова. М., 1880;
211. Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую. // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда, 1993.
212. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983.
213. Скрынников Р. Г. Начало Опричнины. Л., 1966.
214. Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969;
215. Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.
216. Скрынников Р. Г. Россия накануне "смутного времени". М., 1985.
217. Словарь географический Российского государства. Собранный Афанасием Щекатовым. М., 1808. Ч. 6.
218. Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30 - 50-х годов XVI в. М. - Л., 1958;

- 219.Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. Формы землевладения. Киев, 1917; Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919.
- 220.Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1 - 2. М., 1947 - 1949.
- 221.Смутное время Московского государства. 1604-1613 гг. Вып. 8. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610 - 1611 гг. М., 1911.
- 222.Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 18. Ч. 2.
- 223.Советская историческая энциклопедия. М., 19 Т. 14.
- 224.Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. Т. 4. Кн. V. Т. IX. Кн. VI. Т.9.
- 225.Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981.
- 226.Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981
- 227.Сперанский А. Н. Торговля Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961.
- 228.Сташевский Е. Д., Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911
- 229.Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1916.
- 230.Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919,
- 231.Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI - XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3 - 5 декабря 1996 г.). М., 1996.
- 232.Струков Д. П. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. // Столетие военного министерства. Т. VI. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1902.
- 233.Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954;
- 234.Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960;
- 235.Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов. М-Л., 1953.
- 236.Тимошина Л. А. Социальная топография Костромы XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI - XVIII вв.). М., 1996.
- 237.Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956;
- 238.Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 210 - 213.
- 239.Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне России. Феодальная рента в XVII - начале XVIII вв. М., 1974.
- 240.Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII века. // Исторические записки. Кн. 53.
- 241.Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии. М., 1897.;

242. Торгов А. Я. Деловой спутник по Северному краю и Верхнему Поволжью. Ярославль, 1913.
243. Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890 - 1892. Вып. I - II.
244. Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1899 - 1913. Кн. 3. Вып. 1 - 2. Кн. 4. Вып. 1 - 2.
245. Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887.
246. Угличский летописец. Углич, 1911.
247. Устюгов Н. В. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. // Вопросы истории. 1946. № 2 - 3;
248. Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. Т. 34;
249. Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949;
250. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.
251. Харлашов Б. Н. Формирование посадов Пскова в XVI в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI - XVIII вв.). М., 1996.
252. Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси. // Артиллерийский журнал. 1865. № 9;
253. Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI - первой половины XVII вв. // Города феодальной России. М., 1966. С. 36.
254. Хрестоматия по истории СССР. XVI - XVII вв. под ред. А. А. Зимина. М., 1962.
255. Хрусталева М. Ю. Храмы Устюжны Железопольской. // Устюжна - II. Вологда, 1993.
256. Хрусталева М. Ю. Николо-Модинский монастырь: страницы истории. // Устюжна - III. Вологда, 1995.
257. Хрусталева М. Ю. Преподобный Ефросин Синозерский и основанная им Благовещенская Синозерская пустынь. // Устюжна - I. Вологда, 1992.
258. Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб. 1886.
259. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV - XV вв. М., 1960;
260. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV - XV вв. Ч. I - II. М., 1948 - 1951;
261. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.
262. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975.
263. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.
264. Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV - XVI вв. Л., 1977.
265. Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением. (XIV - XVI вв.). Л. 1987.
266. Шумаков С. А. Обзор "Грамот коллегии экономии". Вып. I Обзор бежецких (1300 - 1767 гг.) и алатырских (1607 - 1761 гг.) актов. М., 1899.
267. Шумаков С. А. Угличские акты (1400-1749 гг.) // ЧОИДР. 1899 г. Кн.1. М., 1899.

- 268.Щенков А. С. Структура русских городов XVI - XVII вв. в их эстетическом восприятии. // Архитектурное наследие. Вып. 32. М., 1984. С. 1 - 12.
- 269.Яковцевский Б. М. Пищали и самопалы Устюжны Железопольской. Приложение 3. С. 145-146. // Устюжна - III. .
- 270.Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915.